

ПСИХОДИНАМИКА

Д.В.Сочивко

Москва

2007

Издание второе существенно исправленное и дополненное

Аннотация:

В книге представлены теоретические основания современной психодинамики как области психологического знания, а также материалы экспериментальных исследований циклических психических процессов и явлений. Предложенный автором психодинамический подход позволяет по-новому взглянуть на уже известные психологические феномены, а также прогнозировать и экспериментально подтвердить ряд явлений не исследованных ранее. Теоретические и экспериментальные изыскания завершаются описанием прикладных психодинамических исследований и возможностей приложения полученных результатов в ряде областей практической деятельности психолога. Книга интересна широкому кругу специалистов в области философии, общей, социальной и юридической психологии и психотерапии, сравнительных и междисциплинарных исследований. Может использоваться студентами и аспирантами при изучении психологии.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Часть 1. Теоретическая психодинамика

1. Психодинамическая идея в XX веке: от гештальта к мотивации

1.1. поиск субстратного элемента

1.2. Время психоида

2. Психологическая триада: эмоции, воля, познание

2.1. Познание.

2.1.1. Перцептивный образ: первый уровень организации психоида

2.1.2. Познание. Мысль: второй уровень организации психоида

2.2. Эмоции и страсти

2.3. Волевой двигатель

3. Современная психодинамика

3.1. Психическая энергия

3.2. Равновесие

3.3. Начала психодинамики

3.4. ДРУГОЕ: или где живет Снежная королева?

3.5. Понятие душевной теплоты

3.6. Подходы к измерению температуры психоида

3.7. Гештальт-психология и гештальт-терапия.

3.8. Психодинамика сновидений: суточный цикл волевого двигателя

4. Личность – субстанциональный деятель.

4.1. Психодинамика отношений и способностей личности

4.2. Когнитивные границы внешнего и внутреннего плана психоида

4.3. Экстремальность

5. Математические описания в теоретической психодинамике

5.1. Множества и отношения

5.2. Отображения и функции

5.3. Операции и алгебры

5.4. Топологические пространства и метрические пространства

5.5. Психодинамическая и традиционная (психо)диагностика личности

5.6. О психодинамическом экспериментировании

Часть 2. Экспериментальная психодинамика

1.Общая психодинамика познания

1.1. Субъективное пространство отражения

2. Основы перцептодинамики

2.1. Перцептивные обобщения

2.2. Индивидуальная психодинамика перцептивного обобщения

3. Пространство познавательных способностей

3.4. Структура когнитивно-волевого двигателя

4.Когнитивно-волевой двигатель познания

4.1. Компонентный состав познавательной деятельности

4.2. Познавательный интерес – душевное тепло

4.3. Индивидуальная психодинамика познания

4.4. О соотношении физиологической энергии и душевного тепла

4.5. Некоторые итоговые особенности работы когнитивно-волевого двигателя субстанционального деятеля - личности

4.6. Ориентация когнитивно-волевого двигателя относительно внешнего и внутреннего плана субстанционального деятеля

4.7. INTER-ESSE

Часть 3 Прикладная психодинамика

1. Опросные методы психодинамической диагностики отдельного субстанционального деятеля (психоида)

1.1. Психологическая триада

1.2. Опросные методы психодинамической диагностики для исследования некоторых специально определенных субстанциональных деятелей – психоидов

1.3. Методы группового методического тренинга

2.Цветопсиходинамика

2.1.Количественный метод системной обработки ряда цветовых предпочтении в восьмицветном тесте Люшера

2.2.Прикладные исследования цветопсиходинамики осужденных в карантине и содержащихся в больнице с диагнозом психического заболевания

2.3. Цветопсиходинамика терроризма.

2.3.1.Личность осужденного за террористическую деятельность

2.3.2. Анализ личности осужденного за ТД по спектру психодинамических коэффициентов

2.4. Анализ спектра психодинамических коэффициентов по различным группам испытуемых, связанных одинаковыми по экстремальности условиями жизнедеятельности

3. Психодинамика волевых, эмоциональных и когнитивных состояний личности в различных по экстремальности условиях жизнедеятельности

3.1. Психодинамика волевых состояний в экстремальных условиях жизнедеятельности

3.2. Психодинамика эмоциональных состояний личности в экстремальных условиях жизнедеятельности

3.3. Психодинамика когнитивных состояний личности в экстремальных условиях жизнедеятельности

4. Психологическая триада в психодинамике

4.1. Совместные экспериментальные наблюдения психодинамики эмоциональных, волевых и когнитивных процессов

4.2. Психоидный уровень понимания – психодинамика чтения

4.4. Общая психодинамическая оценка поведения по спектру психодинамических коэффициентов

4.5. Психодинамика переживания ответственности за преступления в местах лишения свободы

Часть 1. Теоретическая Психодинамика

Психодинамика это наука о движении душевного тепла

1. Психодинамическая идея в XX веке: от гештальта к мотивации

В этой главе мы намерены проследить, как формировалась область психодинамических представлений в XX веке, которая теперь, на наш взгляд, может с успехом претендовать на звание новой области психологической науки – психодинамики. По аналогии с тем как на век раньше внутри физики сформировалась современная термодинамика, наука о «тепле», т.е. по представлениям древних (и не очень древних) философов о «душе» вещества.

1.1. Поиск субстратного элемента

Важнейшим в становлении любой экспериментальной науки является структурирование знания об элементарных, далее неделимых на определенном уровне познания частицах исследуемой материи, множества которых и составляют субстрат движения. В физике таковыми стали атомно-молекулярные представления о веществе.

Термин психодинамика в настоящее время в отечественной психологии можно рассматривать как в достаточной степени устоявшийся. Трудно себе представить, чтобы на старших курсах психологических факультетов кто-то из студентов не сказал бы: «Психодинамика – это же всем известно». В ответ на более настойчивые расспросы о том, что же это все-таки такое, могут вспомнить теорию З.Фрейда. В общей массе психологов знания психодинамики этим и ограничивается. Типичный случай того, что всем известно, но мало кто может вразумительно разъяснить, что же это такое. Подтверждением вышесказанному могут являться, например, психологические словари. В

словарях отечественных авторов мы вообще не найдем термина Психодинамика: сразу за «психодиагностикой» обычно следуют «психоделики» (очевидно, гораздо более важное для психологов понятие), или же «психодинамические свойства личности», на которые указана ссылка отсылающая к нейродинамическим свойствам. Может также встретиться статья «психодинамические теории личности», в которой уделено внимание проблемам бессознательного, глубинной психологии, таким авторам, как З.Фрейд, К.Юнг, А.Адлер., из более поздних К.Хорни...., упоминается диспозициональная психология (Олпорт, Раймонд Кеттел.), а также Эго-психология Эрика Эриксона.

В переводных словарях термин «психодинамика» встречается чаще, в основном в тесной связи с психоанализом. Так, например, у Б. Мура и Б. Фаина (87) читаем:

«ПСИХОДИНАМИКА (PSYCHODYNAMICS) – один из важнейших аспектов психоаналитической теории, объясняющий феномены мышления, чувств и поведения как психические проявления, возникающие в результате взаимодействия противоположно направленных мотивационных сил. Основное внимание *психодинамики* нацелено на изучение взаимных влияний различных побуждений, выяснение сущности психических процессов, развития, прогресса, регресса и фиксации психической деятельности. ...»

Из этого определения следует, что Психодинамика по существу является универсальной теорией психического, т.к. объясняет практически все феномены психического, а именно познание (мышление), чувства (эмоции) и волю как основной компонент регуляции поведения. Однако, дальше происходит существенное сужение понятия, т.к. сами эти феномены возникают в результате действия «противоположно направленных *мотивационных (курсив – наш)* сил». Психодинамика, таким образом, сводится к специфической концепции мотивации, т.е.

направлена только на изучение регулятивного (волевого) компонента поведения. При этом остается непонятным, почему следует рассматривать исключительно мотивационные противоположно направленные силы в мышлении, а не собственно мыслительные – такие, например, как анализ и синтез. Точно также, почему не рассмотреть собственные противоположности чувств, такие как печаль и радость. Такое расширение психодинамики нам представляется весьма обоснованным и позволяет вырваться из тесных рамок классического психоанализа, который в настоящее время становится уже фактором, тормозящим развитие психодинамического направления в психологии, что можно видеть и в предлагаемой словарной статье. Читаем дальше:

«Постулаты психодинамики тесно связаны с концепцией трехкомпонентной структуры психического аппарата: Оно — сфера инстинктивных влечений, Я — сфера «сдерживающего» органа и Сверх-Я — сфера влияний совести и мышления. При этом каждый психический феномен несет в себе представительство всех трех сфер психического аппарата. Напряжение в структуре Оно понуждает к поискам удовлетворения желаний, то есть к разрядке. Я оценивает степень безопасности или угрозы, возникающей при вознаграждении желаний, ограничивает фрустрацию, препятствия и искажения на путях разрядки и в конечном итоге приводит разрядку в соответствие с требованиями реальности и Сверх-Я. Противостояние этих двух сфер приводит к возникновению внутреннего конфликта, попытки его бессознательного разрешения могут проявляться в сознании в виде осознаваемого невротического симптома....»

Исходя из этого текста, уже может сложиться впечатление, что Психодинамика это некий специфический механизм, начинающий свое функционирование со вступления во взаимодействие противоположных мотивационных сил и заканчивающийся невротическим симптомом. С

точки зрения классического психоанализа это, возможно, так и есть. З.Фрейд неоднократно подчеркивал, что внутренний конфликт личности как интериоризация неизбежного конфликта между личностью и обществом лежит в основе практически любого психического проявления. Так, например, творческая (познавательная) деятельность ученого или художника есть все лишь сублимация глубоко скрытых в подсознании сексуально-агрессивных побуждений. Однако, именно в этой своей части психоанализ всегда подвергался справедливой критике. С современной же научно-психологической точки зрения такое расширение психодинамики вряд ли можно воспринимать всерьез. Однако, возможно и иное расширение понятия психодинамики, о чем мы уже говорили выше. А именно, рассматривать психодинамику невроза как психодинамику невроза (в том числе и с психоаналитических позиций), а психодинамику познавательной (творческой) деятельности как психодинамику познания – со своим составом внутренних диалектически противоположных побудителей (анализ-синтез, вопрос-ответ, субъект-предикат, общее-частное....), также и психодинамику эмоций и воли рассматривать в опоре на противоположные чувства и волевые состояния, такие как радость-горе, активность-пассивность, открытость-закрытость, и многие другие. Если на некоторое время отвлечься от акцента на противоположности исходных движущих сил развития внутренней динамики психических явлений (позже мы вернемся к этому аспекту как наиболее существенному в психодинамической теории), то можно сказать, что подобные расширения психодинамической концепции уже делались неоднократно, что и отражено в так называемых психодинамических теориях личности. Уже К.Юнг, зафиксировав противоположность интроверсии-экстраверсии, стал развивать глубинную психологию не в сторону изучения собственно внутренней психодинамики личности, а в сторону статических психологических типов. Теоретической вершиной его теории стало понятие архетипа как неизменной (статической) детерминанты поведения.

С нашей точки зрения, концепция Юнга исторически была огромным завоеванием статической психологии, серьезной победой против зарождающейся психодинамики как теории внутреннего самодвижения психических элементов, подобного движению материальных микрочастиц вещества, лежащего в основе свойства теплоты. Этому теоретическому достижению психоанализа (в настоящее время подобные идеи психодинамики переживаний развиваются в микропсихоанализе С.Фаньти) не было уделено достаточно ученого внимания, может быть в силу того, что определенная скандальность психоанализа служила существенным отвлекающим фактором.

Дальнейшее развитие психодинамики идет уже в направлении исследования внешней (физической) динамики психических процессов. Так, например, Олпорт предлагает рассматривать личность как динамическую организацию психофизических систем в индивиде, определяющих ее поведение и мышление, приспособление к среде в целом. Психодинамика здесь по существу сводится к последовательности включений и выключений тех или иных психофизических систем в определенные моменты физического времени. Р.Кеттел еще более закрепляет позиции статической психологии, выделяя динамические черты в отдельную подсистему, которая именно и определяет мотивацию поведения личности. Динамические черты, согласно автору, можно разделить на три группы аттитюдные, эргические и чувственные. С историко-научной точки зрения можно говорить о завершении круга теоретического поиска – от революционного положения Фрейда, что всякое психическое явление внутренне не статично, а динамично (т.е. напряжено), через концепции понимания психодинамики как последовательность элементарных психических состояний во времени к теориям статических черт личности. В академической психологии с середины 20 века, в том числе и в России, психодинамике отводится скромное место в области исследования мотивации. Психодинамические

концепции переносятся в область практической психологии и психотерапии, неопсихоанализе, микропсихоанализе...Эго-психологии, гештальт-терапии, нейролингвистически-ориентированных методах, др. Однако в академической психологии XX века появился и до сих пор активно развивается еще один источник психодинамических исследований. Это гештальт-психология (Коффка, Вертгаймер, К.Левин), которую Ж.Пиаже назвал коперниканским переворотом в психологии. Классическая гештальт-психология – это, прежде всего, психология познания, а уже затем личности, и через личностную целостность всех других психических процессов и явлений эмоционально-волевого спектра. Когнитивная структура (образ или мысль) рассматривается не как пассивное отражение действительности, а как собственный психический феномен, некое энергетическое поле, в котором действуют самостоятельные психические силы, обеспечивающие динамику и равновесие результативной конфигурации. Сами эти силы лишены какой бы то ни было идеологической окрашенности, как это было в психоанализе (ср. сексуальность и агрессивность либидо) и могут быть легко экспериментально исследованы и проиллюстрированы. Так, например, следующие четыре точки всегда воспринимаются как квадрат:

• •
• • , а такая последовательность точек , как три их группы. Очевидно, что силы, которые объединяют точки в конфигурации, имеют исключительно интрапсихическое происхождение. Изучение более сложных конфигураций приводит к обобщению – закону целостности (прегнантности, хорошей формы, поля...), другим законам гештальт-психологии, знание которых позволяет, например, анализировать произведения живописи и наслаждаться их духовно-эстетическим содержанием безо всякого воспоминания о либидо художника и своего собственного (см. например, Арнхейм «Искусство и визуальное восприятие» - 12). Появление гештальт-психологии с этой точки зрения

аналогично появлению психоанализа. Также как нейрофизиолог и врач Фрейд обнаружил внутриспсихические силы, направляющие поведение, которые необъяснимы никакими внешними физическими и социальными воздействиями на организм, так и физики Коффка и Вертгеймер обнаружили организующие человеческое познание внутриспсихические силы и энергии, несводимые к физическим энергиям, воздействующими на органы восприятия. Идея о том, что это единое целостное поле психических сил, управляющее всем поведением, начиная от элементарного ощущения до сложно организованного духовно-ориентированного поведения личности, просто напрашивается само собой. По этому пути пошел Курт Левин с его динамической теорией личности. Жан Пиаже создал на этой основе динамическую теорию интеллекта, и далее обобщенную, междисциплинарную теорию знания – генетическую эпистемологию.

Казалось бы, все необходимое для того, чтобы признать психодинамику внутриспсихических сил – эти внутренние движения состояний организма основой любого психического явления имеются. Однако не хватает ответа еще на один существенный вопрос – ЧТО именно постоянно движется внутри нас. Если вновь использовать аналогию с термодинамикой, то можно сказать, что к моменту появления этой области знания атомарная и молекулярная структура вещества была уже в достаточной степени исследована. После чего уже появилась возможность объяснить свойство теплоты как количество движения этих самых молекул. Что же является атомом (молекулой) психики? Ответ на этот вопрос в современной психологии сложен, неоднозначен и является до сих пор предметом научных дискуссий. Тем не менее, на наш взгляд, некая общность представлений имеется. По нашему мнению, именно этот вопрос является принципиальным барьером к оформлению психодинамики как новой области психологического знания, а также критерием научности нового направления. Вспомним, что появлению термодинамики предшествовала

теория теплоты как вещества – теплорода. Смысл этого термина в том, что свойство – теплота – необоснованно превращается в субстрат – теплород. Нечто подобное происходит и в современных гуманитарных науках. Примером тому может являться «Холодинамика» Вернона Вульфа, где аналогичной подменой субстратного элемента выступает его свойство – целостность («холо»). Аналогия с физической теорией теплоты здесь полная. Ведь задача заключается именно в том, чтобы объяснить свойство целостности в психических явлениях, а не подменить ею сами явления. Исключительно с целью историко-научной аналогии приведем несколько основных идей холодинамики. «Из квантовой физики я узнал, – пишет Вернон Вульф, – что существует лежащий в основе порядок, пронизывающий вселенную, и некоторая всепроникающая сила, которая проявила себя в двойственной природе реальности: как «частица» и как «волна».

Из голографии я узнал, как мозг хранит воспоминания; от эволюционистов - как разум развивался в соответствии с определенными стадиями; от неврологов - как разум имеет причинную (казуальную) потенцию.

Из динамики жидких тел я узнал, как «форма» внутри «потока» влияет на весь поток; из топологии - как форма может быть изменена, не меняя функции; из теории хаоса - что любая хаотичная система является составной частью порядка более высокого уровня и имеет внутри него свой собственный скрытый порядок.» (25) Прекрасный научно-методологический базис для дальнейших исследований. Однако слишком рано, на наш взгляд, наступило «затем», читаем дальше:

«Затем все стало на свои места.

Я посмотрел на разум с точки зрения квантовой теории и начал понимать, как он оказывает прямое воздействие на реальность.

Я искал «формы» внутри «течения» мысли и так обнаружил «холодаины», а затем «Полное Потенциальное Я» - «Я».

Мне понадобилась карта разума и способ применения ее к динамике человеческого опыта, и так возникли «Модель Разума» и «фазирование пространства».

Мне нужен был процесс, который помог бы примитивным холодаймам созреть внутри разума, и еще один, чтобы помочь человеку достичь его или ее полного потенциала во внешнем мире, и так возникли «отслеживание» и «потенциализация».

Мне было также необходимо излагать в понятной форме, как все работает внутри порядка вещей, и так появились «принципы холодинамики» (там же). Нам трудно представить, как подвергнуть научному исследованию «полное потенциальное Я», так быстро обнаруженное автором, поэтому мы предлагаем продолжить научные изыскания по поиску субстратного элемента психического, в том числе и на тех основаниях современной науки, которые предложил Вернон Вульф. Здесь же лишь заметим (опять же по аналогии), что выделение такого вещества как теплород приравнивалось ранее к искусственному получению золота или «обнаружению» философского камня.

В истории науки поиск ответа на вопрос, что лежит в основе нашей души (психики), что есть ее первокирпичик, велся в двух основных, направлениях. Первое из них связано с поиском материальных основ идеального психического, заложенных в сложных телесных организациях человека, прежде всего его головного мозга. Второе исходит из изначальной данности психики, креационного одушевления материи, и направлено на поиск элементарной душевной силы, некой энтелехии или психоида. При этом противопоставление этих подходов как материалистического и идеалистического, например, а тем более широко распространенное в так называемой «советской» науке политизирование и идеологизирование этого противопоставления является, на наш взгляд, некорректным с научной точки зрения. И тот и другой подходы ведут к одному и тому же целостному знанию разными путями. Достаточно напомнить, что яростный материалист

В.Ульянов-Ленин даже материю называл «объективной реальностью, **данной** (выделено нами – Д.С.) нам в ощущениях», не заостряя внимания на том, кем, собственно, данной. Впоследствии один из основателей современной отечественной психологии С.Л.Рубинштейн, возможно имея в виду эту брешь в идеологическом материализме, подчеркивал именно *непосредственную данность* ощущения, а, следовательно, и психического в целом.

Детальное исследование материального субстратного элемента психического в недавнем прошлом было осуществлено Л.М.Веккером в рамках системных экспериментальных исследований человека как субъекта деятельности организованных и проводимых на факультете психологии Ленинградского университета в 60-х, 70-х годах Б.Г.Ананьевым (2). Согласно Л.М.Веккеру, определение первичного (далее неделимого) элемента психики лежит в основе построения общей теории психических процессов, основанной на рефлекторной теории Сеченова – Павлова (24).

Предваряя свои теоретико-экспериментальные исследования Л.М.Веккер обращает внимание на специфику психической реальности, ее принципиальную несводимость к другим формам. «Содержащийся в феноменологической картине любого психического акта психофизиологический парадокс заключается в том, что хотя итоговые эмпирические характеристики психического процесса могут быть сформулированы только в терминах свойств своего объекта и не поддаются формулированию в терминах внутренних изменений своего субстрата, этот процесс является все же именно состоянием субстрата». И далее: «Физико-химические механизмы нервного возбуждения не заключают в себе возможности непосредственно вывести из них качественные и пространственно-структурные особенности психического акта. Как писал один из крупных нейрофизиологов XIX в. К.Функе: "Нельзя показать, как нервная клетка из электрических токов и химических превращений делает цвета и звуки" (см. Ярошевский, 1961)». Это противопоставление внешнего и

внутреннего в психическом отражении носит принципиальный философско-методологический характер и составляет основное содержание психофизической проблемы, в более специальном варианте – психофизиологической проблемы. Для наших целей поиска элемента уже не только психического, но и психодинамического особенно важным является принципиальное положение об обязательной представленности и внешнего и внутреннего в любом психическом акте. В этом, собственно, и проявляется отражательная природа психики как один из основных методологических принципов психологии (20).

Далее Л.М.Веккер на основе анализа рефлекторного учения И.М.Сеченова и И.П.Павлова уточняет понятие внешнего и внутреннего и способ их соединения в психическом акте, делая два принципиальных обобщения истоков рефлекторной теории:

1. «Спинной мозг является органом не только соматических, но и психических функций.
2. Головной мозг является субстратом не только психических, но и соматических актов.

Факты участия центров головного мозга в гомеостатических реакциях и наличия психических компонентов в целесообразных реакциях организма с одним спинным мозгом подорвали основу традиционного противопоставления механизмов психических и соматических функций, принципиальный (хотя и несколько огрубленный) смысл которого сводился к тому, что механизм соматических актов является периферическим, а механизм психических процессов – чисто центральным». (там же) И далее: «Именно такие двусторонние ходы мысли, идущие навстречу друг другу со стороны физиологии и психологии, привели российского естествоиспытателя И. М. Сеченова к радикальному заключению – **нельзя обособлять центральное, мозговое звено психического акта от его естественного начала и конца** (выд. нами – Д.С.). Это принципиальное положение служит

логическим центром соотношения основных категорий концептуального аппарата сеченовской рефлекторной теории психических процессов. **"Мысль о психическом акте как процессе, движении, имеющем определенное начало, течение и конец, должна быть удержана как основная** (выд. нами – Д.С.), ... [Эта мысль]... должна быть принята за исходную аксиому, подобно тому, как в современной химии исходной истиной считается мысль о неразрушаемости материи" (Сеченов, 1952)». Проведенный анализ позволяет Л.М.Веккеру сформулировать понятие субстратного психического элемента на основе рефлекторной теории: «Такой целостный акт с его средним внутримозговым звеном и внемозговой соматической периферией, смыкающей организм с объектом, и есть **рефлекс** (выд. нами – Д.С.) в полном соответствии с общим, принципиальным смыслом этого понятия. И если центральное звено нельзя обособлять от соматической периферии, то это означает, что **субстратом психического акта является не только мозговое звено, но вся эта трехчленная структура, в которой исходный и конечный периферические компоненты играют не менее существенную роль, чем компонент центральный** (выд. нами – Д.С.)» (там же). Подведем теперь некоторые итоги изучения рефлекторной концепции субстратного элемента психического, важные для построения психодинамической теории. Итак,

1. в структуру психического акта нераздельно входят как минимум три состояния, являющиеся одновременно и телесным и душевным состоянием организма: аффекторное (направленное внутрь), центральное и эффлекторное (направленное вовне), причем психическое отражение возникает лишь тогда, когда происходит **замыкание цикла** включения всех звеньев цепи

2. Психический акт состоит из последовательной смены этих **трех** состояний, из которых **два** являются «внешними» (контактом с внешним миром) и **одно** сугубо внутренним. Таким образом,

психический акт представляет собой непрерывную циклическую смену внешнего и внутреннего

Из вышесказанного следует, что психический акт как молекула психического может быть рассмотрен под несколько разными углами зрения и как состоящий из трех последовательных состояний (извне внутрь, центр (внутреннее), изнутри вовне) и как состоящий из двух (внешнее – входное, выходное – и внутреннее). Здесь, наверное, уместно было бы привести некоторые аналогии с психодинамическими ориентациями личности в целом – экстраверсией-интроверсией, бессознательным – сознательным, предположив неслучайность таких совпадений. Характерно, что, анализируя соотношения сознания и бессознательного, З.Фрейд указывает на точно такую же двух и трехкомпонентную структуру психической динамики. «Наше знакомство с **психической динамикой** (выд. нами – Д.С.) не может не оказать влияния на номенклатуру и описание. Скрытое бессознательное, являющееся таковым только в описательном, но не в динамическом смысле, называется нами предсознательным; термин "бессознательное" мы применяем только к вытесненному динамическому бессознательному; таким образом, мы имеем теперь три термина: "сознательное", "предсознательное" и "бессознательное", смысл которых уже не только чисто описательный. Предсознательное предполагается нами стоящим гораздо ближе к сознательному, чем бессознательное, а так как бессознательное мы назвали психическим, мы тем более назовем так и скрытое предсознательное. Почему бы нам, однако, оставаясь в полном согласии с философами и сохраняя последовательность, не отделить от сознательно-психического как предсознательное, так и бессознательное? Философы предложили бы нам тогда рассматривать и предсознательное и бессознательное как два рода или две ступени **психоидного** (выд. нами – Д.С.), и единение было бы достигнуто. Однако результатом этого были бы бесконечные трудности для изложения, а единственно значительный факт, что **психоиды эти почти во**

всем остальном совпадают с признанно психическим (выд. нами – Д.С.), был бы оттеснен на задний план из-за предубеждения, возникшего еще в то время, когда не знали этих психоидов или самого существенного в них. Таким образом, мы с большим удобством можем обходиться нашими тремя терминами; сознательное, предсознательное и бессознательное, если только не станем упускать из виду, что **в описательном смысле существует двойное бессознательное, в динамическом же только одно** (выд. нами – Д.С.). (Сравн.: "Замечания о понятии бессознательного" (Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre", 4 Folge). Если продолжить аналогию приведенного описания со схемой рефлекса, то предсознательное можно сопоставить с аффекторной частью и тогда становится понятно, почему оно «гораздо ближе к сознанию» (центру). Оно ближе не по пространству а по времени движения, т.к. направлено к нему. Эффекторное же направлено от центра и поэтому дальше от сознания и ближе к бессознательному. В этом же русле может быть проинтерпретирован известный экспериментальный факт, впервые описанный К.Левиним, о забывании (перемещении в бессознательное) выполненных действий: «официант помнит клиента до тех пор, пока с ним не рассчитался». В этом же смысле Л.М.Веккер подчеркивает связи психического образа в целом с эффекторной частью рефлекса: «Исследования И. П. Павлова и его последователей в области измерения чувствительности анализатора в связи с обратной по отношению к ней величиной порога также указывают на связь психического процесса с различными звеньями рефлекторного механизма. Если чувственные образы ведут себя, как и другие эффекторные звенья рефлексов, т.е. подчиняются законам динамики последних, то есть основания сделать вывод, что образ, с точки зрения соотношения его механизма с разными звеньями рефлекса, непосредственно связан с динамикой эффекторного звена акта.» Характерно, что в процессе психоанализа, других психотерапевтических воздействий из подсознания извлекаются именно готовые образы эмоционально заряженного прошлого.

Можно также сделать еще одно интересное сопоставление трехкомпонентной структуры рефлекса с трехкомпонентной структурой времени: прошлого, настоящего и будущего. Аффекторный контакт представляет прошлое, центр – настоящее, а эффлекторный – будущее, связанное уже и с изменением воздействовавшего на нас мира. Уже здесь становится совершенно очевидной нераздельность прошлого настоящего и будущего в психологическом времени в отличие от физического с его исчезающее малым настоящим и отсутствием будущего. Однако, можно сделать и еще одно интересное наблюдение. В структуре элементарного психически-телесного акта прошлое и будущее является «внешним» состоянием, в то время как настоящее внутренним. Все это наталкивает на мысль о принципиальном различии психологического настоящего от психологического прошлого и будущего. Однако, структурой психологического времени мы займемся позже в соответствующем разделе. Здесь же пора обратиться ко второму подходу к определению психического первоэлемента, релевантного для внутренней (психо)динамики личности и поведения. На это направление указал выше Э.Фрейд, почему-то испугавшись его философичности. Речь идет о понятии психоида.

Считается, что впервые в естественнонаучной терминологии предложил использовать понятие психоида Э.Блейлер. По определению психологического толкового словаря «Психоид» (psychoid) – теоретическое понятие, обозначающее психообразную инстанцию, за счет которой достигается целостность индивида, автор Э.Блейлер (1925г.). Если психические процессы объяснялись Блейлером при помощи обращения к понятию душа (psyche), которое ставилось в соответствии с головным мозгом, то в основу вегетативных процессов клалось понятие психоида. Эта функция им рассматривалась как универсальная, свойственная и растениям, и одноклеточным, и животным, и запечатленная в мнеме каждой клетки. В аналитической психологии К.Г.Юнга это понятие рассматривалось как

граничащее с химическими телесными процессами, с одной стороны, и с архетипическими образами, с другой, и наделялось побудительными признаками, выступая фактически аналогом организмической нужды. Родственное понятие энтелехия Г.Дриша».

Немецкий биолог и естествоиспытатель Г.Дриш (37), предложил понятие «энтелехия», анализируя экспериментальные данные, в частности в области зародышевого развития организмов и явлений регенерации. Энтелехия представляет собой непознаваемый, сугубо мыслимый, нематериальный и непротяженный фактор, обуславливающий целостность живого организма, его строения и функций, целесообразность его развития. Г.Дриш, таким образом, апеллировал к внешней, надприродной (по отношению к внутриорганизменным) витальной силе. В начале XX века многих ученых объединяет стремление найти некоторое объединяющее начало для понятий живого и психического, что приводит к попыткам с одной стороны биологизировать психическое (психоид как общий принцип функционирования), а с другой психологизировать живую материю настолько, что полностью отказаться от познаваемости ее движущих сил. Об опасности расширительного психологизма предупреждал, в частности, Г.Гуссерль. Для нас здесь, однако, важно другое. В естествознании XX века независимо от его философской ориентации уверенно входит идея единства физического и психического. Психофизическая проблема уже ставится не как проблема непреодолимого барьера, а как проблема неразрывности двух рядов явлений. С этой точки зрения психоид есть то понятие, которое фиксирует эту неразрывность. В психоиде заключено то **общее** состояние и физического и психического мира, которое и является **содержанием** психической жизни. Действительно, в любом психическом явлении мы находим совпадение психического состояния субъекта и физического состояния внешнего объекта действительности в некой точке восприятия его (осознания, осмысления, оречевления, переживания...) конкретным

индивидом. Этот стол, видимый при написании этой книги присутствует в моем сознании и в физическом мире внешних объектов **одновременно**. В воспоминании, осмыслении, переживании, фантазии присутствуют внешние объекты, с которыми когда-то состоялся вполне определенный во времени физический контакт (и если фантастические объекты, далекие галактики, др. были представлены лишь рисунками или рассказами, лежащими в основании формирования каких-то образов, это не меняет дела). Таким образом, **определенность** во времени (в прошлом – воспоминание, или будущем – цель) является здесь просто более общим случаем **одновременности**. Подробнее об этом далее в своем месте. Психическое начинается тогда, когда вещь в себе превращается в вещь для нас, как это представлено у И.Канта. Мысль не существует отдельно от объекта мысли, не существует мыслей о чем-то, чего нет в этом мире, но это только одна сторона вопроса. Выше, при анализе рефлекторной теории психического было показано, что в психическом акте задействован весь организм, а не только какая-то его часть – мозг. С этой точки зрения особенно важным представляется положение Э.Блейлера о том, что психоид «запечатлен в мнеме каждой клетки». Здесь мы видим совпадение в психоиде внешнего и внутреннего (психического) мира уже по разные стороны не психофизического, а психофизиологического барьера. Таким образом, *психоид предстает перед нами как феномен закономерного пересечения трех рядов состояний физического, психического и физиологического*. На это обратил особое внимание К.Юнг. Как пишет С.Гроф: «Изучая специфическую динамику бессознательного, Юнг открыл функциональные единицы, для которых подобрал название комплексов (Jung, 1973a). Комплексы - это конstellляции психических элементов (идей, мнений, отношений и убеждений) объединяющихся вокруг какого-то тематического ядра и ассоциирующихся с определенными чувствами. Юнгу удалось проследить комплексы от *биологически детерминированных областей индивидуального бессознательного до изначальных мифопорождающих паттернов (курсив наш – Д.С.)*, которые он назвал

архетипами. Он открыл, что *в ядре каждого комплекса архетипические элементы тесно переплетаются с различными аспектами физической среды (курсив наш – Д.С.)*. Сначала он посчитал это знаком того, что проявляющийся архетип создает предрасположенность к поведению определенного типа. Позже, исследуя случаи необыкновенных совпадений, *синхронностей (курсив наш – Д.С.)*, которые сопровождают этот процесс, он пришел к выводу, что архетипы должны каким-то образом влиять на самую ткань феноменального мира. Поскольку они представлялись связующим звеном между материей и психикой, он называл их психоидами (Jung, 1960a)»(36). Мы привели это достаточно точно изложение концепции К.Юнга словами С.Грофа для того, чтобы показать, что сам К.Юнг не дал никаких оснований для сделанного С.Грофом дальнейшего обобщения о взаимопроникновении в психоиде материи и сознание, где грань между ними практически стирается. Концепция С.Грофа послужила основой многим последующим интерпретациям психоида как специфического состояния. Сам С.Гроф понимал его как некое трансперсональное осознание действительности. Однако, здесь как нам представляется, мы уже выходим из сферы научной психологии и оказываемся на зыбкой почве парапсихологии. Поэтому вернемся к тому основанию, которое представляется достаточно очевидным, а именно **пересечению в пространстве и времени трех рядов явлений – физического, психического, физиологического**. Обобщение, которое здесь можно сделать, не выходя за рамки рациональных представлений о психическом и физическом, это то, что психоид является по существу не пространственным, а временным феноменом, подобно тому как физический резонансный эффект является совпадением специфическим не для самих пространственных сред, а исключительно для частотных (временных) их характеристик. Речь здесь не идет о том, что психоид есть некоторое подобие или даже вариант резонансного эффекта (хотя существуют и такие модели психического отражения). Речь здесь идет об общем принципе – использования не

пространственных, а временных закономерностей при объяснении и изучении природы психоида. Впервые к подобному выводу о не пространственной, а временной (и надвременной) природе психического пришел Н.О.Лосский в своей концепции интуитивизма. Характерно, что предшествующая методология представления психического (психоида), методология интуитивизма, уделяет первостепенное внимание проблеме соотношения внешнего и внутреннего в знании и психическом в целом. Н.О.Лосский преодолевает изначальную философскую ограниченность субъекта (познания и деятельности), который имеет дело только с миром своего я. Согласно интуитивизму область не-Я так же непосредственно доступна сознанию, как и сфера внутренних душевных переживаний. Эту изначальную и непосредственную данность внешнего мира сознанию Лосский и называет интуицией. «...Интуиция есть непосредственное восприятие познающим субъектом не только своих чувств и хотений, но даже и предметов внешнего мира в подлиннике, т.е. не посредством субъективных образов, символов или конструкций нашего рассудка, а так, как они действительно существуют во внешнем мире». Здесь не отрицается само существование психического образа, но лишь подчеркивается непосредственная представленность в нем объекта. Образ и объект не только существуют (совпадают) в одном (психологическом) времени, но и неотделимы друг от друга. Все деформации объекта, все иные его представления, все его аналитические дробления и синтетические обобщения в образе и мысли жестко связаны с его свойствами и представляют собой и изменения самого объекта (потенциальные или реальные). «Своеобразие этого отношения легко наблюдать, – поясняет далее Н.О.Лосский, – потому что оно сохраняется в строении сознания: оно состоит в том, что наблюдающий субъект и наблюдаемый объект внешнего мира присоединены друг к другу, *несмотря на то, что они суть независимые друг от друга части мира (курсив наш – Д.С.)*. Такую связь можно назвать словом

"координация". Чтобы подчеркнуть, что она есть условие познаваемости мира, назовем ее гносеологическою координациею» (65).

Откуда же возникает эта возможность одновременно представить удаленные в пространстве объекты, объединить события, разделенные во времени? Такое представление доступно субъекту, который сам является надпространственным и надвременным т.е. выступает как идеально-реальная сущность: «Такое конкретно-идеальное бытие, поскольку оно есть деятельный источник временных процессов, *обладает силою (курсив наш – Д.С., скорее даже силами, которые в том числе могут быть и противоположно направлены, см. выше)*, а поскольку проявления его суть его принадлежности, оно может быть названо также старым термином субстанция или для большей ясности словом субстанциальный деятель» (67). Н.О.Лосский подчеркивает, что в мире существует множество субстанциональных деятелей в самых различных формах. Как нам представляется, следует особо подчеркнуть, что из множества субстанциональных деятелей состоит и отдельная личность. При этом каждый субстанциональный деятель является носителем психического и поэтому «может быть назван словом *душа*; если он является носителем психоидных процессов, назовем его *психоидом* (или потенциальною душою). Своими психическими процессами он *одушевляет* свою собственную телесность. Согласно изложенному, *нет тела без души* (или, по крайней мере, психоида), а также *нет души без тела*» (там же). В этом «по крайней мере», как нам представляется, имеется уже прямое указание философа на элементарность «психоида» по отношению к «душе». Психоид как элемент психического напрямую связан не только с телом, но и с внешней событийностью мира. Душа же, как особая форма движения и взаимодействия элементарных психоидов и как субстанциональный деятель, возвышается и над пространственным телом и над временной событийностью. Проблема единственности души человека и множества

субстанциональных деятелей его личности решается диалектически. Мы не будем на этом специально останавливаться, лишь напомним, что и Бог един в трех лицах Пресвятой Троицы. Что же касается человека, то нам представляется естественным такое построение: психоид как далее неделимый атом души и субстанциональный деятель как специфическое соединение психоидов – синтетическое, молекулярное психическое (душевное) образование.

Интуитивно-деятельностный далее неделимый элемент психики (психоид) объединяет в себе все существенные вышеперечисленные свойства психического:

- Синхронизм внешнего и внутреннего состояний, нераздельно присутствующих в психическом отражении, в основе которого лежит пересечение во времени трех рядов явлений: психического (душевного), физического и физиологического (телесного)
- Рефлекторный (деятельный) характер психического отражения, обеспечивающий изоморфное (точно скопированное) присутствие объекта в психическом образе, контроль совместной психодинамики изменения субъекта и объекта
- Непосредственную (интуитивную по Н.О.Лосскому, архитипическую по Юнгу) данность объекта субъекту
- Освобождение психического от оков физического пространства и времени, что **позволяет** определить душевные психические явления как специфический объект познания, несводимый к сумме физических (и физиологических) процессов, т.е. говорить о психологии (и ее части – психодинамике) как самостоятельной науке

Последнее особенно важно еще и с той точки зрения, каким путем будет развиваться дальнейший теоретический поиск. С одной стороны, отказ от любых привязок к физическому пространству времени психических явлений с позиций концепции интуитивизма очевиден. «Я есть источник и носитель событий ... они возникают и исчезают во времени; но сам я не возникаю и не исчезаю во времени, я есмь то же самое я, ... я стою выше времени, ... от меня зависит, сколько времени я совершаю акт внимания. Следовательно, я как творец временной формы своей жизни есть существо сверхвременное» (67). Эти утверждения Н.О.Лосского абсолютны и являются естественным завершением концепции субстанционального деятеля как носителя психического (души). Они представляют абсолютную идеальную модель души (субстанционального деятеля), свободной и подчинившей себе физическое. Из чего следует и естественный вывод: «Каждый деятель живёт жизнью целого мира. В этом смысле весь мир построен так, что всё имманентно всему, то есть все существа бессознательно или сознательно имеют при себе жизнь друг друг» (там же). - Этот, по существу центральный тезис философской системы Н.О.Лосского завершает его концепцию интуитивизма.

Однако, с другой стороны, экспериментальная и практическая психология и психотерапия уже во времена Лосского показала, что сии абсолютные закономерности являются лишь некой предельной точкой развития души, недостижимой в этом мире. Возможно, таковые свойства субстанциональный деятель обретет после последнего Страшного суда, но в реальной жизни и с теологических и с научных позиций душа человека в существенной мере связана оковами физического мира и пространственными и временными. Свобода и целостность психической личности проявляющаяся в моментах творческого прорыва из повседневности (который так ярко описан выше Н.О.Лосским) сама опирается на вполне конкретные психодинамические закономерности движения психоидов в

неком **специфическом субъективном (психологическом) пространстве и времени**. На исследовании этих закономерностей построен классический психоанализ З.Фрейда, гештальт-психология Коффки, динамическая теория личности К.Левина, глубинная психология К.Юнга, практически все психологические концепции XX века. Для того чтобы понять идеальность конструкции Н.О.Лосского достаточно вспомнить о неврозах как неотъемлемой формы бытия индивидуальной души, проявление которой собственно и означает *меру* удаленности конкретного индивида от того идеального состояния, когда «субстанциональный деятель живет жизнью всего мира» (см. выше). С этой точки зрения концепция **интуитивно-деятельностного** элемента в своем философском завершении является началом построения новой науки – **психодинамики**. Субстанциональный деятель (душа) возвышается только над физическим временем (т.е. обладающим теми свойствами, которые прописаны физикой). Однако само это «возвышение» следует, на наш взгляд, понимать с естественно-научных позиций как обобщение физического времени, представлении его частным случаем времени психологического (как мы позже покажем и исторического). По закону синхронизации психоида физическое время представлено в нем вместе с изоморфно представленным объектом, но объемлющее его психологическое (и историческое) время не сводимо к линейному, однонаправленному и плотному физическому. Прежде чем двигаться дальше следует, видимо, более точно определить, что есть психоид как элемент психического в привычных психологических терминах.

Итак:

- Психоид может быть элементарным, например, элементарное ощущение света (точки на тахистоскопе) или сложно-составным, состоящим из множества элементарных и разных уровней сложности организации (например, перцептивный образ, далее осмысленный образ, значение, смысл

и т.д.). С этой точки зрения есть единство внешнего и внутреннего. Единство мира в психической точке. Альфа и Омега.

- Взятый в отношении к внешнему миру, психоид есть субстанциональный деятель, который также может быть элементарным, далее неделимым интуитивно-деятельностный элемент. Однако примеры здесь будут уже несколько другие, а именно интуитивно-деятельностный элемент – это любая психическая целостность – гештальт. Поэтому и элементарное ощущение (поелику оно невозможно без элементарной деятельности, движения глаз, например), и перцептивный образ, и сложный социоперцептивный образ человека, например, являющиеся *сложными* психоидами, но *элементарными* субстанциональными деятелями – интуитивно-деятельностными элементами, неделимыми далее. Субстанциональный деятель, таким образом, это целостное молекулярное психоидное образование. Высшим уровнем организации субстанционального деятеля является личность. Уровнем ниже, например, – личностная социальная роль, отношение к другому человеку, в гештальт-психологии – потребностная фигура, порождающая определенное поведение, направленное на удовлетворение этой потребности и т.д. вниз вплоть до элементарного ощущения, например, тепла, которое тут же есть и потребность, и порождает деятельность...

Появление термодинамики как самостоятельной научной области физического знания, с аналогий с которой мы начали наш исторический экскурс в область психодинамической идеи, также начиналось с исключения из рассматриваемых закономерностей линейного физического времени. Как пишет А.И.Осипов: «Термодинамика ... изучает свойства равновесных состояний. А

для равновесных состояний понятия времени не существует. Поэтому время в явном виде в термодинамику не входит. В этом смысле об обычной термодинамике говорят как о термостатике. (Термин термодинамика введен в литературу В. Томсоном (1854) и сменил первоначальное название этой дисциплины механическая теория тепла.) В образной форме это положение формулируется в виде изречения: **Термодинамика не знает времени»** (77). Характерно, что в точности тоже самое можно сказать о классической психодинамике (см. приведенное выше словарное определение). Движение психической энергии либидо (вытеснение, невротические выбросы, катарсис – как достижение равновесного состояния...) в психоанализе никак не определено физическим временем. Мы говорим об энергетическом процессе вытеснения индивидуально отвергаемого опыта, но никому не придет в голову измерять его зависимость от времени, отмечать его начало и конец по механическим часам. В целом закономерности вытеснения, сублимации и последующего осознания в процессе психотерапии негативного опыта, т.е. вообще движения психической либидозной энергии, ни полностью охватываются в своей эмпирике первым началом термодинамики. Сравним: «Первое начало термодинамики определяет ... новую функцию состояния – энергию или, точнее, *внутреннюю* (курсив наш – Д.С.) энергию. Под *внутренней* энергией подразумевается энергия системы, зависящая от ее *внутреннего* состояния. *Внутренняя* энергия *включает* энергию хаотического (теплового) движения всех микрочастиц системы (молекул, атомов, ионов и т.д.) и энергию взаимодействия этих частиц». Если в этой формулировке заменить «теплового» на «душевного», а «молекул, атомов, ионов и т.д.» на «психоидов разных уровней организации», то при небольшой доработке вполне можно претендовать на формулировку первого начала психодинамики. Попробуем это сделать: **первое начало психодинамики определяет внутреннюю энергию личности как системы (или любой ее подсистемы – субстанционального деятеля). Под внутренней энергией подразумевается психическая энергия личности, зависящая от ее внутреннего состояния. Внутренняя энергия включает энергию душевного**

(деятельностного) движения психоидов разного уровня организации, составляющих систему, и энергию взаимодействия этих психоидов между собой.

Внутренняя энергия субстанционального деятеля – психоида – личности (высший уровень психоидного синтеза) – является в самом прямом смысле количеством душевного тепла как количества движения психоидов. Здесь уместно вспомнить слова М.Сеченова о том, что всякое душевное движение будь то мысль, образ или эмоция, в конечном счете, заканчивается физическим (мышечным) движением. Это же зафиксировано и в методологическом принципе научной психологии – принципе единства сознания и деятельности. С психодинамической точки зрения акцент здесь следует сделать на том, что восприятие внешнего физического мирового порядка имеет своим результатом передачу какого-то количества движения психоидам, мышечного (по М.Сеченову, в конечном счете, всегда), образного или мыслительного. Хорошим примером образного движения может быть эксперимент на испытуемых с эйдетической памятью, которым предъявлялся тахистоскопически на короткое время незавершенный треугольник с обрезанным верхним углом. Эйдетический образ, по самоотчетам испытуемых, через небольшое время после предъявления начинал двигаться, боковые грани смещались и, наконец, соединялись в завершенный треугольник. Что во внешнем объекте породило эти душевные движения? Подробнее мы остановимся об этом в параграфе об энергоинформационном равновесии.

Первое начало термодинамики определяет феноменологию термодинамики безотносительно к физическому времени (как и первое начало психодинамики, и классический психоанализ – феноменологию психодинамики). Понятие времени возникает при формулировании второго начала термодинамики, связанного с определением нового состояния термодинамической системы – энтропии. Однако, это уже не то физическое время, которое было известно физикам ранее: «Таким образом, второе начало термодинамики устанавливает определенное направление течения процессов в

природе. Английский астрофизик А. Эддингтон говорит о стреле времени. В механической картине мира это избранное направление отсутствует» (там же). Действительно, именно с появлением термодинамики время приобретает свое направление от прошлого к будущему. Законы механики могут действовать в любом направлении. Если поменять в ньютоновых формулах T на $-T$, то согласованность механической картины мира не изменится (подобно тому, как просмотр видеосъемки в обратном направлении не лишает ее смысла). Энтропия же системы в соответствии со вторым началом термодинамики может только возрастать. Таким образом, энтропия, если можно так выразиться установила жесткую, однозначную связь прошлого и будущего, оставаясь совершенно irrelevantной исчезающее малому настоящему.

Опираясь на прослеженные выше теоретические аналогии естественно ожидать, что формулирование основ психодинамики также должно повлечь некоторое новое знание о времени, не исключающее, а дополняющее уже имеющееся физическое. С этой точки зрения естественно было бы ожидать, учитывая тот факт, что важнейшей сущностной характеристикой психоида является *совпадение* трех разнородных рядов явлений, что психодинамика связана в большей мере со специфической структурой настоящего, которую и предстоит исследовать.

1.2. Время психоида

В самом общем виде Время подразделяется на прошлое, настоящее и будущее. Попробуем поискать ответа на вопрос, что есть эти части каждая в отдельности, дабы потом мы могли ставить вопрос о том, что же есть Время само по себе. Эмпирически ответ на поставленный вопрос может звучать так: настоящее — это то, что следует за прошлым, а будущее — это то, что следует за настоящим, причем строго в такой последовательности. Время, таким образом, представляется нам как некоторое упорядочение явлений этого мира. Все, что есть в этом мире, происходит во времени. Это значит, что оно происходит в настоящем, принадлежит прошлому, и ожидается в будущем. Сосредоточимся, однако, на том, что происходит всякое явление

именно в настоящем, а не в прошлом или будущем. Действительно, ничто не может происходить в прошлом, т.к. прошлому принадлежит то, что уже произошло. Прошлое заполнено плотно, и к нему нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. В то время как будущее наоборот абсолютно пусто (для нас), и мы ничего не можем перенести туда из настоящего. Чтобы явление произошло, оно должно произойти в настоящем.

Здесь, однако, следует подчеркнуть, что физические явления подчинены закону, который сам по себе не зависит от течения времени. Так камень, брошенный с определенной высоты, будет падать вертикально вниз с определенным ускорением, независимо от того, брошен ли он в прошлом или в настоящем. И именно это есть явление этого мира, взятое в его сущности. Все это абсолютно верно, но имеет скорее отношение к сущности явления, чем ко времени. Ибо мы можем исследовать сущность явления, только заставляя его происходить снова (принцип воспроизводимости научного факта), т.е. в настоящем и только в настоящем. Но мы не можем пойти в прошлое, поднять камень, брошенный несколько столетий назад Галилео Галилеем, подняться на башню и повторить опыт. Итак, для нас опыт Галилея является прошлым, для него наш опыт является будущим. Но как Галилей, так и любой из людей может заставить явление произойти и пронаблюдать его только в настоящем и никогда в прошлом или будущем.

Настоящее, таким образом, есть нечто неотделимое от любого явления этого мира. Это его *настоящее время*, без которого, вне которого самого явления не существует. В то время как это настоящее само по себе существует и для других явлений. Что же есть это *настоящее*?

Нам кажется естественным утверждение, что настоящее является условием того, что явление происходит в этом мире, причем, как видно из вышеизложенного, необходимым *условием* того, чтобы, что бы то ни было произошло.

Время в этой своей части, а именно настоящее время, есть необходимое условие явления мира. Что же является его достаточным условием?

Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу прошлого и будущего. Для того, чтобы что-то могло произойти оно должно пребыть из прошлого в будущее. Чтобы сегодня вечером мы могли войти в свой дом, мы должны найти его на своем месте (и находим), т.е. там, где оставили его утром. Чтобы набросать кучу камней нужно, чтобы первые брошенные камни оставались там, где они упали. Что же заставляет их там находиться? Физический закон тяготения? — Нет, т. к. именно используя тот же самый закон можно поднять камень и бросить его в другое место. Сам закон, таким образом, не определяет ни места, ни, тем более времени, никакой вещи, ибо есть еще и человек со своей свободной волей – субстанциальный деятель. Можно ведь сформулировать и более общий закон... и еще более общий, процедура, которая согласно теореме Геделя уводит нас в «дурную бесконечность». Тогда, сама связь прошлого и будущего, всеобщая историческая связь времен, и есть достаточное условие явления этого мира. Соединение прошлого и будущего через настоящее и является необходимым и достаточным условием явления мира.

Будем называть явление вместе с его необходимым и достаточным условием моментом явления.

Теперь, взяв все три части времени сами по себе, мы получаем Время в целом с его прошлым, настоящим и будущим, т.е. его необходимого и достаточного условия, т.е. время мира. Время, таким образом, есть момент мира. Из чего уже очевидно, что время, также как и мир, имеет начало и имеет конец. Иначе нельзя было бы связать прошлое и будущее, и не было бы момента мира, т.е. его необходимого и достаточного условия, а значит и самого мира.

Это определение момента является для нас весьма важным, т.к. теперь при определении свойств психоида мы не связаны понятием одновременности. Так в образе памяти внешнее и внутреннее совпадают не

одновременно, но одномоментно. Одномоментность определяется спецификой (психологического и исторического) настоящего, одновременность – физическим соотношением прошлого и будущего в точке исчезающее малого настоящего.

Если время есть момент мира, то это означает, мир имеет единое настоящее, т.е. все, что происходило, происходит и произойдет, есть настоящее мира. С этих позиций очевидно, что воспринимать мир как единый во времени, т.е. одномоментный в настоящем, невозможно для человека, и обобщение субстанционального деятеля до его полного совпадения с миром Н.О.Лосского является явно идеальным представлением, основанным на том, что, по всей вероятности, именно так видим мир Творцом, а человек сотворен по Его образу и подобию.

Тем не менее, очевидно также, что мощные тенденции освобождения от оков прошлого и будущего за счет структурирования настоящего наблюдаются и у человека. Моцарт как-то сказал, что высшая точка вдохновения наступает для него тогда, когда он видит свою симфонию одномоментно, «как яблоко на руке» (а это 30 — 40 минут физического времени). На эту особенность художественного произведения присутствовать во всей своей целостности, несмотря на растянутость во времени указывали и многие другие представители искусств. Любое прочтение творческого человеческого труда требует времени, хотя в субъективном пространстве-времени он представлен одномоментно (в том числе и научный труд – статья или книга), но на примере музыки эта особенность психоиды предстает особенно явно и выразительно.

Из многих других источников мы знаем, что эта одномоментность, ясность творческого замысла, развертываемого во времени, являются необходимым условием любого внутреннего творческого процесса, который может длиться весьма и весьма долго (иногда годы), а завершается одномоментным синтезом.

Для нас здесь важно, что *настоящим* для любого психоида как развития во времени целенаправленной деятельности является именно эта одномоментность замысла, который присутствует в каждом моменте физического или умственного действия обязательно. Настоящее, таким образом, не имеет длительности, т.е. не имеет того измерения, которое мы привыкли называть временем.

Вернемся к уже использованному примеру. Галилей, бросая камень с башни, измерял длительность его свободного падения. Сравнивая длительности разных случаев свободного падения, он вывел общий закон свободного падения тел. Этот закон связывает прошлое тела — момент контакта с рукой Галилея — и его будущее, момент контакта с землей. Таким образом, переменная времени, фигурирующая в законе, есть число, приписываемое явлению по некоторой жестко определенной схеме связи прошлого и будущего явления. Настоящее же явления никак не связано измерением времени, т.е. вообще не имеет длительности. Галилей бросал камни много раз, и во всяком бросании присутствовало одно и то же настоящее, и всякий раз, когда он прекращал опыты, оно не присутствовало.

Таким образом, настоящее не связано не только обычной для нас метрикой времени (длительностью), но не связано также и топологией физического времени (его неразрывностью). Время же, как известно непрерывно в смысле его измерения.

Например, симфоническое произведение (вообще любое произведение искусства, науки — творческого человеческого духа) может иметь несколько частей, между которыми при исполнении возможны **перерывы**, заполненные совершенно посторонними событиями. Но как только начинает звучать музыка, мы вновь оказываемся в настоящем времени симфонии от первой ноты до последней.

Итак, настоящее не имеет измерения длительности и может быть разрывно, но оно, очевидно, имеет начало и конец. В этом смысле время в психологическом *настоящем* подобно времени вводимому вторым началом

термодинамики, которое имеет только **направление** от одного состояния (неравновесного) к другому (равновесному). При этом согласно рефлекторной теории начало настоящего есть аффекторное (воспринимающее) единство субстанционального деятеля с миром, а конец – эффлекторное (реагирующее) единство. Психоид, таким образом, также сориентирован во времени, как и термодинамическая система. Психодинамика запрещает обратное движение душевного состояния от эффлекторного звена к аффекторному. Также как и в термодинамике это невозможно без дополнительного внешнего вмешательства. Чтобы это стало понятным, попробуем вернуть в предшествующее состояние размытости (это стадия формирования образа называется «аморфное пятно» или «мерцание формы») сформированный перцептивный образ. Что-то показалось вдалеке, и мы гадаем, что это, человек, животное, мотоциклист... Но вот он подошел ближе, и мы уже видим Ивана Ивановича и только его. Даже если он вернется на то же расстояние, где показался животным, мы будем видеть Ивана Ивановича. Сформировавшийся психоид не может быть разрушен без дополнительной энергии (потраченной, например, на то, чтобы временно лишить человека памяти о том, что он только что видел). Можно привести еще более простой пример, Каждый знает, сколько сил надо потратить, чтобы восстановить утраченное равновесие в отношениях, если мы случайно кого-то обидели. Следовательно, здесь мы можем приблизительно сформулировать второе начало психодинамики в метафорическом пока варианте: «Слово – не воробей, вылетело, не поймаешь». Здесь для нас, однако, важно подчеркнуть, что если в термодинамике, все еще не знающей настоящего, второе начало определяет направление движения времени от прошлого к будущему, то в психодинамике речь идет уже исключительно о начале и конце *настоящего*, не имеющего длительности и разрывного.

Разрывы одного настоящего заполняются другим настоящим. Так в перерыве слушания симфонии может быть продолжен разговор или иное

дело, начатое ранее. Оно имеет свое настоящее, которое прервалось при слушании музыки.

Таким образом, явление, чтобы произойти в мире, должно иметь необходимое и достаточное условие, а именно настоящее (второе начало психодинамики) и связь прошлого и будущего (второе начало термодинамики). Эта связь имеет длительность, непрерывна и плотна, настоящее же длительности не имеет и разрывно. В этом и состоит основное различие физического времени механики (т.е. собственно длительности) и времени психологического (в общем виде и исторического). Для обоснования необходимости присутствия настоящего (т.е. по существу субъекта как субстанционального деятеля) в любом (физическом), а не только психическом или биологическом явлении Н.О.Лосский предложил специальное философское понятие «гносеологическая координация» явления. Подчеркивая, что восприятие объекта, ничего не меняет в самом объекте, почему мы и знаем предметы в подлиннике Лосский пишет: «своеобразие этого отношения легко наблюдать, потому что оно сохраняется в строении сознания: оно состоит в том, что наблюдающий субъект и наблюдаемый объект внешнего мира присоединены друг к другу несмотря на то, что они суть независимые друг от друга части мира. Такую связь можно назвать словом "координация". Чтобы подчеркнуть, что она есть условие познаваемости мира, назовем ее гносеологическою координациею» (67)

В физической механике мы исследуем именно связь прошлого и будущего, и поэтому делаем акцент на том, что камень, брошенный с башни, обязательно будет падать непрерывно, пока не коснется земли. При этом для нас абсолютно безразличен тот факт, что тот же самый камень затем опять будет поднят на башню.

В истории же для нас, напротив, важна судьба именно этого камня в его настоящем. Поэтому исторические (психологические) события могут прерываться, т.е. то, что началось давно, может не длиться теперь вообще (для такого отложенного настоящего в психологии существует специальный

термин – незавершенный гештальт), и вдруг начать длиться, потом перестать, потом завершиться. Все это разные моменты явления.

Далее мы намерены показать, что именно такая структура психологического времени, с его разрывным настоящим, не имеющим ни длительности, ни метрики, лежит в основе функционирования как элементарных психоидов, так и высших уровней их молекулярных организаций – субстанциональных деятелей, т.е. фактически в основе явления и динамики всех психических процессов, начиная с элементарных ощущений.

Далее, в психоиде представлены все психологические составляющие – эмоции, воля и познание. Если изложенные выше положения о структуре психологического времени верны, то основные компоненты психики должны быть как-то ориентированы в этом времени. Забегая вперед, скажем, что приведенный во второй и третьей частях книги экспериментальный материал хорошо подтверждает то, что мы намерены сейчас представить на интуитивном уровне, а именно то, что троичность психологической триады (эмоции, воля, познание) ориентирована в структуре субъективного времени, т.е. относительно прошлого, настоящего и будущего. Эмоции (как переживания) связаны с психологическим прошлым, воля (с ее акцептором будущего) - с будущим, познание находится в настоящем, причем именно в психологическом настоящем, т.к. не имеет длительности и в целом имеет ту же топологию (разрывность), что и субъективное время. Собственно говоря, само психологическое время, точнее психологическое настоящее и есть время познания, как это было показано выше, и что точно соответствует отражательной природе психики в целом, ведь никакой психический процесс невозможен без когнитивной составляющей. Итак, сопоставим эмоции (Э) = прошлое (П), воля (В) = будущее (Б) и познание (П) = настоящее (Н). Далее можно сделать очевидное предположение о том, что в любом более или менее протяженном психическом акте эмоции, воля и познание как-то сменяют друг друга, хотя бы по преимущественной выраженности. Человек,

занятый какой-то деятельностью, то сосредотачивается на объекте, весь отдаваясь познанию, то отвлекается на эмоциональные переживания, то развивает волевое усилие, чтобы вновь сосредоточиться или, наоборот, переключить внимание. Всего имеется только две (комбинаторных) возможности разных последовательностей включения волевых, эмоциональных и когнитивных процессов. Первый вариант – последовательность (ЭПВ) = (ВЭП) = (ПВЭ). Равенство здесь означает, что циклическая смена может начаться с любого компонента, но всегда Э переходит в П, П в В, а В снова в Э, затем цикл повторяется. Этот вопрос о повторяемости (психодинамического) цикла как индивидуально-типичной особенности поведения мы детально обсудим при изложении нашего экспериментального материала во второй и третьей частях книги, т.к. в литературе мы не встречали подобных исследований. Вторым вариантом – (ЭВП) = (ВПЭ) = (ПЭВ). Других вариантов не существует. Разница этих двух последовательностей заключается, в первую очередь, в моменте включения когнитивного фактора (П). Далее мы намерены показать, что тип последовательности, свойственный психодинамике определяет в целом адаптивность или дезадаптивность его поведения. Этому будет посвящено в существенной части дальнейшее содержание книги, здесь же сделаем лишь некоторые теоретические установки. Для неадаптивного типа эмоции непосредственно запускают определенный познавательный процесс (ЭПВ), тем самым, овладевая всей личностью, т.к. именно познание является сущностным свойством человека разумного. Очищение познания от страстей (эмоций) известно многим мировым религиям как практика духовного развития. Так у православных святых отцов с первых веков христианства можно найти подробно описанную поэтапную динамику впадения человека в грех (См. например, Авва Дорофей – Душеспасительные поучения). Первый этап – возникновение эмоции-страсти, поначалу не сильной, движения души к соблазну. Вторым этапом – *сосложение* – присоединение ума (когниции). На этом этапе соблазнительный образ запретного (по духовным соображениям

нежелаемого – в данном случае совершенно неважно, что это за объект, например, вино для лечащегося алкоголика) проникает в душу и укрепляется в ней посредством когнитивного его принятия и изучения. Таким образом, страсть укрепляется и овладевает личностью. Наконец третий этап - действие (воля). Оно может быть запретительным (усилие воли), а может быть пагубным, греховным. Причем второе, как показывает многовековая духовная практика, гораздо и гораздо вероятнее. Именно поэтому свв. Отцы учили не «силе воли» тогда, когда само усилие уже становится непомерно тяжелым, а умению приостановить подключение когниции к страсти на втором этапе. Сравнительно небольшим усилием остановить сосложение. Такое включение волевого компонента и дает нам адаптивный психодинамический тип личности (ЭВП). Духовная практика православия дает также ответ и на вопрос, является психодинамический тип личности воспитуемым и подлежит ли изменению. Не отрицая изначальной природной склонности к тому или иному типу, свв. Отцы несомненно считали что адаптивный или неадаптивный тип личности (в указанном выше смысле) является продуктом воспитания. Однако если в раннем детстве это воспитание может быть безболезненным, то во взрослом возрасте перестройка типа требует уже огромных усилий и специальных, жестких условий (в пределе монастырской жизни). В экспериментальной части мы покажем, что этот тип характерен для преступного поведения, особенно инфантильных личностей.

В светской науке двадцатого столетия адаптивный и неадаптивный типы также могут иметь множество аналогов. Например, возбудимый и тормозный тип по И.П.Павлову, его же – художественный и мыслительные типы. Первый при этом, очевидно, следует рассматривать как неадаптивный, что хорошо согласуется и с религиозно-духовной концепцией светского искусства как возбуждающего страсти, а со светской точки зрения сюда можно отнести все современное эстрадно-звездное искусство. Если же говорить об искусстве как вершине человеческого творчества, то здесь

уместно вспомнить систему Станиславского, многое в которой посвящено именно обучению подавлению первичной страсти волевым усилием в актерском искусстве. Высшие достижения творческого духа, очевидно, требуют от человека формирования адаптивного типа личности в самом широком понимании этого слова. Адаптация здесь по своему объему развивается в масштабах мирового социума. Однако, высоко адаптивные в профессиональной сфере личности могут быть неадаптивны среди ближайшего окружения. Таким образом, уместнее говорить об адаптивности неадаптивности отдельного субстанционального деятеля (психоида) из числа составляющих личность, а не всей личности.

Следует заметить, что эмоции играют роль некоей «пусковой кнопки», которая запускает либо процесс познания непосредственно, и он становится окрашен эмоциональным переживанием (неадаптивный тип), либо волевой контроль, который очищает последующую когнитивную ориентацию от страстности (адаптивный тип). Содержание же когниции никак не предопределено эмоцией. Типичный пример, человек, испытывая негативные чувства к другому человеку, при встрече с ним в деловой атмосфере начинает анализировать содержание его предложения. Сам анализ ведется когнитивными средствами, которые по природе своей бесстрастны, но логически правильные и бесстрастные аргументы подбираются так, чтобы обосновать негативное решение, невыгодное неприятному партнеру. Включение волевого компонента «между» эмоциональным и когнитивным (адаптивный тип) позволяет занять более объективную позицию, не позволить эмоциям влиять на развитие когнитивного анализа.

Если теперь построить адаптивный и неадаптивный цикл из соответствующих психологической триаде компонентов времени, то получим два вида структуры субъективного времени: прошлое (Э), настоящее (П), будущее (В) = (ПНБ) = (БПН) = (НБП) для неадаптивного типа, и прошлое (Э), будущее (В), настоящее (Н) = (ПБН) = (НПБ) = (БНП) для адаптивного

типа. Легко видеть, что для неадаптивного типа субъективное время повторяет в последовательности своих компонентов последовательность физического времени – прошлое (П), настоящее (Н), будущее (Б). По аналогии с феноменами детского синкретизма описанные Ж.Пиаже для пространственных объектов, когда когнитивный процесс оказывается ведомым внешними физическими признаками воспринимаемой формы, мы назвали временную структуру неадаптивного типа **«временной синкретизм»**.

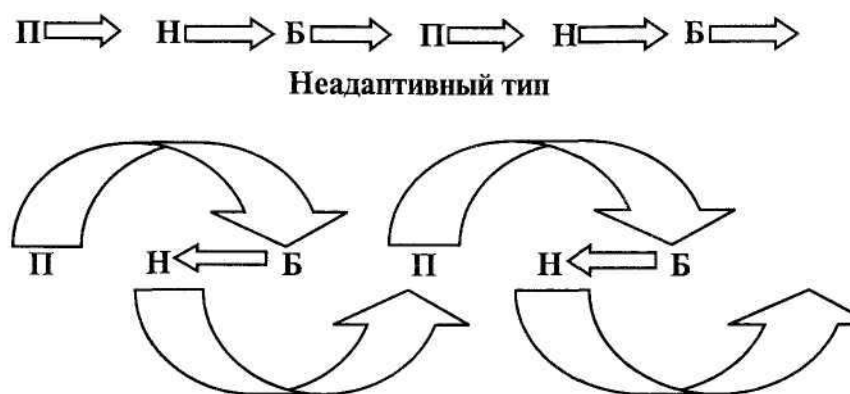

Рис.1 Спиралевидная структура психического времени адаптивного субстанционального деятеля (психоида) в сравнении с неадаптивным

Для адаптивного типа характерна спиралевидная структура субъективного времени, когда просматривается сформированная связь прошлого и будущего, которая затем уже реализуется в настоящем. Такая структура, как мы попытались показать выше, соответствует структуре исторического времени, когда связь прошлого и будущего реализуется через настоящее, которое уже обретает свои характерные свойства и перестает быть только исчезающе малой (в физическом смысле) величиной. Вероятно, что в этом и состоит психологический смысл социализации индивида, который перестает быть только субъектом сознания, и становится уже субъектом истории. Для неадаптивного типа, таким образом, характерна **отражательная** позиция по отношению ко времени мира. В глубинной психологии и психотерапии такому поведению соответствует термин «отреагирование» – «отреагировать» эмоции (т.е. прилагать их к разным

ситуациям, отреагируя их независимо от содержания и смысла происходящего). Для адаптивного типа характерна **преобразовательная**, творческая позиция. В таком модусе поведения человек становится реальным творцом истории, что бы он ни делал. Речь, естественно, идет не об объемной характеристике творения и его значимости для исторического процесса, а о качественной характеристике поведения.

Итак, исследования структуры **субъективного психологического времени** (времени психоида) приводят нас к **основной психодинамической типологии** субстанционального деятеля (психоида), предполагающей **адаптивный и неадаптивный** типы. Сами же эти типы определяются внутренними индивидуально-своеобразными *временными* связями основных компонентов психологической триады. К психодинамическому изучению которых мы и переходим.

2. Психологическая триада: эмоции, воля, познание

2.1. Познание.

2.1.1. Перцептивный образ: первый уровень организации психоида.

Человеческое познание обычно представляют в двух наиболее общих формах: чувственного (первый уровень организации психоида) и логического (второй уровень организации психоида).

Для чувственного познания мира человек наделен органами чувств, в результате взаимодействия которых с некоторой частью физического мира в сознании человека возникают образы этого внешнего ему мира.

Для наших целей мы ограничимся анализом исключительно зрительного образа (перцепта), хотя полученные результаты легко могут быть распространены и на все иные чувственные образы (см. напр. Л.М.Веккер, цит. соч.). Далее мы будем использовать как синонимы понятия: зрительный образ, перцептивный образ, психический образ.

Среди характеристик психического образа наиболее важной для нашего анализа является его **предметность**. Это его свойство означает, что психический образ целиком погружен в пространство-время своего предмета.

Посредством образа мы находим объекты этого мира там и тогда, где и когда они находятся в физическом пространстве времени. Эта особенность психического образа отражать его объект в объектном пространстве-времени, в его натуральную величину, в его естественном движении, т.е. независимо от размеров и движения отражающего субстрата (тела и мозга человека), является уникальной для психического отражения. Именно эту особенность Н.О.Лосский называл интуитивным проникновением в объект. Тем не менее, мы легко отличаем внешний мир от нашего образа этого мира. Это различие непосредственно присутствует в нашем сознании, именно поэтому его так трудно показать опосредованно логически, но оно легко подтверждается нашими действиями в отношении внешнего мира. Посредством действий, вообще поведения, мы также находим, что наш перцептивный образ построен вполне определенным образом, в том числе со вполне определенными искажениями (зрительные иллюзии), которых может не быть в иных (кибернетических) системах отражения, не обладающих вышеуказанным уникальным свойством предметности (и константности) отражения.

Итак, убедившись в очевидном отличии психического образа от внешнего объекта, теоретически отдалив его от объекта и приблизив его к субъекту, мы, тем не менее, вновь не находим теперь уже в субъекте, в человеке, в его целостном физиологическом и психическом устройстве, его мозге, наконец, образа мира как такового. Действительно, найти его означало бы выделить в самом субъекте кроме перцепта как носителя образной информации еще и некоторого наблюдателя, считающего эту информацию, т.е. представляющую ее другими образами, которые в свою очередь должны быть кем-то считаны. Продолжая эту процедуру, мы сталкиваемся с проблемой «дурной бесконечности», пытаясь построить целостный субъект отражения как нигде не кончающийся ряд суб...субсубъектов, которому соответствует ряд образов ... образов. Однако, наша способность ориентироваться во внешнем мире свидетельствует, что

ничего подобного не происходит. В психическом отражении внешний мир дан нам непосредственно. Интуитивное проникновение в объект Н.О.Лосского означает свободу от всякого опосредования рядом внутренних субъектов-дешифровщиков. Субстанциональный деятель в образе овладевает физическим пространством и временем непосредственно.

Однако для нас теперь важно то, что, как показал предыдущий анализ, мы не находим «места» психическому образу объекта не только в самом объекте (Демокритовых эйдосов, тонких пленок спадающих с предметов прямо на наши органы чувств, – не существует), ни в воспринимающем субъекте, т.е. в его мозговой и телесной организации. Психический образ представляется неуловимой субстанцией, которой нет места в физическом мире. При этом это уникальная особенность характеризует именно психический образ, а не особенности отражения в целом. Так образ на фотографии или на экране телевизора вполне конкретно прописан в физическом мире, каждый элемент его развертки поддается контролю и описанию, кроме того, он жестко привязан к пространственным размерам носителя (экрана), т.е. не может их превышать, и к временным характеристикам его функционирования. Психический же образ, *изоморфно* совпадая с объектом, как бы прячась за ним, точно представляя объект в его собственном физическом пространстве-времени, сам в этом (физико-механическом) пространстве-времени отсутствует. Феноменологически этот процесс исчезновения психического образа (даже в целом психического явления) из физического пространства-времени хорошо описал Л.М.Веккер: «Своему носителю-субъекту психический процесс (восприятие или мысль) открывает свойства объекта, оставляя совершенно скрытыми изменения в субстрате, составляющие механизм этого процесса. Но, с другой стороны, изменения в субстрате (*нейрофизиологические комплексы электрической активности* – Д.С.), открытые с той или иной степенью полноты для стороннего наблюдателя, не раскрывают перед ним характеристик психического процесса другого человека. Вопреки долго существовавшему в

традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем. Человек не воспринимает своих восприятий, но ему непосредственно открывается предметная картина их объектов. Внешнему же наблюдению не открывается ни предметная картина восприятий и мыслей другого человека, ни их собственно психическая "ткань", или "материал" (*в наших терминах психоиды и их молекулярные соединения – Д.С.*). Непосредственному наблюдению со стороны доступны именно и только процессы в органе, составляющие механизм психического акта». () Так где же «прячется» психический образ и от внешнего наблюдателя и от самого воспринимающего человека – его носителя? Наш ответ – в настоящем (психологическом) времени. Подобно прекрасному, но плоскому квадрату, который, согласно повести одного известного фантаста, влюбился в не менее прекрасную окружность и был очень удивлен, когда заметил, что она может не только менять свои размеры, но и вовсе исчезать из поля зрения (окружность была сферой и просто поднималась над плоскостью), так и мы связанные физическим временем не можем непосредственно пребывать в настоящем, но можем ощущать его присутствие в психическом образе.

Из всего этого следует, что психический образ отражает **настоящее** (время) явлений мира. И мы не можем привязать психический образ только к объекту или только к субъекту или к какому-то их взаимодействию, т.к. такое рассмотрение предполагает его рассмотрение в физическом времени, в котором только и возможно опосредование как форма жесткой связи прошлого и будущего. В то время как перцептивный образ существует в психологическом времени и связан с отражением настоящего, в котором отсутствует длительность, а, следовательно, невозможна опосредованность. Отражение же связи прошлого и будущего уже требует системы образов, мыслеподобных их конструкций.

2.1.2. Познание. Мысль: второй уровень организации психоида

Законы природы существуют объективно вместе с явлениями и являются отражением единого мирового устройства. Осознание этого факта направляет мысль ученых к поиску все более общих законов и теорий, что позволяет науке расширять и уточнять картину вселенной, стремясь к теоретической целостности и согласованности ее описания. Однако по мере развития науки ученых энциклопедистов становилось все меньше, а возможности построения единой системы знания о вселенной оценивались как все менее вероятные. Окончательно невозможность построения внутренне непротиворечивой, логически замкнутой картины мира была доказана Геделем в его известной теореме о том, что в любой системе аксиом найдется хотя бы одна недоказуемая внутри этой системы. Из этого следует, что всякое научное знание в пределе опирается на некоторый недоказуемый постулат.

Здесь, однако, следует разделить понимание закона природы как формы нашего рассудочного мышления и как порядка, существующего в мире. Приведенные обоснования того, что замкнутой внутренне непротиворечивой системы знания не существует в мире, свидетельствуют нам, что и закон как форма мирового порядка и закон как форма нашего мышления, основываются на ограниченной связи прошлого и будущего. Момент мира в целом недоступен нашему познанию. Мы можем познавать лишь отдельные явления и их взаимосвязь, но до некоторого предела. Сразу оговоримся, что это утверждение не противоречит тезису о бесконечности познания, скорее наоборот является его следствием. Познание потому и бесконечно, что никогда не достигнет завершения картины мира. Однако не потому, что мир бесконечен (а вместе с ним и познание его), а как раз, наоборот, потому, что он имеет начало и конец, а за пределы этого мира мы выйти не можем. Это очень точно высказал в своей вступительной речи папа Иоанн Павел II на конференции в Ватикане по проблемам Большого взрыва. Смысл его слов сводился к тому, что все, что наука вообще может обсуждать

относится к реальности, которая была *после* Большого взрыва, все, что находится за границами Большого взрыва, находится и за пределами научного знания.

Вернемся, однако, к субъекту познания. Итак, если психический образ есть отражение **настоящего** явления мира, то мысль как **опосредованное** отражение мира есть отражение **связи его** (явления) **прошлого и будущего**. В этом основное психодинамическое различие двух составляющих человеческого знания и двух уровней организации психоида. С этой точки зрения становится понятным, почему мы не можем именно рационально мыслительно указать на психический образ как явление этого мира, привязать его к физическому пространству-времени с его тесной связью прошлого и будущего. Но как факт нашей психологии, внутри нашего психологического настоящего существование психического образа внешнего объекта представляется для нас очевидным.

Выше мы уже не раз подчеркивали, что необходимым для возникновения и бытия психоида является совпадение, одномоментность (в указанном выше смысле), трех рядов явлений физического, физиологического и психического. Здесь мы готовы раскрыть содержательную **специфику этой одномоментности** для физического и психического рядов явлений. **Она заключается именно в двухуровневой организации психоида, обеспечивающей совместное психофизическое явление Времени во всей его полноте. Т.е. не только представленного связью прошлого и будущего, отраженной в физических законах, но и в развернутом поле настоящего, которое становится вместилищем не только индивидуальной, но и мировой истории, выходя в мир через субстанционального деятеля.**

2.2. Эмоции и страсти

Эмоции человека представляются в современной психологии как наиболее противоречивый и наименее изученный класс психических

явлений. Многие связывают эмоции с деятельностью и действиями человека, но также многие считают истинными лишь те переживания, которые не сопряжены ни с какими действиями. Одни считают эмоции причинами действий человека, превращая их в некоторые побудители, мотивы. Другие, наоборот, полагают, что действия вызывают эмоции. Так В.Джеймс считал, что сначала мы шевелим губами, улыбаясь, а затем (через очень краткий и неразличимый для человека промежуток времени) смеемся.

Отсутствует какая-либо устойчивая классификация эмоций, а также четкое различие эмоций, чувств, страстей.

Несмотря на эти существенные пробелы, теоретико-психологического знания о человеческих чувствах и эмоциях, мы для целей нашего анализа постараемся сосредоточиться на наиболее простых и признанных фактах, не занимаясь специально их согласованием в целостном представлении.

Эмоции представляются нам, очевидно, имеющими причину в окружающем нас видимом мире. Мы боимся, когда присутствует угроза целостности нашего организма, или нашего Я. Мы радуемся, когда преодолеваем препятствие, мы гневаемся, когда что-то выходит в противоречие с нашими желаниями, мы тоскуем, оставаясь в одиночестве в ситуации томительного ожидания. Однако с равной очевидностью можно утверждать, что мы вдруг в неприятной ситуации начинаем чувствовать непонятную радость, что после преодоления препятствия возникает беспричинный гнев, наконец, оставшись в одиночестве мы можем чувствовать покой и удовлетворение. Причины актуальных эмоций оказываются иногда настолько глубоко скрыты в нашем подсознании, что их понимание возможно только с привлечением психотерапевта.

Важным является также и то, что эмоции имеют и прямую физиологическую причину. В подкорке головного мозга человека существуют центры радости, гнева и других эмоций, искусственно раздражая которые можно получить те или иные эмоциональные переживания. Кроме того, вполне определенные, наперед заданные эмоции можно вызывать и

посредством воздействия на организм человека теми или иными химическими препаратами. Ничего подобного мы не находим в области человеческого познания. Там, воздействуя на человека вышеуказанным образом, мы можем лишь менять процесс течения образов или характер рассудочного познания. Но мы никогда не можем через физиологию человека добраться собственно до содержания его познания. Мы никогда не вживим человеку тот или иной наперед заданный образ (например, этого стола). Эмоции же, напротив вполне позволяют себе программировать. Существуют и психологические механизмы управления чувствами. Например, известный в социальной психологии механизм социального заражения, а именно когда мы начинаем переживать те или иные эмоции просто потому, что их переживают множество людей вокруг, или даже когда какие-то эмоции переживает наш собеседник, мы также можем от него заразиться. Этот эффект, однако, столь же прост, сколь и загадочен. Почему, собственно, мы радуемся, когда радуется другие вокруг нас, почему мы чувствуем напряжение в нервной обстановке когда никаких слов не произносится и т.д. Становится очевидным, что эмоции имеют какое-то неведомое нам содержание, каким-то неизвестным способом передающееся от человека к человеку. Подчеркнем, что речь идет здесь не о механизме развития эмоции, а о содержании этой эмоции.

Таким образом, картина в области эмоций вырисовывается полностью противоположная той, которая наблюдалась нам в области познания. Если там механизм когнитивной структуры (напр., образа) полностью скрыт от нас, и присутствует только результат — сам образ, то механизм возникновения эмоций, напротив, легко познаваем, а результат — содержание той или иной эмоции, того или иного переживания часто остается неизвестным даже самому переживающему. Рассмотрим это несколько более подробно на примере такого искусства как музицирование, целиком построенного на эмоциональном восприятии своих произведений.

Слушая музыку, мы наиболее остро переживаем некое неведомое нам содержание, мы чувствуем полноту наполняющего нас чувства, его оттенки, его развитие ... мы только не можем ни к чему отнести это чувство. Его содержание нам неведомо. Во время слушания эмоции могут быть настолько сильными, что все тело наше будет сотрясаться, но от этого ничуть не прибавится их содержание. Итак, в самом механизме функционирования эмоций заложено то, что результат этого функционирования в нашей психической жизни не только ускользает от нашего познания, но ускользает, никак нам не показавшись. Не следует распространять высказанное положение на так называемую защитную функцию эмоций, которые предупреждают организм о последствиях его поведения и направляют психическую энергию в нужное русло. Такая защита является побочным результатом и не может рассматриваться как содержание эмоционального процесса. Говоря о содержании психического образа, мы говорим о том объекте, который он представляет, и если этим объектом стал сигнал, предупреждающий об опасности, то это всего лишь побочный частный случай. Эмоция в чистом виде не представляет никакой внешней объект. Однако эмоция всегда сопровождается телесной реакцией, как это одновременно подметили Джеймс и Ланге в начале XX века. По существу теория двигательно-моторной детерминации эмоций Джеймса – Ланге, если не доводить до абсурда ее положение о том, что мы радуемся или печалимся исключительно по причине характерных движений мышц лица, фиксирует необходимую одномоментность *телесных* (по Ланге в первую очередь физиологических) и *психических* проявлений (эмоций). **Итак, в эмоциях представлена одномоментность физиологического (телесного) и психического (душевного) рядов явлений.**

В эмоциональном отражении в психоиде представлено *прошлое* организма, отраженное в психологическом *настоящем*, т.е. *готовность* организма обеспечивать энергетические потребности осуществляемой

деятельности. Эмоция – это векторная сила, имеющая не только характеристику интенсивности, но и направления.

В эмоциях отражается *прошлое* совпадения внешнего и внутреннего (психофизиологическое) в явлении мира в его отношении к психологическому настоящему. Связь же прошлого и будущего остается скрытой. Эта связь, как мы уже говорили, отражается в осмысленном психическом образе (второй уровень организации психоида). Присоединение эмоции к осмысленному образу порождает *страсть*. Страсть – это работа в физическом смысле. Она направлена на достижение того состояния психоида, когда будет достигнута в настоящем одномоментность с присоединенным к эмоции в образе физическим (или социальным, но в любом случае внешним) объектом во всей его физической полноте. Эмоция, таким образом, это в том числе и энергия, направленная на устранение разрыва в психологическом настоящем. Осмысленный образ в форме цели деятельности приобретает характер незавершенного гештальта. Возбужденный психоид передает свою энергию другим психоидам, и если ее будет достаточно, то данная деятельность становится ведущей для субстанционального деятеля. Эмоция, таким образом, это количество душевного тепла, которое может рассеется, заражая окружающих, и постепенно угасая, а может стать страстью, «полезной» (мы не касаемся здесь нравственной оценки полезности) энергией – работой, проявляющейся в волевом действии.

Именно страсть, а не эмоция лежит в основе волевого действия. Таким образом, уравнение (психического) энергетического состояния деятельности опять же по аналогии с термодинамикой может выглядеть следующим образом:

$$S = \text{Эф} + \text{Эст} \quad (1)$$

где S – внешний стимуляция от объекта, осмысленный образ которого вызывает изменение внутреннего энергетического состояния системы (Эф), и влечет развитие влечения (или отторжения) объекта – страсть (Эст). Эф –

фоновое эмоциональное состояние, эмоциональный тонус, внутренняя эмоциональная энергия личности. Эст – эмоция страсти, направленная на удовлетворение какой-то потребности, т.е. направленная на внешний объект, способный эту потребность удовлетворить. Таким образом, Эст – эмоция страсти описывается уравнением в рамках потребностно-информационной концепции эмоций П.В.Симонова, согласно которой эмоция (в нашем случае страсть) может быть представлена (подробнее см. 100):

$$\text{Эст} = f [\text{П}, (\text{Ин} - \text{Ис}), \dots] \quad (2),$$

где Эст — эмоция (страсть), ее степень, качество и знак; П — сила и качество актуальной потребности; Разность (Ин — Ис) — оценка вероятности (возможности) удовлетворения потребности на основе врожденного и онтогенетического опыта; Ин — информация о средствах, прогностически необходимых для удовлетворения потребности; Ис — информация о средствах, которыми располагает субъект в данный момент. Если в уравнении П.В.Симонова раскрыть скобки, то, игнорируя многоточие, получаем:

$$\text{Эст} = f \text{ П Ин} - f \text{ П Ис} \quad (3),$$

Если сопоставить с (1), то можно записать

$$\text{Эст} = f \text{ П Ин} - f \text{ П Ис} = S - \text{Эф} \quad (4)$$

Само по себе (4) ничего не говорит о соответствии друг другу отдельных членов уравнения, однако в качестве предположения для дальнейшего теоретического и экспериментального анализа можно предположить, что

$$f \text{ П Ин} = S, f \text{ П Ис} = \text{Эф} \quad (5)$$

Равенства (5) представляются нам весьма логичными и представляющими внутренний и внешний план психоида и субстанционального деятеля, однако их не следует рассматривать как строгие. Фоновое эмоционально-энергетическое состояние определяется информацией о наличных средствах, т.е. системой ассимилированных, знакомых образов внешнего мира, группирующихся вокруг потребности. Такова, например, группа образов о предстоящем обеде, группирующихся вокруг потребности в пище в знакомой рабочей обстановке, вызывающее лишь фоновые эмоции, что может приводить и к тому, что о еде человек забывает, если потребность в работе более сильная. Однако, в незнакомой ситуации (в очень незнакомой, например, в чужом городе и без достаточных средств, когда непонятно где и как добыть еду) потребность направляется во внешний мир, соединяется с новыми образами окружающей действительности в поисках тех из них, которые могут быть необходимыми средствами удовлетворения голода (fПИн), что приводит к разогреву психоида, и, в свою очередь, ведет к возникновению эмоции-страсти, которая уже не позволит о себе забыть.

Приведенное уравнение (1) аналогично уравнению состояния термодинамической системы, отражающем первое начало термодинамики: при сообщении термодинамической системе некоторого количества теплоты Q в общем случае происходит изменение *внутренней энергии* системы DU и система совершает *работу* A :

$$Q = DU + A \quad (6)$$

Уравнение (6) является определением изменения внутренней энергии системы (DU), так как Q и A — независимо измеряемые величины. Точно также сообщение некоторой новой ассимилированной в психическом образе информации ведет к повышению внутренней душевной энергии психоида, который совершает деятельность, интенсивность которой измеряется страстной составляющей.

Внутреннюю энергию системы U можно, в частности, найти, измеряя работу системы в *адиабатном процессе* (то есть при $Q = 0$): $A_{ад} = -DU$, что определяет U с точностью до некоторой аддитивной постоянной U_0 :

$$U = U + U_0 \quad (7)$$

В наших терминах мы также можем положить $S=0$, что повлечет соответствующее равенство $\Delta S = -\Delta F$, что означает, что вся работа страсти равна внутренней энергии психоида. Такое состояние логично назвать состоянием медитации – полного бездействия, что согласно нашим предположениям является аналогом адиабаторного процесса в термодинамике. При этом само это медитативное бездействие определяет внутреннюю энергию опять же до некоторой аддитивной постоянной Δ_0 :

$$\Delta = \Delta + \Delta_0 \quad (8)$$

Возможно эта постоянная и есть то, что представляет душу после смерти в различного рода околофизических теориях (аура, лептонная теория и т.п.). Концепция бесстрастного «недеяния» как жизненного пути, основанного на *познании*, известна с древности в противопоставлении концепции страстного «действия». Еще в Бхагавадгите мы встречаем упоминания о йоге деяния и йоге познания, и далее во всех подробностях в индуизме и буддизме. О недеянии как способе бытия в мире указывают и христианские философы, опираясь на слова Апостола Павла «...должны быть...и пользующиеся мирским как не пользующиеся, ибо проходит образ мира сего» (1 Коринф. 7. 31). Здесь очень точно подмечена связь делания (неделания) с отказом или принятием образа мира (в наших терминах – S).

Однако, пришло время объясниться по поводу «избытка» термодинамических аналогий. Мы полагаем, что сфера применения термодинамических начал распространяется и на научную психологию, во

всяком случае в том ее статусе, который соответствует естественно-научному. Проблема лишь в том, что предыдущие не слишком удачные попытки расширения термодинамических начал в гуманитарной сфере были направлены на измерения психической энергии и работы как *физической*. Делались попытки измерить превращение физического тепла в психическую энергию. Но физическое тепло есть движение физических элементов (атомов, молекул, ионов...). Психическое же состояние аналогичное теплоте есть количество движения психических элементов (психоидов), ничего общего с ионами и электронами не имеющих. Основная специфика психоидов, по нашему мнению, заключается в том, что они в целом являются не пространственными, а временными элементами. Психодинамика – это темпоральная динамика. Последнее утверждение даже не так существенно. Главное, что мы хотели здесь подчеркнуть, это то, что основные начала термодинамики не по аналогии, а непосредственно действуют в области психодинамики, но отражая движение не физических элементов, а психоидов. И если нам удастся полностью раскрыть природу психического элементарного, далее неделимого элемента психики (психоида), то психодинамика станет не более чем продолжением термодинамики, ее обобщением в области исследований времени.

2.3. Волевой двигатель

Очень часто в современных научных исследованиях желательной части человека — воли — явно или неявно предполагается, что само желание в существенной мере представляет собой содержание того, что в дальнейшем будет осуществлено. На уровне здравого смысла такого рода психология выражается в поговорках типа «хотеть, значит мочь» или «не смог, значит, не очень хотел» и т.п. В современной психологии волевой акт человека рассматривают как весьма сложный, состоящий из нескольких составляющих психический процесс. В структуру отдельного волевого акта кроме собственно желания включают также и его внешний побудитель — мотив.

Мотив может быть как внешним человеку объектом, так и внутренним его состоянием, телесным или душевным. Мотив, таким образом, должен быть необходимо воспринят нами, прежде чем возникает собственно желание. Это составляющая волевого акта может быть названа когнитивной. Далее, чтобы человеку, побуждаемому желанием, начать действовать, ему необходимо построить (опять же когнитивными средствами) образ желаемого, т.е. образ цели. Само же действие развивается на основе функционирования особого психологического механизма — сдвиг мотива на цель (61). Так, например, посещение студентом первокурсником библиотеки может быть связано с тем, что его симпатичные сокурсницы тоже ее посещают. Однако по мере чтения возникает интерес к предмету. Исходный мотив сдвигается на абстрактную до этого момента цель – получение знаний. Фрейд объясняет этот механизм как сублимацию либидозной, сексуальной энергией, которая не находит непосредственного выхода. Приходится учиться, чтобы приблизиться к сокурснице. По А.Н.Леонтьеву сфера распространения механизма сдвига мотива на цель гораздо шире. Так, например, исходный мотив может быть стремлением к престижу, статусу в учебной группе, желанием получить высшее образование, может быть познавательным по типу «хочу все знать», или «хочу знать, как нужно жить» и др. Вообще, по А.Н.Леонтьеву *мотив в конечном счете есть объект*. Это «в конечном счете» в наших терминах означает взятый со стороны внешнего плана психоида. Поэтому побуждений столько, сколько объектов внешнего мира. С этой точкой зрения также важно заметить, что и отраженный объект есть не только мотив, но и средство к удовлетворению потребности.

Это лишний раз подтверждает то, что психодинамика не должна быть сводима к психоанализу, существует огромное количество энергичных побуждений и вне сексуальной сферы.

Обратимся теперь к вопросу ориентации волевой компоненты психоида в психологическом времени. Желание, мотив, образ цели, действие.

Рассмотрим все компоненты по порядку, исключая желание как страстную составляющую воли, рассмотренную выше.

Представление мотива отвечает нам на вопрос, почему мы это делаем. Однако, ответ на этот вопрос представляется несколько более сложным, чем это кажется на первый взгляд. Так, например, на вопрос кому-то, почему он хочет пойти учиться, человек может ответить, потому что хочет знать то-то и то-то. Далее, если спросить, почему он хочет это знать, он может ответить, для того чтобы потом делать то-то и то-то. Далее, почему он хочет это сделать — потому, что хочет кем-то стать. Почему хочет стать именно таким (и станет ли научившись) — это уже более сложный вопрос, ответ на который не всегда можно получить. Но если и такой ответ будет получен, то ничто не мешает задать следующий вопрос и так до бесконечности, причем ответы будут все более далекими от исходного мотива, утрачивая объяснительную силу относительно нынешнего здесь и теперь осуществляемого действия.

Все вышесказанное свидетельствует, на наш взгляд, что конечный мотив наших действий ускользает от нас точно также как конечный образ, или наиболее общий закон, а, следовательно, любой наш мотив отражает незавершенность связи прошлого и будущего явления, Здесь ясно видна роль человека с его свободной волей как творца истории. Свою завершенность явление получает после совершения человеком действия во внешнем мире.

Перейдем теперь к анализу целей деятельности. Основная философская загадка процесса целеполагания заключается в том, что фактически причиной нынешних действий человека (или даже животного) выступает образ потребного будущего (образ цели), т.е. то, чего еще нет, и что будет только после совершения некоторых действий. Таким образом, нарушается обычная причинно-следственная упорядоченность этого мира, когда причина необходимо должна предшествовать следствию. На такое нарушение свойственного этому миру детерминизма в области психологии и физиологии поведения человека и животных указывали многие ученые. Чаще всего

исследователи процессов воли человека ограничиваются лишь эмпирической констатацией этого факта. С нашей точки зрения здесь необходимы некоторые уточнения. Действительно, то, что мы представляем себе в образе цели, составлено из элементов прошлого опыта, и, следовательно, к будущему никакого отношения не имеет. Когда же мы начинаем действовать, то все получается не совсем так, как мы представляли, а иногда и совсем не так. Образ цели вследствие вышеописанной циклической работы воли постоянно изменяется, в результате же получается нечто новое, чего мы изначально не знали. Присутствовало ли это новое в образе цели с самого начала? Несомненно, присутствовало, но только в идеальном субстанциональном деятеле, иначе никакая деятельность, точнее никакая целенаправленная деятельность, не смогла бы развиваться. Но это новое, это будущее присутствовало не в структуре физического будущего времени, а в структуре настоящего, которое, как уже было сказано, не имеет длительности и может быть разрывно. Таким образом, снимается кажущаяся парадоксальность причинно-следственной связи в структуре психического, когда будущее (образ цели) якобы предшествует и является причиной прошлого (наличного действия). Ничего подобного не происходит, т.к. и образ потребного будущего и само действие развивается в структуре психологического настоящего, *не имеющего длительности*. Таким образом, спецификой волевых процессов с точки зрения психодинамики является то, что в элементарном волевом акте отражается, прежде всего, психологическое будущее в его отношении к настоящему. Когда же результат действия погружается в физическое время, т.е. наделяется связью прошлого и будущего, то возникает и новизна полученного результата относительно ранее созданного идеального образа цели. Следовательно, именно в волевом акте во всей полноте действия человека соединяется в единой структуре физическое и историческое (психологическое) время. Только здесь в реальной психодинамике взаимодействия субъекта (человека) и объекта (мира) время обретает всю свою полноту не только отдельно как физическое,

измеряемое (связь прошлого и будущего) и не только отдельно как историческое (настоящее). При этом, как мы видели, в волевом акте присутствуют и когнитивные и эмоциональные составляющие, что и обеспечивает всю полноту исполнения времени. Возможно, именно поэтому в волевой сфере гораздо в большей степени, чем в сфере эмоциональных и когнитивных процессов прослеживается неразрывная связь всех трех составляющих психоида – известной из истории психологии как *психологической триады* (**эмоции** – переживание прошлого, **познание** – анализ настоящего, **воля** – акцептор будущего). На это особо указывал С.Л.Рубинштейн:

«Различая волевые процессы, мы не противопоставляем их интеллектуальным и эмоциональным; мы не устанавливаем никакой взаимоисключающей противоположности между интеллектом, чувством и волей. Один и тот же процесс (*психоид в наших терминах – Д.С.*) может быть (и обыкновенно бывает) и интеллектуальным, и эмоциональным, и волевым. Изучая волевые процессы, мы изучаем волевые компоненты психических процессов. Вместе с тем волевой процесс еще более непосредственно и органически, чем процессы эмоциональный и интеллектуальный, включен в действие и неразрывно связан с ним. Так что изучение волевого акта непосредственно переходит в изучение действия, или, вернее, *изучение волевого акта – это и есть изучение действия* в отношении способа его регуляции.» (96) Такая связь волевого компонента психоида с действием указывает на еще одно специфическое отличие воли от других психических процессов – их *осознанность*. С.Л.Рубинштейн пишет также следующее: «Направляясь на определенную цель, действие в своем ходе регулируется соответствием с этой целью. Цель, преследуемая действующим субъектом, должна осуществиться как результат его действий. Специфически человеческие действия являются волевыми в этом широком смысле слова – все они сознательные, целенаправленные действия, все они включают целеустремленность и регулирование хода действия в соответствии с целью.»

(там же) И далее: «Однако осознание единичной цели своего желания, порожденной побуждением, которое в данную минуту владеет человеком, представляет еще очень *невысокую ступень сознательности* (*курсив наш – Д.С.*). ... В результате может обнаружиться расхождение между желанной целью и нежелательными последствиями или трудностями, с которыми в силу объективных внешних условий связана ее реализация. Действие, совершающееся в условиях такого конфликта *внутренне противоречивых тенденций* (*курсив наш – Д.С.*), – это *волевое действие* в более *специфическом* смысле слова.» (там же) Воля, таким образом, сопряжена с осознанием конфликта, ранее неосознаваемых противоречивых тенденций. Именно волевой компонент психоида возвращает нас в классическую психодинамику в соответствии с ее словарным определением как науку о соотношения осознанного и неосознанного (см. выше определение в словаре Б. Мура и Б. Фаина) и как динамику столкновения противоречивых мотивов. На это же указывает и С.Л.Рубинштейн: «Но одно дело – испытывать стремление, а другое – осознавать его. В зависимости от степени осознания стремление выражается в виде влечения, желания или хотения. Потребность, в частности органическая, еще не осознанная, не направляющаяся на определенный предмет, выступает сначала в виде влечения.» (там же) Соединяя когнитивно-эмоциональные (интуитивные) процессы с осознанным действием воля, таким образом, представляет нам психоид в его активной целостности как интуитивно-деятельностный элемент субстанционального деятеля, проще говоря, показывает нам постоянную энергетическую работу психоида. Эта работа сопряжена с постоянной сменой осознаваемого и неосознаваемого, которое в данном контексте не следует путать со сферой *бессознательного* (в его психоаналитическом понимании), которая наполняется *вытесненными* (отрицательно эмоционально заряженными) психоидами. Неосознаваемое в данном случае точнее было бы называть *незнаемым* (еще), хотя уже интуитивно

представленным в психоиде. Если опять обратиться к формуле эмоций (страсти) П.В.Симонова:

$$\mathcal{E} = f [\text{П}, (\text{Ин} - \text{Ис}), \dots] \quad (9),$$

то можно видеть, что незнаемое представлено здесь разностью имеющихся средств удовлетворения потребности и необходимых. Если необходимых больше, чем имеющихся, то развивается познавательно-волевая активность по овладению необходимыми внешними объектами как средствами удовлетворения потребности. Работа воли заключается в том, что сфера сознания расширяется, в то время как эмоция-страсть остывает. Такое положение психоида можно назвать внешне-ориентированным, т.е. ориентированным на внешнее действительное познание, овладение внешним миром. Внешне-ориентированное состояние психоида сменяется на внутренне-ориентированное, связанное, прежде всего, с оценкой насколько же произошло удовлетворение ведущей потребности. Это удовлетворенность может быть и малой, что приводит к новому разжиганию эмоции-страсти. Если теперь назвать внешне-ориентированное состояние психоида холодным (эмоционально), внутренне-ориентированное горячим, то получится, что работа воли хорошо описывается термодинамическим циклом Карно. Труд, в котором он описал идеальную тепловую машину, назывался «О движущей силе огня». Эта «машина» в несколько упрощенном изложении представляется в виде идеально теплоизолированного цилиндра, наполненного фиксированным количеством рабочего тела (газа) и снабженного движущимся без трения поршнем. Машину можно без энергетических потерь переносить с одной подставки на другую. Одна подставка, поддерживаемая при температуре T_1 , служит нагревателем. Другую, поддерживаемую при более низкой температуре T_2 , назовем холодильником. Сначала цилиндр стоит на нагревателе, и газообразное рабочее тело изотермически (т.е. поглощая теплоту) расширяется, толкая поршень. После этого машину переставляют на холодильник, и газ изотермически сжимается, отдавая теплоту холодильнику и втягивая

поршень. Далее цикл повторяется. (см. напр., Бэр Г. *Техническая термодинамика*. - 22) Не будем здесь снова останавливаться на том, что мы усматриваем здесь не просто аналогию, а вполне закономерное расширение начал термодинамики в области психологии – основы психодинамики. Следует, однако, добавить, что воля совершает и еще одну существенную работу по *направлению* деятельности психоида. Эта работа может быть описана похожим образом, но связана с ориентацией психоида *внутри* субстанционального деятеля, где холодной и горячей «подставкой» психоиду служит разогретое вытесненным негативом бессознательное и холодное рассудочное сознательное.

Итак, до того, как начинает развиваться действие само желание может быть познано и либо принято, либо отвергнуто. Первая ступень овладения желанием нашим сознанием есть его соединение с мотивом. Такое состояние в святоотеческой литературе обычно называется помыслом. Помысел может быть либо принят сознанием, либо отвергнут. В последнем случае обычно также происходит некоторое рассуждение, анализ помысла (охлаждение его страстности), что ведет к следующей ступени осознания желания. В случае же принятия помысла также происходит дальнейшее осознание желания, однако, уже в форме сосложения (разогревание страстного помысла), через которое человек уже начинает утрачивать власть над своим желанием, и оно овладевает его сознанием, разогревая всю страстную составляющую психоида, подчиняя его волю. Принятие помысла без рассуждения (должной меры охлаждения) лишает человека свободы воли, рассуждение же сохраняет ее на этом этапе действия. Этот процесс иногда называют также принятием решения. Однако, этот более формализованный термин не охватывает на наш взгляд, всего объема понятия рассуждение.

Итак, желание соединяется с мотивом, образуя уже осознанный побудитель к действию. Далее, если не возникло необходимого рассуждения или же действие настолько просто, что не требует такового, в нашем сознании начинает строиться особый психический образ, называемый образ цели. Это

образ того, что произойдет в будущем, когда будут совершены все предполагаемые действия, т.е. образ потребного будущего, образ того чего еще нет. Вслед за этим начинает развиваться само действие, направляемое сравнением мотива, образа цели, который изменяется по мере изменения окружающей ситуации, т.е. развивается вышеописанная работа воли, направленная вовне. Итак, добравшись до интегрирующей компоненты психоида – воли, мы видим два контура его функционирования. Это внешняя работа по организации действия по овладению внешним миром с целью удовлетворения потребности. И внутренняя работа по разогреванию и направлению энергии страстной составляющей эмоций. Нестрастная (циклическая, фоновая – см. выше) составляющая эмоций является внутренней энергией психоида и непосредственным источником разогревания страсти. Пришло, однако, время объяснить как минимум по трем пунктам, без чего наше изложение становится уже малопонятным. А именно: психическая энергия, равновесие психического процесса и термодинамическая аналогия. О последнем мы уже говорили, что речь идет не просто об аналогиях, а о **расширении** начал *термодинамики* на область *психодинамики*, что становится возможным с указанием субстратного элемента психики (в качестве которого мы предлагаем *психоид* в выше определенном смысле). Однако обо всем по порядку.

3. Современная психодинамика

3.1. Психическая энергия

Следует отметить, что понятия «энергии» и «равновесия» уже достаточно давно, а точнее вместе с появлением психодинамики вошли сначала в психоанализ, а затем и в психологию в целом. Как мы только что видели, именно эти понятия составляют основу формулировок всех начал термодинамики и психодинамики. В связи с этим необходимо соотнести наши теоретические установки с уже существующей в классической

психологии традиции понимания психической энергии и равновесного состояния психических процессов.

После того как З.Фрейд предложил понятие психической энергии для описания влечений человека, которые он свел к двум основным формам – либидо (эрос) и мартидо (танатос), т.е. влечение к жизни и влечение к смерти, далее понимание психической энергии развивалось в двух основных теоретических направлениях. Представителем первого узкого (еще более сексуализированного, чем у З.Фрейда) понимания является В.Райх, который указывал на исключительно органическую природу психической энергии. По Райху любое влечение не только представляет собой сексуальную энергию, но и имеет оргастическое выражение. Эти идеи развиваются в концепциях «сексуальной экономики» и теории «органа». В.Райх вводит понятие универсального первичного психоэнергетического элемента, который он называет «оргон». С психодинамикой влечений, в том числе и в их физико-биологических проявлениях, Райх связывает адекватную экономику (бюджет) либидо. Таким образом, для данного направления понимания психической энергии характерна ее жесткая и непосредственная связь с либидо (98). Второе направление, которое, на наш взгляд, можно назвать широким пониманием психической энергии, представляет другой ученик З. Фрейда, К.Г. Юнг. В отличие от Фрейда он считал, что психическая энергия выходит за рамки сексуальной. Сам основатель аналитической психологии относил к психической энергии не только влечения либидо, но и желания, аффекты, и даже волевые акты. В аналитической психологии либидо понимается скорее как поддержание в организме состояния соматического *равновесия*, некая свободная энергия, которая *определяет отношения между различными элементами психической субстанции*, а ее *возмущения* приводят к возникновению патологических явлений. Кроме широты понимания психической энергии эти два теоретических направления ее изучения в психологии различаются и по акцентам на ключевые моменты,

зафиксированные в формулировках начал психодинамики. А именно, Райх больше делает акцент на понятии собственно *энергии* и ее биологическом субстрате. Юнг же в первую очередь обращает внимание на энергетическое *равновесие* как условие протекания психических процессов. Энергия по К.Юнгу переживается либо как движение и сила - актуальная энергия, либо как состояние - потенциальная энергия. Либидо представляет собой своеобразную меру интенсивности психического процесса. С этой точки зрения структура психической субстанции обретает уже не статический, а динамический, точнее психодинамический характер, что означает, что вся психическая система постоянно находится в состоянии энергетического движения. Это последнее положение К.Юнга в сочетании с равновесным характером психических процессов по существу уже содержит в себе основы формулирования нулевого (основного) начала психодинамики, хотя К.Юнг, по нашему представлению, и не обращал внимания на его полную аналогию с нулевым началом термодинамики. Тем не менее, он активно использует на энергетическом уровне интерпретации психических процессов такие физические понятия как распределение энергии, энтропии, понятия градиента и разности потенциалов.

Последующие разработки понятия психическая энергия были ориентированы на синтез «организмических» и «идеалистических» представлений. В качестве примера попытки такого синтеза среди современных исследователей можно привести концепцию психической энергии Бойко. Автор пишет: **«Живой мозг представляет собой аппарат, с помощью которого происходит преобразование разных видов энергии, воздействующих на человека, в психическую энергию (энергию идеального) и обратно — психической энергии (энергии идеального) в прочие виды энергии (выд. автором)»**. (19) При несомненной преимущественной ориентации в данном определении на организмические концепции происхождения психической энергии, автор указывает на мозг не

как на единственный носитель психической энергии, а как на некоторый преобразователь различных видов энергии в психическую, таким образом подчеркивая необходимость совпадения в физическом пространстве времени (мозга) различных рядов явлений, в том числе и идеального. Это понуждает автора далее перейти к анализу роли информации в энергизации психических явлений. В.В.Бойко пишет: «Энергией наделены образы, мысли, потребности, способности, эмоции, чувства, знания, установки, настроения, привычки, желания, мотивы, свойства характера, — все эти и прочие проявления психики являются носителями идеального. Дело в том, что они насыщены *информацией, которая и есть источник энергии (курсив наш – Д.С.)*, информация постоянно действует, находится в процессе преобразования и, что крайне важно, существует в очень сжатой форме. Мозг каждого человека хранит огромное количество информации, готовой в любой момент заявить о себе. Информацией заполнено наше сознание, предсознание и подсознание.

Психическая энергия представляет собой деятельность нематериальных, или идеальных, явлений психики, обладающих информацией, которая сосредоточена на разных ее уровнях — сознания, предсознания и подсознания.» (там же) Мы бы не утверждали столь категорично, что информация является источником психической энергии, это трудно понять с общепсихологических и общепсихических (в частности термодинамических) позиций. Источником психической энергии мы полагаем движение психоидов в личности. А вот само это движение действительно запускается информационным взаимодействием внешнего и внутреннего плана психических процессов. Такая позиция была утверждена в психологии еще В.Джеймсом в понятии «**потока сознания**». С этой точки зрения также спорным является утверждение В.В.Бойко о том, что «психическая энергия представляет собой деятельность...». Как мы пытались показать выше деятельность – это только часть внутренней энергии психоида, его работа по освоению внешнего мира. Автор и сам подчеркивает,

что энергией наделены и образы, и мысли, что все-таки заставляет сопоставлять понятие энергии с психоидом во всей его полноте, т.е. не только как деятельностным и не только как интуитивным (когнитивным), но как **интуитивно-деятельностным элементом психики**.

Кроме того, следует помнить, что в психодинамике как это уже подчеркивалось выше мы имеем дело только с *внутренней энергией субстанционального деятеля* (будь то личность, индивидуальность, социальная роль, «Я» или что другое). Эта внутренняя энергия включает в себя только **энергию** фонового (в термодинамике – хаотического) движения психоидов и **энергию** взаимодействия этих психоидов между собой. Внутренняя энергия есть характеристическая функция состояния психоида на разных уровнях его организации. Как мы пытались показать выше именно так понимали внутреннюю психическую энергию основатели глубинной психологии и ее части психодинамики З.Фрейд, К.Юнг, В.Райх Сам термин внутренней энергии вошел в естествознание значительно позднее самого термина энергия, который встречается еще у Аристотеля, и был предложен В.Томсоном и Р.Ю.Клаузиусом во второй половине 19 века. Под внутренней энергией при этом подразумевалась энергия системы, зависящая от ее внутреннего состояния, т.е. энергия хаотического (теплового) движения всех микрочастиц системы (молекул, атомов, ионов и т.д.) и энергия их взаимодействия. Очень важным является тот факт, что ни кинетическая энергия движения системы как целого, ни ее потенциальная энергия во внешних силовых полях во внутреннюю энергию не входят. Какие существуют еще виды психической энергии кроме энергии внутреннего движения и взаимодействия психоидов психодинамика не знает.

3.2. Равновесие

Равновесие как основное условие протекания психических процессов стало теоретической базой экспериментальных психологических исследований в общей психологии со времен возникновения гештальт-

психологии (Коффка, Келлер, Вертгаймер). Позднее Ж.Пиаже подробно исследовал равновесие мыслительных процессов и его формирование как центральной закономерности функционирования интеллекта в онтогенезе. Ж.Пиаже с сотр. В экспериментальной части книги мы приведем собственные эксперименты по перцептивному и мыслительному равновесию, спланированные и проведенные в рамках этих концепций, поэтому здесь не будем на этом подробно останавливаться.

В середине прошлого века детально исследовал процессы психического равновесия в области эстетического восприятия искусства А.Арнхейм в своей книге «Искусство и визуальное восприятие» (12). Это исследование выделяется тем, что посвящено наиболее синтетическим проявлениям психоидной энергии – познанию и творению таких сложных объектов внешнего мира и человеческой истории как произведения живописного (и не только) искусства. Для нас здесь важно то, что и восприятие и творение произведений искусства есть проявление субстанционального деятеля как системы психоидов, а не элементарного психоида). Так как равновесием отдельного психического осмысленного образа мы специально займемся при описании собственных экспериментов. Несмотря на такой высокий уровень организации психической деятельности как живописное искусство, в процессе теоретического анализа Р.Арнхейм остается на позициях классической гештальт-психологии, что позволяет ему построить строгую концепцию эстетического восприятия художественных изображений как силового энергетического поля перцептивных сил. «Почему же художественное равновесие желаемо?» - задается вопросом автор, и дает на него следующие ответы.

- Потому что оно вызывает эмоциональное удовлетворение и чувство приятного, что соответствует психоаналитической теории, которая определяет мотивацию как стремление к удовольствию и избегания неприятных чувств – неудовольствия.

- Потому что художник стремится к достижению равновесия своего произведения с целью удовлетворения одной из наиболее элементарных потребностей человеческого тела. Однако, как подчеркивает автор «пока не существует конкретных доказательств, что подобные мускульные реакции на зрительно воспринимаемые ощущения были бы частыми, сильными и определенными». ()

«Однако ни та, ни другая теоретическая концепция – по мнению Р.Арнхейма – не являются удовлетворительными. Обе ссылаются только на специфические физиологические закономерности и, следовательно, не могут дать объективного суждения о тех глубоких *духовных функциях (курсив наш – Д.С.)*, которые несет с собой искусство. *Надо надеяться, что потребность в равновесии соответствует всеобъемлющему человеческому опыту более высокого уровня. Явление равновесия должно рассматриваться в более широком контексте (курсив наш – Д.С.)*» (там же). На наш взгляд психодинамика как расширение термодинамических начал в область психологии и должна стать таким контекстом. Поэтому далее Р.Арнейм коротко прописывает программу построения такого контекста, которой, как нам кажется, придерживаются многие ученые, занятые исследованием проблем психической энергии и равновесия в психологии: «Психология мотивации извлекла большую пользу из способа мышления (равновесного, т.е. психодинамического – Д.С.), который привел к подобным выводам ученых различных областей знаний. Принцип энтропии в физике, известный также под названием второго закона термодинамики, гласит, что каждое состояние изолированной системы представляет собой необратимый процесс уменьшения активной энергии. *Вселенная стремится к состоянию равновесия, в котором устраняются все существующие несимметричные образования (курсив наш – Д.С.)*» (там же). Это положение, которое поддерживает большинство современных представителей естественнонаучного направления в гуманитарных исследованиях,

непосредственно подводит к выводу о том, что к *равновесию* должны стремиться и такие принципиально несимметричные образования как *внешний (объективный) и внутренний (субъективный) планы психического образа (психического отражения в целом) и осознаваемое и неосознаваемое в психическом отражении*. Из чего и следует делаемый Р.Арнхеймом вывод: «Таким образом, любую (курсив наш – Д.С) материальную деятельность можно определить как стремление к равновесию. В психологии представители теории гештальта пришли к выводу, что любое проявление психологической деятельности стремится по возможности к самой простой, наиболее правильной, наиболее уравновешенной организации. Свой «принцип удовольствия» Зигмунд Фрейд истолковывал так, что ход психических событий стимулируется каким-то неприятным напряжением, а направление хода этих событий протекает в сторону сокращения напряжения. Наконец, физик Лэнслот Ло Уайт был настолько поражен всеобщностью этой идеи, что сформулировал «унитарный принцип», лежащий в основе любой естественной деятельности, в соответствии с которым «в изолированных системах асимметрия уменьшается» (L. L. W h y t e, The unitary principle in physics and biology, X.Y., 1949).» (там же) В соответствии с этими предположениями уже выстраивается новая, вообще говоря, с теоретических позиций противоположная классическому психоанализу, теория мотивации, характерная более для гештальт-психологии и гештальт-терапии. А именно мотивация понимается как отсутствие **равновесия** какого-то субстанционального деятеля (психоида) в организме, который (уже весь организм) стремится к его восстановлению. Как нам представляется, именно это более позднее гештальтистское понимание мотивации с позиций концепции равновесия и должно лечь в основу психодинамики как новой области психологического знания. Однако в самой гештальт-теории термину Психодинамика уделялось мало внимания. Возможно именно потому, что первоначальная психоаналитическая концепция мотивации, названная

психодинамической, на самом деле являлась скорее статической. Р. Арнхейм так пишет об этом: «Фрейд сделал наиболее крайние выводы из этого взгляда (понимания мотивации как нарушения организменного равновесия – Д.С.). Он описывал основные человеческие инстинкты как выражение консервативности живой материи, как внутренне присущую тенденцию возвращаться к прежнему состоянию. Фрейд говорил об основополагающем значении «инстинкта смерти», о стремлении вернуться к неорганическому существованию. Согласно принципу экономии, выдвинутому Фрейдом, человек стремится тратить как можно меньше своей энергии. Иными словами, человек ленив по своей природе.

В противоположность данной точке зрения можно указать, что человеческое существо, не страдающее физической или умственной неполноценностью, видит свое призвание не в пассивности, а в действии, движении, изменении, росте, продвижении вперед, производстве, творчестве, исследовании. Нет никакого оправдания странной идеи, что жизнь заключается в попытках покончить с собой как можно скорее. В действительности же основная характеристика организма состоит в том, что он выпадает из биологических закономерностей природы, так как, постоянно *заимствуя новую энергию из окружающей среды (курсив наш – Д.С.)*, организм человека упорно борется против всеобщего закона энтропии» (там же). Далее автор справедливо подчеркивает, что в обычной человеческой жизни достижение состояния равновесия требует определенных усилий (затрат энергии), поэтому человек большую часть жизни находится скорее в состоянии стремления к равновесию, чем собственно в равновесии. Для нас, однако, важным является ответ на вопрос, *при каких условиях* достигается психическое равновесие с окружающим миром. Собственно говоря, подступы к ответу на этот вопрос уже намечены выше. Наличие *мотивации* уже предполагает общеорганизменное неравновесие, которое становится источником истечением внутренней энергии во внешний мир. Следовательно, совершенное равновесие возможно при полном отсутствии

мотивации, что в общем случае невозможно. Но к этому именно состоянию устремляются многие и многие (восточные и не только) философические системы познания и деяния. Древняя формула, связывающая душевное равновесие (даже абсолютный покой) с минимизацией (полного отказа) количества желаемого, в начале XX века активно возвращается в экспериментальную психологию (ср. у В.Джеймса.) Интересно, что разработки в области минимизации мотивации (предельного охлаждения психоида, когда движение психической энергии от субъекта к объекту практически прекращается) с целью резкого повышения эффективности познавательной деятельности (интуитивного проникновения в самую сущность явлений внешнего и внутреннего мира) в различного рода медитативных состояниях велись параллельно с исследованиями взаимосвязи мотивации и эффективности восприятия и деятельности в обычном психическом состоянии. В итоге эти исследования привели к различным обобщениям закона Йеркса-Додсона о нелинейной связи роста мотивации и эффективности деятельности. Низкая и высокая мотивация (или ее причина внешняя экстремальность) ведет к низкой эффективности деятельности, в то время как средняя мотивация обеспечивает максимум эффективности деятельности. Если рассматривать закон Йеркса-Додсона (а также различные его формулировки – «колоколообразная зависимость», «инвертированная U-образная зависимость») как общую закономерность энерго-информационного равновесия психоида (о чем в экспериментальной части книги), то эффекты резкого возрастания когнитивной активности в зоне предельного снижения (медитативного остывания) внутренней энергии психоида требуют уже представления совершенно иных закономерностей, не укладывающихся в общую схему. Ситуация здесь подобна изучению поведения термодинамической системы вблизи абсолютного нуля температур, что потребовало формулировки специального начала термодинамики. О чем в следующем параграфе.

3.3. Начала психодинамики.

Прежде чем перейти к теоретическим и экспериментальным исследованиям психодинамики поведения и личности (чему и посвящена эта книга), необходимо сформулировать основные положения выбранного теоретического направления.

Первое, что мы утверждаем, - это то, что психодинамика является продолжением, естественным развитием термодинамики в области психических явлений, т.е. понятия *тепла* и *душевного тепла* имеют одно и тоже смысловое содержание, а именно *количество движения* составляющих субстратных элементов. Нам представляется, что предыдущие неудачи непосредственного перенесения начал термодинамики в область психологии связаны именно с непониманием специфики душевного движения специфических элементов – психоидов, и связанным с этим стремлением непосредственно измерить физическое тепло психического (или психофизиологического) процесса. Полученные в этих исследованиях результаты не являются неверными, но являются вульгарно материалистически тривиальными. В термодинамике элементами движения выступают атомы, молекулы, ионы ..., некие пространственные элементы. В психодинамике – это психоиды (временные элементы) разных уровней организации, а именно элементарный психоид – интуитивно-деятельностный элемент, молекулярный психоид – субстанциональный деятель. Возможны и более сложные системы субстанциональных деятелей. Например, социальная роль – это система субстанциональных деятелей, а не отдельный деятель. Система ролей – еще более сложная система. Разные уровни организации «Я», или «Self», «Id», «Personality» (гештальт-концепция) также есть разные уровни организации психоида и субстанциональных деятелей. Психоид, интуитивно-деятельностный элемент, таким образом, является той самой *чувственной тканью* психического (в известной терминологии), но с акцентом на элементарность составляющей.

Таким образом, начала термодинамики по смыслу своему непосредственно справедливы в области психодинамики, но их формулировка должна быть уточнена в соответствии со спецификой субстратного элемента – психоида. Что мы и предлагаем сейчас сделать.

Таблица 1

Сравнительное описание начал термодинамики и психодинамики

ТЕРМОДИНАМИКА	ПСИХОДИНАМИКА
<p>Общее (нулевое) начало термодинамики утверждает, что замкнутая система независимо от начального состояния в конце концов приходит к состоянию термодинамического равновесия</p>	<p>Общее начало психодинамики в ясном виде сформулировано в гештальт-психологии в начале XX века. Ж.Пиаже назвал это теоретическое положение «коперниканским переворотом в психологии». Психоид любого уровня организации независимо от начального состояния приходит к состоянию психодинамического энерго-информационного равновесия: <i>завершению гештальта (Кофка, Вертгеймер, К.Левин, Арнхейм...), равновесия интеллектуальных процессов (Ж.Пиаже), замыканию цикла...</i></p>
<p>Первое начало термодинамики полагает закон сохранения энергии в применении к термодинамическим системам.</p> <p>«Первое начало термодинамики определяет ... новую функцию состояния – энергию или, точнее, <i>внутреннюю (курсив наш – Д.С.)</i> энергию. Под <i>внутренней</i> энергией подразумевается энергия системы, зависящая от ее <i>внутреннего</i> состояния. <i>Внутренняя</i> энергия включает энергию хаотического (теплового) движения всех микрочастиц системы (молекул,</p>	<p>Первое начало психодинамики определяет внутреннюю энергию субстанционального деятеля (личности, например) как системы (или любой ее подсистемы). Под внутренней энергией подразумевается психическая энергия личности, зависящая от ее внутреннего состояния. Внутренняя энергия включает энергию душевного (деятельностного) движения психоидов разного уровня организации, составляющих систему, и энергию</p>

<p>атомов, ионов и т.д.) и энергию взаимодействия этих частиц»</p>	<p>взаимодействия этих психоидов (энергию деятельности).</p>
<p>Второе начало термодинамики накладывает ограничения на направление термодинамических процессов: запрещает самопроизвольную передачу тепла от более холодных тел к более горячим. Также формулируется как закон возрастания энтропии</p>	<p>Второе начало психодинамики накладывает ограничения на направление психодинамических процессов: запрещает самопроизвольную передачу душевного тепла (внутреннего движения психоида) от менее деятельных психоидов к более деятельным. От незнания к знанию. Интуиция невозможна без деятельности. Всякое противоположное направление движения энергии (например, в обучении) требует дополнительных затрат энергии на организацию деятельности, т.е. работы волевого двигателя. Также формулируется как закон возрастания энтропии. «Деятельность всегда богаче опережающего ее сознания» (А.Н.Леонтьев). В процессе деятельности психическая энергия не только совершает полезную работу, но и рассеивается. Энтропия образа возрастает до своего максимума. (См. ниже экспериментальные исследования перцептодинамики)</p>
<p>Третье начало термодинамики говорит о том, как энтропия ведет себя вблизи абсолютного нуля температур</p>	<p>Третье начало психодинамики говорит о том, как энтропия психоида (энерго-информационное равновесие интуитивно-деятельностного элемента) ведет себя при прекращении энергетического потока от организма к среде, т.е. в измененных состояниях сознания (медитативного типа), когда сведена до минимума всякая деятельность, граница между субъектом и объектом размывается</p>

	<p>открывая простор для интуиции. <i>Для того, чтобы определить это подробнее необходимо указать психологическую предельную величину, аналогичную абсолютному нулю. Где кончается душевное тепло? Где живет снежная королева? К обсуждению этого вопроса мы и переходим</i></p>
--	--

3.4.ДРУГОЕ: или где живет Снежная королева?

В книге сына Сирахова читаем: «Многое можем мы сказать, и, однако же не постигнем Его, и конец слов Он есть все» (Сир.43,29). Итак, мы можем постигнуть и постигаем, что Бог сотворил все. Однако нас предупреждают, что некий конец этого мы не можем постигнуть. Что это за «конец слов»? На наш взгляд, это есть прямое указание в Библии на абсолютный ноль познания. Для удобства изложение попробуем дать ему некоторое название, хотя бы частично отражающее абсолютную непознаваемость того, что находится за пределами этого «конца». Назовем его Другое. Мы не привыкли употреблять слово «другое» как существительное, поэтому, естественно, напрашивается вопрос: «другое», чем что. Другое, чем все. Все, что мы можем увидеть, услышать, почувствовать, помыслить, сделать, вообразить, сказать и т.д. «Другое» как существительное — это то, для чего вопрос «чем что» утрачивает смысл. Другое — это НеЭто. Оно несопоставимо ни с чем. И речь здесь идет именно о полной и принципиальной его **непознаваемости** как конца творения (для нас, конечно, а не для Бога). Само же по себе Другое, конечно, не является концом творения. Иначе это могло бы быть его свойством и означало бы некоторую его познаваемость. Но говорится именно о «конце слов», т.е. о том, что мы можем познать только конец, границу, предел, за которым начинается Другое, не имея никакой возможности узнать что-либо о нем самом. Сама же эта граница принадлежит, без сомнения, Этому миру. Нам представляется, что этот «конец слов» есть тот самый

предел, которого нам не хватало для формулировки третьего начала психодинамики. Своего рода абсолютный ноль познания, за которым... Интересно, что подобное обобщение замыкает уже существующие предельные константы этого мира, а именно такие как скорость света и абсолютный ноль температур. Физическая наука вводит предел, но ни слова не говорит о том, что за ним. Это молчание ученых, своеобразный сон разума рождает чудовищ, точнее чудовищные вымыслы о других мирах, их иногда называют субмирами и надмирами. Однако, если изучить такого рода концепции как фантастические, литературные, так и околонучные, то можно видеть, что все, что может происходить в этих внемирах есть простое обобщение того, что происходит в этом мире. Так движение со скоростью больше световой позволяет, в общем и целом, получать больше информации, но что от этого принципиально изменится, никто сказать не берется. Или, например, за пределами абсолютного нуля температур можно вообразить некое «царство снежной королевы» как царство абсолютной красоты, где каждая форма совершенна и поэтому господствует абсолютный порядок и невозможно никакое движение, т.к. оно порождает изменение. Внемиры, таким образом, заполняются образами нашей фантазии, которые сотканы из элементов этого мира. *Невозможность существования такого рода миров (т.е. фактически утверждение о том, что наш мир единственный во вселенной) является, на наш взгляд, таким же естественнонаучным законом, как и невозможность построения вечного двигателя, а точнее естественным следствием третьего начала психодинамики.* А.Эйнштейн в одной из дискуссий о возможности существования других миров очень точно заметил: «Бог не играет в кости», подчеркивая тем самым бессмысленность самой постановки вопроса.

Однако потребность во введении такого предела познания, конечно, не в том, чтобы запретить научную фантастику. Кроме того, предел вводится по сущности, а не по времени. Таким образом, познание остается бесконечным в тех пределах, в которых оно существует. А также *приближение* к этому

пределу живого человеческого познания является бесконечным и совершенно изменяет течение психических процессов, делает познание его иррациональным, эмоциональную сферу содержательной и равновесной, волю лишенной всякого действия и в тоже время безграничной, так как творится уже не своя частная воля, а Воля запечатленная в этом мире в момент творения, Воля Божия. Видимо, именно в таком волевом состоянии Святые отцы церкви совершают чудеса. Н.О.Лосский называл это состояние интуитивным проникновением в объект, Вертгаймер в начале XX века предложил технически термин «инсайт», существует много других синонимов и эмпирических описаний этого особого состояния субстанционального деятеля – озарения, творческого вдохновения... Однако, важно еще раз подчеркнуть, что не только познание меняет свои характеристики вблизи «конца слов», но и эмоции и воля. Здесь можно упомянуть и явления катарсиса или медитации, чувственного экстаза или молитвенного чувства... Таким образом речь идет об особом поведении психоида вблизи абсолютного нуля познания, а это и есть искомое **третье начало психодинамики** как обобщение третьего начала термодинамики (см. выше). Однако, прежде чем приступать к конечным формулировкам необходимо детально разобраться в самом понятии «конца слов» по Сираху, или абсолютном нуле познания. Начнем с самого «конца слов». Почему конца, а не начала. Здесь действительно уместно вспомнить и третьем временном физическом ограничении этого мира – это его Начале. В официальной науке – это Большой взрыв. А все, что до Большого взрыва... по словам Иоанна Павла II и говорить бессмысленно. В Священном писании, однако, сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1.1). О каком же начале здесь идет речь? Ясно, что обычный смысл слова «начало» недостаточен, т.к. до сотворения не было и времени. Следовательно, начало здесь следует понимать более широко, как нечто, точнее нечто *другое*. Что же это такое, в чем (т.е. как бы внутри этого нечто) Бог сотворил небо и землю, а затем весь мир. Мы полагаем, что этим началом и является то, что мы

назвали Другое, сотворенное одновременно с этим, что и положило основу существования времени. И с этой точки зрения можно уже совершенно иначе подойти к проблеме времени в целом. Свт. Василий Великий писал: «Поелику действия творения мгновенны и не подлежат времени, то и сказано «в начале сотвори», потому что начало есть нечто, не состоящее из частей непротяженное... придумывать начало для начала весьма смешно (свт. Василий Великий «Беседы»). Начало, о котором идет речь, как нам представляется, — это косвенное указание на то, что мы в более широком смысле называем Другое. Но и оно не является собственно началом, т.к. иначе мы именно и выдумываем начало для начала, что действительно весьма смешно. Но это не так. Другое и есть другое. Оно не может быть никаким началом ни для чего из Этого. И в этом смысле именно Другое и делает смешным придумывание начала для начала, потому что оно Другое для всех возможных начал, так или иначе упорядоченных во времени этого мира. И именно поэтому начало творения может быть только одно. Оно есть **граница**, которых не может быть две. И поэтому же невозможны никакие суб- над- и предмиры.

Итак, Другое есть другое абсолютно, т.е. отделено от нас гносеологической границей, перейти которую никакому знанию не представляется возможным. Тем не менее, как мы уже указывали, исследование самой границы Это-Другое, несмотря на ее полную гносеологическую непроходимость, может быть весьма полезным для понимания многих философских и научных вопросов, касающихся уже изучения этого мира. Итак, физическое начало и конец мира – творение и завершение времени – есть физическое бытие «конца слов», абсолютного нуля познания. Его идеальное бытие (устремление в познании к началу и концу времени) в нашем сознании определяет особый характер течения психических процессов.

Таким образом, с психодинамических позиций мы имеем уже две принципиально различных (по началам) области психических явлений. Это

психические явления в обычных, хотя и разных (по **экстремальности** – подробнее об этом позже), **условиях жизнедеятельности**, что представляет собой всю *классическую психологию*, для которой мы с позиций психодинамики выше описали цикл волевого регулирования поведения, подобный циклу Карно. И *глубинную психологию* (включающая исторически именно «психодинамические» теории личности, психоанализ, гештальтпсихологию, нейро-лингвистическое программирование, др.), предметом которой в основном является сфера психических явлений вблизи «конца слов», **абсолютного поля познания**. С точки зрения классической психологии (ее деятельностного подхода) волевою работу, совершающуюся в любой деятельности, можно представить, в том числе, и примером писания этой книги: разогретый (творческим порывом) образ переносится на «холодный» экран компьютера, где остывает до того реального «сухого» содержания, которое Вы сейчас читаете. После чего остывшая идея вновь интериоризируется для разогрева во внутренний план и вновь переносится во вне и остывает в виде продолжения текста. После чего цикл повторяется. И труд, и общение, и познание (здесь в форме умственного труда) как основные виды деятельности работают по принципу такого цикла. Однако, в психологии существуют как будто параллельные термины: творческий труд, эффективное целенаправленное (терапевтическое) общение, интуитивное творческое познание.

Здесь уместно вспомнить, что, основываясь на началах термодинамики, можно получать не только тепло (в случае психодинамики душевное тепло, двигающее деятельность), но и холод. Это будет как бы обращенная тепловая машина. В отличие от тепловой машины, когда передача тепла от нагревателя к холодильнику используется для получения работы, в обращенной – теплота передается от холодильника нагревателю, так что холодильник становится еще холоднее, а нагреватель - еще горячее, что возможно, конечно, только за счет совершения некоторой механической работы. Так, например, работа электродвигателя домашнего холодильника,

идет на то, чтобы получить холод внутри холодильника за счет нагревания воздуха на кухне.

Очевидно, что и в психологии случается не только эмоциональное разогревание, но и эмоциональное охлаждение. Хорошо известен механизм мозгового штурма, который используется для ускоренного получения нетривиальных эффективных решений и включает два основных этапа. На первом этапе запрещается всякая критика, фиксируется любая самая бредовая идея, на втором – запускается работа обычного интеллектуального труда, т.е. анализа и систематизации собранного на первом этапе. С психодинамических позиций первый этап отключает волевой мотор (критику), что ведет к выбросу всех возможных горячих идей вовне, их остыванию и соответствующему остыванию внутреннего плана мышления. Когда высказано все, то *движение психоида между внешним и внутренним планом сведено до минимума* в силу априорной холодности и неподвижности внешнего и искусственного (штурмового) охлаждения внутреннего. Это внутреннее состояние описывается многими учеными первооткрывателями (Ньютон, Пуанкаре, Менделеев...в искусстве – Достоевский, Моцарт, мн. др.), как полная опустошенность, нежелание что-либо делать, забвение проблемы, полного приятного отвлечения от работы и т.д. Подобное состояние испытывают и участники мозгового штурма. Именно в этом состоянии приходит какое-то совсем *другое* ясное и простое открытие или решение проблемы. Иногда это случается во сне как, например, с Д.И.Менделеевым, который во сне увидел открытую им периодическую систему элементов. Характерно, что сон является, с изложенных здесь позиций, максимально приближенным к абсолютному нулю знания, так как не содержит никакого деятельного обмена с внешним миром. И именно сновидные состояния становятся в существенной мере предметом глубинной психологии (в особенности в таких ее ответвлениях как психоанализ З.Фрейда, аналитическая психология К.Юнга и гештальттерапия Ф.Перлза).

Итак, абсолютный ноль познания предполагает полную остановку психоэнергетического обмена психоида (системы психоидов – субстанционального деятеля) с внешним миром, что конечно невозможно до тех пор, пока человеческий организм жив. Однако, приближение к абсолютному нулю, из которых сон является, видимо, далеко не самым близким, вводят человека в иное состояние сознания, где привычные волевые, эмоциональные и когнитивные компоненты начинают вести себя совсем по-другому. Если говорить о психологически искусственно получаемых близких к абсолютному нулю состояниях субстанционального деятеля, то следует указать на различного рода медитативные состояния, характеризующиеся полным слиянием субъекта с объектом. Что, в свою очередь, ведет к максимальному снижению энергетического деятельностного потока от субъекта к объекту. Можно сказать, что психоид вблизи абсолютного нуля познания уже не различает интуицию и деятельность, Он есть и объект и познающий субъект одновременно (а не только одномоментно – см. выше). Такой путь психического охлаждения в отличие от приведенного выше «западного» (деятельностного – мозговой штурм) можно назвать «восточным». В предлагаемых процедурах сознание до тех пор концентрируется на объекте (например, пламени свечи) пока не достигается состояние полной идентификации, невозможности отличить свое Я от объекта интуитивного проникновения. В медитациях большое внимание уделяется также и третьему психофизиологическому ряду явлений, входящих в психоид, – расслаблению всех мышц организма при сохранении бодрствования, что, очевидно, ведет также к снижению деятельностного энергопотока. В западной модели охлаждения психофизиологические состояния рассматриваются как следствия когнитивного инсайта (творческого озарения) вблизи абсолютного нуля познания. Действительно, западная модель предполагает работу деятельностно-волевого мотора (сравн. мозговой штурм), которая направлена на охлаждение внутреннего плана психоида. Что-то вроде обычного холодильника, который работает пока это

нужно и отключается во время отпуска. Однако, жители северных районов часто используют вместо холодильника обычный лед (яму со льдом – ледник). Нечто похожее проделывают с сознанием и (восточные) философы, используя *интуитивное* взаимопроникновение в объект, они непосредственно охлаждают сознание его (когнитивным) холодом. Ясно, что внешний объект как «вещь в себе» в терминологии И.Канта не содержит никакого знания и его состояние полностью соответствует абсолютному полю познания. Следует, однако, подчеркнуть, что западный и восточный способ когнитивно-эмоционального охлаждения не следует считать расово или географически обусловленным. И хотя творческие люди всего мира используют и тот и другой способ на пути в царство Снежной королевы – абсолютной (неподвижной) гармонии и красоты, несомненно, существуют и социокультурные предпочтения. Поэтому, как уже подчеркивалось выше, существует две различные системы психологического знания. А именно: *классическая* (деятельностная, поведенческая) *психология*, *которой, очевидно, должна соответствовать и некоторая «классическая психодинамика»*, посвященная изучению деятельностно-волевого поведения в обычных состояниях сознания, которые определены основным и первыми двумя началами психодинамики. И *глубинная психология которой должна соответствовать некоторая «неклассическая» психодинамика*, посвященная изучению эмоционально-когнитивных и волевых состояний вблизи границы «Это-Другое», т.е. абсолютного поля познания. Классическая психодинамика посвящена изучению деятельностной составляющей психоида, а неклассическая его интуитивной составляющей. Опять же классическая психодинамика посвящена в основном изучению поведения психоида в **физическом** времени, т.е. изучению связи прошлого (мотива) и будущего (цели) деятельности психоида. А неклассическая психодинамика занимается в первую очередь психологическим (историческим) настоящим с его разрывной структурой и отсутствием длительности (действительно, какая может быть длительность в медитации).

При этом психоид предстает как далее неделимый, целостный *интуитивно-деятельностный* элемент.

Теперь мы можем ответить и на вопрос, поставленный в названии этого параграфа и утверждать, что Снежная королева живет в Этом (и только в этом) мире, хотя и очень близко к его границе. Ее царство есть предмет раздела научной психологии – *неклассической психодинамики*.

Для того чтобы приступить к изучению классической психодинамики, нам необходимо ввести характеристическую функцию – энергию психоида в состояниях далеких от абсолютного поля познания, описывающую функционирование волевого психодинамического двигателя. Чтобы такой двигатель работал, окружающий внешний мир должен быть как-то разогрет, точно так же как в тепловой машине холодильник не может быть абсолютно холодным. В психодинамике это означает, что внешние объекты, с которыми мы имеем дело в обычной жизни, **знакомы** нам, т.е. изоморфны некоторому исходному знанию. Большинство из того, что мы видим вокруг себя, мы опознаем мгновенно и абсолютно точно. Мы видим не что-то коричневое и плоское, а дверь. Дверь это знакомый нам способ войти в дом и удовлетворить какую-то свою потребность, например, голод. Однако, дверь может быть заперта, ключи у жены. А жена неизвестно где. Все эти элементы непосредственно незнаемого и есть та разность, которая направляет энергию нашей деятельности и запускает движение психоида (подробнее см. выше). Количество знакомого и привычного в окружающей жизни определяет общую психодинамику нашего поведения, его энергию и направление деятельности. Таким образом, психодинамика личности в ее классическом понимании определена условиями ее жизнедеятельности, а точнее количеством незнаемого, непредсказуемого по отношению к известному знакомому. Это соотношение представлено, в частности, и в формуле эмоций П.В.Симонова (см. выше). В общем случае его можно назвать функцией *экстремальности* ситуации личностного бытия той или иной степени протяженности во времени. Когда же речь идет о наборе сходных ситуаций

на длительном (многолетнем) промежутке жизни, то можно говорить уже не об экстремальности ситуации, а об *экстремальности условий жизнедеятельности* в целом, которая и является одной из необходимых характеристических функций поведения. К ее изучению мы и переходим.

3.5. Понятие душевной теплоты

Мы уже неоднократно использовали термин душевная теплота, собственно говоря, еще начиная с эпиграфа ко всей книге. До сего момента мы опирались исключительно на термодинамические аналогии, что, кстати сказать, имеет под собой хорошую психосемантическую базу. Использование слов «тепло», «теплый», а также «горячий» или «холодный» в отношении душевных состояний характерно, практически для всех европейских языков, а возможно и вообще для любого языка. Анализ словарных синонимических связей показал, что сама характеристика теплого и холодного относительно душевных и социальных явлений используется как минимум в трех разных смыслах, ориентированных в поле субъект-объектного взаимодействия, или, в наших терминах, в силовом поле психоида – субстанционального деятеля. Первое значение тепло-холодного относится к самому субъекту. «Я вся горю» (из песни), «in warm blood» (сгоряча – *англ.*), англичане в частности говорят не о «смягчении», а о «потеплении» сердца: «His heart **warmed** over Baretti as they walked along together.» — Его сердце смягчилось по отношению к Баретти, покуда они гуляли вместе (*D. C. Murray.*) Русский вариант смягчения описывает уже, видимо, следствие потепления, таким образом, также остается в семантическом поле тепла. Также говорят о «холодном сердце». Характерно, что все, что касается «холодного» связывается более с устойчивыми чертами личности, теплое же состояние более временно. И это уже не термодинамическая аналогия, а семантико-словарный факт. При этом также, теплое состояние субъекта может быть различным.

Второе значения душевного тепла в словарях описывает передачу теплого состояния каким-либо внешним объектом. Например, «тепленький»

(разогретый алкоголем, обедом, приятной беседой), или разгоряченный (прогулкой, другой какой деятельностью). Характерно также английское выражение «He's warm» (Он теплый = он почти у цели), характеризующее нагревание субстанционального деятеля. В русском варианте в этом случае говорят просто «тепло» (почти нашел, почти правильно), подчеркивая опять же скорее момент теплообмена, чем состояние психоида. Наконец третья группа смыслов использования предиката теплый-холодный – это характеристика самого внешнего объекта или ситуации. «Теплый прием», «теплые отношения» (*офиц.*), «горячий стул» (*психотерап.*), «Жаркая дискуссия», «жаркий бой». Характерное английское название «hot dog» (дословно «горячая собака») указывает не на температуру бутерброда, и уже тем более не на температуру некой собаки, а на душевный жар, который бутерброд несет в себе относительно чувствующего голод. Вспомним здесь название фильма «Горячий снег». Такое противоречивое название заслуживает небольшого психодинамического анализа. Как мы говорили выше, психоид представляет собой темпоральный элемент, необходимым условием возникновения и существования которого является совпадение трех временных рядов явлений: физического, психофизиологического и психического. Если также вспомнить, что психодинамику мы рассматриваем как расширение термодинамики на область психических явлений, то можно, в общем и целом, сказать, что количество душевного тепла, заключенного в субъекте или объекте в некоторой степени согласовано во всех трех моментах. Так красный цвет мы называем теплым (даже горячим) тоном, синий или серый – холодным. Также и цвет горячего огня – красный, холодной воды – голубой или серый и т.д. Чтобы физически холодный снег стал психологически горячим необходимо очень большое количество душевного тепла. Эта разность и создает особое напряжение фильма о войне.

Итак, явление душевное тепло зафиксировано человеческим языком как особое явление, несводимое к простым аналогиям тепла физического.

Душевное тепло существует в трех основных формах в поле субъект-объектного взаимодействия, а именно

- Как характеристика состояния объекта
- Как характеристика состояния субъекта
- Как характеристика самого взаимодействия объекта и субъекта, т.е. как характеристика обмена душевным теплом.

Что же это за характеристика? Всегда ли она присутствует. Исходя из всего изложенного выше, можно сказать, что можно говорить о разных количествах душевного тепла, начиная с абсолютного его нуля. Этот ноль, как мы показали выше, есть абсолютный ноль знания, абсолютное незнание, что очень условно можно назвать Другое, что непредставимо никаким образом и является третьей предельной характеристикой этого мира наряду с ограничением скорости движения и абсолютного нуля температуры. Ближе к нам в этом мире неизвестные нам объекты, **непознанное** – уже наделено некоторым количеством душевной теплоты, т.к. непознанные объекты *могут* быть познаны. Эта предикация уже «теплится». Мы уже ощущаем некоторую близость с этим еще неизвестным. Выше мы говорили о том, что именно в этой области поведение психоида описывается третьим началом психодинамики. Далее, количество душевного тепла в объекте может быть измерено количеством известного нами в этом объекте, если такое полное измерение вообще возможно. Но это уже вопрос о полноте и завершенности теории информации, который еще далек от своего решения. Однако, здесь, как нам кажется, завершается семантический и диалектический круг самого понятия «тепло», а именно:

- Физическое Тепло – Энтропия – Информация –
Душевное Тепло

Однако, количество душевного тепла, измеряемое только количеством *подобного* в объекте (в смысле Эмпедокла), т.е. того, что может быть познано или уже познано и узнано, еще не достаточно для развития деятельности, но

уже достаточно для развития медитативных состояний. Например, видимый карандаш сообщает большее количество душевного тепла, чем нечто тонкое и длинное, неведь что. Этот последний холодный объект остужает психоид, снижая его внутреннюю энергию, что уже мобилизует силы организма на восстановление уровня душевного тепла и развивается реакция любопытства («Что это?») на незнакомый объект. Закон сохранения энергии при этом не нарушается, т.к. эта реакция запрашивает из среды все больше новой информации (контекст восприятия расширяется) позволяющей понять, что это за новый объект. Таким образом, в этом случае количество душевного тепла, сообщаемое извне (стимуляция) даже больше, и эта разница идет на разогревание незнакомого, узнавание того нечто, которое не вписывается в окружающий знакомый контекст. Если воспользоваться терминами концепции креативности, то речь идет о расширении контекста как способе решения всех головоломок. Это еще не познание, но уже умственный труд, основанный на душевном теплообмене с объектом, о чем чуть ниже. Итак, познание как деятельность есть реакция на внешний душевный холод (малое количество душевного тепла, малую знакомость объекта). Теплыми можно назвать те объекты, которые известны нам не только по образному подобию, но и по функциональной принадлежности. Если мне нужно что-то записать, то карандаш (а точнее вся ситуация как фон с карандашом в качестве фигуры) несет гораздо большее количество душевного тепла, которое уже как страстная энергия превращается в деятельность. В этих пределах уже работает потребностно-информационная концепция П.В.Симонова, позволяющая измерять энергию работы страсти. Этой сообщаемой извне психической энергии уже достаточно, чтобы разогреть психоид до состояния развития деятельности. Умственный труд превращается (или вырождается) в деяние, труд обычный. **Деяние**, таким образом, есть горячая составляющая психоида – *нагреватель* волевого двигателя, а **интуиция** (интуитивное познание) – *холодильник*. С точки зрения классической психологии и то и другое есть деятельность, с точки зрения классической психодинамики

первое есть холодная деятельность (преимущественно интуитивное познание), другая – теплая (страстное в той или иной степени деяние). Интуитивно-деятельностный элемент – психоид, субстанциональный деятель совершает волевою работу, когда разница между холодом интуиции и теплом деятельности достигает определенного критического значения. Характерно, что в психотерапии существует два вида техник. Одни связаны с разогреванием психоида, например, провоцирование агрессии в психотерапевтической группе, а другие с охлаждением, например, медитация перед психотерапией (см. напр. работы...по арт-терапии). С предлагаемых нами позиций теоретической психодинамики рекомендации по охлаждению или разогреванию волевого двигателя могли бы приобрести системный и обоснованный характер.

«Холодная» и «теплая» деятельность – издревле известная антиномия познание и деяние обязаны этой своей характеристикой также отношением к абсолютному нулю знания – отношению к границе Этого и Другого. Дело в том, что всякая деятельность включает в себя не только субъект и объект деятельности, но и ее орудие. Именно орудие познания, познавательной деятельности, как мы это попытаемся сейчас показать, отличается максимумом неопределенности (минимумом познаваемости), т.е. является душевно холодным в указанном выше смысле.

Для исследования и описания орудий деятельности мы воспользуемся наиболее распространенной и, в общем-то, общепринятой в психологии классификацией видов деятельности. Это определение таких видов человеческой деятельности как **труд, общение и познание** (см. напр. Б.Г.Ананьев - 2). Иногда говорят еще и о таком виде деятельности как «игра», но с точки зрения предложенных нами критериев, как это будет видно из нижеследующего, игра есть один из видов общения (даже если ребенок играет в одиночку) или труда, или их конгломерата. Попробуем различить указанные виды деятельности с точки зрения различий используемых орудий. Всякое орудие деятельности среди прочих обладает

двумя существенными характеристиками по отношению к объекту деятельности.

- **Функциональное назначение** орудия: для чего оно нужно, какие изменения в объекте деятельности (за какие сроки, в каком объеме) могут быть достигнуты
- Пространственно-временное положение орудия в поле субъект-объектного взаимодействия.

Одновременное использование двух представленных характеристик как критерия различения видов деятельности позволяет определить специфику по характеру использования орудия, т.е. фактически по характеру субъект-объектного взаимодействия. Для удобства дальнейшего анализа результаты сравнения видов деятельности проще всего представить в виде табличной схемы.

Таблица 3

Орудийные характеристики видов человеческой деятельности

Вид деятельности	Орудие деятельности	Результат деятельности	Функциональное отношение орудия к изменению объекта деятельности	Пространственно-временное отношение орудия к результату деятельности
ТРУД	Орудия труда	Изменение объекта труда	однозначное	разделенное в пространстве и времени
ОБЩЕНИЕ	Слово-знак	Изменение поведения объекта общения	неоднозначное	разделенное в пространстве и времени
ПОЗНАНИЕ		Получение	неоднозначное	неразделенное в

НОВОГО
знания:
**значение,
понимани
е**

пространстве и
времени

Орудия труда многообразны как по своему виду и назначению, так и по уровню сложности. Однако, для всех для них, будь то лопата или станок с программным управлением, характерны однозначность по отношению к результату и отделенность в пространстве времени от самого этого результата. Действительно, лопата предназначена, чтобы копать, а вскопанную землю никому не придет в голову назвать лопатой. Также и ткацкий станок предназначен для изготовления полотна, и само полотно – это никак не станок.

Орудием общения и познания является слово, точнее слово-знак как орудие деятельности в отличие от слова-значения как ее же результата. В общении слово-знак выступает именно как знак, т.е. как орудие позволяющее изменить поведение или знание другого человека. Однако, использование этого орудия далеко не всегда приводит к ожидаемому результату. Другой человек может нас не послушать и продолжать вести себя по-своему. Кроме того, само слово-знак в общем случае имеет широкий спектр значений, т.е. нас могут еще и просто не понять. Из всего этого следует, что орудие общения уже неоднозначно соотнесено с результатом общения. Остается, однако, пространственно-временная разделенность, произнесенное мною слово и дальнейшее поведение партнера еще легко различимы, по крайней мере, во времени, т.к. слово, понятое партнером по общению уже находится где-то в общем пространстве общения, которое К.Левин называл полем.

Что касается познания, орудием которого также является слово-знак, то здесь отсутствует как функциональная однозначность, так и пространственно-временная разделенность, т.к. результат познания есть

слово-значение, которое неотделимо от слова-знака. Знак и значение есть две стороны психодинамики слова в познании. Начиная использовать словесные знаки, мы меняем их значения, изменение которых в свою очередь изменяет сами знаки. Так в начале этой книги слово «психодинамика» обладало одной знаковой функцией и отсылало к некоей ранее описанной области значений (см. первые параграфы). По мере изложения и все большего и большего использования этого знака область значений изменилась, но изменился и сам вербальный знак – «психодинамика», т.е. появились как новые запреты на его использование, так и новые возможности. Эта неотделимость знака от значения, орудия познания от его результата имеет естественным следствием то, что познание есть деятельность по творению неопределенного (неизвестного) результата. Если, копая землю, мы знаем, что будет, когда мы закончим копать. Если, воздействуя словом на поведение другого человека, мы, обычно, знаем, чего бы мы от него хотели, то, познавая, мы *никогда не знаем*, что мы узнаем. В этом, собственно, и смысл, и красота познания. А коль скоро значение есть неотъемлемая часть знака, то мы *не знаем* (во всяком случае, полностью), что есть то орудие, которым мы вскапываем творческую ниву. Близость познания как деятельности к *абсолютному нулю* знания, а, следовательно, его душевная *холодность* заложена в самом его орудийном составе. С позиций психодинамики «холодный» ум – это уже не метафора.

В заключение этого небольшого анализа человеческой деятельности следует лишь заметить, что в реальной жизни присутствуют более смешанные виды деятельности, которые получаются наложением дополнительных ограничений на указанные характеристики. Так, например, можно говорить об *умственном труде*, когда слово-знак длительное время используется с точно определенным значением. Например, собирание всех возможных определений словосочетания «душевная теплота», или доклад на тему..., лекция, или же просто поиск определения непонятого предмета, который находится перед нами, как это было показано в примере выше, и т.п.

Такое познание как умственный труд уже не является холодным, напротив, оно перенасыщено душевной теплотой, которая изливается в окружающий социум. Можно также говорить о *формализованном общении* (некоем труде общения), когда искусственно устанавливается жесткая связь между словом и действенной на него реакцией (например, выполнение приказов). Таким формализованным по тем или иным правилам общением и является, по нашему мнению, игра. Возможно также *социальное* (в том числе, психотерапевтическое) *познание*, которое возводит в правило неоднозначность поведенческой реакции на слово и т.д.

В начале прошлого века В.Джеймс обрисовал компонентную структуры личности, которая более всего подходит для описания структуры субстанционального деятеля с точки зрения его тепловой характеристики. Он определил три основных компонента: «физическое Я», «социальное Я» и «идеальное Я». В физическое Я, по Джеймсу, входят не только психические, но и материальные объекты, а именно те, которые, в наших терминах, обладают большим количеством душевного тепла. Это *моя* одежда, *мои* вещи, несколько холоднее – *моя* мебель, квартира, еще холоднее – *моя* улица, граница между физическим Я и миром по Джеймсу не может быть четко обозначена. С точки зрения концепции интуитивизма Н.О.Лосского ее вовсе не существует.

Социальное Я – это множество социальных ролей, которых ровно столько, сколько людей, признающих меня как личность. И, наконец, идеальное Я – область самосозерцания.

По количеству душевного тепла каждого компонента можно сказать, что физическое Я является теплым за счет постоянного охлаждения внешним миром, социальное Я – горячим за счет обмена душевным теплом между людьми, и идеальное Я – неиссякаемый (в пределах жизни, конечно) источник психической энергии, о котором хорошо говорил Тейяр де Шарден. Если долгое время погружаться в себя, преодолевая суетные мысли и чувства повседневности, то, что мы обнаружим в конце? – мощный источник

энергии, неиссякаемый ключ жизни, дарованный нам Творцом. И Тейяр де Шарден упрекает себя за то, что так редко об этом вспоминает, хотя как священник обязан делать это каждый день в молитвенном обращении к Богу. Таким образом, энергия идеального Я является связанной, потенциальной энергией, которая высвобождается по мере уменьшения внешней стимуляции для поддержания жизни психоида, минимума его способности развивать деятельность для обмена душевным теплом с внешним миром. В основном же внутренняя энергия психоида согласно уравнению (1): $S = \text{Эф} + \text{Эст}$ – является энергией внешней стимуляции S . (Кстати в романских языках глагол стимулировать (например, *warmth* – *англ.*) является синонимом разгорячать(ся), воодушевлять, т.е. передавать душевное тепло.) Использование энергии идеального Я происходит как раз в ситуации познания или «интуитивного проникновения в объект» (по Н.О.Лосскому). В этом случае психоид полностью охлаждается незнанием того, к чему он стремится и может сохранять некоторое количество душевного тепла только за счет творческой энергии идеального Я. Таким образом, познание как вид деятельности имеет еще и другой источник энергии. Труд и общение питаются внешней стимуляцией, за счет которой психоид разогревается. В познании эта стимуляция наоборот сводится практически к нулю (это состояние обычно описывается как творческий кризис, тупик), и тогда происходит выброс внутренней энергии идеального Я, которая согревает незнаемое, превращая его в знаемое, знакомое, теплое. В физике точно также невозможно полное прекращение движения (демон Максвелла).

Однако вернемся к человеческому познанию. Если появление нового знания связано с выбросом некоторой не присутствующей доселе в мире энергии идеального Я, то значит и познанное уже есть совокупное количество душевного тепла личности – субстанционального деятеля – и того его минимума, который был в объекте – сама его познаваемость. Мне кажется, что именно в этом смысле Полани говорил о «личностном знании» в своей одноименной книге. Не впадая в идеализм, мы, в конечном счете,

находим место и платоновской «идее», которая исходит от субъекта и входит также и в содержание знания, но только в форме психической энергии (а не полностью подменяет это содержание как у Платона).

Итак, вся работа волевого механизма направлена на нагревание внешнего объекта, овладение им, точнее на изменение его вероятностной структуры. Объект – теплый, когда он нам знаком, и тем теплее, чем более он находится в определенном месте (местах) в определенное время, перемещается в заданном направлении..., предсказуем. Полностью предсказуемый объект (когда вероятность нахождения его на своем месте в свое время близка к единице) имеет равное психоиду количество душевного тепла и исчезает из поля внимания. Удержание объекта в поле внимания предполагает фигуру-фоновую игру, что заставляет количество душевного тепла циклически уменьшаться и увеличиваться. Экспериментально это проявляется в феномене «волны внимания».

Перегревание объекта создает помехи в личном пространстве. Объект поглощает все внимание. Во всем видится одно и то же. Такой перегрев хорошо представлен Набоковым в образе Пнина – гениального шахматиста, который постепенно начинает во всем видеть шахматные партии и сам превращается в шахматный автомат. Таким образом, в норме волевой двигатель забирает душевное тепло от знакомых объектов и распространяет его на незнакомые (недоступные, неподвластные и т.п.)

Возникает, однако, вопрос. Если искусственно отделить объект от нашего знания о нем, будет ли он иметь какое-то количество душевного тепла, и если да, то – какое? Да, будет и это количество душевного тепла равно **разности вероятности** нахождения объекта в этом месте и в это время при *случайном его движении* при равенстве всех возможных условий и *при реальных условиях*. С этой точки зрения *абсолютно любой* объект этого мира обладает душевным теплом в той мере, в какой он познаваем и подчиняется в своем движении (в самом широком смысле) какому-то закону какой-то области знания. В теологии этот аргумент используется как один из самых

простых и понятных для доказательства бытия Бога: если мы входим в комнату и застаем в ней не хаос, а порядок, то первая мысль, которая у нас возникает – это мысль о хозяине. Также и приходя в мир, мы видим в нем порядок, следовательно, кем-то он был установлен. В связи с этим можно выделить два класса объектов различающихся по количеству душевного тепла. Это более *холодные* объекты, сотворенные вместе с миром и человеком и более *теплые*, досконально знакомые нам, объекты, сотворенные самим человеком в его истории. Среди холодных объектов имеются, очевидно, более холодные, которые нам еще неизвестны, и обладают только тем свойством, что могут быть познаны. Однако, дойдя до этой точки в наших рассуждениях, мы утрачиваем ясность понимания того, что же есть душевное тепло, а тем более душевное тепло внешнего, да еще и на данный момент неизвестного нам объекта. Если это только его потенциальная познаваемость, то почему мы говорим именно о душевном тепле, а не просто, например, о гносеологическом статусе. Дело в том, что при интуитивном проникновении в объект (по Лосскому), проще говоря, при акте познания, в человеческом организме производится ***определенное количество движения***. Это количество движения тем больше, чем более знаком нам внешний объект. Своего максимума (своеобразной точки плавления психоида) это количество душевного тепла достигает при полном слиянии субъекта с объектом, когда мы уже не можем отличить, где кончается наше физическое «Я» и начинается внешний объект. О таком верхнем пределе знания как идеальном состоянии человека (и душевной температуры в наших терминах) писал Лосский, указывая на полное совпадение целокупного субстанционального деятеля в его познании с целым миром. Как и всякий идеальный предельный случай, это состояние недостижимо. Но в практической психологии достаточно примеров такого совпадения с объектом для частных субстанциональных деятелей или психоидов. Широко известны примеры исполнительской деятельности в музыке, когда музыкант полностью сливается с инструментом на достаточно

длительное время. Один из известных композиторов описал случай, когда сразу после прослушивания музыкального произведения, он взял себя одной рукой за другую и почувствовал мышечные сокращения в только что отзвучавшем ритме. Этот ряд можно было бы продолжить для всех видов человеческой деятельности, от простого копания до управления самолетом, хотя степень слияния с объектом бывает различной. Закончим наши примеры фактом из экспериментальной психологии, приводимый Прибрамом. Если указательный и средний пальцы положить на две отдельные иглы вибратора, то при определенной частоте вибрации ощущение касания иглы будет находиться *между* пальцами во внешнем пространстве. Варьируя частоту вибрации можно заставить ощущение передвигаться во внешнем поле, где отсутствуют контактные чувствующие рецепторы.

Итак, душевное тепло есть количество движения психоида (субстанционального деятеля) передаваемое ему внешней стимуляцией. Если это так, то следует искать пути измерения этого передаваемого извне количества движения психоида.

С этой точки зрения интересным представляется вопрос о соотношении душевного тепла и объемных характеристик сознания, обычно измеряемых как объем внимания или памяти. Еще В.Гамильтон задавался вопросом о минимальном объеме сознания и так сформулировал свой ответ: «Сколько отдельных объектов может *одновременно* обзирать сознание, если и не абсолютно отчетливо, то, во всяком случае, без полного их смешения? Я нашел эту проблему поставленной и различно разрешенной разными философами, очевидно, не знавшими друг о друге. По Чарльзу Боннэ, сознание позволяет иметь одновременно раздельное знание о 6 объектах сразу. Абрагам Таккер ограничил их число до 4, тогда как Дюстет де Трасси вновь увеличил их до 6. Мнение первого и последнего представляется мне более правильным. Можно легко проделать эксперименты над собой, но при этом следует остерегаться группировки объектов в классы. Если бросить пригоршню шариков на пол, то окажется

трудным обозреть одновременно более чем 6—7 объектов. Но если сгруппировать их по 2, по 3 или по 5, то окажется возможным воспринимать столько же групп, сколько единичных объектов, так как сознание рассматривает эти группы только в качестве единств» (по Р.Вудвортс, цит. соч.). В.Гамильтон абсолютно точно поставил проблему первичного объема сознания как ясного восприятия *без влияния группирования*. Что есть группирование само по себе. Это, прежде всего, *изменение вероятности* нахождения объекта (шарика по В.Гамильтону) в той или иной точке воспринимаемого пространства (пола). *Специально подчеркивается именно случайное бросание шариков*. Итак, 6 – 7 объектов – это тот объем информации, который может быть воспринят при нулевом значении энергии душевного тепла (До), содержащегося в психоиде. В уравнении (1): $S = \text{Эф} + \text{Эст}$, $\text{До} = \text{Эф}$. Таким образом, для общего случая, не связанного специально с анализом эмоциональной окрашенности психической энергии, мы можем переписать это выражение как

$$S = \text{До} + \text{Эст} \quad (10),$$

В таком виде это уравнение более точно для описания работы волевого двигателя психоида, т.к. эмоциональная окрашенность До (Эф) далеко не очевидна, тогда как энергетическая составляющая присутствует весьма явно. Так, например, в параграфе о равновесии был приведен ряд примеров А.Арнхейма об эмоциональном дискомфорте, который возникает при восприятии **психологически** неуравновешенных изображений (см. «Равновесие»). Однако в целом простое восприятие шести-семи точек (шариков) на некотором фоне может не вызывать никаких эмоций, однако очевидно требует затрат энергии. Эта и есть внутренняя энергия равная душевному теплу До. Уместно ли здесь говорить о некотором условном температурном поле душевной теплоты в отличие от абсолютного поля знания, о котором речь шла выше. На наш взгляд, весьма уместно. Но следует поточнее определиться с объемом психоида соответствующим этому полю, т.е. энергии душевного тепла До. Экспериментально установленное

число, которое иногда носит название «Миллерова числа» и фиксировано как 7 плюс/минус 2 объекта внешнего поля, весьма приблизительно, описывает случай некоторых точечных объектов и совершенно ничего не говорит о фоне или внешнем поле, на котором эти объекты расположены. Однако, фон играет очень существенную роль, детально исследованную в гештальт-психологии. Не существует фигуры без фона. Сам фон (поле восприятия) представляет энергетическое поле со вполне определенным распределением психических сил, передающих психическому образу и организму в целом вполне определенное количество движения, как это было подробно исследовано А.Арнхеймом (см. выше). В понятие нулевого объема внимания (точнее даже сознания в целом по В.Гамильтону) входит случайное появление точечных объектов на некотором *фиксированном* (хотя этому обычно и не придается должного значения) фоне. Реально этот фон фиксируется в таких понятиях как зрительное поле, визуальное поле, поле зрения, все это различные поля, а если иметь в виду еще и не только зрительный анализатор, то лучше всего, видимо, использовать гибсоновский термин «сцена», но не это сейчас для нас важно. Допустим для простоты, что этот фон представляет собой сетку из фиксированных ячеек, в которые может попасть точечный объект. Это необходимо для большей простоты определения количества возможных конфигураций появления точечных объектов (брошенных на пол шариков) в поле восприятия. Тогда, если таких ячеек в видимом поле имеется конечное число N , а точечных объектов – N (для минимального объема сознания – $M = 7 \pm 2$), то общее количество возможных конфигураций (шариков на полу) будет равно числу сочетаний из N в M , т.е. биномиальному коэффициенту

$$C_{n,m} = \frac{n!}{m!(n-m)!} \quad (11),$$

где $!$ – знак факториала, предписывающий последовательное умножение чисел вплоть до n : $1*2*3*...*n$. Например, факториал числа 3 равен $1*2*3 = 6$. Пусть ячеек в зрительном поле в два раза больше (10), чем видимых шариков-объектов, которых пусть будет 5. Тогда всех их

возможных конфигураций при случайном бросании, *которые глаз будет воспринимать одновременно без группирования как 5 шариков*, можно вычислить по приведенной формуле, а именно:

$C_{n,m} = 1*2*3*4*5*6*7*8*9*10/1*2*3*4*5*(1*2*3*4*5)$, после сокращения первых пяти цифр получим $C_{n,m} = 6*7*8*9*10/1*2*3*4*5$, дальнейшие сокращения оставляют в знаменателе единицу и в числителе $2*7*9*2 = 252$. Это *полный набор различных конфигураций из пяти точечных объектов в ячеистом поле из 10 ячеек*. Далее можно рассчитать количество информации, которое будет содержать каждая из возможных конфигураций шариков, воспользовавшись здесь общим подходом к измерению количества информации Шеннона – Хартли. Напомним, что Шеннон не был первым, кто задумывался об измерении количества информации. Первым предложил способ ее оценки Хартли в 1928 г., который показал, что если в заданном множестве – S (например, всех возможных конфигураций из пяти шариков), выделен некоторый элемент S_x (конкретная конфигурация из пяти шариков при конкретном бросании их на пол), о котором известно лишь, что он принадлежит этому множеству, то, чтобы найти x , необходимо извлечь количество информации, равное $\log_2 S$. Это и есть формула Хартли, которая, как было доказано позже, является частным случаем более общей формулы Шеннона. Подробнее мы вернемся к расчетам количества информации перцептивного образа во второй главе.

Итак, двоичный логарифм числа возможных конфигураций равен тому *количеству информации* (в битах), которое содержится в каждой конфигурации шариков, воспринимаемых как пять отдельных шариков на полу. В данном случае оно невелико ($\log_2(252) = \dots$), но это связано с тем, что мы в нашем примере существенно недооценили размер фона (зрительного поля). Реальный размер видимого пространства в сравнении с размером точечного шарика значительно больше. При бинокулярном восприятии поле зрения человека в горизонтальной плоскости составляет

примерно 1800 угловых минут. Вверх — приблизительно 600, вниз — примерно 750 угловых минут. В целом **размер зрительного поля человека приблизительно составляет 1800x1350**. Будем считать, что мы имеем дело в качестве фона только с зоной максимально ясного видения и сократим размер зрительного поля внимания до 1000x1000, т.е. будем считать равным 10000 точек. Пусть далее наши шарики будут достаточно объемными, а соответственно и ячейки для них будут очень большими и равными, например, 100x100 точек. Тогда в поле всего будет 100 ячеек. Число всех возможных конфигураций, равное числу сочетаний из 100 по пять (одновременно удерживаемых в поле внимания объектов-шариков) будет равно $100!/5!(100 - 5)! = 75887520$ (что превышает 252 более чем в триста тысяч раз). Именно столько *возможных разных конфигураций шариков* возможно в нашем сильно сокращенном ячеистом (дискретном, собственно говоря, переход к не дискретному зрительному полю с математической точки зрения весьма не сложен) зрительном поле. Количество информации, т.е. та искомая объемная величина, которая может быть однозначно сопоставлено с До – нулевым количеством душевного тепла, равна двоичному логарифму этого числа (грубо это около 26 бит). ... Иногда один бит сопоставляет с одним вопросом, который надо задать при поиске x . Например, чтобы точно определить число меньше 8, наугад задуманное партнером достаточно задать всего три вопроса, т.к. двоичный логарифм 8 равен 3. Предлагаем читателю проделать этот эксперимент самостоятельно. Для того, чтобы найти искомую конфигурацию шариков на полу (одновременно опознать ее как пять различных шариков) нужно «задать» около 30 виртуальных перцептивных вопросов. Несмотря на приведенные цифры такое количество информации не является большим и, по нашим предположениям, не требует *дополнительной передачи душевного тепла*, превышающего До. Для сравнения сетчатка человеческого глаза обрабатывает порядка 10 миллионов бит (более 10 мегабит) в секунду. Эта цифра, видимо, соответствует полной информации, поступающей от перцептивной сцены. Именно этот

информационный объем поступает извне, через сетчатку человека в головной мозг. Если добавить сюда все колебания слуховой мембраны, а также состояния вообще всех экстеро- и интеро-рецепторов, то эта цифра возрастет как минимум на порядок. Такой огромный поток информации выливается на человека ежесекундно, но его душевное тепло *на отдельный элементарный психод* (например, ощущение) невелико. Собственно говоря, от абсолютного поля знания каждое отдельное ощущение отличает несократимый минимум душевного тепла, а именно то, что эта информация, поступившая с рецептора, теоретически может быть как-то узнана и принята как часть «Я» в каком-то контексте. Но даже если этого не произойдет в течение всей жизни (например, импульсы, исходящие от 14 позвонка никогда не превысили порог осознания), тем не менее, весь этот поток информации превращается ни во что иное, как *количество движения* всего организма в целом. Это тот нулевой уровень душевного тепла, снижение которого уже ведет к психическим отклонениям, объединяемых понятием сенсорная депривация. При этом *осознанные движения* составляют ничтожную часть в 1 – 3%, а сам минимум осознания (те самые 6 – 7 объектов) предполагает уменьшение количества сознательно воспринимаемой информации в сотни тысяч раз (приблизительно до 1 байта). Таким образом, количество душевного тепла психида и количество приходящей к нему извне информации связаны, по всей видимости, обратно-пропорциональной зависимостью. Что, с одной стороны, достаточно понятно, чем более знаком объект, тем он теплее, и тем меньше (новой) информации он несет. С другой стороны, из этого следует гораздо менее тривиальный факт, что знакомые объекты – душевно теплые – не привлекают нашего внимания, т.е. выпадают из поля сознания. Мы перестаем замечать надетую рубашку, или, как было показано выше, даже какой-то достаточно большой объект (инструмент) в процессе захватывающей деятельности. Информационный обмен практически прекращается, уступая место душевному теплу. Действительно, какой новой информацией можно объяснить радость, мощный поток

душевного тепла в процессе надевания старого халата. Или наоборот, печаль от утраты хорошо знакомой привычной вещи. Эти процессы не являются информационными, что в физиологическом ряду явлений психоида хорошо подметил И.П.Павлов. Он писал: «Тяжелые чувства при изменении образа жизни, при прекращении привычных занятий, при потере близких людей, не говоря уже об умственных кризисах и ломке верований, имеют свое физиологическое основание в значительной степени именно в изменении динамического стереотипа и в трудности установления нового» [Полн.собр.соч.]. Речь здесь идет о внутренних движениях психоида, а не об информационном обмене. В психологическом ряду явлений психоида А.Н.Леонтьев так описывал несводимость движения психоида к информационному обмену: «Деятельность всегда богаче опережающего ее сознания» (61). Если объем сознания оценивается количеством информации, то богатство психической деятельности – душевным теплом.

3.6. Подходы к измерению температуры психоида

Огромный экспериментальный материал по обмену душевным теплом между разными субстанциональными деятелями (психоидами) мы находим в работах основателя психодинамики (по крайней мере, автора этого термина) Р.Вудвортса. Приведем его описание и анализ экспериментов по отвлечению внимания: «...для преодоления отвлечения (*внимания – Д.С, здесь и далее курсив и выделение наши*) в работу должно быть вложено больше энергии. Морган (1916) проверял эту гипотезу, регистрируя силу движений пальцев испытуемых при выполнении задачи, в известной мере напоминающей машинопись. Испытуемый работал на 10 нумерованных клавишах. Аппарат предъявлял отдельные буквы, которые испытуемый переводил на числа соответственно коду. Испытуемый нажимал на клавишу, помеченную этой цифрой, и аппарат немедленно экспонировал другую букву для кодирования и нажатия и т. д. Испытуемому было неизвестно, что сила, с которой он ударяет по клавише, регистрировалась. Пневмограф у его

грудной клетки регистрировал дыхание. Испытуемый был один в комнате, но экспериментатор наблюдал его поведение через глазок. Некоторое время испытуемый работал в полной тишине, а затем со всех сторон начинали звучать звонки, гудки и фонограф. Действие отвлекающих факторов продолжалось в течение 10 мин и сменялось 10 мин тишины. Более 20 испытуемых прошли через этот эксперимент с результатами, которые различались в деталях, но согласовывались в следующих, имеющих важное значение, отношениях:

1. Имея первоначально лишь небольшой предварительный опыт в исполнении задания, испытуемый в течение эксперимента показывал прогрессивное совершенствование.

2. Когда начинался шум, наблюдалось некоторое замедление работы.

3. В течение очень немногих минут испытуемый восстанавливал свою прежнюю скорость и продолжал дальнейшее совершенствование.

4. Когда шум прекращался, не только не наблюдалось немедленного улучшения, но часто имел место даже внезапный срыв. Прекращение шума, к которому испытуемый уже приспособился, действовало как отвлекающий фактор.

5. Когда устанавливалась тишина, наблюдалось дальнейшее совершенствование исполнения.

6. *Сила, с которой испытуемый ударял на клавишу, убывала в течение первого периода тишины, резко возрастала в начале шума, оставалась во время шума постоянной и падала по прекращении шума.*

7. Запись дыхания, а также наблюдения экспериментатора через глазок показали речевую активность части испытуемых, особенно во время шума. Цифры и буквы, с которыми он имел дело, часто выговаривались вслух.

Мы видим здесь настоящее преодоление отвлечения, *одновременно с возрастанием мускульной энергии, вкладываемой в работу.* Вероятно, включение дополнительной мускульной энергии в деятельность (в этом случае — движение пальцев), совершаемое при отвлечении, происходит почти бессозна-

тельно. Выговаривание цифр и букв было менее бессознательным. Оно более похоже на средство, используемое испытуемым в целях поддержания нарушаемой деятельности. Таким же образом человек может молча складывать столбцы чисел, когда все тихо, но чувствует себя вынужденным выговаривать или шептать числа, если кругом шумно. Однако по вопросу о том, действительно ли добавочная мускульная энергия преодолевает отвлечение, и если да, то каким образом, мнения расходятся. Мы считаем, что здесь имеет место конкуренция различных двигательных систем, борющихся за контроль над организмом; большая мускульная активность, по-видимому, доставляет какие-то преимущества.» (28)

Итак, Вудвортс описывает повышение мышечного напряжения при появлении мешающих элементов в поле внимания. Характерно, что прямого ответа на вопрос, какие именно преимущества предоставляет это повышение мускульной активности не дается. Разберемся в этом подробнее. О чем здесь фактически идет речь, если воспользоваться психодинамической терминологией. Выполнение некоторой задачи по отслеживанию каких то элементов образа является законченным гештальтом, развернутым во времени и работающим как волевой двигатель, т.е. с постоянным переносом фокуса душевного тепла с внешнего плана во внутренний и обратно. Отслеживание появляющихся на экране стимулов включает в себя:

- Поиск стимула в ряду или поле (внешний холодный план)
- Восприятие и отметка его нажатием клавиши (внутренний горячий план)
- Перенос внимания во вне для поиска следующего нужного стимула и т.д.

Сила нажатия клавиши никак фактически не связана с эффективностью выполнения этой перцептивно-двигательной задачи. Однако эта сила нажатия существенно увеличивается при появлении посторонних мешающих элементов поля. С предлагаемых

психодинамических позиций эти мешающие внешние элементы являются **ХОЛОДНЫМИ**, т.к. никак не связаны с выполняемой задачей, т.е. совершенно *неизвестно* зачем они нужны и как с ними поступать, когда они появляются в поле. А, следовательно, они отбирают у психоида во внешнем плане душевное тепло, необходимое для работы волевого двигателя. Это тепло должно быть каким-то образом восстановлено. Внимание концентрируется, психоид больше нагревается во внутреннем плане. Это дополнительное разогревание внутреннего плана мы и наблюдаем в, казалось бы, совсем не связанном с выполнением задачи напряжении – силе нажатия клавиши ответа. Действительно, психоид по данному выше определению это нераздельное временное единство трех рядов явлений физического, психофизиологического и психического. Следовательно, разогревание психоида происходит целиком. И то увеличение силы нажатия есть всего лишь побочный эффект дополнительного нагревания, подобно тому, как мы фиксируем нагревание мотора при его работе, совершенно ненужное и даже мешающее с точки зрения его основного назначения. Эти рассуждения могут показаться достаточно тривиальными и очевидными, но не они сами по себе являются нашей конечной целью. Важным для нас представляется следующий вывод. *Если в условиях помех (в наших терминах избыточного охлаждения) психоида привлекается некоторое количество душевного тепла, то внешний наблюдаемый побочный эффект увеличения силы нажатия будет энергетически пропорционален тому количеству душевного тепла, которое потребовалось привлечь для преодоления помех. А это может позволить получить выход на (единицу) измерения душевного тепла психоида.* Такие измерения есть не прямые измерения количества душевного тепла как количества движения психоидов, скоростей обмена внешнего и внутреннего плана. Это косвенные измерения *температуры* психоида, подобно тому, как мы измеряем температуру тела в определенной его точке. Таким образом, можно ввести новое понятие **температуры внешнего плана психоида** или **психической температуры объекта** как измерения

побочных интенсивностных организменных эффектов, обязательно несвязанных с результатом основной деятельности психоида. Если же оно связано с основной деятельностью и ее результатом, то мы не можем определить, какая часть этого напряжения обеспечивает саму целенаправленную деятельность, а какая пропорциональна энергии душевного тепла собственно (образа) объекта внешнего плана. Понятно, что какое-то усилие для нажатия клавиши все-таки нужно, кроме того, задействуется еще много целенаправленных движений всего тела, в первую очередь глаз, затем головы и т.д. Фактически предлагаемое нами измерение есть не измерение душевного тепла некоторого объекта внешнего мира, а измерение его душевного холода, т.к. мы можем зафиксировать величину дополнительного (но ненужного для целей деятельности) напряжения как реакцию на введение во внешний план холодных (незнакомых, мешающих) объектов. Таким образом, мы измеряем величину (душевную температуру) пропорциональную тому количеству душевного тепла, которое необходимо на разогрев новых внешних холодных объектов. То, что этот разогрев происходит, подтверждает и тот факт, приведенный Вудвортом, что мышечное напряжение при дальнейшем неизменном действии мешающих факторов **не снижается**. Это означает, что новые холодные (незнакомые, мешающие) объекты не нагреваются душевным теплом, т.е. не включаются в сферу деятельности психоида. Оставаясь внешними и холодными, они продолжают поглощать *постоянное* количество душевного тепла во все время работы. Кстати, каких-либо рациональных объяснений факта этого постоянства мышечного усилия при постоянстве действия помех Р.Вудвортс не приводит. Характерно, что само повышение мышечного усилия, не нужного с точки зрения целей деятельности представляется Р.Вудвортсу трудно объяснимым, он указывает на несколько возможных объяснений, которые представляются нам скорее переназванием наблюдаемого эффекта – например, назовем его «конкуренцией различных двигательных систем», а почему эта конкуренция вообще возникает опять же остается неизвестным.

Далее, для дальнейшей проверки наших предположений следует также количественно проанализировать ситуации, когда внешние объекты, не связанные с основной деятельностью, но достаточно знакомые, т.е. душевно теплые оказываются во внешнем плане психоида. Этим же вопросом, очевидно следуя психодинамической логике, задается и Р.Вудвортс. «Будет ли данному испытуемому способствовать или мешать такой, например, отвлекающий фактор, как танцевальная музыка, может зависеть от его собственной установки. Если он склонен верить, что музыка облегчит его работу, он, вероятно, обнаружит улучшение результатов, и их ухудшение, если ему внушено противоположное убеждение (Беккер, 1937).» (там же)

Трудно сказать замечал ли это Вудвортс или авторы эксперимента, но само внушение уже есть некоторое действие в поле психоида – субстанциального деятеля и, таким образом, само требует объяснения своего влияния. С психодинамической же позиции это объяснение является достаточно простым. Внушение помощи музыки есть разогревание этого внешнего объекта дополнительным душевным теплом, в то время как обозначение его как мешающего есть его охлаждение, помещения в холодный фон. При наличии *дополнительного* душевного тепла в *ненужной* для выполнения целей деятельности музыке между двумя психоидами устанавливается тепловое взаимодействие, образуется канал для того душевного тепла, которое может быть отобрано и использовано для целей основной деятельности. При охлаждении до температуры фона эта музыка становится каналом оттока тепла от основной деятельности. Возможна, однако, и третья ситуация, когда одновременно развиваются две деятельности, например слушание музыки и выполнение задания. Эту ситуацию Р.Вудвортс назвал, «Отвлечения, которые не **преодолеваются**. В таких экспериментах ... испытуемый старался не отвлекаться и готов был прилагать всю энергию, необходимую для работы. Однако в повседневной жизни направленность на работу часто бывает не так сильна. Новый раздражитель пробуждает любопытство, и некоторое время затрачивается на

ориентировку, как, например, у собак акад. И. П. Павлова, отвечающих на отвлекающие раздражители "ориентировочным рефлексом" и временно теряющих свои условные рефлексы. В эксперименте все, что делает экспериментатор, является частью "дела", в то время как в обычной жизни подобное отвлечение могло бы рассердить, а гнев представляет собой большее отвлечение, чем шум. К тому же внутренний интерес к звонку и гудку и даже ко многим фонографическим записям очень невелик; возможно, что что-либо более интересное может действительно отвлечь.

Исходя из этого соображения, Вебер (1929) применил в качестве отвлекающих факторов хорошую музыку и забавные анекдоты; чтобы избежать адаптации, он давал задачи, требующие одной или двух минут интенсивной мыслительной деятельности: сложение, вычитание, запоминание, определение, извлечение корня. **Все 16 испытуемых показали уменьшение производительности (10-50 процентов)**, и в отчете о своих субъективных ощущениях все они сообщили, что были в это время отвлечены. Иногда отвлекающие факторы были только более или менее мешающим фоном, но иногда они врываются в сознание и настолько завладевали им, что испытуемый забывал свою работу и отдавался музыке или рассказу. В другие моменты музыкальный фон ощущался как облегчающий работу» (там же).

Для нас важным в этих экспериментах является снижение эффективности деятельности, обозначенной экспериментаторами как основная, причем иногда весьма существенно (до 50%). Очевидно, что это то количество душевного тепла, которое отбирается у одного психоида для деятельности другого. Ведь психодинамика не знает, какая деятельность основная и направляет движения душевного тепла строго в соответствии со вторым началом, т.е. от более деятельного психоида к менее деятельному. Установка или внушение, о котором речь шла выше нужна именно для того, чтобы организовать обратное движение тепла, т.е. сама является дополнительной затратой психической энергии на разогревания психоида-фигуры в терминах гештальт-психологии и охлаждение психоидов фона. В

этом на наш взгляд, и заключается феномен концентрации внимания, которое с психодинамических позиций есть перераспределение энергии между психоидами, наделения некоторых из них большим количеством душевного тепла, некоторых меньшим. Здесь возникает вопрос о совокупном количестве душевного тепла. Мы будем исходить из того, что количество душевного тепла – психической энергии в мире в целом постоянно, исходя из тех теоретических положений, что Психодинамика является расширением термодинамики на область психических явлений, а следовательно, полностью подчинена закону сохранения энергии. Но при этом количество душевного тепла различно для каждого субстанционального деятеля, и для каждой личности. Это различие пропорционально тому, сколько данный субстанциональный деятель забирает из внешнего мира душевного тепла, т.е. в обычных терминах, насколько *активную деятельность* он развивает в некоторых определенных по функции экстремальности условиях жизнедеятельности. Причем речь здесь идет о *деятельности* в смысле Лосского как состоянии субстанционального деятеля, т.е. о познании мира, прежде всего. Сама же экстремальность (ситуативная или условий жизнедеятельности в целом) с этой точки зрения предстает как средняя разница температуры внутреннего и внешнего плана для большинства психоидов данного субстанционального деятеля.

Итак, количество душевного тепла – *душевную температуру можно измерить прибором, предназначенным для измерения побочного, несвязанного с основной деятельностью изменения количества телесного или образного движения, т.е. движения на каком-то из трех уровней организации психоида – физического, психического и физиологического.* В приведенном примере эксперимента, описанного Вудвортсом, мы можем оценить физическую интенсивность мешающего фона, также можем оценить *побочное мышечное напряжение* на физиологическом уровне и, наконец, появление указанных Вудвортсом,

опять же *не требуемых* заданием речевых проговариваний, направленных на сужение образного поля, дополнительной фиксации элементов в психическом образе.

Сложным и пока открытым остается вопрос о единице измерения душевного тепла (температуры) психоида. Однако, предложенный нами способ измерения душевной температуры – количества душевного тепла психоида по побочным интенсивностным проявлениям организма на самом деле не так уж и нов и в последнее время все более интенсивно используется на практике. Речь идет о так называемых полиграфах или детекторах лжи. Принцип такого прибора заключается в том, что измеряется как можно большее число побочных реакций (различных физиологических показателей – КГР, ЭЭГ, др., среди прочих и изменение температуры участков тела) на те или иные изменения во внешнем плане психоида. Показательно, что теоретические обоснования работы полиграфа, т.е. его очень высокой прогностичности лжи, по мнению занимающихся этим вопросом ученых, пока весьма приблизительны. Так Холодный Ю. И. пишет: «Наряду с указанными достоинствами теоретическая концепция, предложенная Симоновым П. В. и Заничевой А. А., не была признана исчерпывающей, поскольку не могла дать удовлетворительного объяснения ряду фактов... В частности, с позиций этой теоретической концепции затруднительно объяснить наличие у одного и того же лица практически равных физиологических реакций при предъявлении проверочных вопросов в реальном тесте и в ходе игрового (с угадыванием карты) теста, хотя потребности проверяемого лица скрыть свою информированность об этих фактах - признаках преступления и выбранной карте - будут существенно различны» (118). Действительно, этот факт кажется странным с точки зрения внутренних установок человека (на сокрытие преступления, например). Однако реальное количество душевного тепла, заключенного в вопросе, как внешнем плане психоида, вполне может быть, а, судя по всему, и является одинаковым. В том и смысл полиграфа, что он измеряет увеличение

душевного тепла внешнего объекта (плана психоида), а не внутреннего, который вполне может и сознательно регулироваться, и тогда полиграф не будет работать. Чтобы обмануть полиграф нужно включить волевой двигатель в другом режиме, а именно в режиме получения не тепла, а холода, которым можно будет остудить внешний план психоида. И это возможно сделать практически, но не будем здесь на этом останавливаться. Из сказанного следует, что количество душевного тепла, передаваемое от объекта субъекту различно для разных субъектов. Это так, но это не значит, что, если одному субъекту от некоторого объекта передается меньшее количество тепла, а другому большее, то это душевное тепло содержится не в объекте, а в субъекте. Для кого-то его старая перчатка передает большое количество душевного, для другого она всего лишь холодная (душевно) бесформенная перчатка, пришедшая в негодность. Но это большее душевное тепло в ней присутствует (хотя и не всем передается). Его можно, ощутить, например, в музее, когда мы созерцаем старые вещи известных людей, вроде бы совершенно не отличающиеся от таковых же на помойке. Исключительно на этом реальном тепле строился, например, театральный музей Вахрушина, который с фанатизмом выпрашивал у известных актеров их старые вещи. Очевидно, и для него эти вещи были столь же душевно теплые (или больше) как и для хозяев. Из этого можно сделать некоторые предположения о шкале душевной температуры. На этой шкале существует точка несократимого минимума душевного тепла для любого объекта этого мира, соответствующая узнаванию его как объекта именно этого мира пусть даже и совершенно незнакомого. Это область, близкая к абсолютному нулю знания, к Другому, область действия третьего начала психодинамики. Далее есть точка относительного культурно-ориентированного минимума, равного узнаванию этого объекта как такового любым человеком, представителем данной культуры, выросшим не в джунглях. Есть точка относительного максимума душевного тепла, когда расплавляются границы между субъектом и объектом. В этой точке объект превращается в инструмент деятельности,

средство удовлетворения той или иной потребности. Наконец есть точка абсолютного максимума душевного тепла, за которой не существует границ между объектом и субъектом, инструментом и результатом, все сливается в едином потоке со-знания. Дефис подчеркивает здесь изначальную когнитивную природу любой деятельности, а, следовательно, и психоида и субстанциального деятеля.

Обычная, повседневная человеческая деятельность происходит в среднем диапазоне душевного тепла, который мы намерены изучить экспериментально и изложить результаты в разделе «Перцептодинамика». Области высоких душевных температур связаны с проявлениями человеческой креативности и характерны для творческой деятельности, которая тоже может быть повседневной (для выдающихся ученых или художников, например). Эта область представляет существенные трудности для экспериментального исследования. Области низких температур характерны для творческих озарений, медитации, молитвенного чувства, духовного делания и имеют принципиальные ограничения для научного психологического экспериментирования, связанные с изменением самого объекта исследования как явления этого мира, т.е. изменением структуры факта реальности, которое происходит вблизи границы абсолютного поля знания, границы Этого мира и Другого. Эти изменения можно описать следующим образом. Любой факт реальности характеризуется неотделимым от него свойством наблюдаемости, что делает факт фактом и факт – компонентом субстанциального деятеля. Мы видели, слышали, ощущали нечто, видели последствия чего-то и т.д. Этот факт мог иметь одноразовое явление, а мог являться несколько раз. Его могли видеть один или несколько человек (например, явления НЛЮ или других каких бесов). Все это разные факты и нет оснований не доверять их явлению, даже если мы их не видели, а только узнали о них из рассказов очевидцев. Но такой факт еще не является научным (иногда его называют паранаучным). Научный факт в дополнение к наблюдаемости обладает еще и свойством воспроизводимости, частным

случаем чего является свойство измеримости. Собственно говоря, воспроизводимость это тоже измерение, но только в шкале ноуменов из двух непересекающихся классов: наличие факта, отсутствие факта.

Однако, можно помыслить себе факт, который не обладает ни одним из указанных свойств – ни наблюдаемостью, ни воспроизводимостью. Апостол Павел пишет о себе, что был восхищен аж до Третьего неба. В теле ли, не в теле – не знаю. Этот факт не наблюдаем и не воспроизводим. Но имеет место быть как составляющий *индивидуальный мистический опыт*. Такой факт по определению не может являться областью научных исследований. Но это не значит, что он не является предметом индивидуального познания, предметом веры. Именно с такими фактами мы имеем дело в области, близкой к абсолютному полю знания, к гносеологической границе Этого мира и Другого. В настоящее время мы не знаем, какие методы изучения состояний субстанциального деятеля вблизи абсолютного поля знания могут быть использованы. Но полагаем, что они обязательно будут разработаны по мере развития психодинамики и теории измерения душевной температуры.

3.7. Гештальт-психология и гештальт-терапия.

Современная гештальт-терапия как сфера практического применения теоретической гештальт-психологии предлагает детальную экспериментальную разработку ряда важнейших психодинамических понятий, на которых строится практическая (и весьма успешная, как показывает многолетний опыт сотен гештальт-терапевтов) психотерапевтическая работа. Этот огромный эмпирический опыт, своего рода естественный психологический эксперимент может, как нам кажется, внести существенный вклад в разработку теоретической психодинамики.

Не будем здесь повторяться относительно центральных понятий гештальтпсихологии – понятий фигуры и фона, которые вместе составляет нераздельное образное единство психоида. Отметим лишь, что в

гештальттерапии фигурой (вместе с некоторым фоном) является некая *потребность*, выдвигающаяся на границу контакта. Так как мы уже встречались с динамикой потребностей в работе волевого двигателя, то логично было бы ожидать, что исследование центрального понятия прикладной гештальтпсихологии – **цикл контакта** – позволит нам детально изучить его реальную работу в живых ситуациях гештальт-терапии.

Впервые термин цикл контакта был опубликован П.Гудманом совместно с Ф.Перлзом и Р.Хэффелейном, хотя считается, что в большей степени авторство принадлежит Полу Гудману. Цикл контакта, или цикл опыта, или цикл удовлетворения потребности — это описание процесса контакта человека с внешней или внутренней средой, в зависимости от того, как и где опредмечена текущая потребность. Особо подчеркивается *повторяемость*, периодичность всего процесса, который разделяется на фазы смены фигуры и фона. Следует заметить, что существуют множество модификаций цикла контактов, бытует даже мнение, что всякий практикующий гештальт-терапевт пользуется своим собственным представлением. Однако, основные этапы выделенные П.Гудманом в основном повторяются (см. напр. Лебедева Н.М, Ивановой Е.А. ...- 60). Приведем описание «гудмановского» цикла контакта, как оно приведено в учебнике по гештальт-терапии Н.М.Лебедевой и Н.Ивановой:

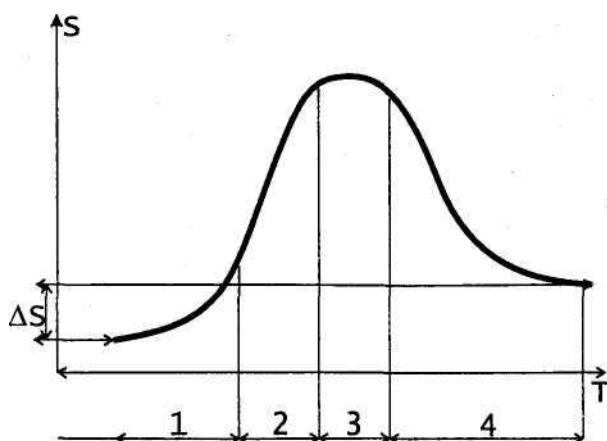

Рис. 2. Цикл контакта

«1. Преcontact

Фигурой являются все более явные сигналы восприятия, сообщающие о пробуждении потребности: это могут быть *ощущения, идущие изнутри организма (здесь и далее курсив наш – Д.С.)* и переживаемые как своего рода «голод», или *восприятие чего-то во внешней среде, что пробуждает потребность*. Остальные телесные переживания и сигналы внешнего мира являются фоном (вспомните, голодный человек обратит внимание на продукты в авоське, а не на фигуру женщины, и не на свои познания в области этикета). *Это восприятие ситуации «как она есть», с заложенными в ней возможностями*. В ходе преконтакта возникает известное возбуждение, необходимое для построения ясного гештальта — фигуры потребности.

2. Контактинг

С момента осознания потребности место фигуры начинают завоевывать «возможности» ее удовлетворить: те одушевленные или неодушевленные объекты, которые привлекают внимание. *На этом этапе личности придется проделать работу:*

- Сориентироваться во внешнем мире, чтобы определить надлежащий, «перспективный» в плане удовлетворения потребностей объект, а для этого надо ясно рассмотреть «поле» — внешний мир и свои собственные ресурсы.

- Выбрать из возможностей наилучшую и отказаться от других.

Совершить ряд действий, чтобы приблизиться (не только в физическом смысле) к избранному объекту, иногда преодолевая множество препятствий; если потребность в «удалении» новизны, например опасной, то действия приобретают характер дистанцирования или бегства. Нередко действия должны включать добрую толику агрессии, поскольку объект может вовсе не стремиться удовлетворять данную потребность личности.

Именно в этом месте первую скрипку начинают исполнять эмоции, позволяющие осуществить выбор. По ходу выбора вариантов *тело и потребность уходят в фон: внимание захвачено событиями внешнего мира*.

3. Финальный контакт. Желанный объект достигнут; фигурой внимания становится собственно взаимодействие субъекта и объекта. Все, кроме «Я и

Ты», уходит в фон. *Граница между ними растворяется*, и в спонтанном единении ощущений, чувств, мыслей и движения происходит, собственно, реализация потребности. В данный момент, когда субъекту приходится отпустить всякую произвольность и контроль, чтобы граница между ним и объектом могла раствориться, часто бывает затруднительно дифференцировать фигуру и фон.

4. Постконтакт

В качестве фигуры начинает снова выплывать «Я» — те ощущения, переживания, которые свидетельствуют, что потребность удовлетворена, и мысли по этому поводу. Гештальт завершается. Человек ассимилирует — присваивает и переваривает — новизну, а также опыт, связанный с ее достижением. Фигуры окружающего мира и сама потребность становятся фоном.» (60)

Если обратить в приведенном тексте внимание на сделанные нами выделения курсивом, то можно прямым текстом прочитать описание работы волевого двигателя как мы его представили выше даже с некоторой детализацией процесса обмена энергией между внутренним и внешним планом психоида.

Итак, цикл контакта начинается с сообщения психоиду некоторого количества душевной теплоты (стимуляции) или *«изнутри организма»* или вследствие *«восприятия чего-то во внешней среде, что пробуждает потребность»*. Этот момент описывается приведенным выше уравнением внутренней энергии психоида $S = \text{Эф} + \text{Эст}$, где S – внешняя стимуляция от объекта, осмысленный образ которого вызывает изменение внутреннего (эмоционального) состояния системы (Эф), и влечет развитие влечения (или отторжения) объекта – страсть (Эст). Это действие внешней стимуляции, повышающее внутреннюю энергию всей системы психоидов субстанционального деятеля, выталкивает психоид с его потребностью из сферы подсознательного (фона). Очень важно подметить, что приведенное Н.М.Лебедевой и Е.А.Ивановой описание цикла контакта фиксирует этот

момент сообщения некоторого количества дополнительного душевного тепла в виде внешней стимуляции, чтобы запустить работы волевого двигателя в полном соответствии со сформулированным выше первым началом психодинамики. Мы имеем в виду тот факт, что потребность не актуализируется сама по себе, для этого необходим некоторый энергетический толчок.

Далее на втором этапе контактинга психоид как интуитивно-деятельностный элемент переносится во внешний (холодный) план, что в завершение этапа описывается авторами так: *«тело и потребность (внутренний план – Д.С.) уходят в фон: **внимание захвачено событиями внешнего мира**»*.

Разогреть своим душевным теплом все события окружающего внешнего мира у психоида – парциального (соответствующего некоторой конкретной потребности) субстанционального деятеля просто не хватит энергии. Однако он остывает, отдавая свое тепло некоторому *выбранному* объекту. И тогда на третьем этапе, как пишут авторы, «все, кроме «Я и Ты», уходит в фон. *Граница между ними растворяется*, и в спонтанном единении ощущений, чувств, мыслей и движения происходит, собственно, реализация потребности». Таким образом, на этом этапе происходит остывание психоида в холодном внешнем мире до определенного уровня и одновременное нагревание выбранного объекта, когда количество душевного тепла становится общим, т.е. равным и происходит ассимиляция объекта психоидом и удовлетворение потребности.

На завершающем этапе постконтакта *«в качестве фигуры начинает снова выплывать «Я»*, происходит дальнейшее остывание психоида до некоторой степени, равной душевной теплоте внутреннего плана целостного субстанционального деятеля – личности, которым психоид и поглощается. Это целостный психодинамический цикл, который реализуется в любом гладко организованном действии и поведении того или иного уровня сложности и организации. Однако, такой целостный цикл состоит из более

мелких циклов постоянной смены внешнего и внутреннего плана. Так в примере выбора и съедания яблока как удовлетворения потребности, который приводят авторы учебника, можно выделить достаточно мелкие контакт-реакции откусывания, например, и т.д. Сами авторы так пишут об этом. «По сути, волна цикла контакта не гладкая, но представляет собой результат наложения друг на друга множества мелких волн. Эти мелкие циклы редко становятся объектами специального внимания,» (там же) Таким образом, в целом работу волевого двигателя можно в прямом смысле слова представить как циклическую работу волевого двигателя, которая состоит в быстрой смене внутреннего и внешнего плана психоида.

Выше мы уже говорили о том, что существует большое количество различающихся описаний цикла контакта. Более того, как принято считать, каждый практикующий психотерапевт ориентируется на какой-то свой, несколько уточненный. Исходя из целей нашего изложения, нам необходимо сопоставить цикл контакта с циклом субъективного времени, т.е. с его спиралевидной структурой.

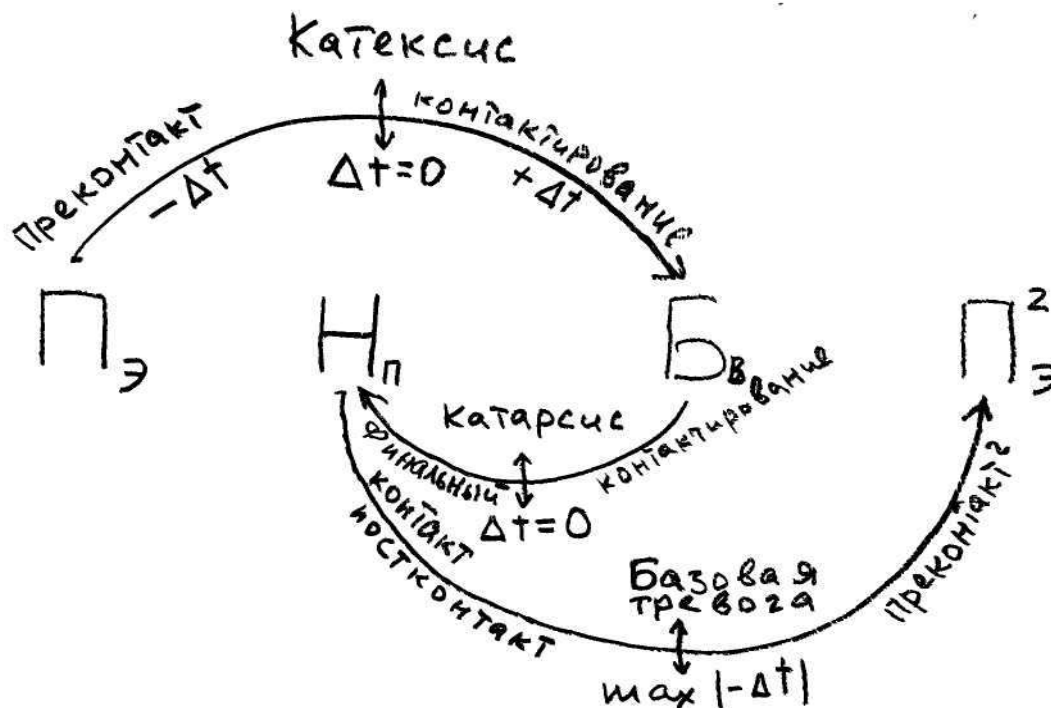

Рис.3 Цикл контакта в субъективном психологическом времени

Большие буквы на рисунке 3 означают прошлое (П), настоящее (Н) и будущее (Б), нижние буквенные индексы соответственно эмоции (э), познание (п) и воля (в). Верхний цифровой индекс означает следующий, второй цикл контакта. Дельта t означает разность температуры внешнего и внутреннего плана психоида: $dt = T_{\text{внеш}} - T_{\text{внутр}}$. На этапе преконтакта $T_{\text{внеш}}$ мало, т.к. объект еще не опознан, еще только едва теплится в сознании (его душевное тепло для нас мало). Нахождения объекта потребности (катексис) происходит в точке равенства душевного тепла внутреннего и внешнего плана психоида. На этапе контактирования идет активный разогрев внешнего плана, потребного объекта, его осознание, изучение, гештальтирование, наконец. Поэтому dt больше нуля. Контактное завершение заканчивается в психологическом будущем и перетекает в психологическое настоящее в точке катарсиса, где dt также становится равным нулю, но уже **при высоких значениях душевной температуры** как внешнего, так и внутреннего плана психоида. На этапе финального контакта происходит остывание внешнего плана психоида. Если использовать опять же пример еды, то есть уже не хочется, но еще приятно смотреть на еду (есть глазами). На этапе постконтакта начинается остывание и внутреннего плана психоида. Гештальт завершается и уходит в фон. Остывание внутреннего плана происходит достаточно медленно, но от его скорости зависит, с какой интенсивностью будет развиваться базовая тревога. Если остывание внутреннего плана запаздывает, что и бывает чаще всего, т.к. это и есть механизм дальнейшего развития жизнедеятельности, то между душевной температурой внутреннего и внешнего (уже остывшего) плана образуется большая отрицательная dt , что и является началом преконтакта. Собственно базовая тревога не есть преконтакт. В неопсихоанализе этот термин используется для обозначения того, что заменяет беспокойное либидо с его агрессивностью и сексуальностью. У Фрейда тревожность является необходимым следствием базовых инстинктов – агрессивности и

сексуальности. У Карен Хорни, например, напротив агрессивность и сексуальность выступают следствиями наличия базовой тревоги (48).

Предложенная нами схема цикла контакта вводит три узловых точки, согласованные с общей теорией психодинамики и принципами работы волевого двигателя. Это первое равенство dt нолю (катексис) при невысоких значениях количестве душевного тепла внешнего и внутреннего плана психоида, второе равенство dt нолю (катарсис) при гораздо более высоких соответствующих значениях, и, наконец, точка максимума отрицательной разницы температуры внешнего и внутреннего плана психоида – точка возникновения базовой тревоги, запускающей следующий цикл.

Эти три точки являются важными температурными константами поведения, которые, как мы сейчас попытаемся показать, характеризуют всю работу волевого двигателя как «в норме», так и при наличии *сопротивлений*.

Этот важнейший термин – сопротивление – приобретал каждый раз новое свое звучание при новом витке в развитии психодинамики и психотерапии, основанной на глубинной психологии. З.Фрейд понимал сопротивление буквально, как сопротивление клиента терапевту по причине болезненности затрагиваемых пластов психики, т.е. как защиты. Ф.Перлз в период создания гештальт-терапии стал понимать сопротивление как процесс замкнутый исключительно на клиента, т.е. как *сопротивление удовлетворению собственных потребностей*. Все сопротивления организованы вокруг границ внешнего и внутреннего плана психоида. С этой же точки зрения, психоаналитически ориентированные выделяют зрелые и незрелые защиты (см. напр. Н. Мак-Вильямс, 1998 - 76). Незрелые защиты – это те, которые выстраиваются вокруг границы «Я» и внешней среды, зрелые – вокруг границы подсознания и сознания. В гештальт-теории такое деление не слишком распространено. В «Практике гештальт-терапии» Ф.Перлз в главе «Невротические механизмы» анализирует четыре типа сопротивлений, очевидно рассматривая их как взаимосвязанные, т.е. являющиеся проявлением единого механизма (или же нарушения его работы). Это

интросекция, проекция, слияние и ретрофлексия. Перлз в одной фразе очень емко и точно характеризует работу этих четырех механизмов: «*Интроектор поступает так, как хотят от него другие, проектор делает другим то, в чем обвиняет их по отношению к себе, человек в патологическом слиянии не знает, кто кому что делает, а ретрофлектор делает себе то, что хотел бы сделать другим*» (82).

Мы также ограничимся понятиями **внешнего** и **внутреннего** плана субстанционального деятеля (психоида), полагая внутренний план всегда *сознательным*, а внешний содержащий тот или иной (потенциальный или реальный) элемент *неосознаваемого* (по причине ли незнания, незнакомости объекта, или по причине его вытеснения в предсознательное и подсознание в терминах аналитиков). Что происходит между внешним и внутренним планами в двух критических точках – катексиса и катарсиса, указанных на схеме, в которых душевная температура внешнего и внутреннего плана психоида становится равной. Первое что следует отметить, что в этих точках мы имеем две константы душевного тепла:

$$\begin{aligned} T_{внш} &= T_{вну} = \text{const} = \min (\text{катексис}), \\ T_{внш} &= T_{вну} = \text{const} = \max (\text{катарсис}) \end{aligned} \quad (12),$$

где $T_{внш}$ – душевная температура внешнего плана психоида, $T_{вну}$ – душевная температура внутреннего плана психоида. Таким образом, температура внешнего и внутреннего план дважды становится одинаковой, один раз вокруг точки катексиса при низких значениях количества душевного тепла, и один раз вокруг точки катарсиса при высоких значениях количества душевного тепла.

Возникновение того или иного сопротивления мы связываем со смещением точки $dt = 0$ в сторону прошлого, будущего или настоящего субъективного времени. Смещение точки катексиса в сторону прошлого на линии движения от прошлого к будущему (см. рис.3) приводит к тому, что dt становится равной нолю при еще недостаточно знакомом и разогретом внешнем плане психоида. Температура внутреннего плана как бы

искусственно занижается и внешний еще не достаточно знакомый принимается как искомый, как необходимый для удовлетворения потребности. На наш взгляд эта ситуация соответствует такому сопротивлению как *слияние*. У Н.М.Лебедевой и Е.А.Ивановой можно прочесть такой типичный пример слияния: «Когда человек, в слиянии с которым я нахожусь, предлагает что-то, я тут же соглашаюсь, без всяких раздумий. Например, один из супругов говорит: «Милая, давай пойдём сегодня в ресторанчик». — «Конечно, дорогой». Муж после какой-то паузы предлагает: «Знаешь что, давай лучше не в ресторан, а к Петровым, мы что-то давно к ним не заходили». — «Здорово! — отзывается она. — Конечно, ты прав!» Еще через какое-то время он задает вопрос: «А не провести ли нам этот вечер вдвоем?». «Это именно то, что мне нужно», — говорит она. Похоже, она отвечает так быстро, что времени на раздумье не требуется. Не исключено, что она в слиянии со своим мужем. Правда, не исключено, что ее осознаваемой потребностью является просто возможность побыть с ним, где угодно, как угодно (ему). Тогда не стоит говорить о сопротивлении — ведь, «соглашаясь на все», она наилучшим образом обслуживает свою потребность. Однако если основная потребность иная, например, получить удовольствие от интересно проведенного вечера, эта женщина рискует» (там же). Здесь очень хорошо показано, что внешняя стимуляция при слиянии принимается без достаточной душевной теплоты, холодной. В силу равенства dt нолю, возникающего в точке согласия (катексиса) и внутренний приобретает холодную температуру внешнего. Рискует эта женщина именно тем, что проведет вечер без должной душевной теплоты, на что, как далее пишут авторы, скорее всего не забудет потом попенять своему мужу. Кстати эта потребность попенять с точки зрения психодинамики есть как раз выброс того незадействованного тепла внутреннего плана, которое осталось не вовлеченным в результате преждевременного катексиса. Далее, смещение катексиса в сторону будущего (см.рис.3) приводит наоборот к перегреву психоида. При этом катексис так и не наступает, объект так и не выбран. В

результате человек, говоря словами Ф.Перлза, «*делает себе то, что хотел бы сделать другим*». Это ретрофлексия. Волевой двигатель работает в перегретом внутреннем плане, не доставая объекта. Итак, с предложенных позиций теоретической психодинамики такие *сопротивления как слияние и ретрофлексия развиваются на той части спирали психологического времени, которая связывает прошлое и будущее*. Но тогда очевидными становятся и следующие наисущественнейшие, на наш взгляд, следствия о том, что происходит непосредственно в точке катексиса.

- Первое: катексис есть полное слияние субъекта с объектом, полная утрата границ. В гештальт-психологии об этом пишут как о тех пределах, где слияние является нормой, а не патологией. Теперь у нас есть и критерий – только в точке $dt = 0$.
- Второе: катексис есть полная ретрофлексия, т.е. полный примат внутреннего плана. Ф.Перлз так писал об этом: «Ретрофлектор умеет проводить границу между собой и средой и проводит ее вполне четко – только проводит он ее точно посередине себя самого» и далее «Он *перестает направлять свою энергию вовне* (выд.нами – Д.С.), чтобы произвести в окружающем изменения, которые удовлетворили бы его потребности; вместо этого он направляет свою активность внутрь и делает объектом своих воздействий не среду, а себя самого». Таким образом, **в точке катексиса ретрофлексия является нормой**. О ретрофлексии как норме нам не приходилось встречать описаний в гештальтистской литературе. Тем не менее, мы считаем признание этого факта очень важным как для психодинамической теории, так и для психотерапевтической практики. На определенном этапе включение ретрофлексии вместе со слиянием является не только нормальным, но и необходимым моментом цикла контакта. Ретрофлексия в норме

есть что-то вроде **совестливого** действия – примерить на себя то, что ты дальше будешь делать с объектом.

- Третье: *В точке катексиса происходит одновременно полное слияние с объектом и полная ретрофлексия объекта.* Катексис есть точка равенства слияния и ретрофлексии. На наш взгляд, это и есть то состояние субстанционального деятеля, которое Н.О.Лосский называл *интуитивным проникновением в объект.* С одной стороны проникновение (слияние), с другой его полное принятие в себя (ретрофлексия).
- И, наконец, четвертое: точка катексиса есть эмоционально-волевое равновесие, что следует из приведенного выше сопоставления компонентов субъективного психологического времени (прошлого и будущего) и психологической триады (эмоции воля). Эта точка, где страстная часть эмоций обуздывается волей, точка равенства эмоциональной желательности и волевой готовности к овладению объектом, полному принятию его в пространство психоида. В этих терминах смещение катексиса влево, в сторону эмоций есть греховная страсть, смещение вправо ханжество.

Проведенный теоретический анализ психологических защит, расположенных на линии, связывающей субъективное прошлое и будущее, имеет значение не только для психодинамической теории, но и для практики гештальт-терапии. Распространенная ориентация психотерапевта на демпфирование слияния (путем простраивания границ) и ретрофлексии (путем фокусировки на внешнем объекте) должна быть существенно уточнена. Эти защиты совсем не нужно демпфировать, наоборот нужно использовать энергию их сопротивления, но в нужный момент достаточного разогрева психоида и равенства температуры внешнего и внутреннего плана. Задача меняется на противоположную – привести клиента к полноценному слиянию. Так, например, требование психотерапевта заменить в речи «мы

хотим» на «я хочу» (подавление слияния) есть на самом деле не подавление, а торможение слияния и необходимый разогрев внутреннего плана (я хочу), чтобы сделать будущее слияние полноценным (теперь **я точно знаю**, что **этого хочу я**, и я знаю, что **этого хочешь ты**, поэтому – **мы хотим**). Не во всех, по крайней мере, описанных в литературе гештальт-сессиях можно наблюдать это доведение слияния до полноты. Что же дает распространенное подавление слияния? Чувство того, что я – это я, а ты – это ты. Это первая часть гештальтистской лозунг-молитвы. Но только первая. Это важно на определенном этапе (низкой душевной температуры психоида). Далее в молитве (см. Ф.Перлз, цит. соч.) говорится о том, что если наши ожидания совпали, то это прекрасно (если нет, этому нельзя помочь). Человек живет именно тягой к прекрасному. Повседневное простраивание границ гораздо большее сумасшествие, чем слияние.

Перейдем, однако, к анализу следующей критической точки временного цикла контакта – катарсису (см. рис.3), который также предполагает равенство dt нолю, но при высоких значениях $T_{внш}$ и $T_{вну}$. Дальнейшее движение по спирали психологического времени от будущего к настоящему предполагает дальнейший разогрев волевого двигателя (психоида – субстанционального деятеля), который происходит в первую очередь за счет быстрого роста температуры внешнего плана. При движении в сторону точки катарсиса объект становится не только все более желаемым, он становится вождленным. Даже самая тщедушная собачонка, если у нее отбирают кость до полного насыщения, пожертвует жизнью, чтобы укунить узурпатора. По мере насыщения нагревается и внутренний план вплоть до наступления катарсиса (душевного оргазма). Что произойдет, если катарсис будет преждевременным, т.е. температура внешнего плана еще не достигнет своего максимума. Так и вспоминается муж, жена, футбол. Объект не готов расплавиться в психоиде, не готов к усвоению, поэтому ассимилируется «холодным», а, следовательно, не переваривается, т.е. имеет место быть *интроекция*. «Такие непереваренные установки, способы действия, чувства,

оценки – пишет Ф.Перлз – психологически называются *интроектами*, а механизм, посредством которого эти чуждые образования попадают в личность, мы называем интроекцией». Но вот точка катарсиса пройдена. Начинается очень *быстрое охлаждение внешнего плана психоида*, свойственное финальному контакту. Вожделенный объект уже не так привлекателен, можно и еще поест, но уже не очень и хочется. Врачи и англичане говорят, что на этой стадии лучше уже не есть, не полезно. Лучше ограничиться остаточным душевным теплом объекта, которое быстро понижается. Поэтому и желание быстро проходит окончательно. Если смещение точки катарсиса происходит вправо (см. рис.3), в сторону настоящего, то приходится довольствоваться «остывшим» объектом, а это неприятно. Тогда объект начинает искусственно наделяться душевным теплом внутреннего плана, т.е. ему приписываются те теплые и знакомые свойства, которых у него нет, или уже нет. Здесь мы имеем дело с *проекцией*.

«Таким образом, в проекции мы сдвигаем границу между собой и остальным миром немного "в свою пользу", - пишет Перлз - что дает нам возможность снимать с себя ответственность, отрицая принадлежность себе тех аспектов личности, с которыми нам трудно примириться, которые кажутся нам непривлекательными или оскорбительными». Действительно, если катарсис сдвинут вправо от точки $dt = 0$, само выражение dt меняет знак с $+$ на $-$, т.е. внешний объект быстро остывает, а тепловые границы внутреннего соответственно несколько расширяются. Само это изменение знака, влекущее смену интроекции на проекцию, очень точно описывает Перлз: «Проецирующий невротик, как и интроектор, неспособен различать грани собственной целостной личности, которые действительно принадлежат ему самому, и то, что навязано ему извне. Он рассматривает свои интроекты как себя самого, а те части себя, от которых он хотел бы избавиться, он рассматривает как непереваренные и несъедобные интроекты. Посредством проецирования он надеется освободить себя от воображаемых "интроектов",

которые в действительности являются вовсе не интроектами, а аспектами его самого» (там же). Итак, прилагая эмпирические описания психологических защит к временной структуре психоида на этом участке движения от будущего к психологическому настоящему (от воли к познанию) мы также можем сделать несколько существенных теоретических выводов о состоянии катарсиса.

- Первое: на общем фоне полного слияния и ретрофлексии объекта, происшедший при катексисе, катарсис есть полная интроекция объекта. Эта именно не невротическая интроекция, но и не обычная интроекция, когда, например, знания заучиваются, без достаточного понимания, что-то принимается на веру – «так надо». Это полное и безусловное принятие объекта на том уровне душевного тепла, который достаточно высок и равен моему. Это состояние влюбленности в объект в высших его формах. Я принимаю тебя целиком и полностью таким, каков ты есть.
- Второе: катарсис – это полная проекция себя в объект, или внутреннего плана субстанционального деятеля во внешний. Каждому моему движению, что-то отвечает в объекте. Высокий уровень душевного тепла в точке катарсиса обеспечивает то, что все желаемое мною в объекте воплощается. Влюбленные понимают друг друга без слов. Если я что-то только подумал, партнер (объект) уже стал таким.
- Третье: в точке катарсиса происходит одновременная полная интроекция объекта и полная проекция себя в объект. В точке катарсиса психоид как бы выворачивается наизнанку. Каждой проекции меня соответствует интроекция объекта.
- Четвертое: точка катарсиса есть когнитивно-волевой баланс, равновесие делания и знания, деяния и познания. Еще в

«Бхагаватгите написано: «в действии бездействие, и в бездействии действие находит мудрый».

Следующая линия движения на спирали субъективного времени не входит ни в один из известных нам циклов контакта. Возможно, что это предзадано первой гудмановской моделью цикла контакта, которое не включает то, что должно сделать цикл циклом, т.е. замыкание – начало следующего витка. Мы говорим о переходе из психологического настоящего к некоторому следующему другому уже прошлому, с которого начинает выплывать из фона новая фигура, новая потребность, новый незавершенный еще гештальт, говоря гештальтистскими терминами. Каково будет это прошлое, т.е. вспомнит ли ученый после завершения писания статьи, что он давно не ел, или что ему нужно позвонить маме, или провести время с женой...? По каким законам и в каком направлении осуществляется этот переход на данный момент сказать трудно. В современной психодинамической теории ничего лучшего, чем еще фрейдовский психоаналитический закон ассоциации не придумано. С позиций теоретической психодинамики и концепции душевного тепла следует предположить, что это будет наиболее разогретый психоид. В гештальтистских терминах это будет самый незавершенный из всех незавершенных гештальтов. В терминах потребностной концепции это будет самая неудовлетворенная на данный момент потребность. Так или иначе психическая жизнь не останавливается и продолжение ее возможно в двух вариантах возвращение к *тому же прошлому* на новой фазе развития, если удовлетворение незавершенно. *Переход к новому прошлому* – другому гештальту – другому психоиду. На этой линии движения развивается дальнейшее охлаждение психоида и погружение его в глубь субстанционального деятеля, в область подсознания. Само это погружение, видимо, может являться причиной выталкивания в сознание другого психоида, плюс адекватная внешняя стимуляция (дополнительная порция

душевного тепла извне), например, вид бутерброда при голоде. Возможно уставший ученый именно этот бутерброд есть и не станет, а отправится удовлетворять совою потребность полноценным обедом, т.е. цикл контакта заработает в полном объеме. Для нас важна здесь та точка, когда заверченный гештальт уже остыл и ушел, а следующий еще не разогрет до того уровня, когда будет вытолкнут в поле сознания. Эту точку мы называем *точкой базовой тревоги*, очень часто для этого состояния используется точное метафорическое выражение «душевной пустоты». Состояние, которого панически боятся творческие люди, видимо, по причине очень высоких температурных перепадов душевного тепла в период цикла творческого контакта в объектом. Э.Хэмингуей, например, боролся с этим состоянием тем, что никогда не дописывал рассказ до конца, а всегда откладывал это на следующее утро («Праздник, который всегда с тобой»). По его словам так легче пережить ожидание новой потребности писать. За этой точки начинают развиваться так называемые незрелые защиты, прежде всего дефлексия – бегство от объекта, от потребности, вообще от всего. Происходит это в результате продолжающегося быстрого остывания внешнего плана психоида (объекта), который уже не может быть согрет никакими проекциями. Он катастрофически становится нам чужим, холодным, незнакомым. Дабы не растерять остатки душевного тепла от предыдущего цикла внутренний план закрывается для данного объекта, чаще всего переключением внимание на что-то другое, малозначимое, но не такое холодное.

Мы описали здесь не все существующие сопротивления и защиты, а только основные, которые были системно представлены еще Перлзом, и с тех пор описываются всеми авторами. Остальные (такие как профлексия, эгоизм, подавления, компенсации...) имеют, видимо, производное происхождение. Их психодинамический анализ на спирали субъективного

времени будет носить характер уже специальных исследований, и мы не будем здесь на этом останавливаться.

3.8. Психодинамика сновидений: суточный цикл волевого двигателя

Цикл волевого двигателя с одной стороны представляет его работу по овладению (по крайней мере, когнитивному) субстанциональным деятелем внешним миром, а с другой, при наложении его на спираль субъективного времени представляет собой и психологическую временную единицу человеческого бытия. Важнейшей такой, психологически и физически завершенной, единицей является для нас время суток или суточный цикл. Этот суточный цикл всегда состоит из двух частей, которые соотносятся между собой приблизительно как 1:3, это сон и бодрствование.

За время суток развивается множество циклов контактов, а, следовательно, и множество волевых циклов. Поэтому важно установить взаимоотношение этих циклов, а, следовательно, и психоидов и субстанциональных деятелей, между собой. Мы придерживаемся здесь голографической модели человеческого познания, впервые детально описанной психофизиологом Прибрамом в его книге «Языки мозга». Им было убедительно показано, что в каждом элементе, например, психического образа содержится вся информация об отраженном объекте и всем образе в целом. Не вдаваясь здесь в подробности голографических представлений психики, скажем, что психоиды соотносятся между собой точно также. Объединение элементарных психоидов в молекулярные и далее в более сложные структуры субстанциональных деятелей происходит по тому же голографическому принципу. В каждом психоиде представлен весь объект и весь субъект, различен только фокус представления. Какая-то часть объекта, непосредственно задействованная в удовлетворении потребности, на которую направлена работа данного волевого двигателя (откусить кусок торта с этой стороны, потому что там больше крема), представлена очень

точно, остальные части (весь кусок, весь праздничный стол, контекст застолья в момент кусания представлены менее отчетливо). Также и потребность в этом микропромежутке времени откусить составляет отдельный волевой цикл (цикл контакта – в гештальте), который, однако, входит в больший – съесть этот кусок, а этот в еще больший – утолить голод...

Над множеством психоидов, говоря математическим языком нельзя построить отношение эквивалентности, т.е. разделить психоиды на непересекающиеся и классы (и вообще отделить один от другого), точно указав границы. Субъективное пространство субстанционального деятеля является не пространством эквивалентностей, а пространством толерантности. Тем не менее, и в этом пространстве можно проводить какие-то границы, основанные на определении базиса толерантности. О чем мы отдельно поговорим в параграфе о математических представлениях и методах, используемых в психодинамике. Здесь же достаточно уже приведенного выше из учебника по гештальтерапии Н.М.Лебедевой о том, что любой цикл контакта складывается из массы мелких циклов. Так и любой волевой цикл, наложенный на временную спираль (см. рис.3), складывается из многих меньших циклов – психоидов, но собранных не по принципу кучи, а объединенных в голограммоподобной структуре. Тогда естественно предположить, что для суточного цикла жизни характерен какой-то хорошо представимый волевой цикл всего дня, включая и работу сновидений. Как накладывается суточный цикл физического линейного времени на спиральный цикл психологического. Очевидно, что здесь нельзя найти какую-то общую точку отсчета, т.к. каждый человек распоряжается временем суток по своему, кто-то бодрствует ночью, кто-то днем, кто-то все время по разному. Поэтому выбрать за основу физическое и даже психологическое время не представляется возможным. Но для каждого человека бодрствование рано или поздно сменяется сном, когда происходит работа сновидений. Не будем здесь обсуждать вопрос о том, насколько она

осознана, и кто видит сны, а кто нет, В любой терапевтической группе найдется человек, который со счастливым видом заявит, что он вообще не видит снов. Остается только позавидовать его беззаботности. Итак, смена сна и бодрствования накладывается на спираль субъективного времени, причем это может произойти в любой ее точке, как бы мы не стремились соблюдать режим, он все время нарушается.

Выше мы говорили о том, что на спирали субъективного времени есть три критические точки в работе волевого двигателя (см. рис.3). Это точки катексиса, катарсиса и базовой тревоги. Те случаи, когда субстанциональный деятель проходит эти точки в состоянии бодрствования, мы уже подробно рассмотрели выше. Попробуем теперь разобраться в том, что происходит, если та или иная точка суточного (собирающего в себя все деятельности и события дня) цикла спирали субъективного времени (а, следовательно, и работы волевого двигателя) оказывается покрыта сном.

Начнем с точки *катексиса*. В этом случае человек засыпает в момент поиска объекта. Сегодня задачи поставлены, завтра надо определиться, что делать. Сегодня познакомился с девушкой, что дальше. Или наоборот, никак не удается что-то сделать, не знаю, что нужно делать. Короче состояние гештальтистского предконтакта, которое теперь (уже поздно) продолжится во сне. Такие сны можно назвать *катектическими*. Именно эти сны чаще всего рассказывают на сессиях гештальт-снотерапии, т.к. они непонятны и странны. Такие сны очень часто сняться осужденным, т.к. объекты их потребностей находятся за забором. Как мы показали выше, точка катексиса есть точка полного слияния и одновременно полной ретрофлексии объекта. Во сне это проявляется наиболее рельефно, т.к. согласно гештальт-терапии любой образ сновидения – это сам сновидец (подробнее см., напр. 38). На этом построена собственно вся снотерапия. От клиента требуется перевести то, что говорится и делается ему персонажами сна в форму, это делаю я. Особенно интересно видеть, как убийца в сеансе снотерапии (реальные случаи из практики работы в колонии) начинает понимать, что он убивал

себя (ему снилась жертва). Таким образом, катектический сон, видимо отвечает естественной функции сна – переосмысление и планирование своего поведения и деятельности в ближайшем будущем. Если спросить, что же планировал убийца, то ответ прост – покаяние. Сон и совесть требуют от него этого.

Второй значимой точкой является точка *катарсиса*. Для этой точки характер полное совпадение интроекции и проекции объекта. Полное взаимопроникновение в объект. Эти *катарсические* сны можно было бы назвать фрейдовскими, т.к. им посвящена большая часть «Толкования сновидений». Фрейд считал, что во сне удовлетворяются те потребности, которые не удовлетворены, не могут быть удовлетворены в бодрствовании. Но также как мотивация не сводима только к сексуальности, так и сны бывают не только катарсические. По нашей схеме (см.рис.3) состояние катарсиса отличается большей душевной теплотой при прохождении точки равенства теплоты внешнего и внутреннего плана психоида. Завершенный катарсический сон оставляет в целом приятное впечатление, но может при пробуждении сопровождаться тоской, которая приходится как раз на фазу быстрого остывания внешнего плана психоида, которая еще более ускоряется пробуждением.

Наконец, третья точка есть точка *базовой тревоги*. Человек засыпает в период быстрого охлаждения внешнего плана. Сон приходится на максимальную разность душевного тепла внешнего и внутреннего плана при общей низкой психической температуре психоида. Это область *тревожных снов и кошмаров*.

4. Личность – субстанциональный деятель.

Термин психодинамика появился в экспериментальной психологии в исследованиях Р.Вудвортса, т.е. в исследованиях внешнего плана психоида –

субстанционального деятеля. Р.Вудвортс шел от описания стимуляции, никак еще не помышляя оценивать ее душевное тепло, к психическим реакциям и на этом пути наткнулся на «третий фактор» - мотивацию. Несколько ранее реализовывался встречный исследовательский путь – психоанализа, глубинной психологии и гештальт-психологии К.Левина, от внутреннего устройства личности, от ее устремлений к внешнему уже измененному полю поведения. И здесь на пути обнаружился третий фактор, практически та же самая мотивация, но она оказалась уже весьма и весьма противоречивой. Взгляд изнутри личности заставил говорить о противоречии мотивов как движущей силе человеческого поведения. Такова микропсиходинамическая основа изучения поведения человека. Но все эти движения изнутри во вне и обратно, и являющиеся работой волевого двигателя, как мы показали это выше, в результате приводят к формированию психостатических продуктов – устойчивых свойств личности. С психодинамической точки зрения, т.е. с точки зрения в данном случае психологической онтологии свойств личности, их следует опять же рассматривать со стороны внутреннего и внешнего плана психоида. Тогда эти свойства будут представлять перед нами как отношения личности, взятые относительно внутреннего плана психоида, и как способности личности, взятые относительно внешнего мира (объекта). Всякое так понятое свойство есть само по себе психоид, а их множество находится в движении внутри личностного пространства, количество которого и есть количество душевного тепла, о котором мы говорим уже как о психологической особенности человека. Таким образом, в этой главе мы в своем анализе переходим на следующий еще более высокий уровень организации субстанционального деятеля (психоида) – личностный.

4.1. Психодинамика отношений и способностей личности

Проблема представления личности человека в ее психодинамическом аспекте всегда являлась центральной в теории личности, наверное, с тех пор как появились первые обобщения психических процессов в более сложные

подструктуры вплоть до окончательного их синтеза в единой личностной структуре. Еще А.Ф.Лазурский, рассматривая личность как два больших множества проявлений — эндопсихику и экзопсихику, подчеркивал: «само собой разумеется, что под словами «активность» и «энергия» следует понимать отнюдь не волевое усилие в узком смысле слова, а нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех вообще наших душевных процессов и проявлений». При этом А.Ф. Лазурский, соглашаясь в целом с продуктивностью подхода Спирмена по количественному определению генерального фактора способностей («общего фонда нервно-психической энергии»), указывает на опасность его статического измерительного характера как раз и навсегда определенного свойства человека. «Общий потенциальный запас нервно-психической энергии отдельного человека обнаруживается ... целым рядом признаков, и определение его далеко не может быть таким простым и схематичным, как это представляет себе Spearman» (58). Позже, однако, сама идея наличия одного или нескольких обобщающих факторов в развитии личности приобретет в теории личности, особенно за рубежом, преобладающее значение и ляжет в основу тестологического подхода к исследованию личности. Динамические же представления личности тем временем вытесняются на периферию исследований, занимая отдельную область характера — темперамент. «Темперамент — это динамическая характеристика психической деятельности индивида» — писал С.Л. Рубинштейн (95). И, несмотря на то, что и сам С.Л.Рубинштейн и другие отечественные теоретики исследователи проблем личности неоднократно подчеркивали динамический характер всех личностных проявлений, на всех уровнях ее организации, практически ориентированные исследования, связанные применением тестовых методик, строились по статической схеме измерения свойств и черт личности.

В.Н.Мясищев выделяет три важнейших группы характеристик личности, фактически предлагая методологическую схему, в существенной мере определившую дальнейшие исследования в отечественной психологии.

Он пишет: «Первый план характеристик личности образуют доминирующие отношения последней». ... Вторая группа свойств охватывает психический уровень человека. Это не только уровень его желаний, но и уровень достижений»... Третьим существенным компонентом является динамика реакций личности. Она соответствует тому, что в психологии называется темпераментом и с физиологической стороны освящено И.П.Павловым как тип высшей нервной деятельности». И далее: «Следует только подчеркнуть, что 1. Темперамент проявляется во всех сторонах личности, в том числе в ее интеллектуальной и идейной жизни, 2. Темперамент обнаруживается лишь в области активных отношений личности, 3. Темперамент также может меняться под влиянием жизненных условий». При всей ясности методологической позиции В.Н.Мясищева, намеченной еще А.Ф.Лазурским, о необходимости динамического рассмотрения личности попытка уложить сам динамический подход в прокрустово ложе узкого термина темперамент представляется несколько непоследовательной. Даже указание в п.3 на то, что темперамент может меняться под влиянием жизненных условий не совсем согласуется с теорией И.П.Павлова об устойчивых свойствах нервной системы. Создается впечатление, что на месте термина «темперамент» в высказывании В.Н.Мясищева должно стоять некоторое иное гораздо более широкое понятие. На это же указывал в частности Б.М.Теплов, когда писал о том, что определение темперамента С.Л.Рубинштейном как динамической характеристики психической деятельности индивида было лучше других, «лучше потому, что оно наиболее широкое по содержанию. Но и оно не решало той задачи, которая была поставлена перед психологами со времени возникновения идеи Павлова об отождествлении типа нервной системы с темпераментом (или хотя бы о прямой обусловленности темперамента типом нервной системы)». И далее: «Ценность понятия «динамическая характеристика психической деятельности» заключается не столько в его положительном содержании, сколько в том, что оно ограничивает темперамент от содержания духовной жизни личности (мировоззрения,

идеалов, убеждений и т.д., которое, конечно, с темпераментом (и с типом нервной системы) не связано» (72). Таким образом, Б.М.Тепловым был уже в ясной форме зафиксирован теоретический раскол между формальными и содержательными свойствами психического. Последним вместе с темпераментом было отказано и в динамическом рассмотрении. Здесь уже наблюдается отход от методологической позиции А.Ф.Лазурского и прямое противоречие с В.Н.Мясищевым, который еще пытается увязать узкий термин темперамент как динамическую характеристику психики со всеми проявлениями личности: «темперамент проявляется во всех сторонах личности, в том числе в ее интеллектуальной и идейной сфере», к которой, несомненно, принадлежат и идеалы и убеждения» (72). Подчеркнем, однако, что противоречие здесь, на наш взгляд, все еще больше терминологическое, чем содержательное. Стоит лишь в определениях В.Н.Мясищева вместо темперамента поставить более широкий термин (например, психодинамика), и все встанет на свои места. В том числе и темперамент займет свое место частной психодинамики, охватывающей область индивидуальных проявлений личности, т.е. психодинамику ее душевно-телесных связей. На необходимость такого обобщения в свое время указывал В.М.Русалов. Он писал: «...формальные свойства личности (т.е. темперамент) не существуют сами по себе. А включаются в «более высокоорганизованные» структуры личности, в частности интеллект и характер, в качестве необходимых компонентов динамических свойств этих структур». Однако, далее он оговаривается: «Включение формально-динамических характеристик в структуру интеллекта и характера не означает, что интеллект и характер являются только более обобщенными и более сложными динамическими образованиями психики: и интеллект и характер наряду с обобщенными динамическими свойствами обладают также и особыми содержательными (предметно-смысловыми) характеристиками» (96). Таким образом, не отказывая высшим проявлениям психики человека в динамическом рассмотрении, В.М.Русалов, тем не менее, выводит за скобки такого

рассмотрения ее предметно-смысловые характеристики. Складывается, вообще говоря, парадоксальная ситуация. Наиболее динамическая часть человеческой психики, ее предметно-смысловая сфера (а если она не динамична, то, как возможно **движение** научной, философской, да и собственно психологической мысли, как возможна художественная литература?!) оказывается лишенной именно того качества динамичности, которое и породило в частности научные труды, обосновывающие эту ее содержательную «нединамичность». Но это не критика и не ирония с нашей стороны. Такой этап парадоксальной статитизации является закономерным этапом развития эмпирической науки со времен апорий Зенона. «Движенья нет — сказал мудрец брадатый, другой смолчал и стал пред ним ходить» — писал поэт по этому поводу. Мы уже не раз говорили о том, как в развитии физической науки аналогичный процесс наблюдался в изучении свойства теплоты, первоначально определяли статически как особое вещество — теплород. Получалось что-то вроде вещества веществ. И только потом было установлено, что теплота — это количества движения составляющих вещество частиц. Точно также и темперамент стал на определенном этапе исследований чем-то вроде свойства всех других свойств личности. И точно так же как в свое время в физике под флагом, в общем то неправильного с общих позиций обобщения теплорода были исследованы основные свойства теплоты, исследования темперамента как особой подструктуры личности принесли свои плоды в психологии. В работах В.Д.Небылицына и сотр. оформляются два направления исследования темперамента с точки зрения его формально динамических составляющих — «общей активности» и «эмоциональности». Здесь мы уже достаточно отчетливо можно проследить психологические характеристики внутреннего (эмоциональность) и внешнего (общая активность, направленная естественно вовне) плана психоида — субстанционального деятеля. А, следовательно, темперамент становится характеристикой работы волевого двигателя в психодинамических терминах. При этом в составе «общей активности» явно прослеживается как отдельная

и когнитивная составляющая, специально не выделяемая авторами. Таким образом, темпераментные особенности индивида могут быть сведены к особенностям движения душевной теплоты в процессе работы волевого двигателя, рассмотренной на спирали психологического времени. Перечисляя критерии отнесения психического свойства к темпераменту, В.М.Русалов называет и такое как «отражает наиболее обобщенное отношение человека к миру, обществу и себе» что явно указывает на когнитивную составляющую темперамента. В работах зарубежных авторов в 50-70х годах 20 века были открыты и исследованы феномены «когнитивного стиля»(115), В частности в работах Виткина и сотр. на материалах лонгитюдных исследований, а также исследований близнецовым методом было показано, что такое свойство как «психологическая дифференциация» является, видимо, наследуемым и чрезвычайно устойчивым в процессе жизнедеятельности. Фактически в работах Виткина и сотр. можно проследить соответствие психологической дифференциации всем критериям отнесения психического свойства к темпераменту, сформулированным В.М.Русаловым: «1. Наследуется, 2.высоко коррелирует со свойствами нервной системы и свойствами других биологических подсистем 3.устойчиво в течение длительного периода жизни человека, 4.универсально и проявляется во всех сферах деятельности и жизнедеятельности, 5. Характеризует меру активного напряжения человека, 6.отражает наиболее обобщенное отношение человека к миру, обществу и себе, 7. относительно не зависит от содержания» (96). То же самое, как нам представляется, можно сказать и относительно таких свойств когнитивного стиля как аналитичность-синтетичность по Гарднеру и импульсивность-рефлексивность по Кагану. Таким образом, можно утверждать, что психология темперамента — это область психологических исследований динамики личности во всей полноте психологической триады (эмоции, воля, познание) в ее индивидуальном представлении, т.е. психодинамики душевно-телесных и частично духовно-телесных связей в более древней

терминологии. Однако за пределами динамических представлений личности остается огромная область душевно-духовных и частично духовно-телесных связей, т.е. вся область высших форм поведения — собственно духовность человека. Попытка преодолеть такую односторонность была предпринята К.К.Платоновым в его «концепции динамической структуры личности»(). Закрепив темперамент как часть биопсихической подструктуры личности, К.К.Платонов указывает на необходимость включения активного начала в остальные три подструктуры вплоть до самой «социальной» — направленности личности, ее духовной сферы, куда включаются убеждения, мировоззрения, идеалы, стремления, интересы, желания. Однако, само понимание динамичности структуры личности у данного автора является чрезвычайно общим. Он пишет: «Давно уже было понято, что в реальной действительности существуют два рода структур: статическая и динамическая. А точнее, что это два аспекта обязательной динамичности любой структуры, определяемые временным параметром ее изменения под влиянием не только внешних воздействий, но и внутренней ее закономерности» (84). И далее: «Нельзя не согласиться с определением, данным В.Д. Шадриковым: «Динамическая система — это система, развивающаяся во времени, изменяющая состав входящих в нее компонентов и связей между ними при сохранении функции» (1979). Это определение относится и к динамической структуре личности. Причем если ее динамика совпадает с прогрессивным развитием, то результатом может быть не только сохранение, но и улучшение функций, при социальной или биологической деградации личности, наоборот, будет ухудшение.» Таким образом, динамика личностной структуры «при постоянстве» или регрессе (регрессе) функций сводится К.К.Платоновым исключительно к развитию личности в физическом времени, измеряемом биографическими периодами. Темпераментные проявления в высших сферах личности, к которым привлеч внимание еще В.Н.Мясищев, сводятся к проявлениям в особенностях жизненного пути. В этом направлении исследований отечественными

психологами был проведен ряд чрезвычайно продуктивных теоретических разработок проблемы личностного времени, времени жизни... (см. напр., 1, 55). В рамках этого направления зарождается и начинает реализовываться идея существования специфичного субъективного времени. К.А.Абульханова-Славская пишет по этому поводу: «...в психике представлено как одномоментное то, что объективно существует длительно и последовательно, и, наоборот, психическое переживание «растягивает» во времени, придает длительность тому, что объективно одномоментно» (1) .

Тем не менее, субъективное психическое время в работах этого направления продолжает рассматриваться как отражение физического времени, хотя и с некоторой спецификой (см. выше). К.А.Абульханова-Славская пишет по этому поводу: «Не претендуя на концептуализацию проблемы психологического времени в целом, можно тем не менее выделить по крайней мере четыре основных аспекта ее рассмотрения. Первый — отражение (психическое, сознательное) объективного времени, адекватность (большая, меньшая) этого отражения, механизмы (например, восприятие времени). Второй — временный, т.е. процессуально-динамические характеристики самой психики, связанные прежде всего с лежащими в ее основе ритмами биологических, организменных, нейрофизиологических **и других процессов**» (выд. нами – Д.С.).

Третий — способность психики к регуляции времени (движения, действия, деятельности). Четвертый — личностная организация времени жизни, т.е. тот временно-пространственный континуум, в котором строятся ценностные отношения личности с миром». Итак, динамические характеристики самой психики согласно п.2 остаются у автора привязанными к физическому времени через те же индивидуальные особенности поведения человека относительно физического времени. Однако, выделенное нами указание на другие процессы позволяет задаться вопросом, что это могут быть за другие процессы. В частности, не могут ли это быть собственно высшие психические процессы идейно-смысловой сферы, которые по

указанию многих авторов не являются непосредственно связанными с организменно-темпераментными особенностями. В дальнейшем мы намерены показать, что функции, которые в определении динамической системы В.Д.Шадрикова остаются неизменными (или ухудшаются, улучшаются с течением физического времени в понимании К.К.Платонова), сами имеют свою внутреннюю динамику. Динамику высшего порядка, не обусловленную свойствами темперамента и организменными ритмами в целом, однако, имеющую свои внутренние закономерности относительно структуры уже не физического, а субъективного психологического времени. Концептуальное представление психологического времени мы представим в соответствующем параграфе. Здесь же укажем на основные теоретические источники понимания психодинамики высших психических функций как их изменения в структуре субъективного психологического времени. Мы намеренно избегаем термина психическое время, которое в психологической традиции рассматривается как отраженное в психике физическое время. Психологическое время (по своей сути то же самое, что и историческое время) является столь же объективным, как и физическое время, его специфика заключается в принципиально ином соотношении основных компонентов времени — настоящего, прошлого и будущего. Психодинамика личности — это не изменение личности в процессе ее развития, а способ реагирования личности на внешнюю ситуацию, в процессе которого осуществляется перестройка структурных соотношений компонентов психологического времени. Этот способ и есть работа волевого двигателя, который мы описали во второй главе. Так смена ведущего цикла контакта (вообще запуск какого-либо психодинамического цикла состояний — волевого двигателя) в эмоциональной, волевой или когнитивной сфере предполагает изменение, как структуры психологического настоящего, так и соотношения прошлого и будущего (подробнее см. выше). Собственно теоретическая новизна нашего подхода заключается не в эмпирическом описании способов реагирования личности, а в психодинамическом их

рассмотрении. Сами эти способы являются ни чем иным как деятельностями в понимании А.Н.Леонтьева. Он писал по этому поводу: «...«узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект» (61). Из этого методологического положения А.Н.Леонтьева следует как минимум три важных вывода. Эти «узлы» существуют не постоянно, а «завязываются» в нужный момент, что по существу и является психодинамическим процессом личностного реагирования на ситуацию. Завязываются они (это завязывание и есть собственно психодинамика личности) «не под действием биологических и духовных сил субъекта», а в его системе отношений к миру, т.е. в сфере собственно духовности человека не как индивида, а как исторической личности. Имеется в виду, конечно, не значение личности в истории, а то, что всякая личность любого, наперед выбранного человека есть факт истории человечества. И, наконец, динамика взаимодействия деятельностей, образования их узлов, т.е. тяготеющих центров в субъективном пространстве личности, осуществляется уже не в физическом времени и даже не в отраженном времени, *а в историческом, психологическом времени* бытия личности. Как завязываются (и развязываются – в сеансах гештальт-терапии) эти узлы, мы подробно описали в предыдущей главе при анализе временной структуры цикла контакта.

Следует обратить внимание также и еще на один важный для психодинамических исследований личности момент, связанный с субъектными или личностными элементами, которые охватываются соответствующей внутриличностной психодинамикой. Как уже было сказано с внешних позиций рассмотрения личности такими элементами и выступают собственно деятельности. Что же касается внутриличностного плана, то здесь, очевидно, речь может идти о смыслах и значениях, т.е. некоторых обобщениях непосредственных деятельностей. А.Н.Леонтьев писал по этому поводу.

«Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. ...Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.» (там же). Именно таким образом образуются психодинамические циклы элементарных психических состояний, и именно не сознание составляет первооснову этого процесса. Это процесс естественной интрапсихической психодинамики элементарных психических состояний, представленных в социальной духовности человека как смыслы. Именно их Н.О.Лосский называл психоидами (и на более высоком уровне субстанциональным деятелем) и подчеркивал, что они имеют исключительно временную структуру, в отличие от психоматериальных явлений чисто психического отражения, которые имеют и пространственную структуру. Эти далее неделимые психические состояния, смыслы выступают также и как элементарные свойства личности, если их рассматривать не в контексте поведения отдельного человека, а обобщенно. В этом смысле справедливо ставить проблемы «каталога», как это сделано А.Н.Леонтьевым. К.К.Платонов называл свойства личности, представленные в словаре «элементами динамической структуры личности» или, что тоже самое, «элементарными видами деятельности». Им было отмечено, что в русском языке таких слов около 1500, в грузинском — более 4000. Из этого, конечно, не следует национальных различий в структуре личности. Однако, имеются, очевидно, психодинамические различия. То, что для одной нации выражается одним словом, для другой требует развернутого описания. То, что обладает малым количеством душевного тепла для одной нации, может обладать очень большим для другой. Количество элементов (психоидов), включенных в психодинамику личности – субстанционального деятеля, видимо, постоянно и равно всем тем свойствам, уже открытым и еще не открытым, которые могут быть помыслены в процессе духовного делания человека, будь то

научное исследование, духовный поиск или литературно-художественное творчество. Здесь встает важнейшей для будущей прикладной психодинамики вопрос, как выявить эти отдельные свойства, т.е. как идентифицировать психоид – элементарный субстанциальный деятель личности. Необходимо специальные методы психодинамической диагностики, позволяющие находить и описывать любой наперед заданный интересующий нас психоид (личностное свойство). Приведем пример. Когда учительницу в школе, или судью в зале суда, или психолога, работающего с людьми интересует вопрос, почему человек совершил тот или иной поступок, то существует два пути ответа на него. Один традиционно психологический, часто для важности называемый научным. Это измерить личностные свойства этого человека, по известным тестам, например, ММРІ, и сделать выводы. Сей преступник есть нервический ипохондрик, у него профиль как у большинства преступников, а поэтому он такое и совершил. Если даже в судебном следствии выяснится, что он ничего не совершал, тень падет на кого угодно, только не на психолога. Все равно он останется нервическим ипохондриком, потому и оказался в суде. Во всем этом есть доля истины. И этот классический психологический (сугубо статический) подход еще долго будет иметь право на существование. В том числе и в рамках судебно-психологической экспертизы. Но задумаемся, откуда мы знаем, что эти свойства действительно стали причиной поступка, что волевой двигатель *данного* свойства работал в момент совершения преступления или просто поступка. Где гарантия того, что это не был совсем другой психоид (субстанциональный деятель). Здесь на сцену выступает древняя как мир психология и педагогика, единственным методом которой является обыкновенная беседа как попытка разобраться в том, что же произошло. Этот второй путь в его научном оформлении и есть глубинная психология в разных ее вариантах, начиная от психоанализа, юнгианства и заканчивая гештальттерапией и нейролингвистическим программированием. Психодинамика как наука о движении душевного тепла, которое и запускает

и заставляет работать волевой двигатель, призвана примирить два этих подхода не только на уровне их комплементарного использования (что и делается любым опытным практиком), но и на уровне общей научно-методологической и методической базы. Предложенные нами методы психодинамической диагностики и являются по существу формализованным описанием некоторого выбранного свойства — в сфере чувства, волевого действия, или познавательной активности (см. ниже «Прикладная психодинамика»). Формализованный способ построения таких экспресс-тестов для любого наперед заданного свойства позволяет рассматривать выше описанную психодинамическую диагностику как метод исследования каждого личностного свойства как свойства личности в целом, как субстанционального деятеля, а не только как отдельного ее статического проявления. Итак, в современной общепсихологической теории личности мы видим место психодинамического ее представления как теоретического и экспериментального описания двух групп процессов. Первое — описание отраженного субъективного времени, его индивидуальных особенностей и особенностей развития поведения человека в этом отраженном времени в его прямой связи с физическим временем. Это область исследований темперамента человека. В таком представлении термин темперамент приобретает свой естественный смысл не статической подструктуры личности, а ее динамической характеристики. Не что есть темперамент данной личности, а каков ее темперамент. Это область частной психодинамики, связанной физическим временем. Второе — описание общей психодинамики личности как особенностей высших форм человеческого поведения, т.е. ее социокультурных проявлений. Динамика этих проявлений совершается уже в сугубо отраженном психологическом (историческом) времени. Таким образом, психодинамика личности в целом есть не что иное, как обобщенный способ ее реагирования на внешние воздействия как в физическом времени (биосоциальное реагирование — темперамент), так и в социальном и историческом (психологическом) времени (социально-

духовное реагирование — духовность человека), т.е. работа ее волевого двигателя. Заметим при этом, что оба описания (и по темпераменту и собственно психодинамическое) относятся ко всей личности и различаются только по формальным характеристикам времени, к которому привязано описание.

4.2. Когнитивные границы внешнего и внутреннего плана психоида

Тот факт, что граница между внутренним и внешним планом психоида носит прежде всего когнитивный характер явственно следует из самого определения количества душевного тепла как когнитивной знакомости, близости объекта к «Я». Мы уже обсуждали этот вопрос у его предельной форме как границе между этим миром и Другим, которая есть абсолютный ноль знания, когда никакой когнитивный обмен (с Другим) невозможен. Между внешним и внутренним планом психоида когнитивный обмен возможен. Тогда то количество душевного тепла (знакомости), которое может быть передано психоиду безо всякого дополнительного его разогрева (например, без группирования в экспериментах на внимание – см. выше) есть то До, которое характеризует данный индивидуальный волевой двигатель данного субстанционального деятеля. К середине XX века усилиями сразу нескольких экспериментальных лабораторий стал ясен тот факт, что люди устойчиво различаются по характеру когнитивного обмена с внешним миром. Это направление исследований получило название «исследование когнитивных стилей».

Направление исследований когнитивного стиля оформилось в зарубежной психологии в 50-70-х годах нашего века. Одно из первых употреблений термина «стиль» мы встречаем в статье Клейна «Личностный мир сквозь призму перцепций», где стиль рассматривается как синоним перцептивного аттитюда. В 1953 году появляется работа Р. Гарднера, в которой предлагается определить когнитивный стиль как индивидуально устойчивую характеристику перцептивной категоризации, предлагается

также специальный метод исследования когнитивного стиля — метод свободной классификации разнородного перцептивного материала. Несколько позже, в 60-х годах, оформился наиболее популярный в настоящее время подход к исследованию стиля — подход Г. Виткина (131, 132, 147, 148), предложившего измерение полезависимости-полenezависимости. Автор в своих исследованиях противопоставлял понятие когнитивного стиля понятию способность. Он подчеркивал, что стиль является *процессуально-динамической* характеристикой деятельности (познавательной), в то время как способность связана с результативностью. Стиль всегда представляет собой два полюса (полезависимость-полenezависимость, например), способность — однополюсна. К проявлениям стиля не применимы оценочные высказывания, т.к. оба полюса стиля (как полезависимость, так и полenezависимость, например) обеспечивают одинаково высокий уровень достижений. И, пожалуй, самое главное в контексте нашего исследования, стиль — это гораздо более устойчивая характеристика деятельности во времени, чем способность. Действительно характеристики обмена душевным теплом, характерные для волевого двигателя, и должны быть более устойчивы, чем показатели его работы в определенный момент времени.

В современных исследованиях когнитивного стиля отечественных и зарубежных авторов некоторые утверждения основателей этого направления подверглись коррекции. Однако, остался главный вопрос о существовании двух различных описаний личности, лучше всего, наверное, сформулированный М.А.Холодной в статье о «психологическом статусе» когнитивного стиля: «предпочтения или «другие» способности?» В нашей работе мы намерены показать, что речь, видимо, идет всего лишь о разных системах описания личности: преимущественно психодинамической (когнитивные стили) и преимущественно статической (способности). Когнитивный стиль есть та когнитивная граница, которая делит психоид на внешний и внутренний планы. Изучение когнитивного стиля потому и важно, что через эту границу идет обмен душевным теплом. Поэтому

феноменология исследований когнитивного стиля и не укладывается ни в терминологию предпочтений, ни в терминологию способностей как статических категорий. Точно также как теплород не является веществом, когнитивный стиль не является ни тем, ни другим. Он есть индивидуально предпочитаемая разность количества душевного тепла (температуры) внутреннего и внешнего плана психоида. Так, например, в известнейшем эксперименте, когда кошка на экране постепенно превращается в собаку, и синтетика позже, чем аналитики видят в новом изображении (уже очевидную для аналитиков) собаку, мы можем зафиксировать тот факт, что синтетикам нужно большее количество внешней стимуляции, большее количество знакомых элементов, *большее количество душевного тепла*, чтобы изменить поведение. Однако, остановимся на экспериментальном материале, полученном в рамках исследования когнитивных стилей личности подробнее.

В настоящее время насчитывается около пятнадцати различных подходов к определению и измерению когнитивного стиля, которые можно считать достаточно устоявшимися. Прежде, чем мы обратимся к их теоретическому анализу, остановимся кратко на теоретических истоках формирования всего направления исследований когнитивного стиля. В зарубежной психологии на этот счет в настоящее время нет единого мнения, что ведет, кстати сказать, к отсутствию единого определения, что есть когнитивный стиль, который каждый исследователь определяет чаще всего чисто операционально в соответствии с изобретенным им методом. В определении теоретических основ исследований когнитивного стиля зарубежных авторов можно условно разделить на две группы. Представителями первой группы когнитивный стиль рассматривается как частная характеристика отдельных психических явлений (восприятия, мышления, внимания, способностей и т.д.), специфичность которой заключается в ее индивидуальной устойчивости независимо от требуемой или наличной результативности деятельности. Это значит, что изменение

результативности деятельности достигается не за счёт изменения, например, полезависимости испытуемого, а за счет ее компенсации другими свойствами, либо же данная деятельность представляется несовместимой с имеющимся у испытуемого стилем. Когнитивный стиль, таким образом, представляет собой чисто формальную характеристику психических явлений, формирующуюся независимо от деятельности индивида.

Второй группой зарубежных ученых когнитивный стиль рассматривается более широко, а именно как стиль личности в целом. В работе, посвященной анализу этого направления исследований стиля, Ф. Вернон указывает, что непосредственной предтечей понятия стиль в современной психологии было понятие психологического типа, сформировавшееся и развившееся в основном в немецкой психологии в 1900-1930 годах. Автор также указывает, что современное состояние проблемы стиля во многом аналогично состоянию проблемы типа в работах, например, последователей Кречмера, которым не удалось подтвердить его теорию имеющимися в психологии методами (прежде всего корреляционным и факторным анализом). Важнейшими же переходными ступенями от понятия тип к понятию стиль явились исследования типов мышления в немецкой психологии 30-х годов — например, исследование Гросса (который выделяет два типа мышления: широкий — поверхностный — подвижный; глубокий — ограниченный — настойчивый) и типология личности с помощью теста Роршаха. Большая часть исследователей стиля апеллировала именно к данным Роршаха для подтверждения своих результатов. Наиболее существенными в данном контексте нам представляются такие характеристики восприятия фигур Роршаха, как внимание к пропорциям целого, деталям и мелочам — «понимающий тип», а также реакция на изображение как движущееся. Избыток таких реакций является показателем «внутренней креативности», т.е. одним из показателей творческого потенциала личности.

Одной из характерных черт описанного состояния проблемы когнитивного стиля является рассогласование между большим количеством

разработанных методов измерения стиля, а также большим количеством полученных данных, и полным отсутствием теоретических концепций, способных представить имеющееся разнообразие данных в единой системе понятий.

На эту невозможность согласовать между собой различные измерения когнитивного стиля указывал Ф. Вернон как на характерную особенность кризиса проблемы. В противовес ему Дж. Ройс предлагает для каждого психического проявления определять свой стиль, который является лишь специфической характеристикой данного психического процесса у данного индивида. Точка зрения Ройса при этом является более оптимистичной, чем точка зрения Вернона: он предполагает, что стилевая характеристика индивида может быть обобщена и представлена как своего рода смычка между когнитивными и аффективными процессами. Здесь уже остается один шаг до психодинамики личности, а именно представление этой «смычки» динамически, в виде циклов сменяющих друг друга состояний, что и было сделано нами и описано выше в общем виде, как бы с позиции внешнего наблюдателя, с точки зрения поведенческих проявлений личности. Учитывая же тот факт, что когнитивный элемент так или иначе присутствует в любом психическом проявлении человека, в этой части мы предполагаем исследовать внутреннюю психодинамику познания, сам механизм отражения человеком внешнего мира, который, исходя из вышесказанного приобретает статус базового по отношению ко всей психодинамике личности.

Обратимся теперь к анализу существующих измерений когнитивного стиля, список которых можно найти в работе Дж. Ройса. Автор считает, что пятнадцать описываемых им определений когнитивного стиля (см. ниже) представляют собой полный список определений, нашедших дальнейшее развитие в психологической литературе.

- *Психологическая дифференциация* — несколько более поздний термин, обобщающий два полюса индивидуальных различий по данному когнитивному стилю: артикулированный или глобальный стиль

(полнезависимость — полезависимость). На процедурах измерения данного стиля мы подробнее остановимся ниже.

- *Широта сканирования* — параметр когнитивного стиля, связанный с распределением внимания; включает такие измерения как индивидуальная устойчивость к Т-иллюзии (недооценка длины горизонтальной палочки буквы Т), оценка площадей фигур, находящихся в центре поля зрения и др.

- *Концептуальная дифференциация* — параметр когнитивного стиля, основанный на тесте свободной сортировки. Этот показатель предполагает индивидуальную свободу в определении количества групп в разбиении гетерогенного материала.

- *Ассимиляция различий (заострение-сглаживание)* — параметр, основанный на учете реакций на мелкие детали тестового материала.

- *Терпимость к нешаблонности* — мера принятия аттитюда «как если бы». Типичный пример — нешаблонное восприятие картинок Роршаха при условии знания, что это бессмысленные чернильные пятна.

- *Жесткий-гибкий контроль* — оценка поведения в противоречивых или двусмысленных ситуациях.

- *Широта категоризации или ранг эквивалентности* (в отечественной литературе используется также термин (*диапазон эквивалентности*) — в отличие от концептуальной дифференциации в тестах на оценку данного параметра классификация ограничена априори заданным концептуальным полем.

- *Рефлексивность-импульсивность* — в качестве показателя используется время, затраченное испытуемым на обдумывание ответа в специальном тесте, которого мы коснемся ниже.

- *Когнитивная сложность* — оценка сложности индивидуальной

интерпретации межличностных отношений (Келли) или связи событий.

- *Аналитичность категоризации* — выделяется два типа понятий, привлекаемых для категоризации: аналитико-дискриптивные понятия, основанные на обобщении сходства элементов стимулов из тестового набора, и соотносительные понятия, основанные на обобщении функциональных отношений между группами стимулов.

- *Осмысленность классификации* — измеряется числом объектов, из охваченных критерием классификации или не сгруппированных в тестах на свободную классификацию.

- *Концептуальная интеграция* — оценка способности к обобщению различных понятий. Субтест «сходство» в тесте Векслера.

- *Образный-буквальный стиль* — оценивается тенденция испытуемого к образному описанию, олицетворению неодушевленных предметов или событий.

- *Абстрактный-конкретный стиль* — оценка способности формирования понятий.

- *Реакция на контраст* — оценивается степень, при которой испытуемый воспринимает объекты как различающиеся очень сильно. Показатель часто рассматривается как разновидность строгого-гибкого контроля.

Как видно из приведенного списка, подавляющее большинство методов измерения стиля основаны на перцептивном предъявлении стимульного материала. И это не случайно. Одним из важных, на наш взгляд, источников формирования указанного направления явилась гештальтпсихология. Ф. Верной, видимо недооценивает этот источник, лишь между прочим говоря о немалом влиянии динамических идей Курта Левина на исследования когнитивного стиля. Действительно, переосмысление исторического опыта исследования восприятия и оформление нового личностного подхода к исследованию этого психологического процесса непосредственно предшествовало во времени появлению в психологической литературе

термина «когнитивный стиль». Все это нашло выражение в появлении ряда публикаций с весьма сходными названиями, наиболее показательным примером из которых может быть название сборника трудов, вышедшего под редакцией Р.Р. Блейка и Г.В. Рамсея, — «Восприятие: подход к личности». В этом сборнике мы и встречаем одно из первых употреблений термина стиль в уже цитированной статье Г. Клейна. Если, обобщая вышесказанное, несколько заострить формулировку, то можно сказать, что когнитивный стиль представляет собой тот же самый гештальт, но взятый не усредненно-результативно, а как психодинамический процесс становления личностного акта отражения. Из приведенного списка можно видеть, что исследователи когнитивного стиля акцентируют внимание на различных индивидуальных способах построения целостного образа стимульного объекта.

Обращаясь вновь к приводимому Дж. Ройсом списку определений, можно разделить все имеющиеся измерения когнитивного стиля на три группы: а) оценка индивидуальных особенностей пространственных характеристик перцептивного образа; б) оценка индивидуальных особенностей временных характеристик построения образа и в) оценка индивидуальных особенностей информационных характеристик образа. Примерами тестов первой группы могут быть измерения полезависимости-полenezависимости, широты сканирования, ассимиляции различий; второй группы — различные модификации тестов перцептивной категоризации, свободная сортировка, ограниченная сортировка и т.д.; специальным тестом для измерения временных характеристик является тест на измерение импульсивности-рефлексивности.

Далее, учитывая тот факт, что все направление исследований когнитивных стилей формировалось в русле нового в зарубежной психологии того времени личностного подхода к изучению восприятия, можно сказать, что многочисленные тесты для измерения стиля имеют как бы разную ориентацию. Одни из них более ориентированы на перцепцию, другие — наличность. Так, например, полезависимость-полenezависимость многие

авторы называют даже не когнитивным, а перцептивным стилем, в то время как такой параметр, как когнитивная сложность, является тестом часто используемым в социальной психологии личности. Или даже один и тот же тест свободной сортировки может проводиться с использованием разных наборов, — набора фотографий человеческих лиц с разным выражением или набора изображений предметов, — приобретая тем самым более личностную, либо более когнитивно-перцептивную окраску. В соответствии с этим имевшиеся теоретические (неоперациональные) определения когнитивного стиля тоже можно условно разделить на две группы: в одном случае стиль рассматривается как индивидуально предпочитаемый способ перцептивно-мыслительной организации стимульного материала, в другом — как некоторая личностная подструктура, психодинамический механизм поведения. Наиболее типичным примером из первой группы определений является опять же психологическая дифференциация, операционально определяемая Г. Виткиным как *способность* преодоления в процессе восприятия окружающего фона или контекста. Примером второй группы определений может служить определение когнитивного стиля данное Броверманом как индивидуального соотношения способностей индивида. Таким образом, когнитивный стиль призван связать первичную *способность* индивида к восприятию окружающего мира (или, говоря словами Дж. Ройса, индивидуальную моду когнитивных и аффективных проявлений) со *способностью* человека к познанию мира. Т.е. речь идет об исследовании возможных путей перехода от чувственного созерцания к абстрактному мышлению, совершающегося индивидуально. Фактически это и есть то, что позднее мы назовем реальной психодинамикой личности. Однако для того, чтобы имеющийся методический и эмпирический материал в области исследований когнитивного стиля мог быть использован для решения указанной теоретической задачи, он должен быть переосмыслен в духе деятельностно-динамического подхода. Это значит, что проблема когнитивного стиля должна ставиться как проблема индивидуальной

психодинамики личностного познания, решение которой предполагает исследование прежде всего индивидуально устойчивых способов сознательной переработки чувственно воспринятого материала, что обеспечивается подключением вербально-знакового уровня познавательной деятельности.

Весь опыт исследования индивидуальных стилей деятельности в отечественной психологии показал, что у человека существует система индивидуально предпочитаемых приемов оперирования орудиями данной деятельности, которая, по существу, и является индивидуальным стилем данного вида деятельности. Если учесть, что знак (прежде всего вербальный) является орудием познавательной деятельности, то исследование индивидуального стиля познавательной деятельности предполагает в соответствии с отечественной традицией изучение индивидуальной системы приемов оперирования словом-знаком как орудием. На наш взгляд, такое переформулирование проблемы когнитивного стиля как проблемы индивидуальной психодинамики познавательной деятельности является весьма продуктивным. Если далее кратко проанализировать основные результаты, полученные с помощью наиболее популярных методов исследования когнитивного стиля, то можно увидеть, что исследователи не смогли охватить именно вербально-знаковый уровень познавательной деятельности, несмотря на тщательные поиски в этом направлении. С целью такого анализа остановимся на результатах, полученных с помощью трех групп методов. Определение полезависимости-поленезависимости (пространственные характеристики индивидуальной перцепции), определение импульсивности-рефлексивности (временные характеристики) и определение дифференциации мышления или концептуальной дифференциации (информационные характеристики).

Одним из наиболее популярных параметров измерения когнитивного стиля, как в зарубежной, так и в отечественной психологии является в настоящее время параметр полезависимости-поленезависимости. Смысл

этого показателя заключается в оценке перцептивной способности испытуемых вычленять определенные условия из контекста всего задания и оперировать с ними независимо от этого контекста. Те, кто способен отвлечься от контекста, характеризуются как полнезависимые и обладают, по Г. Виткину, артикулированным когнитивным стилем; те, кто способен на это в меньшей мере, характеризуются как полезависимые и обладают глобальным когнитивным стилем. Г. Виткиным и его сотрудниками разработано три основных теста для оценки указанного параметра: тест стержня и рамки, тест включенных фигур и тест повернутой комнаты или тест выверенного положения тела.

В первом тесте испытуемый должен привести в вертикальное положение стержень, встроенный в рамку неправильной формы, находящуюся в неопределенном положении относительно вертикали. Положение тела испытуемого также изменено относительно вертикальной оси. В этой ситуации испытуемые, характеризующиеся как полнезависимые, способны достаточно точно восстановить вертикальное положение стержня. Во втором тесте испытуемый в аналогичных условиях должен привести в вертикальное положение свое собственное тело. В тесте включенных фигур перед испытуемым стоит задача вычленить из более сложной геометрической формы более простую. Полнезависимые испытуемые делают это быстрее. Все три теста дают сильную корреляцию.

В процессе развития когнитивный стиль человека, по Виткину, имеет тенденцию изменяться в сторону более артикулированного, т.е. субъективный опыт становится более дифференцированным. В связи с этим указанному параметру измерения ставится в соответствие психологическое свойство личности — психологическая дифференциация.

Описанные три теста на дифференциацию коррелируют с рядом показателей невербального интеллекта, а также с различными проявлениями структурированности перцептивного образа при восприятии неструктурированного материала (например, в тесте Роршаха). Имеются

также половые различия, возникающие примерно после 8 лет, но по-разному проявляющиеся в разных культурах. Таким образом, свойство психологической дифференциации, основанное на измерении параметра полезависимости-полenezависимости, является важной психологической характеристикой способа восприятия окружающего мира человеком, а также основанного на этом восприятии поведения.

Однако в исследованиях Г. Виткина и его сотрудников не получено никаких связей выделенного параметра с вербальными умениями. Даже специально предпринятая авторами попытка построить вербальное задание на «преодоление контекста» и связать результаты с тестами на дифференциацию не дала результатов. Исследователи были вынуждены сделать вывод о том, что развитие большинства вербальных умений идет другим путем, чем развитие дифференциации.

Параметр импульсивности-рефлексивности. Если в лаборатории Г. Виткина изучались индивидуально-стилевые особенности восприятия прежде всего с точки зрения его пространственных характеристик, то исследования Дж. Кагана и сотрудников, предложивших параметр импульсивности-рефлексивности, были посвящены главным образом временным характеристикам когнитивного стиля. В разработанном ими тесте испытуемый должен выбрать из шести картинок одну полностью идентичную эталону. Однако все имеют лишь едва заметные различия. В этих условиях испытуемые (прежде всего тест предназначен для детей), характеризующиеся импульсивностью, делают выбор сразу и часто ошибаются; испытуемые, характеризующиеся рефлексивностью, сначала долго рассматривают картинки и реже ошибаются при ответе.

Интересной, на наш взгляд, была сделанная исследователями попытка сопоставить указанный параметр с уровнем интеллекта. Для этого эксперимент проводился при двух различных инструкциях. Испытуемые сначала выполняли тест с инструкцией работать как можно быстрее, а затем — с инструкцией работать медленнее, не торопиться. Основным фактом,

полученным при этом исследовании является тот, что проявление импульсивности-рефлексивности зависит как от условий деятельности (инструкции), так и от уровня интеллекта, причем с последним время ответа связано нелинейно. Характер этой нелинейности определен полом испытуемого и условиями деятельности (инструкцией). Таким образом, будет ли ребенок вести себя импульсивно или рефлексивно зависит от того в каких условиях он осуществляет свою деятельность, от его пола и интеллекта. И наоборот, в одинаковых условиях девочки и мальчики будут вести себя по-разному (с точки зрения импульсивности) в зависимости от их интеллекта. Интересным оказался и тот факт, что ситуация при медленной и быстрой инструкции оказывается как бы обратно симметричной. При быстрой инструкции наиболее импульсивно ведут себя девочки среднего интеллекта и мальчики высокого интеллекта. При медленной инструкции все точно наоборот: наиболее импульсивно ведут себя девочки высокого интеллекта и мальчики среднего интеллекта.

Показатели по тесту «импульсивность-рефлексивность» коррелируют с показателями теста «скрытых фигур» Г. Виткина, т.е. с проявлением полнезависимости. При этом рефлексивная установка связана с большей полнезависимостью. Однако, также как и в исследованиях Г. Виткина, в исследованиях Дж. Кагана и сотрудников не удалось выявить никаких связей с уровнем и характером вербального развития. Авторы делают вывод о независимости параметра импульсивности-рефлексивности от развития вербальных умений.

Таким образом, и здесь мы, по всей видимости, имеем лишь временную характеристику образно-мыслительной деятельности человека.

Параметр дифференциации мышления. К следующему значительному направлению исследований индивидуально-стилевых особенностей познавательной деятельности примыкают исследования, основанные на применении тестов свободной сортировки, разработанных Р. Гарднером и сотрудниками. К ним относятся тест сортировки объектов, поведенческий

сортировочный тест и тест сортировки фотографий лиц. Основным показателем в тестах является количество групп, выделенных испытуемым при свободной сортировке. Используется также показатель уровня абстракции, который вычисляется как отношение концептуальных определений при сортировке к сумме концептуальных, функциональных и конкретных определений. Эти два показателя различаются по устойчивости. Если показатель концептуальной дифференциации (количество групп при классификации) мало изменяется в зависимости от ситуации, времени и характера материала, то показатель уровня абстракции сохраняет свою устойчивость лишь в коротких периодах времени.

Как уже говорилось, если подход Г. Виткина к исследованию когнитивного стиля можно было бы назвать пространственным, подход Дж. Кагана — временным, то подход Р. Гарднера, следуя такому пути анализа, естественно назвать информационным. Действительно, количество групп, выделяемых при классификации, можно считать длиной некоторого субъективного алфавита. Легко видеть здесь и отражение психологической триады (конечно, при условии понимания комплексности всякого проявления человека в эксперименте, что не помешает, однако, говорить о преимущественном проявлении воли, эмоций или познания, а следовательно и компонентов психологического времени). Так в экспериментах Виткина (особенно в темной комнате) человек решает почти исключительно когнитивную задачу, в экспериментах Кагана речь идет о страстных (импульсивных) эмоциональных проявлениях, а задания Гарднера требуют уже серьезного волевого усилия (в силу полной неструктурированности исходного материала). Заметим кстати, что и тот подход Дж. Гарднера, казалось бы, вплотную занимающийся вербальной деятельностью, не смог привести к получению результатов относительно связи вербальной и невербальной компоненты в структуре познавательной деятельности. Делается вывод о том, что как концептуальная дифференциация, так и уровень абстракции являются независимыми от вербального поведения.

Необходимо разобраться, в чем причина того, что в ряде исследований по когнитивному стилю авторы постоянно указывают на одно и то же обстоятельство, а именно отсутствие связей измеряемых параметров с вербальной деятельностью, с вербальной способностью, вербальным поведением и т.п. Нам представляется, что смысл этих фактов заключается в том, что в тестах на когнитивный стиль берутся исключительно результативные показатели: время решения, количество ошибок — Дж. Каган, время поиска фигур, величина отклонения от вертикали — Г. Виткин, наконец, количество групп при свободной сортировке — Р. Гарднер. Во всех исследованиях фактически не раскрывается реальная психодинамика изучаемых явлений. Основная же функция слова-знака как орудия познавательной деятельности состоит в управлении динамикой процесса познавательной деятельности. Слово является как бы направляющей, вектором психодинамики личностного познания. Таким образом, характеристиками, сравниваемыми с параметрами индивидуального оперирования словом, являются характеристики процесса познавательной деятельности. Необходимо построить метод измерения параметров процесса проникновения слова в образно-мыслительную ткань и ее преобразования вплоть до получения окончательного результата. Если слово является орудием познания, то необходимо ответить на вопрос как работает волевой двигатель в целом. В приведенных выше исследованиях смешаны измерения активности внешнего и внутреннего плана психоида и их обмена душевным теплом. Преобразование «чувственной ткани» определено не характерным для человека типом восприятия (когнитивным стилем), а целями и мотивами всей его познавательной деятельности в целом, работой целостного психоида, его волевого двигателя. Мы попытались построить экспериментальный метод изучения когнитивной границы внешнего и внутреннего плана психоида, или (что тоже самое) метод оценки обмена душевным теплом между внешним и внутренним планом. Полученные

результаты экспериментов мы обсудим в главе, посвященной перцептодинамике.

4.3. Экстремальность

В этой книге мы будем исходить из предположения, что в любых условиях жизнедеятельности (УЖД) найдется достаточное количество факторов, которые способны сделать эти УЖД максимально экстремальными для любого наперед избранного индивида. Это хорошо прописано в некоторых рассказах А.П. Чехова. Так чиновник, живущий по всем правилам среднего достатка, умирает оттого, что нечаянно чихнул в театре, и возможно невольно обидел человека более высокого в табели о рангах. Другой персонаж опять же умирает, будучи склонным к многоядению и не выдержав длительной процедуры постановки блюд на стол. Если вспомнить широко известную установку практической психологии, что многоядение является формой невроза, то становится понятным, что для данного человека эта ситуация оказалась максимально экстремальной.

С другой стороны, не менее очевидным является тот факт, что существуют более сложные, более экстремальные УЖД и менее сложные, менее экстремальные. Традиционно в психологической науке под экстремальными условиями до сих пор принято понимать именно наиболее сложные, даже неестественные для человека условия. Так, например, в своей книге «Личность в экстремальных условиях» В.И. Лебедев указывает на то, что под экстремальными условиями следует понимать условия, которые могут оказывать на человека пагубное воздействие, представляя реальную угрозу его жизни или здоровью (психическому или физическому). Автор подчеркивает, что обычный стресс (в смысле Г.Селье) еще не является показателем экстремальности, но индикатором воздействия экстремальных условий на человека является уже психогенное заболевание. Такое понимание экстремальности можно обозначить как экстремальность в узком смысле. Выше предложенное нами понимание экстремальных условий жизнедеятельности опирается на понимание экстремальности УЖД в

широком смысле и включает в себя более узкое понимание. Если рассматривать экстремальность как характеристическую энергетическую функцию психоида, то говорить об экстремальной ситуации и об экстремальных условиях жизнедеятельности можно также и в соответствии с уровнями организации психоида. Так об ЭУЖД речь идет тогда, когда мы имеем дело с высоким уровнем организации субстанционального деятеля, всей личностью человека, а об экстремальной ситуации тогда, когда речь идет о менее сложно организованном субстанциональном деятеле – молекулярная психоидная структура, или даже элементарный психоид как интуитивно-деятельностный элемент психики.

Основанием для расширения понятия экстремальности является, на наш взгляд, и тот факт, что все описанные В.И. Лебедевым отклонения в психики человека в ответ на экстремальные условия можно наблюдать и в «обычных» (кавычки объясняются тем, что мы считаем, что неэкстремальных условий жизнедеятельности не существует, подробнее об этом – ниже) условиях жизнедеятельности. Так, например, Панин Л.Е., Соколов В.П. (цит. по) указывают на то, что для людей, живущих на крайнем севере, характерна большая вероятность появления психосоматических заболеваний на фоне большей депрессивности, тревожности и напряженности (до 42% жителей). Однако это, очевидно, не означает, что такие же заболевания не наблюдаются и в других или даже комфортных климатических условиях, хотя и реже. Точно также то, что невротические заболевания чаще встречающиеся у курсантов летных училищ (до 75% по В.И. Лебедеву) не делает невроз специфическим заболеванием летчиков и курсантов. Мы проанализировали также и другие психические отклонения, возникающие в условиях повышенной экстремальности (по В.И. Лебедеву) и убедились, что все они встречаются также и в самых различных «неэкстремальных» условиях жизнедеятельности. Так гипокинезия, характерная для космических полетов и пилотирования самолетов, встречается также не только у постельных больных, но и у здоровых людей

по причинам сугубо индивидуально психологическим, связанным с образом жизни и работы. Сенсорный и информационный голод также имеет место не только в условиях одиночных путешествий и у исследователей пещер, но и людей, по тем или иным причинам выбравшим одиночество (монахов, затворников или просто одиноких). Также и эффекты групповой изоляции не являются специфичными для малых групп космонавтов, полярников, участников экспедиций, но и для обычных малых трудовых коллективов, члены которых в силу внутренних причин ограничивают сферу своих контактов. Наконец еще одна группа факторов экстремальности — непосредственная угроза для жизни — присутствует, как это было показано выше, практически в любой ситуации, конечно, в существенно различной степени. Таким образом, для узкого понимания экстремальности характерно наличие резко выраженных внешних ситуативных факторов, воздействующих на человека и ставящих под угрозу его жизнь или здоровье. При этом важно отметить, что интенсивность действия факторов предполагает и ситуативность экстремальных условий в узком смысле. Не случайно предпоследняя глава книги В.И. Лебедева посвящена возвращению в обычные условия.

Понимание экстремальности УЖД в широком смысле предполагает, следовательно, разный уровень действия внешних факторов и перенос внимания не на внешнюю, а на внутреннюю личностную составляющую экстремальных условий. Очевидно, что всякие экстремальные условия включают в себя как внешние, так и внутренние факторы, т.е. особенности человеческой (личностной) реакции на ситуацию. Эта *внутренняя составляющая*, как мы видели в рассказах А.П.Чехова, может приобретать такой вес, что даже при отсутствии или очень малой выраженности внешних факторов будет создавать для человека невыносимую экстремальную ситуацию с угрозой для жизни или здоровья. Очевидно также, что такой перенос исследовательского внимания на внутриличностные составляющие экстремальности УЖД предполагает уже не ситуативный, а биографический

подход к изучению поведения человека в экстремальных условиях. Т.е. речь уже не идет о возможном выходе из ситуации, возвращения в некоторые иные «неэкстремальные» условия. Соотношение ситуативного (узкого) понимания экстремальных условий и широкого их понимания как экстремальных условий жизнедеятельности в целом можно представить в виде некоторой линейной шкалы с нарастанием суммарной экстремальности. В качестве такой шкалы можно использовать описание уровней анализа и понимания ситуации в психологических исследованиях Д. Магнуссона ():

Уровень А — характеристики отдельных стимулов или стимульных рядов, определяющих ситуацию.

Уровень В — описания различных эпизодов, составляющих ситуацию.

Уровень С — описание собственно ситуации с точки зрения физических, временных и психологических параметров, определяемых внешними условиями. Через призму ситуации в целом человек воспринимает, наделяя их значением, различные стимулы и эпизоды.

Уровень D — характеристики окружения, предполагающего некоторое множество типов ситуаций.

Уровень E — характеристики среды жизнедеятельности человека как совокупности физических и социальных переменных внешнего мира.

Таким образом, в более общем смысле ситуация рассматривается как совокупность элементов среды, либо как фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта.

Опираясь на уровневое представление ситуации, экстремальные УЖД схематично могут быть представлены следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Экстремальные условия жизнедеятельности на разных уровнях ситуативного представления

Статическое представление. Психоид в физическом пространстве	Психодинамическое представление. Психоид в психологическом времени: интуитивно-	Психоэнергетические функции	Патологические (Психофизиологические) ряды поведенческих явлений
---	--	------------------------------------	---

времени: физические ряды явлений	деятельностный элемент (психологические ряды явлений)		
А. Стимулы	Субъективные стимульные пространства: психоид – образ стимула + действия, обеспечивающие его восприятие	Энергия восприятия, перцептивного образа, психофизиологических и психофизических процессов	Повышение ситуативной тревожности, проявление страха, депрессии
В. Эпизоды	Пространство значений, способов: психоид – осмысленный перцептивный образ (образ + смысл)	Энергия осмысления, смысла, системы значений, ценностей	Галлюциноз, навязчивые идеи, мании преследования
С. Ситуации	Пространство личностных способностей: субстанциональный деятель, психоид – способность (образ + ведомое им действие)	Энергия вербального и невербального (целенаправленного) поведения, деятельности	Психологическая несовместимость, конфликтность, агрессивность, раздражительность, неврозы, психопатии
Д. Окружение	Пространство межличностных отношений, Групповая динамика (поле) по К.Левину: субстанциональный деятель, психоид – осмысленное эмоциональное отношение Я (чувство + направляемое им действие в окружении)	Энергия целостного душевного устройства человека, энергия завершенных и незавершенных гештальтов, потребностей, чувств в поле групповой динамики	Повышение личностной тревожности, появление депрессии, различных личностных расстройств, личностные кризисы самоидентичности
Е. Среда	Социо-культурное пространство-время жизненного пути: Субстанциональный деятель. Психоид – интуитивно-	Энергия духовного устройства человека жизненных планов, Веры,	Бездуховность развития человека, утрата мировоззренческих и морально-нравственных ориентиров,

	деятельностный элемент = архетип + поступок (творение, произведение искусства, выполнение законченной работы, завершение жизненного этапа...)	мировоззрения, интеллекта, культурного уровня	возрастные личностные кризисы
--	---	---	-------------------------------

Итак, действительно, некоторые виды деятельности, сопряженные и с условиями проживания, потенциально содержат в себе большее число внешних факторов воздействия на психику человека, повышающих экстремальность УЖД. Но как было показано выше, в других ситуациях среди малого количества факторов экстремальности некоторые могут обладать очень высокой степенью вероятности приведения человека в неадекватное состояние восприятия окружающего мира, с последующим патологическим изменением поведения, что может вести к изменению образа жизни, например, на преступный, самоубийству, просто стрессу. Однако все эти факторы являются лишь внешними. Изучая только их нельзя получить ответа на вопрос, что произойдет с конкретным человеком в этой конкретной ситуации, здесь и теперь. Необходимо обратиться к изучению психоида на уровне его молекулярной организации субстанционального деятеля, который предполагает одномоментное совпадение трех рядов явлений: физического мира и окружения, внутреннего душевного устройства и психофизиологической организации человека.

В одинаковых внешних УЖД люди ведут себя по-разному, а, следовательно, экстремальность этих УЖД для каждого конкретного человека есть сложная многомерная индивидуально-личностная функция экстремальности УЖД, определяющая его эмоциональное, волевое и когнитивное поведение. Внешние факторы определяют лишь «ячейку» УЖД, в которой находится индивид (например, бомж, неработающая золотая молодежь, студент, курсант, летчик, военный, милиционер, пенсионер,

преступник, осужденный, др.). Если личностная функция экстремальности выходит за пределы, предусмотренные ячейкой, то человек рано или поздно попадает в какую-то другую ячейку. Он может уйти на пенсию, может не выдержать экстремальности и быть отчисленным из ВУЗа, уволенным со службы и т.д. Если же размах личностного непринятия ограничений оказывается слишком велик, то человек оказывается за гранью общественного бытия, где так или иначе проявляет свою асоциальность вплоть до того, что может превратиться в психически больного или в преступника. К этому случаю, конечно, не относятся профессиональные воры и органические больные.

Однако, для того, чтобы человек действительно оказался в экстремальных условиях жизнедеятельности, недостаточно только наличия внешних факторов экстремальности. Главным и определяющим является изменение функции экстремальности по многим внутри-личностным параметрам, или же по немногим, но с большим весом изменения. Уровневая организация психоида – субъекта этих изменений описана во второй колонке выше приведенной таблицы. В четвертой колонке представлены кризисные изменения личности, которые могут приводить как к психическим расстройствам, так и к асоциальному (защитному в психоаналитическом смысле) поведению. Эти кризисные изменения с психодинамических позиций могут быть объяснены как перегрев волевого двигателя, когда нарушается естественный процесс охлаждения нагретого внутреннего плана психоида внешним объективным холодом. Этот механизм, хотя и в совершенно других терминах, впервые был описан в психоанализе под названием защиты «отрицание», которое заключается в том, что человек перестает воспринимать внешний мир таким, как он есть, отрицая очевидно видимое и слышимое. Отрицание есть, по существу, отключение контакта мотора с холодильником, т.к. объективное (холодное) принятие случившегося (например, смерти очень близкого человека) приведет просто к поломке всего двигателя в результате резкого охлаждения внутреннего плана

психоида, что может проявляться в ступоре, обмороке, кататонии, и даже мгновенной смерти. Если же такое отключение срабатывает, то волевой мотор еще продолжает работать, хотя и в холостую, т.е. остаются шансы на выздоровление. Такая ситуация очень хорошо прописана в одном из рассказов Скотта Фитцджеральда. Молодая женщина, выписанная из больницы, наряжается, чтобы выйти навстречу встречающему ее мужу. Однако, тот неподалеку от больницы погибает в автокатастрофе. Когда она узнает, что муж задерживается, то поднимается в палату, чтобы встретиться с ним на следующий день. Ей сообщают о его гибели, но она отказывается верить и с тех пор каждый день спускается в холл на встречу с ним и через некоторое время возвращается обратно в палату, т.к. он опять задерживается на один день. Чтобы не менять место действия, Фитцджеральд помещает его непосредственно в психиатрическую больницу. В этом рассказе очень хорошо просматривается именно холостой ход волевого двигателя.

Итак, внутренняя психоидная экстремальность УЖД (усвоенная, воспринятая, переживаемая и т.п. экстремальность), не зависит непосредственно от внешней экстремальности, а зависит в первую очередь от эмоционального разогрева субстанциального деятеля (психоида). По существу **внутренняя экстремальность и есть та часть внутренней энергии психоида, которая измеряется ее страстной частью**, т.е. непосредственно *разностью* наличных и требуемых для удовлетворения страсти средств по формуле П.В.Симонова. Сбой происходит, когда эта *разность* становится слишком велика. Далее срабатывает защита – «отрицание» внешнего, разность минимизируется. Работы волевого двигателя хватает разве что на вялое поддержание жизненных процессов. Это случай минимизации разности внутреннего (имеющегося, известного) и внешнего (еще не известного) на некотором обычном уровне душевного тепла.

Однако, возможны случаи минимизации разности на уровне очень низком уровне душевного тепла – вблизи абсолютного нуля знания. О чем мы говорили выше при формулировании третьего начала психодинамики. В

этом случае внутренний план психоида охлаждается за счет полной объективности принятия внешнего, очищенным от всяких душевных наслоений. Представим себе на месте любящей жены из рассказа Фитцджеральда мальчика из рассказа Сэллинджера, размышляющего о том, насколько частей расколется его голова при падении с верхней палубы теплохода на нижнюю. Очевидно, что сообщение о неожиданной смерти неподалеку его родственника только укрепило бы юного буддиста в оценке суетности всего сущего. Что же можно сказать о работе волевого двигателя в этом состоянии. Согласно автору сей мальчик отличается особой прозорливостью и способностью находить выход из самых сложных ситуаций, за чем по ходу рассказа к нему и обращаются многие участники плавания. Таким образом, «отрицание» как способ охлаждения волевого двигателя по существу является «недоотрицанием», т.к. отрицается только часть действительности, и потому представляет собой болезненную защиту, превращающую человека в волевой автомат. Это можно назвать **типичной реакцией на экстремальность УЖД**, которая есть, по нашему мнению, то, что лежит в основе утомления и эмоционального выгорания. Дальнейшее развитие отрицания как охлаждения, распространение его на всю действительность (понятие майи – иллюзии внешнего мира в буддизме) приводит к эффектам резкого повышения уровня интуитивного проникновения в объект субстанционального деятеля. В этом случае деятельностная активность психоида снижается не до некоторого теплого равновесного уровня, когда психическая жизнь ограничивается обслуживанием самой себя (не только так, как в рассказе Фитцджеральда, например, жизнь маститого ученого, писателя... может быть сведена к поддержанию своего достигнутого статуса), а до почти полного ее прекращения, связанного с отсутствием знания, которое можно было бы получить. Хорошим примером тому являются буддистские **когнитивные упражнения**. Вот одно из них, которое, в частности, любил Сэллинджер. «Все мы знаем, как звучит хлопок двух ладоней, а как звучит хлопок одной

ладони?» Длительные медитативные размышления об этом предмете помещают психойд вблизи абсолютного поля знания, т.к. ответ на этот вопрос невозможен в Этом мире.

Несколько детская искусственность такого рода буддийских упражнений не меняет существа дела. После первого пришествия на землю Бога (Христа) мыслящий и верующий человек уже не нуждается в такого рода упражнениях. Он имеет историческое свидетельство бытия Бога и Его непознаваемости. Состояние Веры, в котором тем же самым образом совпадает знание Его (верой) и незнания Его (опытом): «Блаженны не видевшие и уверовавшие», и есть состояние вблизи абсолютного поля знания, дарованное нам Самим Господом. О чем и сказал Христос «даром получили, даром отдавайте». Существует в христианстве и соответствующая техника охлаждения деятельностно-волевого двигателя – «исихазм», молчание. Молчание не только слов, но и страстей и чувств...(подробнее см. Добротолубие). В психологической практике существует, хотя и не очень распространен, тренинг молчания. В течение четырех-пяти часов, находясь в закрытом помещении, участники могут общаться только невербально. Результаты этой процедуры выражаются, прежде всего, в ясности, точности и глубине высказываемых мыслей по завершению тренинга.

Итак, в соответствии с функцией экстремальности можно описать три режима волевой работы интуитивно-деятельностного элемента – психойда, субстанционального деятеля (системы психойдов).

1. Минимальная экстремальность: разность между известным и неизвестным очень мала, внутреннее и внешнее состояние холодное, т.е. близкое к абсолютному полю знания. «Я знаю только то, что я ничего не знаю» – Сократ. Наблюдаются эффекты инсайта.
2. Средний и самый широкий диапазон экстремальности УЖД: разность между известным и неизвестным существенна, внутреннее состояние от теплого до горячего. В этом диапазоне действует

закон Йеркса-Додсона в разных его модификациях, например в такой: низкая экстремальность (теплое) ведет к низкой эффективности деятельности, также как высокая (горячее). К наибольшей эффективности ведет средняя экстремальность (средний разогрев волевого двигателя, когда разность между известным и неизвестным оптимальна). Примерами эффектов могут быть высокие достижения в любой деятельности: труде, науке, искусстве, спорте... (Сама оценка среднего высокого и низкого в данном случае зависит от наличной ситуации и психоидной функции экстремальности, о чем уже говорилось выше).

3. Запредельно высокий уровень экстремальности: разность между известным и неизвестным очень высока. Внутреннее состояние психоида разогретое (так женщина в рассказе Фитцджеральда была разогрета ожиданием встречи с любимым мужем), причем настолько, что охлаждение его внешним миром грозит разрушением. Срабатывает защита по типу «отрицание», наблюдаются эффекты эмоционального выгорания. Волевой двигатель какое-то время может работать вхолостую. Затем останавливается. Это к вопросу, от чего умер Н.В.Гоголь.

5. Математические описания в теоретической психодинамике.

Для чего нужны математические описания в психодинамике? Исходя из вышеизложенного, самый общий и самый простой ответ на этот вопрос может быть таким. Если психодинамика есть расширение термодинамики на область психических процессов, как мы пытались это показать выше, то она имеет дело с количествами душевного тепла и подчиняется закону сохранения энергии. *Чтобы отделять эти количества одно от другого (т.е.*

*собственно говоря, отделять один от другого психоида) и составлять их пропорции в соответствии с происходящими их движениями и законом сохранения мы должны уметь оценивать эти количества. От того, насколько адекватно будут выбраны математические описания, зависит эффективность дальнейшего научного поиска, т.к. только на этой основе мы можем доказать, что чего-то сколько-то где-то убавилось, и того же и столько же в другом месте прибавилось, как говаривал Михаил Ломоносов, формулируя один из законов сохранения. Дальше, однако, возникают более сложные вопросы. Как определить внутри субстанционального деятеля (психоида) это самое *где*. Т.е. то *место, где* что-то убавилось или что-то прибавилось. Особенно учитывая тот факт, что *психоид является по существу не пространственным, а временным элементом* (см. выше). Однако время в этом мире неразрывно связано с пространством. Более того само изучение времени, каково бы оно ни было есть по существу его пространственное моделирование. Других способов представления времени нам встречать не приходилось. Пусть это будет *прямая* времени, *луч* времени, *вертикальное* время Хокинга, или, наконец, наша *спираль* времени – все это пространственно (и только пространственно) представимые модели. Итак, теоретически признавая психоид сугубо временным элементом (цикл как часть временной спирали), для описания взаимодействия этих элементов мы можем воспользоваться только пространственными методами описания. Собственно говоря, мы уже это сделали выше, исходя из понимания элементарного психоида как некоего точечного (неделимого далее шарика) элемента в некотором *пространстве* личности – субстанционального деятеля (более сложно организованного психоида). Количество движения этих психоидов-шариков во внешнем и внутреннем плане и есть то количество душевного тепла в пространстве субстанционального деятеля – личности, которое движется от более горячего плана к более холодному и создает работу волевого двигателя. Далее это пространство личности мы будем называть «субъективным». *Описать и исследовать это (субъективное)**

*пространство психоида (его топологию, размерность..., движения в нем) во всей полноте можно только математическими методами, и это второй существенный запрос психодинамики к математике. Таким образом, от математических описаний мы ждем некоторых **моделей** работы волевого двигателя отдельных субстанциональных деятелей, а следовательно и отдельных свойств личности (см. выше), а следовательно и отдельных психоедов, вплоть до элементарных (см. параграф об измерении душевной температуры, а также ниже – перцептодинамику). Следует отметить, что и само понятие «пространство» уже есть некоторая рассудочная модель внешнего мира или его части (подпространство – субъективное пространство), представляющая его в самом общем виде. Само пространство в каждом конкретном случае надо еще построить, что можно сделать исключительно с помощью математических методов. Свойство же пространственности отражается в той или иной мере на всех этапах построения модели. С этой точки зрения весь аппарат линейной алгебры, начиная от множеств, полугрупп, групп и заканчивая собственно пространствами, мы рассматриваем как математический инструментарий построения моделей в психодинамике. В выборе методов здесь нет никаких отличий от традиционной психологии. Отличие состоит в том, что психическое явление (психоед – субстанциональный деятель – свойство личности) становится объектом исследования психодинамики только тогда, когда описано то пространство, в котором он движется, т.е. дано полное описание всех других присутствующих элементарных психоедов, прописаны границы и свойства этого пространства. Только в этом случае мы можем увидеть движения душевного тепла и работу волевого двигателя. Тогда как не сделав этого мы будем фиксировать только рассеянное душевное тепло, чем часто довольствуется традиционная статическая психология. Приведем пример на материале предыдущего параграфа. Существует такой показатель когнитивного стиля (свойство личности) как аналитичность – синтетичность познавательных процессов (например, в экспериментах Гарднера). В этом*

случае, экспериментатор намеренно выключает волевой двигатель в самой инструкции, требуя от испытуемого разложить карточки просто «как ему кажется», не ставя перед ним никакой содержательной задачи. Работа волевого двигателя в традиционной психологии часто рассматривается как артефакт (вспомним измерение объема внимания *без группирования*), что порой весьма оправдано, но об этом позже. Далее фиксируется, что кто-то склонен к большей аналитичности в выполнении задания – больше групп, кто-то к большей синтетичности – меньше групп. На этом исследование свойства заканчивается, оно получает название аналитичность-синтетичность. Как поведет себя человек при другой инструкции, сможет ли он вдруг превратиться из синтетика в аналитика и наоборот – это уже предмет другого, *не связанного с первым логически* исследования. В психодинамике полная схема **всех возможных** событий является необходимым условием исследования психоида (свойства личности – субстанционального деятеля). В данном случае мы должны как минимум исследовать, когда человек ведет себя как синтетик, когда как аналитик, как переходит от одного состояния к другому, и, главное, **как и в какое состояние возвращается** (т.е. как замыкается цикл работы волевого двигателя). Фактически о свойствах личности (психоидах) психодинамика и судит по этим замыканиям. Пример: адаптивные и неадаптивные личности отличаются не компонентной структурой субъективного времени (или соответственно психологической триады – эмоции, воля, познание), не соотносительной выраженностью того или иного компонента, а характером объединения их в психодинамический цикл – замыканием. ЭВП – адаптивный тип, ЭПВ – неадаптивный. Причем, что очень важно, **других типов не существует**. Это последнее уже доказывается сугубо математическими методами, в частности, *комбинаторной математики* и теории множеств. Вот мы и пришли к первым предпочтениям психодинамики в области математических описаний – теории абстрактных (алгебраических) моделей. Что, впрочем, непосредственно следует и из

центрального допущения психодинамики – рассмотрения элементарного психоида как далее неделимого точечного элемента имеющего определенное количество движения (душевного тепла) в субъективном пространстве субстанционального деятеля.

Теория абстрактных моделей является одним из важнейших и интенсивно развивающихся разделов современной алгебры. Ее формирование приходится на первые десятилетия двадцатого века и может быть рассмотрено как реакция на кризис математики начала прошлого столетия. Как известно, большое внимание развитию и преодолению этого кризиса, коснувшегося не только математики, но и других точных наук, уделяли также философы и психологи. Не удивительно поэтому, что психологи и в дальнейшем проявляли большой интерес к развитию математики. Крупнейший представитель современной психологии Жан Пиаже сделал попытку построения психологической теории человеческого интеллекта на основе привнесения в психологию некоторых алгебраических понятий и, прежде всего понятий группы и полугруппы. В этой главе мы воспроизведем некоторые совершенно необходимые математические основания не только организации психологических исследований в области психодинамики, но и самого научного мышления психолога при изучении психодинамики. Многие ученые, впрочем считают, что эти основания являются необходимыми и для научного психологического мышления вообще, другие не во всем с ними согласны. Мы же считаем, что психодинамика как расширение термодинамики невозможна без некоторой формализации основных понятий и приемов исследования.

5.1. Множества и отношения

Понятие множества является основным математическим понятием в том смысле, что любой объект математического исследования и моделирования является множеством. Обратное, однако, неверно. Не любое множество может являться объектом математического исследования. Для

того чтобы оно могло таковым стать, множество должно быть корректно задано. Таким образом, множество в отличие от других математических понятий не определяется через другие понятия, а задается. Корректное задание множества каких бы то ни было объектов является первым и важнейшим актом подготовки множества исследуемых объектов для их анализа с помощью математического аппарата. В качестве примера некорректно заданного множества приведем известный парадокс Бертрانا Рассела. Что делать бородобрею, который получил приказ брить всех, кто не бреется сам? Вопрос заключается в том, должен ли бородобрей брить себя самого, т.е. относится ли он к множеству бреющихся самостоятельно или же к множеству тех, кого бреет бородобрей, т.е. он сам, но если он бреет себя сам, то он не должен бриться бородобреем и т.д. Ярчайший психодинамический пример того, что если пространство работы волевого двигателя не определено, то он останавливается. В этом случае условие, задающее множество, не является корректным, так как не позволяет решить вопрос о том, содержится в нем указанный бородобрей или нет. Следовательно, множество является заданным корректно тогда и только тогда, когда условие, задающее множество, позволяет относительно любого элемента, принадлежащего любому, а, следовательно, и данному множеству, однозначно ответить на вопрос принадлежит этот элемент данному множеству или нет. Таким образом, задание множества позволяет относительно всех существующих в мире объектов формулировать однозначные высказывания о принадлежности любого из этих объектов заданному множеству. В противном случае множество не является корректно заданным, и, следовательно, не является множеством в точном смысле этого слова.

Использование абстрактных математических моделей в психологии, видимо, не ограничивается только описанием различных психических процессов и явлений. Познавательные психические процессы человека сами представляют собой модели объектов внешнего мира, и с этой точки зрения

их удобно представлять теми или иными алгебраическими моделями. По ходу изложения мы будем стараться иллюстрировать эту мысль. Здесь мы покажем, что всякий отраженный в сознании человека объект является множеством (в точном смысле этого слова). Подтверждением тому может служить психологический принцип предметности восприятия, объясняющий факты, полученные в экспериментах с так называемыми двойственными изображениями (черный — белый крест, жена — теща, два профиля — ваза). Выяснено, что при рассматривании такой картинки человек может в каждый фиксированный момент времени воспринимать либо одно, либо другое изображение, но никогда не может видеть одновременно оба креста. Здесь нам, однако, могут возразить, что человек способен думать одновременно о двух нарисованных крестах. Действительно, посредством мысли человек может осуществить операции объединения этих объектов, получив в результате некоторое новое множество, но при этом в каждый фиксированный момент времени человек может думать только о каком-то конкретном множестве, даже если оно получено как комбинация других. В книге Ф.Д. Горбова и В.И. Лебедева () описаны случаи, когда человек оказывался в условиях, требующих одновременной переработки информации о различных (или даже одинаковых, но по-разному заданных) множествах объектов. Авторы показывают, что в такой ситуации мозг человека отказывается работать, и наступает временная потеря сознания. Это уже не абстрактный пример, а экспериментальный факт остановки волевого двигателя.

В приведенных примерах мы коснулись таких важных понятий, как подмножество данного множества, элемент множества, объединение множеств. Сейчас мы определим точно эти и некоторые другие важные понятия теории множеств. Введем некоторые обозначения. Как это и делается обычно, множества мы будем обозначать большими буквами латинского алфавита A, B, \dots , элементы соответствующих множеств — маленькими буквами a, \dots, i, \dots . Знак \in означает принадлежность элемента

множеству. Например: $a \in A$ означает, что a , является элементом множества A , если же он таковым не является, то используются перечеркнутое \in . Если имеем дело с множествами, состоящими более чем из одного элемента, то необходимо бывает различать свойства, присущие всем элементам данного множества, и свойства, присущие только какой-то их части или единственному элементу из всего множества. Таким образом, любой элемент a либо является элементом данного множества A , либо не является им. Собственно говоря, решение вопроса для любого элемента реальности (Этого мира) о том, является он элементом заданного множества или нет и есть корректное задание этого множества. Так, например, множество столов задается решением вопроса для любого объекта мира стол он или нет. Слон это не стол, он не принадлежит заданному множеству.

Введем теперь понятие подмножество множества. B является подмножеством A тогда и только тогда, когда каждый элемент из B является элементом A . Если же напротив A является подмножеством B , то можно сказать, что каждый элемент множества A является элементом множества B .

Если же каждый элемент множества B является элементом множества A и наоборот, каждый элемент множества A является элементом множества B , то в этом и только в этом случае множества A и B состоят из одних и тех же элементов. Множества, состоящие из одних и тех же элементов, называют равными или находящимися в отношении равенства: $A=B$.

Знак равенства означает, что A есть в точности то же самое множество, что и B , но может быть по-другому заданное.

Способов же задания множества существует бесконечно много. Однако все их можно разделить на две группы: 1) множество может быть задано перечислением своих элементов. В этом случае применяют запись $A = \{a_1, a_2, \dots, a_n\}$;

2) множество может быть задано условием, позволяющим отличать его элементы среди всех других. В этом случае каждый элемент множества удовлетворяет заданному условию и ни один элемент, не принадлежащий

данному множеству, не удовлетворяет указанному условию. Тогда применяется следующая запись:

$$A = \{a/\text{условие}\}$$

Например, к множеству психоидов, согласно вышеизложенному, принадлежат только те свойства личности, для которых определены внутренний и внешний план их проявлений. И не принадлежат те свойства, о проявлении внешнего и внутреннего плана которых мы ничего не знаем. Так, например, свойство *хороший* (человек) не является психоидом. Может поэтому многие психологии и отрицают это свойство как предметное для психологии.

Итак, мы определили понятия *множества* и *подмножества*. Полезно также ввести понятия *надмножества* как множества, содержащего данное множество (мебель – надмножество для столов), и понятие *пустого множества*, как множества, не содержащего ни одного элемента (обозначается \emptyset). Пустое множество по определению является подмножеством любого множества.

Введем теперь понятие *объединения* множеств. Множество C является объединением множеств A и B , если каждый элемент C является либо элементом A , либо элементом B .

Аналогично можно определить понятие *пересечения* двух множеств. Множество C является пересечением множеств A и B , если каждый элемент C является одновременно и элементом A и элементом B , т.е. C есть множество общих элементов A и B . Если, однако, у A и B нет общих элементов, то C есть пустое множество.

Введем теперь понятие пары объектов. Этими объектами могут быть как элементы множеств, так и сами множества. В понятии пары кроме количества выбираемых объектов фиксируется также порядок их следования. Так, например, если A не равно B , то две пары множеств (A, B) и (B, A) также не являются равными. В психодинамике понятие пары будет иметь особое значение, а также и те случаи, когда порядок следования не важен

(равенство количества душевного тепла) и важен (направленный поток душевного тепла). Примером может служить схема цикла контакта на спирали субъективного времени (см. выше). Рассмотрим теперь множество всех *пар* элементов множества A , оно называется декартовым квадратом множества и обозначается A^2 , Смысл такого названия в том, что если множество A содержит k элементов, то количество упорядоченных пар будет равно k^2 . Декартов квадрат, как множество, проще всего представить себе как ортогональную систему координат на плоскости. В этом случае каждому объекту приписывается *пара* чисел, соответствующих координатам по оси абсцисс и оси ординат. Парой чисел может быть представлен испытуемый в двухфакторном пространстве свойств, например в пространстве темперамента по тесту Айзенка, когда каждому испытуемому соответствует координатана шкале интроверсии и шкале эмоциональной стабильности.

Итак, декартов квадрат множества A сам является некоторым множеством. Любое его подмножество будем называть бинарным отношением, заданным на множестве A . (Отметим, что все другие виды отношений, которые можно определить на множестве A , также являются подмножествами, но уже не декартова квадрата A , а любой другой декартовой степени A , т.е. являются множествами троек, четверок и т.д. элементов из A .)

Так как понятие отношения является одним из важнейших понятий современной психологии, остановимся подробнее на уяснении смысла его точного определения, приведенного выше. Первое, что бросается в глаза это то, что *отношение* является некоторым *множеством*. Это на первый взгляд противоречит тому смыслу, который вкладывается в понятие отношения в гуманитарных науках. Действительно, когда говорят об отношениях личности, отношениях между людьми, отношениях человека к тем или иным объектам внешнего мира, то создается впечатление, что выражение отношения не предполагает наличия какого-то множества, над которым это отношение можно было бы задать. Но это противоречие только кажущееся.

Напротив, и для традиционной статической психологии и особенно для психодинамики важно определить то множество, над которым задано отношение. Только тогда его можно будет изучить во всей полноте.

Возьмем для примера отношение родства между людьми. Обозначим его буквой P (людей будем обозначать маленькими буквами латинского алфавита). Первое, что можно сказать об этом отношении, это то, что человек не является родственником самому себе, т.е. aPa неверно. Такое отношение называется антирефлексивным. Если же отношение aPa — выполнено, т.е. пара (a, a) принадлежит P , то такое отношение называется рефлексивным, т.е. обладает свойством рефлексивности. Например, отношение равенства является рефлексивным. Любой объект равен сам себе. Далее, если человек является родственником другого человека, то и тот является родственником данного. Далее, если человек является родственником другого человека, а этот другой является родственником третьего, то этот третий также является родственником первого. Это можно записать так: если aPb и $bPc \Rightarrow aPc$. Отношение, для любых трех элементов которого выполнено данное условие, называется транзитивным. Если это условие не выполнено хотя бы для одной тройки элементов, то отношение не является транзитивным. Если отношение aPb влечет bPa , то также отношение называется симметричным. Таким образом отношение родства нерефлексивно, симметрично и транзитивно. Рассмотрим теперь бинарное отношение R , обладающее всеми тремя указанными свойствами:

- 1) aRa . (рефлексивность);
- 2) $aRb \Rightarrow bRa$ (симметричность);
- 3) aRb и $bRc \Rightarrow aRc$ (транзитивность). (13)

Отношение, обладающее указанными тремя свойствами, называется отношением эквивалентности. Примером такого отношения может быть отношение равенства. Действительно, любой объект всегда равен сам себе, если $a = b$, $b = c$, то $a = c$, и, конечно, если $a = b$, то $b = a$.

Отношение эквивалентности является чрезвычайно важным понятием для психологии и психодинамики. Это обусловлено одной его особенностью. Если на множестве задано отношение эквивалентности, то данное множество оказывается разбито на подмножества (или классы), не имеющие общих элементов. Действительно, объединим в один класс все элементы, эквивалентные данному элементу a . Тогда в силу транзитивности отношения всех элементов внутри класса эквивалентности будут попарно эквивалентны, так как из aRb и aRc следует bRc . Таким образом, любой из элементов класса эквивалентности может быть выбран в качестве его представителя. А это значит, что если мы начнем построение класса с любого другого элемента b , то получим тот же самый класс, т.е. $K_a = K_b$. Если же элемент b не находится в отношении эквивалентности с элементом a , то классы K_b и K_a не будут иметь ни одного общего элемента, в противном случае существовал бы один общий элемент, такой, что aRc влечет bRc , из чего в силу транзитивности следовало бы aRb , т.е. a и b принадлежат к одному и тому же классу. Мы получили противоречие, следовательно, мы доказали, что классы эквивалентности не пересекаются, т.е. не имеют общих элементов.

Важным следствием является то, что объединение всех классов эквивалентности данного множества полностью покрывает исходное множество. Наглядно это можно себе представить так: если разрезать кусок ткани на несколько частей различной формы, а потом снова сшить их вместе (швы не принимаем во внимание), то получим тот же самый кусок. С этой точки зрения отношение эквивалентности для психологов представлялось идеальной моделью типологии отдельных психических явлений и человеческих индивидов в целом, например, задающим разбиение множества на три класса: люди, не обладающие полом (гермафродиты), люди мужского пола, люди женского пола. Таким же является отношения «иметь одинаковый цвет волос, глаз, рост» и т.д. Однако не только антропометрические, но и некоторые социологические признаки позволяют представлять множества людей классами эквивалентности. В качестве

примера можно привести отношение «иметь одинаковый стаж работы на данном предприятии». Если же мы обратимся далее к простейшим психологическим свойствам человека, таким, как свойства его темперамента, характера, личности, особенности восприятия или поведения в целом, то по этим свойствам мы уже не сможем подразделять людей на непересекающиеся множества, т.е. на классы эквивалентности. При этом, однако, следует отметить, что если процедура классификации индивидов разработана в соответствии с моделью эквивалентности, то применение этой процедуры, конечно, даст разбиение людей именно на классы эквивалентности. Вся беда в том, что, повторив эту процедуру несколько раз, мы получим совсем другое разбиение. Из этого следует, что модель множества людей с заданным отношением эквивалентности по данному признаку (например, по особенностям темперамента) неадекватно отражает действительность или, как считают авторы, использующие такую модель, не удастся пока еще разработать подходящую процедуру классификации. Но так ли это. Во всяком случае, во всех процедурах психологического тестирования мы исходим из эквивалентного разбиения испытуемых на классы (тестовые оценки). Так ученик, отнесенный к классу хорошо успевающих уже не может быть отнесен к классу средне успевающих, по крайней мере, ни в одном диссертационном исследовании по педагогике. Но разве в обычной повседневной работе педсовета активное внимание уделяется этим ученикам. Не тем ли, которых не понять куда отнести, не понять, что с ним делать. Попробуем немного по-другому задать отношение. Пусть оно обладает свойствами рефлексивности и симметричности, но не обладает свойством транзитивности. Такое отношение называется отношением *толерантности*. В качестве примеров можно привести отношения сходства или знакомства между людьми. Так, если один объект похож на другой, то и этот другой похож на первый (симметричность), при этом естественно, что каждый объект похож сам на себя (рефлексивность). **Однако**, из того, что второй объект похож на некоторый третий, уже не

следует, что и первый похож на третий, сходство может утрачиваться. Если мой подчиненный со мной на ты, а я на ты с начальником отдела, то это не значит, что и мой подчиненный с ним на ты. Опять жизненная ситуация, и опять психолог начинает с ней бороться, пытаюсь установить эквивалентные отношения, например, в группе социально-психологического тренинга, где все должны обращаться друг к другу одинаково. Отношение толерантности также разбивает исходное множество на некоторые классы. Однако классы *толерантности* уже не являются *непересекающимися*. Попробуем рассмотреть Гиппократовские типы темпераментов не как классы эквивалентности, а как классы толерантности. Проанализируем с этой точки зрения тест Айзенка. Автор теста разработал опросник, который позволяет оценить личность человека по двум основным свойствам — экстравертированность (открытость человека внешнему миру, его общительность, заинтересованность и т.п.) и нейротизация (нервозность человека, его тревожность, боязнь общения и т.п.). Каждое из свойств измеряется по 24-балльной шкале, следовательно, каждому человеку может быть поставлена в соответствие пара чисел. Меланхолик характеризуется высоким нейротизмом и низкой экстраверсией, холерик — высоким нейротизмом и высокой экстраверсией, флегматик низкой экстраверсией и низким нейротизмом, сангвиник — высокой экстраверсией и низким нейротизмом. Легко видеть, что для некоторых пар типов характерно наличие одного общего свойства, а для других, напротив, характерно отсутствие общих свойств. Так, холерик и меланхолик одинаково характеризуются высоким нейротизмом, а флегматик и меланхолик имеют одинаково низкую экстравертированность. Напротив, холерик и флегматик не имеют между собой ничего общего. Отношение «иметь хотя бы одно общее свойство» является отношением толерантности. Действительно, каждый тип имеет сам с собой даже два общих свойства, и если он имеет общее свойство с «соседним» типом, то и тот имеет это же общее свойство с ним. Например, холерик и сангвиник находятся в отношении толерантности так же, как холерик и меланхолик, в то время как

меланхолик и сангвиник — нет, также как и холерик и флегматик. Действительно, как на основе интуитивных представлений, так и из многочисленной литературы ясно, что сангвиника с меланхоликом, также как и флегматика с холериком спутать очень трудно. В то время как в зависимости от ситуации флегматик может вести себя как меланхолик или как сангвиник, холерик также может впадать в меланхолию или, напротив, быть спокойным как сангвиник. Таким образом, мы видим, что отношение толерантности, заданное на том же самом множестве, позволяет несколько с иной точки зрения взглянуть на проблемы этих психологических типов, несколько расширить их понимание. Но классическая психология эквивалентных измерений отрицает такую возможность, рассматривая ее как артефакт. Со строгих позиций теории измерения такие граничные случаи рекомендуется выбрасывать из выборки как артефакты, что бы не вредить чистоте эксперимента. С этой точки зрения не будет преувеличением сказать, что психодинамика занимается во многом исследованием именно таких артефактов. Воспользуемся вышеприведенным примером анализа цикла контакта на спирали субъективного времени. Самые важные в этом анализе критические точки катексиса и катарсиса есть точки *пересечения* сфер внешнего и внутреннего плана психоида. Это позволяет описать их как одновременное присутствие двух разных сопротивлений, например слияния и ретрофлексии. Итак, над множеством психоидов и субстанциональных деятелей задано ***отношение толерантности***, а не эквивалентности. Психоиды в субъективном пространстве могут иметь общие элементы. Точно также и внешний и внутренний план психоида имеют общие элементы. С формально-математической точки зрения – это означает, что субъективное пространство психодинамики и традиционной психологии личности имеет разную топологию.

Итак, мы видели, что даже такие простейшие математические модели как множества с заданным отношением уже в существенной мере определяют направление исследовательского поиска.

5.2. Отображения и функции

Мы уже ввели понятие пары объектов. Рассмотрим теперь следующее множество пар. Пусть имеется два множества A и B . Рассмотрим множество таких пар объектов, где первый элемент всегда выбирается из множества A , а второй — из B . Все множество таких пар образует множество $A \times B$. Ограничим теперь указанное соответствие следующим условием. Пусть каждый элемент из A соответствует только единственной паре из множества $A \times B$. Такое ограниченное соответствие называется *отображением* множества A в множество B .

Рассмотрим некоторые важные свойства отображений. При отображении f будем называть элемент $b = f(a)$ образом элемента a , а сам элемент a — прообразом элемента b . Соответственно все множество A всегда является прообразом при отображении f , а множество B содержит в себе некоторое подмножество, которое является образом множества A . Если образ множества A совпадает со всем множеством B , т.е. каждый элемент из B имеет хотя бы один прообраз, то отображение называется сюръективным или обладает свойством сюръективности. В множестве B могут, однако, быть элементы, которые не являются образами никаких элементов из A , если a при этом еще каждый из тех элементов, которые являются образами элементов из A , имеет единственный прообраз, то такое отображение называется инъективным или обладает свойством инъективности. Если отображение одновременно обладает двумя указанными свойствами, т.е. является сюръективным и инъективным, то такое отображение называют биективным или взаимно однозначным.

В качестве примера сюръективного отображения можно привести соответствие множества психических образов (восприятия и представлений) и множества мыслей, выраженных в законченной фазе.

Задание функции означает, что определено отображение подмножества A в B , а для остальных элементов из $A \setminus A'$ данное отображение, а значит, и соответствующая функция не определены, иногда также говорят, что B

является функцией A , не забывая при этом, что функция определена только для некоторого подмножества A , равного A' . Так, например, множество психических образов будет являться функцией множества объектов внешнего мира в том и только в том случае, если для различных объектов будут существовать различные образы. Такое утверждение наталкивает исследователя на мысль установить экспериментально способ задания этой функции. Мы помним, что функция по определению также является некоторым множеством пар. Рассмотрим два способа задания функции — табличный и аналитический. В первом случае составляется таблица, где каждому элементу области определения функции (отображаемого пространства или множества начала) сопоставляется элемент отображающего множества (или множества конца).

При аналитическом способе задается некоторое выражение, позволяющее посредством подстановки в него элементов множества начала получать соответствующие элементы множества конца. Так, например, количество информации по Хартли равно двоичному логарифму числа возможных состояний системы:

$$I = \log_2 N \quad (14),$$

а в более общем случае по Шеннону равно сумме вероятностей состояний системы на их логарифм. Таким образом, информация есть логарифмическая функция числа состояний системы.

Одно из наиболее известных в психологии описаний психофизических отображений является закон Г.Фехнера, связывающий *функциональной* зависимостью физическую интенсивность стимула (воспринимаемого внешнего объекта) и субъективную интенсивность ощущения

$$S = k \log R + C,$$

где S — интенсивность стимульного воздействия, R — интенсивность ощущения или воспринимаемая интенсивность. При этом, конечно, на физическую интенсивность стимула как множества начала отображения накладываются ограничения. Это, прежде всего, пороговые ограничения как

при любом психофизическом отображении, но, кроме того, закон Г.Фехнера действует только в средних диапазонах интенсивности раздражителей (стимулов) и не действует в околопороговых областях. Этот факт мы считаем косвенным подтверждением третьего начала психодинамики, которое описывает особое поведение психоида вблизи абсолютного поля знания, приближением к которому могут служить околопороговые области ощущений. Таким образом, можно сказать, что данная функция представляет собой модель трансформации физической энергии в субъективное восприятие в обычных условиях (при средних интенсивностях стимулов). С.С. Стивене разработал иную процедуру оценки субъективной величины ощущения и предложил в качестве модели степенную функцию.

Однако эта модель тоже требует существенного ограничения области задания функции.

До сих пор мы рассматривали функций как отображение одного множества (область определения) в другое, т.е. как некоторое множество пар объектов. Такие функции называются функциями одного аргумента, но, однако, рассматривать функции двух и более аргументов как множества троек, четверок и т.д. Линейные функции нескольких аргументов широко используются в психологии личности, Личность в этом случае представляется как линейная функция некоторого конечного множества признаков.

Введенные на данный момент понятия позволяют дать рабочее определение того, что мы будем в дальнейшем понимать под термином модель. Моделью мы будем называть пару множеств, причем первым членом пары выступает множество реальных или идеальных объектов (в качестве последних чаще всего используются числа или буквы), а вторым членом пары является множество отношений, заданных над множеством объектов. При этом, конечно, мы не ограничиваемся рассмотрением только бинарных отношений (хотя часто этого бывает достаточно), в множество отношений могут входить отношения любого порядка арности. Максимальный порядок

арности отношений, входящих в модель, будем называть размерностью модели.

Примером модели может служить множество букв русского языка, множеством отношений является множество слов в словаре русского языка. Из данного нами определения модели можно заключить, что любой объект действительности, прежде всего, является моделью самого себя. Для того чтобы некоторый объект мог выступать моделью другого объекта, должно существовать инъективное отображение пары множеств, представляющих — первая объект, на пару множеств — представляющих второй объект. Таким образом, модель представляет собой некоторое множество объектов и их комбинаций (отношений), при этом максимальная длина комбинации (порядок арности отношения) называется размерностью модели. Каждый объект действительности является моделью самого себя, это, по существу, означает то, что отношение «быть моделью» является рефлексивный. Некоторый объект (как множество своих элементов и их комбинаций) является моделью другого объекта тогда и только тогда, когда существует инъективное отображение первого объекта на второй, инъективность этого отображения показывает нам, что модель не полно отражает объект, а лишь некоторую его часть в зависимости от того, как задано отображение.

В нашем примере словарь русского языка является моделью реального мира, так как существует сюръективное отображение множества слов на множество объектов и отношений внешнего мира.

Обратим теперь внимание на то, что модель, прежде всего, является множеством более простых и более сложных объектов (отношений). Следовательно, над этим множеством вновь можно определить отношение, т.е. построить комбинации уже скомбинированных определенным образом объектов (в нашем примере слов — комбинаций букв). А, следовательно, можно вновь определить пару множеств, первым членом которой выступает исходная модель, а вторая — множество отношений, заданных уже над этой моделью. Такую пару множеств мы будем называть моделью второго порядка.

Очевидно, что таким образом можно определить модель любого порядка. В нашем примере моделью второго порядка будет некоторое множество комбинаций слов, т.е. текстов на русском языке.

В заключение исследуем само отношение «быть моделью». Мы уже видели, что это отношение является рефлексивным, так как каждый объект является моделью самого себя. Очевидно также, что если один объект является моделью другого, то в силу сюръективности отображения первого объекта на второй, этот второй совсем не обязательно будет моделью первого объекта. Следовательно, это отношение не является симметричным. Ясно также, что если этот второй объект является моделью некоторого третьего, то и первый будет являться моделью третьего. Таким образом, отношение «быть моделью» является рефлексивным и транзитивным. Такие отношения называются отношениями нестрогого порядка. Теперь можно зафиксировать еще одно важное отличие психодинамического подхода в психологических исследованиях и традиционного статического. Напомним, что первое отличие – это то, что психодинамика имеет своим объектом психические явления (процессы, состояния, свойства) как психоиды, которые находятся друг к другу не в отношении эквивалентности, а в отношении толерантности (см. выше). Исходя же из только что изложенного понимания модели, можно сказать, что психодинамика не рассматривает психический образ (свойство, явление) как модель объекта. Точно также и один психоид не может быть моделью другого, т.к. между психоидами существует нетранзитивные и симметричные отношения – отношения толерантности, а не порядка (нестрогого). Здесь имеется принципиальное расхождение с традиционной психологией, но не по методологии, а по предметной области исследований. Психика это не модель мира, это его часть, которая имеет со всем остальным миром массу общих элементов, также как образ имеет общие элементы с объектом отражения (см. выше, например, осязательный образ) В этом смысле интуитивизма Н.О.Лосского, который ложится в методологические основания психодинамики.

5.3. Операции и алгебры

Введем понятие бинарной операции. Говорят, что на множестве A задана бинарная операция, если задано отображение $f: A^2 \rightarrow A$, которое каждой паре элементов из A^2 ставит в соответствие единственный элемент из A . Бинарную операцию называют также двухместной. Ясно, что можно определить n -местную операцию, если задать отображение, которое набору (a_1, \dots, a_n) из A ставит в соответствие единственный элемент a из A . Нам, однако, в дальнейшем будут интересовать в основном бинарные операции, которые мы будем называть просто операциями. На множестве A можно задать несколько операций, множество которых в этом случае называется сигнатурой множества A . Множество A вместе с его сигнатурой называется алгеброй. Легко видеть, что задание n -местной операции совпадает с заданием некоторого $n+1$ -арного отношения. Таким образом, всякая алгебра является моделью.

Рассмотрим теперь множество A с заданной на нем операцией, которую мы будем обозначать T . Нам сейчас не интересует, какова эта операция — она может быть любой, удовлетворяющей приведенному выше условию. Алгебра (A, T) называется группоидом. Если в группоиде действует закон ассоциативности, который означает, что для любых трех элементов имеет место равенство

$$(aTb)Tc = aT(bTc), \quad (15)$$

то такой группоид называется полугруппой. Закон ассоциативности означает, что в полугруппе можно любым способом расставлять скобки при записи действия операции на некоторое множество элементов из A . Поэтому если задана полугруппа, то скобки в записи могут быть опущены. Полугруппа, в которой существует нейтральный элемент e , определяемый следующим свойством: $eTa = a$ для любого a из A , а также для каждого элемента a принадлежащего A существует обратный элемент такой, что при применении операции к элементу a и обратному ему, обязательно получается нейтральный элемент, называется группой.

Отметим, что в определении фигурирует множество элементов произвольной природы, значит таким множеством может быть и множество самих операций. Над таким множеством можно определить новую бинарную операции, ставящую в соответствие любой паре операций некоторую третью. Обычно в качестве такой операции рассматривают последовательное выполнение двух операций из исходного множества, для этого необходимо, чтобы всякая композиция двух операций вновь давала операцию из заданного множества.

Исследуя закономерности формирования детского интеллекта, Ж. Пиаже показал, что развитие операциональных способностей детей идет в направлении формирования структур операций, удовлетворяющих условиям группы. Действительно, с началом овладения ребенком речью (после первого года жизни) он уже способен осмысленно выполнять некоторые операции с объектами окружающего мира. Через некоторое время ребенок уже способен комбинировать операции, например, он способен положить несколько формочек одну в другую, затем ребенка можно научить выполнять операции в определенном порядке, например, складыванию пирамидки. Однако эти операции еще не являются ассоциативными: ребенок может их выполнять только в одном усвоенном порядке. Несколько позже множество операций уже удовлетворяет закону ассоциативности; так как формируются обратные операции и тождественная операция, выступающая в качестве нейтрального элемента (надеть это колечко, снять то колечко, оставить это колечко на месте). Таким образом, относительно наиболее простых из окружающих предметов у ребенка довольно рано формируются структуры операций, являющиеся группами. Операции с другими более сложными объектами формируются несколько позже, многочисленные примеры того можно найти в трудах Ж.Пиаже. Здесь, однако, надо отметить, что сами объекты внешнего мира не всегда позволяют совершать с ними все те операции, которые должны входить в множество, называемое группой. Так, например, если смешать две жидкости, то их обычно уже невозможно вновь отделить одну

от другой. Из этого, однако, не следует, что интеллект человека не владеет такой обратной операцией. Действительно, представьте себе, что хозяйка смешала две жидкости в неправильной пропорции. Для установления и исправления этого факта ей необходимо вновь представить жидкости несмешанными, что она с легкостью делает. Таким образом, приобретение множеством усвоенных человеком операций свойств алгебраической группы может выступать в качестве критерия зрелости человеческого интеллекта, как, впрочем, и личности в целом. Г. Гельмгольц писал, что прежде чем сделать какое-либо обобщение он всегда переживал стадию, когда объект его изысканий был целиком представлен в уме без опоры на записи и выкладки. Эту стадию сопровождало переживание свободы комбинаций и перекомбинаций мыслей, их соединения и разъединения, совместного рассмотрения утверждений и отрицаний.

Мы видели, что объект, с которым совершаются операции, не всегда позволяет совершать все те операции, которые, входят в структуру групп. При этом человек, естественно, располагает знанием о том, какие операции он не может совершить, какие являются необратимыми и т.д., следовательно, некоторые элементы группы операций являются как бы помеченными. Такие структуры знания Ж.Пиаже назвал группировками, а Б. Гриз в специальной работе формализовал понятие группировки, дополнив множество условий, определяющих группу.

Пусть теперь элементами исходного множества являются взаимно однозначные (биективные) отображения некоторого множества A в себя. Такие отображения называются подстановками. Например, пусть имеется множество $A = \{1, 2, 3, 4\}$, тогда смена:

1 2 3 4

2 4 1 3

изображает подстановку элементов множества A , в которой 1 переходит в 2, 2 в 4, 3 в 1, 4 в 3. В силу биективности отображения мы легко можем построить обратное к нему, где 2 переходит в 1, 4 в 2, 1 в 3, 3 в 4.

Точно так же можно определить нейтральное, или, как говорят, тождественное отображение, которое переводит каждый элемент в себя. Определим теперь операцию произведения подстановок как последовательное их выполнение. Обозначим вышеприведенную подстановку буквой «с» и выберем еще некоторую подстановку «р» элементов множества A :

1 2 3 4

3 4 1 2

Для того чтобы построить произведение двух подстановок мы должны к результату подстановки «с» применить подстановку «р». Заданная на множестве подстановок операция подчиняется закону ассоциативности, а, следовательно, множество подстановок, заданных над множеством A , является группой. Заметим также, что множество подстановок некоторого конечного множества, состоящего из K элементов, называют также симметрической группой порядка k .

Приведем пример симметрической группы подстановок как модели психических явлений эмоциональной сферы личности. В отечественной психологии распространено представление о существовании четырех базовых эмоциональных состояний: радости, гнева, страха и печали. Будем считать, что в любой момент времени человек находится в одном из указанных состояний, интенсивность переживания эмоций может быть, конечно, различной: от сильного гнева до едва осознаваемой раздражительности, от сильной радости до удовлетворенности — нас это сейчас не интересует. Важно, что с течением времени человек переходит из одного эмоционального состояния в другое. Таким образом, динамика эмоциональной жизни человека представляет собой подстановку, а множество возможных эмоциональных состояний есть симметрическая группа порядка 4. Эта группа является конечной и содержит 24 различных подстановки. Весьма характерно, что ряд авторов насчитывает примерно столько же различных сложных эмоций и чувств (см. напр. Изард «Эмоции

человека» - 46). Это число, однако, слишком велико для того, чтобы использовать эту группу для типологии эмоциональности личности. Действительно, в экспериментальном исследовании, проведенном с помощью специально разработанной нами методики на основе нижеописанной модели, выяснилось, что число типов (подстановок), которые с большей частотой встречаются среди людей, гораздо меньше. В дальнейшем анализе выяснилось, что чаще всего встречаются подстановки с циклами из двух состояний. Но для этого нам понадобится ввести еще одно важное понятие – понятие подгруппы.

В некоторых группах могут быть выделены ограниченные подмножества элементов, которые сами образуют группу относительно некоторой операции. Такие множества и называются подгруппой. В группе подстановок особый интерес для нас представляет подгруппа Клейна. Эта подгруппа является, так называемой, нормальной подгруппой. Это означает, что множество смежных классов по данной подгруппе образует разбиение исходной группы на классы эквивалентности (интересующихся читателей отсылаем за доказательствами к учебникам Высшей алгебры). Исходя из этого, можно вывести важное соотношение между порядком группы (напомним, что порядок группы равен числу ее элементов, если группа конечна), порядком подгруппы и числом смежных классов по данной подгруппе. Ясно, что если группа A распадается на k классов, в каждом из которых содержится ровно столько элементов, сколько в подгруппе, то можно записать равенство

$$X = kx,$$

где X — порядок группы A , kx — порядок группы A .

Возвращаясь к нашему примеру группы подстановок эмоциональных состояний человека, можно сказать, что множество подстановок, входящее в нормальную подгруппу (подгруппу Клейна), представляет собой множество **типичных эмоциональных состояний человека**, в то время как все остальные возможные эмоциональные состояния входят в те или иные

смежные классы, определенные по данной нормальной подгруппе. Аппарат теории групп позволяет, таким образом, существенно усовершенствовать подход к определению психологических типов (по тем или иным признакам) как набора непересекающихся множеств людей. Забегая вперед, скажем, что главный экспериментальный факт, который нам удалось получить это то, что более 80% испытуемых по самым разным психодинамическим методикам укладываются в типологию по нормальной подгруппе (см. ниже). Это наталкивает на мысль, что в нормальной подгруппе представлен список равновесных типов состояний, которые субстанциональный деятель стремится занять (см. выше «Равновесие»). В то время как смежные классы есть различные состояния неравновесного эмоционального реагирования.

5.4. Топологические пространства и метрические пространства

Очень часто при анализе сложных объектов действительности на первый план выдвигаются не метрические соотношения их элементов, расстояния между элементами, а отношения последовательности, соседства и т.п. Так в психосемантике имеют широкое распространение лингвистические модели языка. Однако, если предметом анализа будет некоторый текст, написанный на данном языке, то более важным, чем расстояние между словами, является порядок следования слов. Когда в теоретической психодинамике мы указываем на такое свойство психологического настоящего как отсутствие длительности, т.е. отказываем ему в обычной временной метрике, то это не означает, что тем самым мы отказываем ему и в топологии (соседстве событий). Напротив, именно топология настоящего отличает его от физического времени, т.к. может быть разрывной. С этой точки зрения для исследования психологического настоящего очень важным становится понятие окрестности данной точки в субъективном пространстве. При математическом моделировании естественного языка, например, используется понятие окрестности слова в тексте, что в свое время успешно было сделано Ю. А. Шрейдером (121). Изучение окрестностей слова

положено в основу построения психодинамических методов исследования новых свойств личности, что мы продемонстрируем в экспериментальной части.

Для того, чтобы точно определить понятие окрестности элемента некоторого множества, это множество необходимо наделить структурой топологического пространства или топологией.

Говорят, что множество X наделено топологией или что множество X есть топологическое пространство, если указана система T подмножеств X , обладающая определенными свойствами;

Семейство подмножеств называется топологией пространства X , содержит пустое множество и само X , а также содержит пересечение любой пары своих подмножеств и объединение любой пары своих подмножеств. Топологическое пространство, таким образом, есть пара $\{X, T\}$, при этом подмножества системы T называют открытыми подмножествами, а все дополнения к ним называют замкнутыми подмножествами пространства X .

Теперь мы можем дать определение окрестности элемента x из X . Окрестностью точки x топологического пространства (X, T) называют открытое множество, содержащее эту точку.

Задание топологии посредством перечисления всех подмножеств системы является делом весьма сложным и практически не всегда выполнимым. Обычно ограничиваются заданием некоторого небольшого числа подмножеств X , объединением которых можно получить любое открытое подмножество X . Если это действительно достижимо, то такое семейство открытых подмножеств называют *базой* топологии над X . *Число подмножеств минимальной базы* называют также *весом* топологического пространства. Позже мы покажем, что число групп, на которые испытуемые раскладывают незнакомые предметы в экспериментах Гарднера (см. выше) есть минимальная база топологии субъективного пространства субстанционального деятеля. Ясно, что система всех окрестностей всевозможных точек S может служить базой.

Для задания метрического пространства над данной топологией вводится функция расстояния для каждой пары точек d , такая, что $d(x_1, x_2)$ не равно нулю, если x_1 не равен x_2 . Для линейных пространств вводится еще правило треугольника. Сумма расстояний двух сторон треугольника всегда больше расстояния (длины) его третьей стороны. Всякое метрическое пространство наделено также и структурой топологического пространства. Однако, пространства с различной метрикой (с различно заданными функциями расстояния) могут, вообще говоря, обладать одной и той же топологией. Из этого позже будет сделан вывод, что разные с точки зрения метрических тестовых оценок субъективного пространства (Кеттел, MMPI...) личности могут обладать одной и той же психодинамикой (топологией настоящего).

Кроме уже приведенного примера из математической лингвистики топологические пространства как модели психологических явлений широко используются в психосемантике и психологии личности. Обычно решаемая задача бывает одна и та же — определение минимальной базы топологии, которая затем рассматривается либо как глубинная семантическая структура, порождающая ее остальное множество значений, либо как глубинная психологическая структура, порождающая затем все многообразие личностей или все многообразие поведения конкретной личности в каких-то фиксированных условиях. В зависимости от того, как заданы исходные отношения между элементами пространства, можно говорить о разных пространствах. Для теоретической психодинамики большое значение имеет представление психоида *толерантным* пространством. Весьма характерно, что понятие сопряженных толерантных пространств уже достаточно давно и успешно работает в искусственном интеллекте для моделирования именно процессов видимости (роботом объектов), т.е. в искусственном моделировании именно соотношения внешнего и внутреннего плана психоида. Ю.А.Шрейдером было показано, что основное информационно-

двигательное отношение – отношение видимости – является отношением толерантности (121). Аналогом класса толерантности в этом случае выступает класс видимости, как это показано, например, у А.А.Кирильченко. (49). В соответствии с построениями Ю.А. Шрейдера и С.М. Якубович, «сопряженным толерантным пространством называется пространство, элементами которого являются классы толерантности исходного пространства, и два элемента сопряженного пространства толерантны между собой, если их пересечение не пусто в исходном пространстве». Ю.А. Шрейдером показано, что в сопряженном толерантном пространстве можно выделить базис классов толерантности (базис классов видимости). Как мы покажем ниже в наших экспериментальных материалах базис классов толерантности является важным понятием для оценки количество психоидов, задействованных в работе волевого двигателя.

Метрические пространства как модели социально-психологических явлений являются весьма мощным аппаратом представления в компактном и наиболее удобном для дальнейшего исследования виде больших массивов экспериментальных данных, а также позволяют учитывать сложные взаимовлияния большого числа элементов изучаемых систем. Важнейшими характеристиками таких моделей являются размерность пространства, его метрика и наличие или отсутствие структуры. Типичными примерами таких моделей в психологии являются пространства образов, пространства мнений или суждений, при этом подразделяют пространства коннотативных и денотативных суждений, факторные пространства личности. Эти последние обычно удовлетворяют требованиям линейности. В последнее время также активно исследуются пространства образов (методы с использованием «Семантического дифференциала» и другие) с привлечением методов многомерного статистического анализа. Отметим, что в социально-психологических исследованиях расстояния между образами устанавливаются в процессе обработки данных экспериментального

шкалирования объектов по каждому из признаков. При этом взаимодействие признаков рассматривается как артефакт. В предлагаемом же в этой книге психодинамическом походе именно это взаимодействие (собственно психодинамика) очень часто является основным предметом исследования. О чем в следующем параграфе.

5.5. Психодинамическая и традиционная (психо)диагностика личности

Психодинамическая диагностика основана на динамическом рассмотрении психических процессов, состояний и свойств. В этом смысле отличие психодинамической диагностики от психодиагностики в традиционном ее понимании заключается в том, что всякое измеряемое качество не только берется в его динамике, но и сам процесс измерения представляется в динамике. Психодинамически можно подойти и к обычным психологическим измерениям психических и личностных свойств (тестирование). Так, например, если мы имеем дело с опросником, измеряющим то или иное свойство личности, то динамический его анализ заключался бы в том, чтобы в дополнение к полученной от испытуемого информации (например, ответ «да» или «нет») обеспечить тем или иным способом также и получение информации по следующим направлениям:

- Что было до вопроса?
- Что было сразу после вопроса, до ответа?
- Что было сразу после ответа?
- Восстановилось ли какое-либо из предыдущих состояний, или запущен совершенно новый цикл (ответа на вопрос)?

Ясно, что работа с существующими тестами, приспособленными для статической оценки психологических качеств, при таком психодинамическом подходе становится слишком громоздкой. Кроме того, совершенно неясно, как получать вышеуказанную информацию таким образом, чтобы это не нарушило саму процедуру тестирования. Следовательно, психодинамический

принцип должен быть заложен в саму процедуру разработки диагностических методов. А для этого он должен быть более точно сформулирован. Что является объектом измерения психодинамической диагностики? Если обычная психодиагностика измеряет латентные (скрытые, невидимые) причины человеческого поведения, то психодинамическая диагностика направлена на оценку состояния исключительно образной ткани психического, полагая ее изменения как основную причину (не скрытую, видимую, по крайней мере, самим испытуемым) того или иного человеческого поведения. Действительно, парадигма статического тестирования тех или иных свойств личности или поведения предполагает наличие некоторого латентного психического свойства, являющегося причиной этого поведения. Так, человека называют возбудимым или тревожным, доминантным или эмпатичным на основе того, что он определенным образом ответил на определенные вопросы или вел себя определенным образом в определенных ситуациях. Причиной такого его поведения в ситуации тестирования считается скрытое, латентное качество, название которого имеет скорее историко-лингвистический, чем психологический смысл. (В качестве примера можно привести известные названия темпераментов человека: сангвиник, меланхолик, холерик, флегматик, предложенные в IV в. до Рождества Христова Гиппократом по названиям жидкостей в теле человека, которых ни он сам, ни кто-нибудь другой никогда не видел). Предполагается, что это скрытое качество активизируется в определенных ситуациях, вызывая то или иное, определенное (например, вопросом теста) поведение.

Психодинамическая диагностика основана целиком на принципе образной регуляции человеческого поведения, т.е. на изучении процессов передачи душевного тепла между внешним и внутренним планом психоида. Мы полагаем, что причиной всякого человеческого поведения является то или иное изменение в образном строе субстанционального деятеля, характере его интуитивного проникновения в объект, динамически отражающем

состояние внешней и внутренней среды человеческого бытия. Среда понимается здесь в широком смысле, (т.е. включает в себя различные уровни организации), а именно, историческую, социально-психологическую, физическую, индивидуально-психологическую, телесную. Указанную причину человеческого поведения можно было бы назвать непосредственной причиной, в отличие от разнообразных опосредованных причин, измерением которых занимается традиционная психодиагностика. Однако психодинамическая диагностика не направлена на оценку измерения образного строя человека только как непосредственной причины его поведения. Предметом психодинамической диагностики является динамика изменений образного строя человека сама по себе. Поведение человека рассматривается как продукт тех или иных изменений работы волевого двигателя, который, вообще говоря, может быть различным у разных личностей в разных ситуациях при одних и тех же образных изменениях. Так, представление себя самого «усталым» у одних ведет к демонстрации напряженного усилия в поведении, а у других к расслаблению. Теперь представим себе, что существует некоторое невидимое свойство — усталость, — которое мы хотим тестировать методами традиционной психодиагностики. Для этого нам понадобится изобрести некоторое количество вопросов типа «Вы чувствуете себя усталым ...? — Да! ... Нет! После того, как испытуемый выбрал ответ, мы присудим ему один балл в пользу усталости при ответе «да» и ноль — при ответе «нет». Далее вся процедура повторится со следующим вопросом. Обратимся, однако, к психодинамическому аспекту поведения испытуемого при ответе на поставленный вопрос. Если в традиционной психодиагностике человеку задается вопрос, то предполагается, что человек его понимает. То есть в данном случае это означает, что он когда-либо испытывал усталость и может ответить, испытывает он ее сейчас или нет. Из этого следует, что в данный момент человек, независимо от вопроса, фактически либо чувствует усталость, либо нет. Но с точки зрения психодинамической психодиагностики этой *не-*

зависимости от вопроса не существует. И тогда полная схема ситуации должна выглядеть следующим образом:

	Фактически чувствует	Фактически не
	усталость	чувствует усталость
Да	1)Позитивное совпадение	2)?
Нет	3)?	4)Негативное совпадение

Итак, мы имеем четыре (а не две) различных ситуации ответа на один и тот же вопрос. В первом случае позитивного совпадения фактического состояния и ответа правдоподобно было бы предположить, что человек действительно чувствует усталость. Также и в четвертом случае негативного совпадения логично предположить, что человек усталости не чувствует. В отличие от этого во втором и третьем случае ситуация более сложная. Так, во втором случае, когда человек отвечает «нет», фактически чувствуя усталость, речь уже идет о вытеснении чувства, что может иметь различные причины от низкой способности к самооценке до активизации сил на борьбу с усталостью. В третьем же случае, когда человек отвечает «да», фактически не чувствуя усталости, то речь может идти как о различных формах защитного поведения, включая прямую ложь, так и о внушаемости испытуемого, который уже не может не почувствовать то, о чем его просто спросили. Следует заметить, что статическая психодиагностика «знает» о существовании случаев II и III, но рассматривает их как ошибки измерения (артефакты), для контроля которых вводятся так называемые «шкалы лжи». Но дело здесь, конечно, не в лживости испытуемых и даже не в низкой способности к самооценке, а в существовании гораздо более широкого класса психологических изменений, управляющих поведением человека. Чтобы

проиллюстрировать это вернемся к тем вопросам, на которые дает дополнительные ответы динамическая психодиагностика, и обозначим состояния, о которых идет речь, соответственно:

- что было до вопроса? — X1
- что было сразу после вопроса, до ответа X2;
- что было сразу после ответа? — X3
- новое или восстановленное состояние — X4

Рассмотрим различные ситуации изменения или неизменности состояния испытуемого в различные моменты ответа на вопрос. Ясно, что случаев различных изменений состояния гораздо больше. Именно эти изменения и представляют интерес для психодинамической диагностики. На уровне микродинамики, т.е. ответа на отдельный вопрос теста, ситуация представляется нам еще более сложной. Главное, что следует здесь отметить — это незаметное на первый взгляд формирование предубеждения в каждом вопросе. Испытуемый как бы насильственно помещается в некоторую по существу моральную позицию, которую он обязан принять для того, чтобы дать ответ на тестовый пункт. Приведем несколько примеров вопросов из теста MMPI. Вопрос № 17: мой отец — хороший человек. Вопрос №: другие мне кажутся счастливее меня. Вопрос № 117: Большинство людей честны только потому, что боятся наказания. Вопрос № 195: не все, кого я знаю, мне нравятся. Таких вопросов в тесте достаточно много и все они объединены одной общей установкой, которая возникает сразу после прочтения вопроса, а именно необходимостью в той или иной мере осудить окружающих. То, что этот момент остается неучтенным при обработке результатов опроса, приводит к существенной путанице в ответах, которая может быть вскрыта при психодинамическом исследовании поведения человека в ситуации ответа. Итак, сразу после прочтения подобного вопроса первым внутренним побуждением человека является принятие или непринятие установки на осуждение (в данном случае других людей). При этом отказ от осуждения — не знаю я, почему люди честны, не мое дело судить отца, не имею

морального права судить, кто мне нравится, а кто не нравится, не желаю даже думать об этом и т.п. — приводит к ответу «нет». Но это не единственный психодинамический путь, приводящий к отрицательному ответу. В случае принятия позиции осуждения также может быть получен ответ «нет», например, в вопросах типа № 117, а именно люди честны не потому, что боятся наказания, а потому что это им это выгодно. Наконец ответ «да» означает прямое осуждение. Люди честны только потому, что боятся, мой отец плохой человек, мне никто не нравится, все счастливее меня и т.п. (в зависимости от формулировки вопроса распределение ответов «да», «нет» может быть противоположным, но это не меняет сути дела: мой отец — хороший человек..., мой отец — плохой человек...). Приведенная схема психодинамического анализа также является достаточно обобщенной. Каждый отдельный вопрос требует конкретного логико-психологического анализа микродинамики ответа, т.к. скрытая моральная предубежденность специфична для каждого вопроса даже в рамках общего нравственного императива (осуждения, эгоизма, ипохондрии, и др. встречающихся в тесте ММРІ). В качестве примера проанализируем вопрос №306: Я получаю от окружающих столько сочувствия, сколько заслуживаю. Здесь нравственный императив в поле смирение — осуждение порождает предубежденность с акцентом на позиции смирения. Принятие позиции смирения может повлечь ответ «да», означающий, что испытуемый получает столько сочувствия сколько заслуживает и даже больше (в зависимости от глубины смирения). Но та же позиция смирения (весьма глубокого) может вести и к ответу «нет», означающему, что испытуемый считает получаемое им сочувствие значительно превышающим его незначительные заслуги. Точно также и принятие противоположной позиции осуждения, основанного на гипертрофированном самолюбии, может вести как к ответу «нет», означающему прямое осуждение окружающих, и к ответу «да», означающему, что испытуемый получает ровно столько сколько заслуживает, хотя сочувствие по определению должно быть большим, а следовательно,

окружающие все-таки черствые люди. Здесь еще яснее становится, что недоучет морально-нравственной предустановки вопроса ведет к полной неопределенности значения ответа, а именно, с абсолютно противоположных позиций может быть дан одинаковый ответ и наоборот. Именно поэтому психодинамическая диагностика придает такое значение состояниям до и после некоего тестового поведения (вопроса), в качестве же результата тестирования методами психодинамической диагностики выступает уже не отдельное, зафиксированное в ответе, состояние, а цикл как минимум двух состояний.

Ясно, что само предложение вопроса изменяет состояние человека, обусловленное пониманием (непониманием) вопроса. Это означает, что X_1 не равен X_2 . В противном случае, если $X_1 = X_2$, то это означает, что испытуемый не включился в процесс диагностики и либо не будет отвечать, либо его ответы ничего не отражают. Далее, если состояние испытуемого не изменилось после ответа $X_2 = X_3$, то это может говорить о слабой включенности испытуемого в процессе тестирования, обусловленной либо внутренними причинами (отсутствие интереса), либо внешними, например, простотой вопроса. Легко видеть, что основные формальные требования традиционной психодиагностики соответствуют в нашем случае равенству $X_1 = X_3 = X_4$ т.е. изменение состояния испытуемого, вызванное пониманием вопроса, проходит вместе с ответом. Таким образом, сам вопрос никак не изменяет состояния испытуемого, что обеспечивает валидность (обоснованность) психодиагностического метода, а также и его надежность, если указанное равенство выполняется для всех вопросов. С психодинамической же точки зрения статическое тестирование представляет собой частный случай психодинамической диагностики, соответствующий описанной данным равенством идентичности состояния испытуемого в процессе тестирования. Ясно, что случаев различных изменений состояния гораздо больше. Мы, в частности, показали это при анализе цикла контакта на временной спирали (см. выше). Именно эти изменения и представляют

интерес для психодинамической диагностики. Итак, заканчивая ответ на поставленный вопрос, сформулируем кратко: объектом измерения психодинамической диагностики является образный строй человека (во всем богатстве его топологии — см. выше) и его изменение в ситуации тестирования. Сама же эта ситуация понимается как специальная работа волевого двигателя. Таковая теоретическая установка, кстати, ставит тестирование в один ряд с всякой другой деятельностью человека, позволяя избежать его искусственности (закрывающейся прежде всего в вопросных предположениях, как было показано чуть выше). При этом последнее замечание является принципиально важным, т.к. фактически оценивается именно тот образ, который имеет место быть в сознании испытуемого именно в момент тестирования, все остальное относится уже к сфере интерпретации результатов диагностики. Однако возникает следующий вопрос: как определить *границы* изменения того образного строя, (базу топологии), который является объектом психодинамической диагностики?

Со времен Гераклита нам известно, что все течет, все изменяется, и нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Однако многие из нас делают последнее каждое лето, ничуть не утруждая себя воспоминаниями о Гераклите. Это означает, что постоянная изменчивость водной среды, называемой рекой, имеет устойчивые границы своего течения (берега, русло), которые не изменяются в течении достаточно длительного времени, чтобы мы могли войти в эту изменчивую реку не дважды, а гораздо большее число раз. В данном случае все просто — границей реки является «нерека», другая, менее изменчивая среда. В потоке нашего сознания все гораздо сложнее, т.к. нельзя указать никаких границ чувственно-образной ткани психики, которые бы сами не представляли собой те же самые чувственно-образные формирования. Это движение чувственно образной ткани и есть движение душевного тепла между внешним и внутренним планом психида — субстанционального деятеля.

Динамика того или иного образного и вообще психического формирования может быть в самом общем виде представлена как последовательная смена этапов возникновения (синтеза, формирования), функционирования в качестве именно так сформированного образа и переформирования (распада, изменения). Критерием временной целостности данного образного формирования (сенсорного опыта) может являться устойчивое соотношение указанных этапов как в актуальном перцептогенезе (формировании образа), так и при его воспроизведении структурами памяти. Это значит, что некогда приобретенный сенсорный опыт может быть вновь воспроизведен при возникновении соответствующей ситуации или путем сознательного активизирования его в структурах памяти (например, по просьбе психотерапевта). В этом случае воспроизводится как его возникновение, течение и распад, так и его функциональное назначение. Такая воспроизводимость, хорошо известная любому практикующему психотерапевту, означает кроме прочего и то, что образное формирование в психике человека имеет цикловой характер изменения. Действительно, если все этапы перцептогенеза могут быть воспроизведены в структурах памяти, причем неоднократно, то это значит, что всякое повторное воспроизведение имеет некоторый особый механизм запуска уже пережитого образа. Это звено запуска является, таким образом, связующим между фазой распада образа и фазой начала его формирования. А следовательно, всякое изменение образной ткани носит характер замкнутого цикла. И этот цикл есть ни что иное, как цикл работы волевого двигателя по ассимиляции внешнего объекта. Таким образом, чтобы определить границы того или иного образного формирования, тем самым сделав его объектом психодинамической диагностики, достаточно вычленив замкнутый цикл его динамики или, что то же самое, указать механизм (который сам имеет, очевидно, когнитивную – образную природу) замыкающий некоторую предшествующую во времени часть с некоторой последующей, делая их соответственно начальной и конечной фазой динамики данного образа в его отношении к внешнему и

внутреннему плану психоида. Цикл динамики образа — это то, что делает его отдельным, явно отличимым объектом в непрерывном потоке сознания. И одновременно этот цикл есть работа волевого двигателя по ассимиляции внешнего объекта. Таким образом, каждый цикл производит вполне определенное количество душевного тепла.

Если рассматривать психодинамическую диагностику с точки зрения теории измерений, то цикл является первичным номинативным элементом измерения, соответствующим понятию класс (в пределе – эквивалентности). Однако, учитывая тот факт, что одни и те же образные элементы могут входить в разные циклы, разбиение потока на циклы *является не разбиением на классы эквивалентности, а разбиением на классы толерантности* (см. выше о классах видимости).

Введение понятия цикла позволяет уточнить процедуру психодинамической диагностики относительно тех основных четырех вопросов, на которые она, в отличие от традиционной психодиагностики, позволяет дать содержательный ответ. А именно, вопрос, восстановилось ли какое-либо из предыдущих состояний, или появилось какое-то новое, следует считать критериальным относительно определения цикла. Так, если состояние не восстановилось, то следует искать некоторое новое промежуточное состояние (замыкающий механизм), которое обеспечивает испытуемому возможность воспроизведения всего переживания (цикла). В частности такое замыкание в виде базовой тревоги было введено нами в цикл контакта, описанный Полом Гудманом.

Примерами внимания к динамической стороне тестирования (рассматриваемой, однако, в статической психодиагностике как источник артефактов) в традиционной психодиагностике могут быть и уже упоминавшиеся «шкалы лжи» и характер процедуры подбора вопросов в таких тестах, как тест Кеттела, ММРІ, других личностных методов. Как известно, на этапе пилотажного исследования при конструировании теста отбирались качества и соответствующие вопросы, отражающие полную кар-

тину возможных состояний испытуемых. Здесь мы находим и ответ на вопрос, что было до вопроса, и попытку представить измеряемое качество в некотором цикле, т.е. во взаимосвязи с другими качествами полного их списка. Еще более «психодинамическими» можно считать методы типа «Семантического дифференциала», когда в каждом эксперименте с каждым испытуемым составляется особый, именно ему свойственный список (аналог цикла) ассоциативных понятий, которые потом используются для шкалирования и собственно для построения шкал. Однако легко видеть, что развитие применения методов типа «Семантического дифференциала» пошло по пути стандартизации (мы бы добавили и статитизации) процедуры тестирования, т.е. по пути представления статическими средствами динамических процессов психики.

Необходимо также учитывать психодинамический аспект психодиагностики в общем инструктивном требовании ко всякому тестированию, а именно проводить его в непосредственном контакте испытуемого со специалистом-психологом, отмечающим все изменения в поведении тестируемого. Можно сказать, что это последнее требование само по себе является требованием дополнять традиционную психодиагностику динамической психодиагностикой. Здесь, однако, заключено и некоторое противоречие, а именно то, что специалист-психолог, осуществляющий такую «визуальную» психодинамическую диагностику, уже не имеет необходимости пользоваться еще и традиционными тестами. Это подтверждается развитием методов современной психотерапии, где диагностика состояния клиента носит сугубо индивидуальный и сугубо динамический характер, определяемый исследователем.

Продемонстрируем, как результаты тестирования по методу Люшера позволяют получать ответы на все четыре вопроса, обозначенные выше как X1 ... X4.

Ответ на вопрос, что было до вопроса, обеспечивается, на наш взгляд, проведением неоднократного тестирования (от двух до пяти раз). При этом интерпретации подвергается один из последних выборов.

Очень важно при этом обратить внимание именно на первый выбор, после которого испытуемый впервые получает инструкцию сделать выбор заново. Это способствует возникновению установки, что первый выбор был собственно еще не тестированием, а какой-то подготовкой к нему. Вторым и третьим выборы можно в данном случае рассматривать как ответ на вопрос, что было сразу после вопроса, до ответа, так как именно в это время происходит окончательная адаптация испытуемого к процедуре цветового тестирования. Последний или один из последних выборов можно рассматривать как собственно ответ, а соотношение последних выборов с первыми — как ответ на вопрос, к какому состоянию пришел испытуемый после ответа. Так как именно внимательное рассмотрение исследователем-психологом этого соотношения должно дать ему информацию о механизме замыкания динамики цветопредпочтения у данного испытуемого. Кроме того, и это самое важное, соотношение предпочитаемых и отвергаемых цветов в выборе уже предполагает оценку душевного тепла внешнего и внутреннего плана психоида. Если под внутренним планом понимать предпочитаемые (душевно теплые, знакомые для данного испытуемого цвета), а под внешним отвергаемые (душевно холодные, чуждые). Впервые соотносить в одной оценке отвергаемые и предпочитаемые цвета предложил К.Шипош. На этом же противопоставлении построен разработанный нами метод расчета психодинамических коэффициентов (см. «Цветопсиходинамика»).

5.6. О психодинамическом экспериментировании

И в заключение этой методической главы несколько слов об эксперименте в области психодинамики. Проблема здесь заключается в том, что и психодинамическая диагностика и любой эксперимент в области психодинамики не укладывается в прокрустово ложе того, что называют

психологическим экспериментом. Так, например, для простого психодиагностического эксперимента необходимо определить валидность и надежность измерения свойства, чтобы случайно вместе со свойством не измерить и артефакты. Но мы уже показали, что психодинамику интересуют в первую очередь именно артефакты. Например, надежность интеллектуального теста в классической психодиагностике доказывалась высоким уровнем совпадения по параллельной форме теста результатов тестирования тех же испытуемых через несколько месяцев, до полугода. Т.е. если ученик через полгода ответит также, значит, тест надежен. Однако, если мы откроем какую-нибудь диссертацию по педагогической психологии, и увидим, что интеллект ребенка стал *статистически значимо выше* (или ниже в зависимости от задач диссертанта) за тот же период времени, то это уже совсем не дефект (ненадежность) теста, а, наоборот, заслуга диссертанта. Если подойти к этому вопросу со строго формальной точки зрения, то мы как раз окажемся на чисто психодинамических позициях. А именно, повышения уровня интеллекта для каждого ученика при валидном и надежном тесте действительно невозможно. Средняя должна остаться той же, а повышение интеллектуального уровня отдельного ученика должно происходить за счет снижения интеллектуального уровня других учеников. Тогда можно было бы говорить, что статистическая модель теста работает. И это полностью соответствует второму началу психодинамики. Энергия на разогрев психоида берется в первую очередь от других психоидов. Более такая ситуация возможна, и будет иметь место при больших группах учеников, когда учитель занимается только с хорошими учениками, остальным предоставляя возможность тихо тупеть. Однако, в обычных группах срабатывает уже третье начало психодинамики (см. выше). Энергия знания черпается из внутреннего источника каждого ученика, когда приоткрывается клапан творческого озарения. Этот психодинамический эффект инсайта проявляется в повседневности постоянно. Педагоги и практические психологи сталкиваются с ним каждый день. И этот же эффект путает все карты

теоретической психодиагностики и экспериментальной психологии. Если пойти далее, то следует упомянуть и о необходимом требовании нормальности распределения измерений психологического свойства по шкале. С этим согласованы все дальнейшие статистически процедуры обработки данных. Однако, если переменная, имеющая нормальное распределение для генеральной совокупности (например, средний рост всей современной молодежи), сохранит нормальность распределения для данной конкретной выборки (например, баскетбольной команды), то станет невозможным никакое психологическое исследование, никакой профессиональный отбор. Новизна психологического научного исследования заключается именно в том, что для данной исследуемой группы статистические оценки смещаются, при этом и нормальность распределения может сохраняться, но чаще именно не сохраняется. И в этом как раз заключается новизна полученных экспериментальных данных. В.Н.Дружинин в своей книге Экспериментальная психология (40) предлагает следующую схему экспериментальных и «неэкспериментальных» методов психологического исследования:

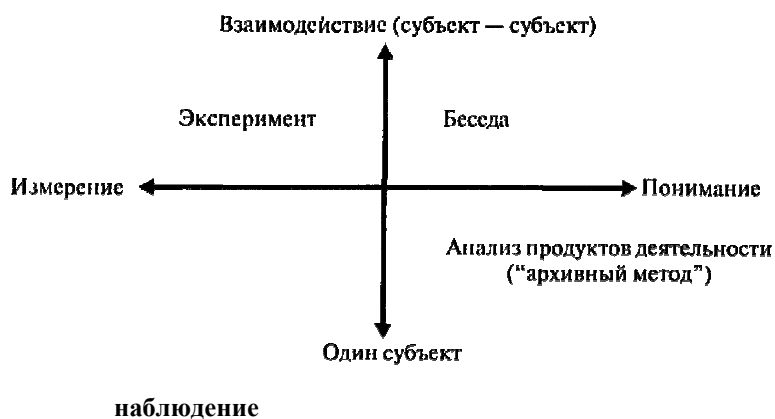

Рис.4 Психологические методы

К неэкспериментальным психологическим методам автор относит, собственно говоря, все методы, кроме психологического эксперимента. В.Н.Дружинин подчеркивает при этом, что это старейшие психологические методы, которым мы обязаны многими достижениями классической психологии. Возможно, психодинамика еще не доросла до высот экспериментальной психологии. Это не ирония, а скорее простая констатация

факта, и наблюдательный материал должен еще долго копиться, прежде чем созреют тонкие планы эксперимента. Во всяком случае, простое наблюдение за падающими камнями помогло Галилею открыть закон свободного падения тел. А термодинамический цикл был открыт Карно в большей степени умозрительно. В связи с этим мы не только полагаем, что увлечение строгими экспериментальными планами преждевременно для развивающейся психодинамики, но считаем его опасным. Дело в том, что *в предмет психодинамики очень часто входит именно то, что для классической статической экспериментальной психологии является артефактом.* Поэтому предпочтение отдается методам наблюдения, беседы (часто психотерапевтической – см. выше), анализу продуктов деятельности, например, рисуночным и вообще проективным тестам. Тем не менее, необходимо согласовать некоторые основные отправные точки исследовательского поиска в психодинамике и традиционной статической психологии.

Всякое исследование начинается с выяснения того, что исследователь хочет (или должен) исследовать. С психологической точки зрения этот процесс представляет собой сильное эмоционально окрашенное интеллектуальное состояние, связанное с ознакомлением с той или иной областью человеческого знания, по мере развития которого происходит сужение этой области вокруг небольшого числа неисследованных вопросов. Субъективно ознакомление исследователя с кругом интересующих его проблем происходит непрерывно, и психодинамический аспект здесь очевиден: вопросы сменяют друг друга, то образуя устойчивые циклы, то вновь распадаясь, чтобы затем собраться в новые. Однако с формальной точки зрения можно определить основные рубежи, которые проходит (или должен проходить) любой исследователь на начальной стадии построения научного исследования. Системный подход позволяет формально описать эти рубежи и, таким образом, дает в руки исследователя критерий оценки его готовности к переходу на следующую стадию исследования.

Нулевой точкой отсчета научного исследования является постановка проблемы — психодинамический процесс, который распадается на две неравных по времени части. Первая часть — это ознакомление с системой, являющейся предметом исследований той научной области, которую представляет исследователь. Не следует, однако, путать предмет научной области с предметом научного исследования, который мы определим ниже. Таким образом, первая часть постановки проблемы совпадает с определением системы, к которой среди других адресовано и данное научное исследование. Наиболее общим определением системы с точки зрения системного подхода является следующее: система представляет собой множество элементов, связанных между собой множеством отношений. Таким образом, система определяется заданием пары множеств: множества элементов A и множества связывающих их отношений R , что принято записывать следующим образом:

$$S = (A, R) \quad (16)$$

Это то, что обычно называют **объектом исследования**. Главное требование здесь с точки зрения психодинамики *указать все возможные элементы системы*. Например, группа подстановок указывает все возможные переходы эмоциональных состояний друг в друга. Других не существует. Или, более типичный пример, все лица, подвергнутые тому или иному (разработанному автором исследования обучающему, формирующему, психотерапевтическому, др.) психологическому воздействию. Никто до того этому воздействию не подвергался. Таким образом, при определении объекта мы больше внимания обращаем на «тело» системы – множество A , хотя и указываем на характер заданных над этим множеством отношений. Очевидно, однако, что *все* множество отношений в исследуемой системе не может стать предметом отдельного научного исследования в силу физических ограничений, прежде всего временных. Таким образом, вторая часть проблемы исследования предполагает указание некоторого подмножества всех возможных отношений в выбранной системе.

Сколь велико должно быть подмножество исследователей, решающих, основываясь на поставленных перед ним целях, анализе логических связей отношений, их психодинамическом (циклическом) взаимодействии, а также исходя из своих физических возможностей. Это подмножество всех возможных в системе отношений, которому непосредственно уделяется исследовательское внимание, обычно называют **предметом** исследования. Однако с точки зрения психодинамического подхода этот шаг определяет не только дальнейшую динамику самого исследования, но и ту реальную динамику системы, которая будет изучаться. Что уточняется в **гипотезе исследования**. Т.е. на этом этапе к наблюдениям за интересующей системой присоединяется и уже имеющееся научное знание о ней.

Выделив из всего множества отношений некоторые, нас интересующие, мы тем самым определили и ту форму движения системы, которую будем изучать, т.к. всякая система имеет множество динамических форм. Это к вопросу, что выбранный субстанциональный деятель (психоид) отнюдь не является моделью всей личности с точки зрения психодинамики. Например, даже если автомобиль не движется по дороге, он подвержен коррозии, различным деформациям, протеканию жидкостей и т.д. — все это разные формы динамики его структуры, которые могут отдельно интересовать исследователя. Тем более такая сложная система как человеческая личность. Полная психодинамика личности не может быть охвачена ни одним исследованием. Поэтому мы всегда изучаем некоторую частную субстанциональную часть. Причем этот термин необходим именно для определения объекта изучения, т.к. мы показали, что субстанциональный деятель, входя в личность и представляя ее, в то же время не является ее моделью — он есть самостоятельный объект изучения в психодинамике. С этой точки зрения личность в целом — это целиком статическая категория классической психологии. Психодинамика изучает только ее отдельные проявления в субстанциональных деятелях (свойствах, понятых психодинамически, психоидах). С точки зрения концепции

психологического (исторического) времени это означает, что у личности огромное количество настоящих времен (что с психодинамической точки зрения и является содержанием понятия отношение), а следовательно, огромное количество одновременно реализующихся поведений (в социальной психологии используется термин «роли»). Рассматривая систему (личность) статически, мы говорим о **поведении личности**, т.е. исследуем то, как на определенном промежутке физического времени меняются отношения личности (в системе). Такое поведение системы (личности) по определению одно, т.к. единственны направление и длительность физического времени. Рассматривая личность психодинамически, мы говорим о личностном поведении, которых, как и субстанциональных деятелей, много и каждое из которых может быть исследовано отдельно в его психологическом настоящем. Итоговое (физическое) поведение личности в этом случае предстает как ансамбль личностных поведений (в основе которых лежат циклы состояний), и каждое из них перестает быть видимым отдельно при статическом рассмотрении. И в заключение несколько слов о математической обработке данных – результатов наблюдений, бесед или анализа продуктов деятельности и поведения в психодинамическом экспериментировании. Математико статистический анализ данных является необходимым в психодинамических исследованиях, по крайней мере по двум основным причинам.

- **Первое: проведение уровневого статистического анализа** данных позволяет отобрать только те данные, которые являются статистически достоверными. Уровневый анализ позволяет оценить те самые побочные интенсивностные эффекты, которые должны лечь в основу оценки количеств душевного тепла, циркулирующего между внутренним и внешним планом психоида. Так, например, если на первом этапе обучения мы имеем высокую выраженность «эгоистической» мотивации и низкую мотивацию интереса к учению, а на втором показываем

статистически-значимые различия того, что картина изменилась на противоположную, то можно строить правдоподобные гипотезы о том, что мы имеем дело с работой волевого двигателя специфического психоида, который и предстоит описать исследователю.

- Второе: **проведение многомерного статистического анализа** позволит исследователю изучить характеристики субъективного пространства психоида – субстанционального деятеля. С этой точки зрения интерпретация бинарной корреляции – меры связи – есть как раз оценка наличия отношения толерантности внутри субъективного пространства психоида – субстанционального деятеля. А кластерный и факторный анализ как методы построения классификаций при незаданных классах являются исследованием ядерной структуры этого пространства толерантности, т.е. не только его мерности, но и базы топологии.

Этот последний параграф первой части предваряет следующую часть, хотя и названную нами «Экспериментальная психодинамика», но ориентированную на описание всего лишь некоторых специально спланированных (и только в этом смысле экспериментальных) наблюдений поведения человека в разных ситуациях и условиях жизнедеятельности с тем, чтобы проиллюстрировать теоретические построения первой части.

Часть 2. Экспериментальная психодинамика

1. Общая психодинамика познания

Приступая к экспериментальным исследованиям еще раз вернемся к вопросу, что такое психодинамическая диагностика личности, в чем ее главное отличие от традиционной психодиагностики? Является ли она чем-то принципиально новым, отрицает ли те положения, на которые опирается

«статическое» тестирование? Психодинамическая диагностика никак не отрицает психодиагностику традиционную. Речь идет исключительно о смене позиции исследователя. Так, например, если человек по некоторому тесту является «вербалистом», то нас будет интересовать, напротив, как функционирует его невербальная часть. То есть нас будет интересовать не то, какой человек сейчас, а каким он будет после, и каким он был до этого. Более точно, особенности человека не в том, каким он себя являет (например, в ответах на опросный тест), а в том, каков он в других, не соответствующих тестовым ответам ситуациях. На такую постановку вопроса наталкивает нас психодинамическая модель волевого двигателя. Если сейчас нашему наблюдению доступен внутренний план психоида – субстанционального деятеля (в силу его разогрева), то когда-то душевное тепло перетечет во внешний план, а в статическом психологическом эксперименте мы рискуем этого уже не увидеть. Проще говоря, любой интроверт бывает и экстравертом (как, почему, когда?) мыслительный анализ (у аналитика по тесту) сменяется мыслительным синтезом, чтобы быть «вербалистом», надо периодически бывать «невербалистом». Гневливый человек отнюдь не все 24 часа в сутки гневается, а значит, испытывает и другие эмоции. Итак, любое состояние человека (эмоциональное, интеллектуальное, волевое) обязательно когда-то сменится каким-то другим. Как же происходит эта смена? С точки зрения традиционной психодиагностики — случайным образом, потому и является всего лишь помехой для измерения интересующего нас свойства (гневливости, например). Нам же удалось показать, что такие смены состояний носят вполне закономерный характер, а именно образуют циклы смены состояний (например, гнев сменяется страхом, страх гневом), которые являются весьма устойчивыми и позволяют прогнозировать поведение личности здесь и сейчас. Однако возникает вопрос, является такой цикл единым для каждого отдельного человека или же существует множество различных циклов в разных сферах проявления психики. Несомненно, существует множество самых различных циклов состояний. Личность с этой точки зрения предстает

перед исследователем как некоторый ансамбль огромного числа циклов состояний (элементарных психоидов). Но чтобы не запутаться в этом многообразии, необходимо выявить какой-то общий принцип цикличности психики, т.е. собственно психодинамики. Каков он, где его искать? Как мы показали выше, в самом начале психического, которое в основе своей когнитивно. В параграфе о волевом двигателе мы указали три режима его работы в зависимости от близости удаленности от абсолютного поля знания – поля душевного тепла.

Элементарным когнитивным и одновременно психическим процессом (элементарным психоидом – первокирпичиком психики), является ощущение. И никакой психический акт невозможен без когнитивной составляющей, по крайней мере этой чувственной ткани (по словам А.Н.Леонтьева) ощущений. А следовательно, экспериментальные исследования психодинамики личности нужно начинать с исследования динамики личностного познания, когнитивной сферы личности. В этой главе мы попытались взглянуть на человеческое познание не с точки зрения его уровневых характеристик, успешности или неуспешности, а с точки зрения живого, дышащего механизма функционирования всей личности как носителя психики. Такой механизм был нами ранее предложен как индивидуальный стиль познавательной деятельности (109), заключающийся в своеобразии смены состояний анализа и синтеза.

1.1. Субъективное пространство отражения

В физическом мире отражение, как особым образом понятое взаимодействие материальных систем, подчинено основополагающим физическим законам, среди которых важнейшими являются закон постоянства энергии в мире и закон роста энтропии в изолированной системе. Кроме того, любое взаимодействие, в том числе и отражение, ограничено фундаментальными предельными константами. Это, прежде всего, скорость света и абсолютный ноль температур. В первой части книги мы попытались обосновать важность

также такой фундаментальной постоянной как абсолютный ноль знания, граница Этого мира и Другого.

Общепринятая научная логика предписывает необходимость распространения более общих законов на более частные области явлений. При этом естественно выявляющаяся специфичность проявления общих законов не должна затенять сам факт их действия. Однако конкретные исследования этой специфичности в области психического отражения оказываются, как показывает исторический опыт, настолько сложными, что проследить действие каких-то закономерностей в общетеоретическом плане до сих пор удается лишь частично.

Главная сложность на этом пути, как нам кажется, заключена в большом количестве теоретических следствий, эмпирическая толща которых тем больше, чем более частным, более тонким и сложным представляется исследуемое явление. Таким образом, подмена общего закона его более специальным следствием, необоснованное возведение этой частной закономерности в ранг более общей, является, видимо, типичной ошибкой, периодически возникающей в истории науки.

Идея равновесного характера системы психического отражения начала теоретически оформляться в русле гештальтпсихологии. Это направление психологических исследований когнитивных процессов, которое привлекло внимание многих ученых-естественников, сознательно ставило своей целью распространение действенности общих физических законов на область явлений психического отражения. Основное внимание ученых гештальтистов было направлено на исследование структуры отражения. Исторический путь развития гештальтпсихологии представляется весьма закономерным. Целостность психических структур, эмпирически явно выраженная в доминировании целостного образа (формы) над его элементами, в первую очередь привлекла внимание исследователей и была провозглашена общим принципом организации психического отражения, что было зафиксировано в самом названии направления.

Дальнейшее развитие гештальтпсихологии идет в направлении формулирования некоего общего принципа, получившего название принципа прегнантности. Целостность же постепенно отходит на задний план, чтобы занять положенное ей место одной из характеристик психических процессов, т.е. одного из следствий некоего общего закона.

Однако принцип прегнантности, смысл которого приблизительно можно сформулировать как выбор системой отражения из всего множества возможных форм наиболее «хорошей» (простой, компактной, плотной и т.п.), так и не был окончательно сформулирован в виде общего закона. Нам представляется, что это был принцип-химера, по типу таких «временных» понятий как флогистон или теплород в естественных науках, который, сыграв свою роль в концентрации исследовательской мысли, прекратил свое существование. У поздних исследователей гештальт-теории мы встречаем уже в качестве основной объяснительной закономерности равновесный характер структуры психического отражения.

Вполне возможно, что при историческом изучении среди заслуг гештальт-психологии идея стремления к равновесию отражающих психических структур займет не самое первое место. Однако ее значение для дальнейшего научного исследования когнитивных процессов огромно. Это, видимо, хорошо понимал Ж. Пиаже, назвавший гештальт-теорию коперниканским переворотом в психологии. В его собственных исследованиях идея равновесной природы интеллекта (интеллект как форма равновесия человека и среды) выходит на первый план. Изучение равновесных когнитивных состояний для классической психологии приобретает особое значение с точки зрения работы волевого двигателя, описанного в первой части, т.к. позволяет в одном исследовательском взгляде охватить и внешний и внутренний план психоида. Это становится возможным именно в точке их теплового равновесия, равенства количества душевного тепла (знакомости), тогда как в других фазах один план может затенять другой, делая его плохо доступным наблюдению исследователя.

Таким образом, исторический путь развития психологии когнитивных процессов, проложенный сквозь толщу эмпирических данных, собранных гештальтпсихологией, привел в середине нынешнего века к явному формулированию идеи стремления отражательной системы психики к состоянию равновесия как наиболее общей закономерности ее организации. Ж. Пиаже исследовал также и механизм интеллектуального уравновешивания, описав процессы аккомодации и ассимиляции отражательной системы, которые уже представимы как частные случаи более общих закономерностей — потока отрицательной энтропии от среды к системе и всегда только положительного производства энтропии внутри системы. Здесь уже речь идет об исследовании работы волевого двигателя, т.е. состояний, отклоняющихся от равновесия.

Стремление подчинить область психических явлений естественно-научным закономерностям проявляется у Ж. Пиаже настолько сильно, что вынуждает его даже отказаться вообще от специфики психологического научного метода, поделив его между логикой и биологией. Он писал: «Всякое психологическое объяснение рано или поздно завершается тем, что опирается на логику или биологию». В соответствии с этим Ж. Пиаже указывает два направления исследования человеческого поведения — энергетическое (аффективное) и структурное (когнитивное). Для дальнейшего анализа концепции Ж. Пиаже необходимо проследить связь этих понятий в общефизическом плане.

Распространение энергии в мире подчинено законам сохранения. Энергия нигде не производится и нигде не исчезает, она может лишь передаваться от одного тела к другому. Однако, если возникает необходимость передачи энергии в каком-то конкретно выбранном направлении, внутри конкретной материальной системы, то оказывается, что изолировать ее от всего остального мира невозможно. Энергия рассеивается, т.е. ее распространение происходит во всех возможных направлениях. Та же ее часть, которая будет передаваться в интересующей нас системе, станет

больше или меньше в зависимости от структуры системы. Для характеристики этой «структурности» и вводится понятие энтропии. Рассеивание энергии ведет к уравниванию всех направлений ее распространения, а, следовательно, к снижению «структурности» мира в целом и росту энтропии.

Энергия сохраняется, энтропия стремится достичь максимума. Таким образом, вместе с понятием энтропии в науку входит и понятие необратимости физических явлений, являющееся основой конструирования понятия времени. Между прошлым и настоящим, как указывал И. Пригожин, существует непреодолимый «энтропийный барьер» (88, 89). Это в целом мире, вообще. Всякая же конкретная материальная система характеризуется той или иной степенью обратимости физических процессов внутри нее (относительная обратимость), обеспечивающей ей временную определенность, т.е. то, что она мгновенно не превращается в пыль, как древняя чаша при неосторожном прикосновении археолога. Относительная обратимость имеет естественно свой физический предел, зафиксированный, например, в цикле Карно, а в теоретической психодинамике должно быть зафиксировано в цикле волевого двигателя.

Возвращаясь к психологии, опять процитируем Ж. Пиаже: «Интеллект – есть прогрессирующая обратимость мобильных психических структур» (). Таким образом, Ж. Пиаже удалось сформулировать тот критерий «хорошей» когнитивной структуры, которого так не хватало гештальтистскому принципу прегнантности. Обратимость характеризует отражательную способность психики. При этом она, конечно, не является абсолютной и всегда присущей психическому отражению, т.к. это противоречило бы равновесному характеру отражательных структур. Как указывал И. Пригожин, в состоянии равновесия система «забывает» все свои предшествующие состояния, т.к. стремится к равновесию вне зависимости от того, в каком бы состоянии ни находилась изначально. Уравновешивание, таким образом, необратимо по сути своей.

Именно такой необратимостью обладают, как подчеркивал Ж. Пиаже, перцептивные явления, и именно это является их ограниченностью. Их равновесность, по Пиаже, является их «дефектом», который преодолевается по мере развития интеллекта, т.е. структуры обратимых операций. Однако эта обратимость также является относительной, т.е. действующей только внутри интеллекта, сам же по себе он также «... является состоянием равновесия, к которому тяготеют все последовательно расположенные адаптации сенсомоторного и когнитивного порядка» (там же).

Следует отметить, что, ясно отдавая себе отчет в диалектической связи явлений равновесия и обратимости, Ж. Пиаже направил свои собственные изыскания в сторону именно последней. Этот путь привел его, пользуясь его же терминами, от биологии к логике. Обратимость психических операций оказалось удобно моделировать с помощью понятия обратной операции, что в свою очередь повлекло привлечение всего аппарата теории групп. Мы коснемся этих вопросов ниже. Здесь же хотелось бы вернуться к некоторым следствиям равновесного характера психического отражения.

И. Пригожин и И. Стенгерс в книге «Порядок из хаоса» предложили выделять три класса динамических систем, различающихся по их поведению в области равновесных состояний.

Первый класс образуют *собственно равновесные* системы, которые, в соответствии с принципом Больцмана, стремятся к максимально равновесному состоянию, характеризуемому максимумом энтропии. Результаты Больцмана означают, что необратимое термодинамическое изменение есть изменение в сторону более вероятных состояний и что состояние аттрактор (состояние равновесия — *авт.*) есть макроскопическое состояние, соответствующее максимуму вероятности. Вероятность позволяет адекватно объяснить, почему система забывает любую начальную асимметрию, детали любого конкретного распределения. Забывание начальных условий возможно потому, что, как бы ни эволюционировала система, она, в конечном счете, перейдет в одно из микроскопических

состояний, соответствующих микроскопическому состоянию хаоса и максимальной симметрии. Итак, одним из важнейших свойств таких систем И. Пригожий считает «забывание» системой своей эволюции, наличие непреодолимого энтропийного барьера между настоящим и непосредственным прошлым. В этой главе мы подробно исследуем, насколько психические отражательные структуры подчиняются указанным закономерностям, теперь же примем это как факт и рассмотрим его возможные феноменологические проявления.

В соответствии с исторической традицией начнем с такой характеристики психического отражения, как *целостность*, смысл которой заключается в присутствии психическим образам доминирования целостного восприятия над его частями. Феноменологически целостность проявляется в таких фактах, как сохранение целостного образа при замене его элементов на другие (типичные примеры — транспонирование мелодии в другую тональность или замена в изображении точечных элементов на кружочки, квадратики, крестики и т.п.). Далее целостность образа сохраняется даже при выпадении части элементов, причем эта часть может быть весьма существенной. Обобщая различные феномены целостности образа, легко видеть, что они есть проявление «забывания» отражательной системой предшествующего процесса становления образа, его структурирования из элементов. Результативное равновесное состояние образа доминирует, является состоянием-аттрактором. Бжалаве удалось показать это экспериментально, используя методику последовательных образов. Кратковременное предъявление яркого треугольника, у которого отсутствовал верхний угол, вызывало в зрительной системе его эйдетический образ, который, однако, начинал самопроизвольно переструктурироваться. Испытуемые замечали, как боковые стороны начинали двигаться и наконец, соединялись вверху, образуя завершённый треугольник. Очевидно, что в обычной ситуации такое приведение образа к состоянию равновесия является

скрытым от субъекта отражения. Целостность, таким образом, является продлением необратимости перцептивного процесса.

То же самое можно сказать и относительно такого свойства психического образа, как его *предметность*, которое фиксирует вычлененность фигуры из фона. Свойство предметности демонстрируют обычно на примерах так называемых двойственных изображений: черный и белый кресты, ваза и два лица, жена-теща и т.п., где фон и фигура могут меняться местами, в результате чего человек видит то одно, то другое изображение. Суть, однако, заключается в том, что он не способен видеть два изображения одновременно. Одно обязательно должно быть «забыто», должно стать фоном. Таким образом, энтропийный барьер в процессе вычленения фигуры из фона прослеживается достаточно ясно. Специфика двойственных изображений в том, что для процесса их перцепции характерно не одно, а два состояния-аттрактора.

Таким образом, мы полагаем, что свойства перцепта как изолированной системы, т.е. когда внешняя стимуляция постоянна, непосредственно вытекают из его равновесной природы.

Если, однако, внешняя стимуляция меняется, образуя тем самым поток отрицательной энтропии (в наших терминах душевного тепла) от среды к отражательной системе, то мы переходим к рассмотрению второго класса динамических систем, так называемых *линейных* или *слабонеравновесных* систем.

Полное приращение энтропии системы может быть представлено как сумма прироста энтропии, связанного с обменом между системой и остальным миром, и производством энтропии вследствие необратимых изменений внутри системы.

Линейные системы эволюционируют к стационарному состоянию, которое характеризуется минимумом производства энтропии, совместимым с наложенными на системы связями. В силу стационарности этого состояния все характеристики системы перестают в нем зависеть от времени,

следовательно, и прирост энтропии становится равным нулю. Таким образом, отрицательный поток энтропии, возникающий вследствие передачи информации из внешней среды, компенсируется производством энтропии внутри системы. Проанализируем в этой связи присущее человеческому восприятию *свойство константности*. Смысл его заключается в том, что в определенных пределах изменение воспринимаемого объекта не влияет на его перцептивный образ. Так, например, в эксперименте, изменение угла наклона черного круга по отношению к оси зрения ведет к тому, что проекция круга на сетчатке глаза становится все более овальной. Тем не менее, воспринимаемая величина вертикального размера существенно переоценивается вследствие сохранения в определенных пределах восприятия именно круга (а не овала). Константность играет важную роль в восприятии постоянно меняющегося внешнего мира. Психическая отражательная система компенсирует поток отрицательной энтропии, связанный со всевозможными изменениями объектов внешнего мира, производством энтропии внутри системы. Свойство константности, таким образом, также выступает как частный случай действия законов равновесия.

Производство энтропии за счет необратимых процессов внутри отражательной системы лежит в основе и такого важного свойства психического образа как *обобщенность*. В дальнейшем мы подробно исследуем его механизм. Здесь же лишь заметим очевидность роста энтропии при восприятии объекта внешнего мира не как единственного, не как отдельности, а как представителя класса. Информация об объекте, поступающая из внешней среды, компенсируется производством энтропии, связанной с классификацией.

Как равновесные, так и слабонерасбалансированные системы характеризуются наличием состояния-аттрактора. Такие системы «забывают» все предшествующие стационарные состояния и являются невосприимчивыми к флуктуациям, т.к. любое отклонение от состояния-аттрактора рано или поздно заканчивается возвратом в него.

Существует, однако, и третий класс систем, которые могут быть названы *сильнонеравновесными*. Отклонение системы от состояния равновесия в некоторой критической точке (точке бифуркации) делает ее особо чувствительной к флуктуациям. Достаточно слабый процесс, возникший в какой-то части системы, захватывает ее всю, превращаясь в своего рода вихрь. И. Пригожин подробно исследовал, как такого рода явления становятся источником возникновения нового макроскопического порядка на фоне максимально хаотического движения микрочастиц. Энтропия системы не возрастает, как этого требует принцип Больцмана, а резко падает вследствие когерентного поведения большого числа элементов системы. Переход критической неравновесной точки приводит систему к новому состоянию устойчивости, новому, нехарактерному для нее ранее порядку. При этом в точке бифуркации перед системой открывается выбор между различными состояниями устойчивости, а, следовательно, последовательность бифуркаций образует историю системы, ту историю, которая ее определяет и уже не может быть забыта. С этой точки зрения точки бифуркации являются ядрами сопряженных толерантных субъективных пространств отражения, т.е. фактически ядрами топологического пространства *настоящего* психологического времени, напомним – не имеющего длительности.

В психологии познания аналогичные процессы описаны гештальт-психологами. Вертгеймер приводит большое количество примеров разрушения перцептивного образа, выведения его из равновесного состояния как фазы, предшествующей некоторому осмыслению, пониманию проблемной ситуации, инсайту. Типичный пример — усмотрение равенства площади параллелограмма площади прямоугольника, построенного из частей того же параллелограмма. Показательно, что в таких случаях процесс решения перцептивной задачи уже не забывается, а целиком представлен в сознании человека, чего нельзя сказать о процессе структурирования перцептивного образа.

Сторонники теории интеллекта, по всей видимости, объяснили бы эти факты привнесением в структуру перцепта обратимых операций. Тем не менее, из детской психологии можно привести достаточно примеров, когда ребенок знает, как и что он делал, но не может повторить. Обратимость собственно операций, видимо, возникает позже и на другой основе. Здесь же речь идет о такой характеристике психического образа, как его осмысленность. Человек видит, подчеркивал А.Н. Леонтьев, не нечто длинное и желтое, а авторучку. Это фактически означает, что кроме самого физического объекта человек оказывается способным видеть историю его становления. В этом специфика психологического настоящего субъективного отражения.

Таким образом, сильнонеравновесные состояния отражательной системы психики лежат в основе возникновения упорядоченности более высокого уровня по сравнению с чисто перцептивной – уровня смыслов. Попробуем теперь на основе экспериментальных данных детально разобраться в психологическом механизме перцептивного равновесия и соотнести это перцептивное уравнивание с работой волевого двигателя и со спиралью психологического времени.

2. Основы перцептодинамики

2.1. Перцептивные обобщения

Какова же основная закономерность перцептодинамики? Как работает основной (образный) механизм волевого двигателя, направленный на овладение объектом внешнего мира? В общих чертах уже можно сказать, что волевой двигатель работает за счет циклов колебаний душевного тепла вокруг состояния перцептивного равновесия, а результатом его работы являются смыслы и значения как новые формы знания внешнего объекта. Итак, образ, как и всякая динамическая система, стремится к состоянию равновесия. Что зафиксировано и во втором начале психодинамики. Само равновесие при этом понимается как полный беспорядок или

равновероятность всех состояний для всех элементов системы. Попробуем оценить количество всех возможных состояний перцептивного образа.

Рассмотрим систему, аналогичную той, которую мы анализировали в теоретической части – какое-то количество точечных элементов на дискретном ячеистом фоне. Тогда каждая ячейка фона может быть только в двух состояниях – занята или свободна. Общее количество всех возможных состояний такой системы, т.е. общее количество конфигураций точечных элементов на фоне (образов) в этом случае легко рассчитывается с помощью биномиального коэффициента Ньютона, т.е. как число сочетаний количества точек M по количеству ячеек N (см. выше).

Стремится ли психический образ к динамическому равновесию, в чем это равновесие выражается и как влияют на него высшие процессы мышления и речи?

В структуре психического образа имеется как минимум два различных состояния для каждого из его элементов, а именно: этот элемент может принадлежать фигуре или фону. Вся физическая энергия, попадающая на воспринимающую поверхность, разбивается в мозгу человека на две части: фигуру и фон. Каково соотношение этих частей? Опишем результаты первого пилотажного эксперимента. Мы просили испытуемых оценивать площадь фигурок людей по отношению к одинаковой для всех фигурок площади фона. Вопрос стоял так: «Во сколько раз следует увеличить площадь фигуры, чтобы она покрыла площадь фона?» Реально фигурки занимали от $1/4$ до $1/6$ площади фона. Однако чаще всего испытуемые отвечали, что площадь надо увеличить в два раза. Средняя же величина площади фигурок казалась равной в точности половине площади всей картинке (равна площади «пустого» фона). Следовательно, можно сделать вывод, что психический образ стремится к динамическому равновесию фигуры и фона, которое выражается в видимом равенстве их объема. Нас, кроме того, интересовала природа отклонений, от указанного состояния равновесия. Для выяснения этого, мы просили испытуемых упорядочить

фигурки по *степени активности их поведения* (на некоторых рисунках человечки были пассивны – стояли, сидели, на других более активны – шли, бежали, прыгали и т.д.). Получилась отчетливая прямая связь между степенью активности фигурки и мерой переоценки ее площади. Чем более активна фигурка, тем меньше ее реальная площадь по отношению к фону, и, соответственно, тем более ее площадь переоценивается испытуемым, Зрительно представляется, что движущаяся фигурка занимает ту же самую половину площади, что и неподвижная. Скорее всего, так оно и есть, только эта разница между положенной по закону уравнивания половиной площади фона и реальной площадью движущейся фигурки и есть область ее потенциального движения, куда фигурка как бы помещается в следующий момент своего движения в фоне. В целом же ранговая корреляция порядков активности и переоценки площади была высока (статистически значима на 0,1% уровне). Таким образом, *отклонение от состояния равновесия образа, очевидно, связано с его пониманием, интерпретацией его содержания, прежде всего с ориентацией изображения во времени (движется, не движется), с соотношением психологического прошлого и будущего того, что изображено.* Таким образом, *запуск работы волевого двигателя в перцептодинамике так же (как и в любом цикле контакта) начинается с установления связи психологического прошлого и будущего образа.*

Итак, динамика перцептивного образа направлена в сторону максимально равновесного состояния. Действительно, величина биномиального коэффициента:

$$C_{n,m} = n!/m!(n-m)! \quad (17),$$

где n — число элементов фона, а m — число элементов фигуры, достигает своего максимума, когда

$$m = n/2 \quad (18)$$

В этой точке количество информации, приходящееся на каждую конфигурацию максимально, если под информацией по-прежнему понимать

$\log_2 C_{n,m}$. Отклонения от состояния максимального равновесия приводят к снижению количества информации и при этом меняется не какая-нибудь, а наиболее сопоставимая с количеством душевного тепла и спиралью психологического времени семантическая переменная конфигурации – ее активность, ее движение в субъективно- объективном пространстве времени и пространстве смыслов.

2.2. Индивидуальная психодинамика перцептивного обобщения

Подключение следующего уровня вербального мышления еще более усложняет картину. Представим результаты следующего эксперимента. Мы предлагали испытуемым соединить шесть случайным образом распределенных на фиксированном фоне точек в единую осмысленную конфигурацию, назвав ее словом. Получаемые в результате рисунки обрабатывались посредством подсчета величины площади изображения. Рисунки предметов, сидящих людей, животных и т.п. занимали в точности половину всей площади изображения. Рисунки же движущихся объектов занимали меньшую площадь, как бы оставляя большее пространство для продолжения движения. Таким образом, и здесь уже на уровне сознательного подключения слова как орудия познавательной деятельности регулируется прежде всего отклонение или приближение перцептивного процесса к динамическому равновесию.

Эти первичные результаты побудили нас спланировать экспериментальные наблюдения по следующей методической схеме, которую мы назвали психодинамической диагностикой индивидуального стиля познавательной деятельности (ИСПД).

Мы начнем с изложения диагностической процедуры оценки ИСПД, по которой затем восстановим лежащую в ее основе модель.

В качестве тестового материала использовался набор из шестнадцати конфигураций, представляющих различные распределения шести точек на

фоне из 64 ячеек (см. рис. 5). Распределение точек случайно. Испытуемым предлагается три задания.

Первое: расклассифицировать карточки с конфигурациями на некоторое число групп по свободному критерию, число групп может быть любым от 2 до 16.

Второе: внимательно рассматривая каждое изображение, попытаться связать их с каким-то осмысленным образом, мысленно соединив точки в рисунок и мысленно же обозначив его словом или словосочетанием. Значение, связанное с той или иной конфигурацией предлагается запомнить.

Третье: расклассифицировать карточки еще раз, основываясь на придуманных значениях, при этом неважно, запоминаемых или вновь придуманных.

Таким образом, данный метод основан на психологическом анализе процесса означивания незнакомого мало структурированного материала. Легко видеть, что в основу положен метод свободной классификации Гарднера. Следовательно, для выведения основных показателей по предлагаемому тесту необходимо проанализировать процесс пространственного преобразования исходной конфигурации испытуемым.

Легко видеть, что этот процесс направляется и регулируется функциональным применением слова-знака как орудия. Таким образом, с помощью слова-знака испытуемый меняет информационное содержание исходного изображения, доводя его до некоторого уровня, который является индивидуально предпочтительным.

Различия первой и второй классификаций обусловлены подключением вербального уровня переработки исходного материала.

Таким образом, очевидно, что на процесс классификации влияют два различных процесса: процесс субъективного преобразования пространства фигуры, связанный с определением субъективного базиса толерантности, и процесс субъективного преобразования фонового пространства, связанный с разбиением исходного множества конфигураций на ядра. Легко видеть, что

эти два процесса с информационной точки зрения являются как бы противоположно направленными. Если увеличение числа элементов изображения ведет в соответствии с вышеприведенной формулой к увеличению информационного содержания образа, то процесс сокращения числа фоновых элементов ведет к уменьшению количества информации, приходящегося на отдельную конфигурацию. Отсюда видно, что перцептивная и вербальная переработка чувственной информации имеют различную информационную направленность и вступают между собой в отношение компенсации. Как мы покажем позже характер «компромисса» двух этих процессов обусловлен, прежде всего, характером профессиональной или учебной ориентацией деятельности, т.е. особенностями работы волевого двигателя в тех или иных по экстремальности условиях жизнедеятельности.

Теперь мы можем привести уточненную модель процесса свободной классификации.

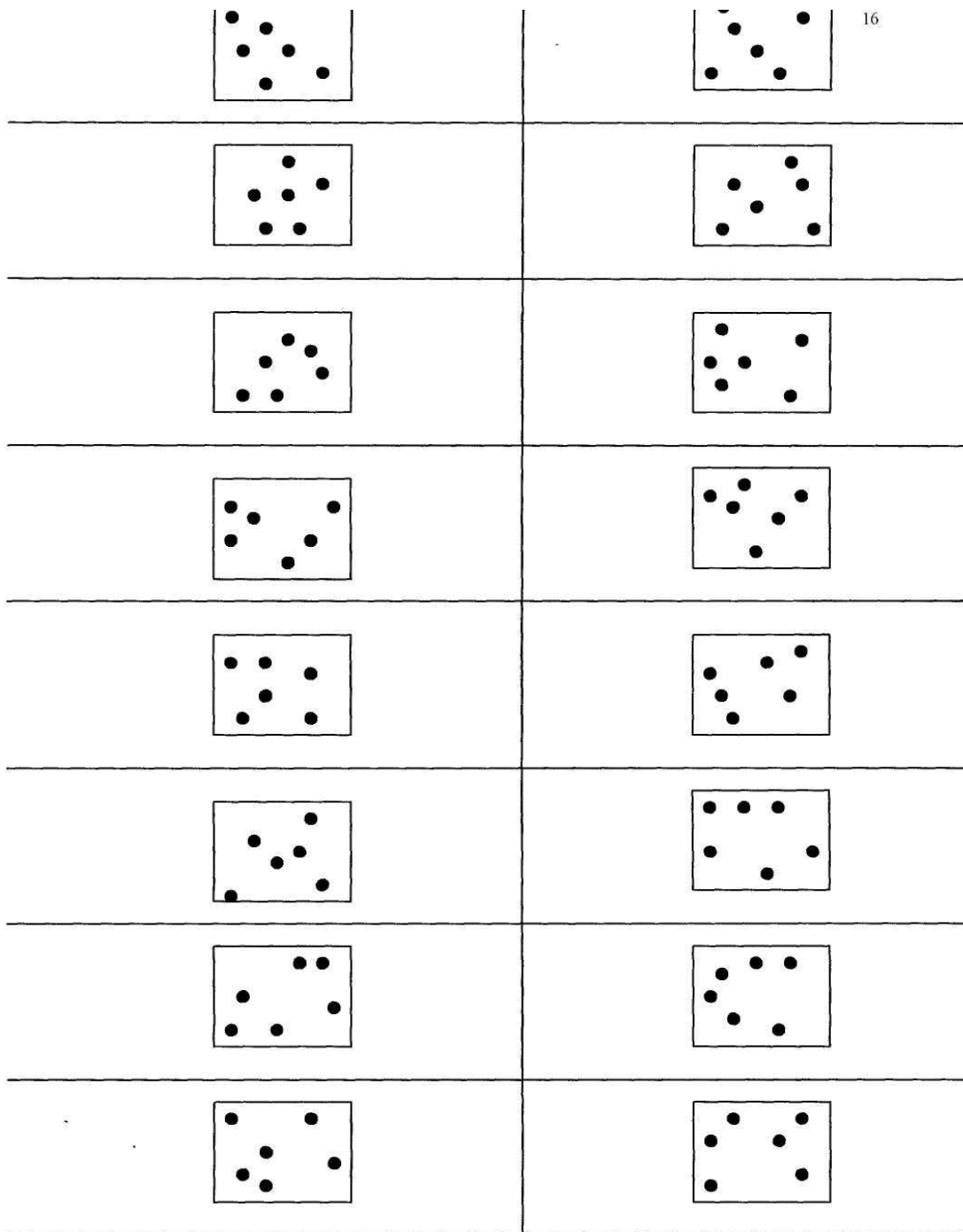

Рис. 5 Стимульный материал к тесту на определение индивидуального стиля познавательной деятельности

Самоотчеты наших испытуемых свидетельствуют о том, что в первой (невербальной) классификации материала не происходит существенных преобразований фонового пространства конфигураций, во всяком случае, в сторону его количественного сокращения. Наиболее частыми критериями, которые используют испытуемые в первой классификации, являются расположение точек вверху, внизу, по диагонали, слева, справа, и т.п.

Преобразования фона, таким образом, сводятся к привязке изображения к основным пространственным координатам, не затрагивая его однородности. Классификация материала в этом случае обеспечивается, следовательно, исключительно за счет количественных преобразований пространства фигуры, т. е. основывается на личностно-индивидуальном базисе толерантности (W), который равен $W = N/M$, где N — число ячеек фона, M — число ячеек фигуры.

Далее возможны два случая. В первом случае испытуемый привносит от себя немного новых элементов фигуры, классов толерантности базиса — много, а, следовательно, количество групп в первой классификации велико. В процессе второго задания (вербализации) происходит разбиение исходного множества на ядра относительно определенного базиса, а, следовательно, число групп во второй классификации оказывается меньшим, чем в первой. Такой стиль классификации был нами назван аналитико-синтетическим. Заметим, что в данном случае базис толерантности остается постоянным в обеих классификациях.

Далее, во втором случае, испытуемый привносит от себя много новых элементов в первом задании, следовательно, базис толерантности содержит мало классов. Это существенно затрудняет вербализацию материала, если действительно в основе ее лежит разбиение исходного множества на ядра. Следовательно, выполнение третьего задания оказывается возможным, если происходит смена базиса толерантности, т.е. обратное преобразование пространства фигуры, а именно существенное уменьшение среднего числа элементов изображения. Если этот процесс развивается достаточно

эффективно, то число классов толерантности базиса возрастает, и, несмотря на дальнейшее объединение их в ядра, число групп во второй классификации оказывается большим, чем в первой. Такой стиль был нами назван синтетико-аналитическим. В подтверждение последнего предложения можно привести следующие данные. Было замечено, что у многих испытуемых, выделивших мало групп (2-3) в первой классификации, дальнейшая вербализация материала отличалась крайней бедностью значений. Чаще всего видится одно и то же (например, человек), но в разных ракурсах. По всей видимости, для испытуемых, определивших в первой классификации мало групп, задача вербализации материала представляется достаточно сложной.

Для оценки стиля познавательной деятельности, таким образом, может быть использовано два показателя: значение разности W_1 и W_2 и знак показателя, который берется положительным, если $W_2 > W_1$, и отрицательным, если $W_1 < W_2$ (W_1 — первая классификация, W_2 — вторая). Выраженный стиль, очевидно, отличается большей разностью. Эта разность может быть сопоставлена с количеством передаваемого душевного тепла в процессе означивания незнакомого материала как косвенный показатель.

Выраженный стиль ПД предполагает, очевидно, большую информативность познавательной модели, а, следовательно, представляет собой систему большего числа способов деятельности. Большая информативность познавательной модели обеспечивает, таким образом, большую подвижность познавательной деятельности, возможность варьирования способов. Это также подтверждается значимой положительной корреляцией абсолютной величины шкальной оценки стиля и показателя по тесту «Шифровка» набора интеллектуальных тестов Векслера. Напротив, низкие оценки стиля связаны, видимо, с большей устойчивостью при меньшем числе способов деятельности. Таким образом, предлагаемая модель позволяет определить строгую дихотомию индивидуальных стилей познания. Действительно, если базис толерантности сохраняется в процессе вербализации то количество

групп во второй классификации будет всегда строго меньше количества групп в первой. Если же базис перестраивается, то количество групп в обеих классификациях может оказаться равным. Следовательно, случай равенства групп относится к синтетико-аналитическому стилю познавательной деятельности.

Проанализируем теперь далее подробно уже описанный первый пилотажный эксперимент, когда испытуемым предлагался набор картинок, изображающих людей в различных позах, во время различных действий (12 картинок, взятых из карикатур Бидструпа). Картинки можно было упорядочить по активности поведения изображенных людей, некоторые из которых просто стояли, другие — шли, третьи — бежали, прыгали, кувыркались и т.п. Испытуемым предлагалось оценить площадь изображения (человечка) по сравнению с площадью фона (площадь фона стандартна — 2 400 мм²). Вопрос ставился следующим образом: «Во сколько раз нужно увеличить площадь фигуры, чтобы она покрыла полностью площадь фона: в 1,5 раза, 2 раза, 2,5 раза, и т.д. в 5,5 раз, в 6 раз». Испытуемый указывал цифру из предложенного набора; площади фигурок менялись от 1/6 до 1/4 от площади фона. Кроме этого, испытуемых просили, последовательно выбирая из набора картинок то изображение, которое представляет человека, наиболее активного по своему поведению, упорядочить все 12 картинок «по активности».

Ясно, что при более или менее точном отражении площади ответы испытуемых должны были распределиться в диапазоне от «фон больше в 3 раза» до «фон больше в 6 раз». Однако реально ответы сгруппировались вокруг оценки «фон больше в 2 раза». Средняя видимая площадь фигуры получилась в точности равной половине фона. Эти данные, на наш взгляд, согласуются с тенденцией максимизации информационного содержания образа. Учитывая, однако, тот факт, что при оценке площади фигурок в процессе сравнения их друг с другом переоценки площади существенно ниже, можно поставить вопрос о функциональном значении «пустого»

пространства, субъективно привязываемого к фигуре. Исходя из нашей модели, можно сказать, что это та самая «отрезанная» от фона зона, которая облегчает разбиение конфигураций на ядра толерантности, т.е. их вербальную интерпретацию. С перцептивной же точки зрения, это зона потенциальных изменений, движений, действий или вообще активности фигуры. Это предположение подтверждается полученной сильной ранговой корреляцией (0.860) между упорядоченными средними переоценками каждой фигуры и упорядочением их по активности. Таким образом, как мы и предполагали, субъективные пространственные преобразования образа лежат в основе формирования впечатления об активности воспринимаемого объекта, т.е. помещении его в некотором субъективном времени.

В заключение ещё раз вернемся, в связи с последними данными, к давно известному факту связи восприятия фигур Роршаха, как более активных, с внутренней креативностью личности. Учитывая, что за таким типом восприятия стоит сложный процесс субъективного преобразования пространственных, временных и информационных характеристик образа, можно сказать, что креативность личности является с этой точки зрения одним из эффектов сформированного индивидуального стиля познавательной деятельности.

Действительно, стиль познавательной деятельности предполагает развернутую систему способов достижения ее целей. Что представляют собой эти способы? Элементы перцептивного образа, взятые динамически, и есть способы его структурирования и интерпретации, построения на его основе мыслеподобных конструкций как основы для подключения речевых процессов. Таким образом, построенное нами пространство является, по существу, пространством способов отражения внешнего мира, и в этом следует искать специфику его динамических характеристик. Цикл фигуро-фонового взаимодействия определяет всю дальнейшую психодинамику познания, как в ее общепсихологической специфике, так и в индивидуальных проявлениях. Динамика психоида перцепта, его циклические колебания

вокруг состояния равновесия есть наглядная демонстрация работы когнитивно-волевого двигателя, результатом которой являются уже осмысленные образы, гораздо более широкое когнитивное овладение внешним объектом, его познание.

Рассмотрим этот цикл в терминах предложенных ранее для анализа цикла контакта. *Первое уравнивание фигуры и фона*, прямо связанное с субъективной оценкой площади фигуры и фона, *есть точка катексиса*, нахождения объекта, его первичное осмысление (в самых общих категориях – как активного или пассивного, знакомого незнакомого, приятного неприятного и т.д.), помещение его в структуре психологического времени на линии, связывающей прошлое и будущее (см. выше рис.3). Дальнейший переход к психологическому настоящему связан уже с подключением орудия познавательной деятельности – слова-знака. *Здесь в точке катарсиса происходит второе окончательное уравнивание фигуры и фона* – осмысление объекта, его окончательная перцептивная классификация (это зайчик, это поезд – хотя предъявляются те же 6 точек на фоне из 64 ячеек). Таким образом, осмысленный и «опознанный» объект уже принимает жесткие неподвижные очертания на фоне, быстро остывает и утрачивает для субстанционального деятеля всякий интерес. На первый взгляд, трудно в перцептивных задачах описать последующее *состояние базовой тревоги* (тем более, что с точки зрения классической экспериментальной психологии это очевидный артефакт), но каждому экспериментатору не раз приходилось видеть, как после выполнения задания, испытуемый начинает растерянно бегать глазами по лаборатории, терев ручки, карандаши, доставать и убирать мобильный телефон, т.е. проявлять все признаки тревоги, единственным содержанием которой является вопрос, что делать дальше. Выше мы утверждали, что состояние базовой тревоги есть максимальная разница душевного тепла внешнего и внутреннего плана на фоне максимально остывшего объекта (внешнего плана). Из этой точки возможно движение в сторону нового нагревания внешнего плана, что и произойдет,

если дать испытуемому новое задание (или он сам найдет чем заняться). Но возможно и движение в сторону приближения к абсолютному нулю знания – медитация. Мы затрудняемся сейчас привести какие-то из современных известных экспериментальных примеров этого движения (кроме разве упоминавшегося выше тренинга молчания), поэтому приведем пример из восточных психотехник. Однажды учитель предложил ученику (естественно восточный учитель западному ученику) внимательно посмотреть на лежащую перед ним только что выловленную рыбу, чтобы получше узнать ее и себя. И ушел. Его не было часа три, так что ученик уже извелся в состоянии базовой тревоги. Когда учитель пришел, он попросил ученика рассказать, что тот высмотрел. Рассказ длился минуты две. Учитель сказал, что ученик ничего не увидел и предложил продолжить занятия. Рассматривание рыбы длилось трое суток. Ученик, вернувшись на запад, говорил, что ни в одном университете он не смог бы получить лучшего урока по зоологии. Такого может быть снятие базовой тревоги не за счет нагревания внешнего плана до уровня внутреннего, а счет охлаждения внутреннего до уровня внешнего. Это тот случай, когда волевой двигатель будет работать в режиме холодильника. Сопоставим эти наблюдения с предложенным выше вопросом, как обмануть полиграф.

3. Пространство познавательных способностей

Обратимся теперь к анализу целостной структуры познавательной деятельности (ПД). Для этого нам необходимо в соответствии с общепринятым пониманием термина «структура» определить два момента: элементы ПД и характер связей между ними. Это позволит нам в дальнейшем наложить эту структуры на спираль субъективного времени и рассмотреть как она работает в качестве когнитивно-волевого двигателя. Следует, однако, пояснить, что мы стали использовать термин *когнитивно-волевой*, а не просто волевой, двигатель не потому, что речь в этом параграфе идет о чем-

то другом, а потому, что здесь мы изучаем собственно познавательную деятельность и этот акцент важен. Таким образом, волевой двигатель в разных видах деятельности может рассматриваться как *когнитивно-волевой* или *эмоционально-волевой* (например, в общении в терапевтической группе).

Мы предполагаем в качестве простейшего элемента ПД рассматривать способность, точнее познавательную способность. Мы понимаем этот термин как множество способов достижения результата деятельности. В предельном случае способность может состоять и из единственного способа. Типичным примером таких способностей являются рефлексы. Однако уже такая простая способность человека, как нарисовать круг на листе бумаги, состоит из практически бесконечного числа способов, что было подмечено еще К.А. Бернштейном. Это наталкивает на подозрения, что изучение более сложных познавательных способностей при таком подходе неизбежно заходит в тупик, т.к. невозможно описать бесконечно большое многообразие способов. Однако это не так. Для решения этой проблемы удобно использовать опять же представление множества способностей человека как топологического пространства. Действительно, как легко видеть, объединение любого числа способностей есть вновь множество способов по определению, а, следовательно, есть некоторая способность. Например, можно рассматривать рисование человеком круга (одна способность) и палочки (другая способность) как новую способность к написанию буквы «а». Далее, пересечение любой пары способностей есть опять множество способов, т.е. некоторая способность. Соединяя два сформулированных утверждения, мы получаем определение топологического пространства способностей. Из того факта, что множество способностей образует топологию, вытекает ряд следствий. Первое, — это то, что не существует изолированных способностей, не связанных со всеми другими. На математическом языке говорят, что каждый элемент множества способностей входит в него вместе с некоторой окрестностью из других элементов. В качестве элемента пространства способностей можно указать способ (от этого слова и

происходит слово способность) установления субъект-объектной взаимосвязи. Так в предыдущих экспериментах видение точки на фоне есть элементарный способ восприятия всей конфигурации. Способ с некоторой его окрестностью есть элементарная способность. Таким образом, все произведенные высшие расчеты и оценки есть математическое исследование пространства перцептивных способностей. Далее, можно утверждать, что топологическое пространство способностей является пространством толерантности и является моделью субстанционального деятеля, причем моделью, допускающей определение предельных процессов. То, что это пространство толерантности мы частично показали на примере перцептивных способностей и перцептивных обобщений. Следующие уровни его организации требуют детальных экспериментальных исследований и наблюдений. В целом поуровневую организацию познавательных способностей можно представить следующим образом:

Чувственная ткань	Внутренний план психоида	Внешний план психоида
Образ	Способность воспринимать	Множества конфигураций внешнего мира
Образ + мысль	Способность понимать	Тексты
Образ + мысль + слово	Способность создавать	Все продукты человеческой деятельности

Тексты в этой схеме являются не только средним, но и наиболее общим описанием внешнего плана субстанционального деятеля. Именно в таком контексте, а не просто внешнего мира. Математически это доказал Тьюринг. При этом пространство текстов является именно пространством толерантности и поэтому не является моделью внешнего мира (по крайней мере, информативной моделью, т.е. в обычном понимании этого слова – см. выше). Это очень важно, т.к. отказывая субъективному пространству

толерантности в конечной информативности относительно внешнего мира, мы оставляем себе единственный путь взаимодействия с ним – обмен душевным теплом. Разберемся а этом подробнее. Действительно, число возможных текстов на любом естественном языке бесконечно. Из этого, в частности, и следует, что нельзя построить информативной модели текста, т.е. нельзя построить текст о том, как создавать тексты. Этот же результат и был ранее получен Тьюрингом и фон Нейманом в виде утверждения, что можно построить автомат, который будет делать все, что вообще можно делать, нельзя лишь построить автомат, который будет *предсказывать*, что можно делать. Из сказанного, конечно, не следует, что нельзя построить текст, описывающий способ, которым построено некоторое множество уже написанных текстов, т.к., если ограничиться каким-то конечным числом текстов — k , то число способов построения этих текстов не превысит k в степени k , а следовательно, существует информативная модель способа построения текста из множества k . Это область информационного обмена. Таким образом, информационный обмен возможен только в областях субъективного пространства субстанционального деятеля, где внешний план психоида уже получил дополнительные количества душевного тепла (уже познан). Существует, однако огромное количество внешних объектов вблизи абсолютного поля знания, все душевное тепло которых заключается в том, что они как-то соотносятся с нами и могут быть когда-то приближены и познаны. То есть, если же множество возможных текстов перестает быть ограниченным, исчезает и возможность описания способов построения текста. Если множество соответствующих моделей объекта бесконечно, то нельзя построить информативную модель способа комбинаций моделей, а, следовательно, и диагностических процедур для получения определенной информации об объекте. Человек, тем не менее, в своей познавательной деятельности обладает возможностью выбрать из бесконечного числа способов построения модели некоторое ограниченное их множество или даже единственный, наилучшим образом удовлетворяющий ряду

субъективных и объективных критериев. Эта возможность основана не на информационном обмене, а на интуитивном проникновении в объект, его разогревании во внешнем плане, используя толерантный характер его отношения к внутреннему плану психоида. Следовательно, существует какой-то психологический механизм, позволяющий ему это сделать, при этом под механизмом мы понимаем некоторое непустое ограничение на множестве способов. Ясно, что для всякой построенной комбинации моделей механизм состоит в точности из одного способа. Если же требуемая модель не указана, а указан лишь ряд критериев, которым она должна удовлетворять, то говорят, что человек обладает способностью строить требуемые модели, если для него можно указать ограничение бесконечного множества способов построения модели. Таким образом, содержанием понятия способность и является непустое ограничение бесконечного множества способов на то их подмножество, которое приводит к требуемому результату, т.е. наличие соответствующего механизма.

Этот механизм позволяет построить некоторую базу топологии — ограниченный набор подмножеств, позволяющий посредством использования операций объединения и пересечения получить все остальные. Встает проблема базовых способностей. Здесь следует оговориться, что всякая топология может иметь множество различных баз, и выбор одной из них обусловлен исключительно задачами исследования.

Этот вопрос (о существовании общих интеллектуальных или умственных способностей) теоретически был поставлен Спирменом, который привел также первые экспериментальные результаты, подтверждающие эту точку зрения. Обработывая многочисленные данные исследования интеллектуальной продуктивности людей при решении различных тестовых заданий с помощью разработанного им специального математического метода, — факторного анализа, — Спирмен показал существование отдельного генерального фактора, который и был им идентифицирован с общей интеллектуальной способностью. Согласно концепции автора, все

реально наблюдаемые специальные способности есть лишь проявление интеллектуальной способности или общего интеллекта.

Однако дальнейшее развитие тестовых методов исследования интеллекта, а также и первоначально связанное с ним развитие методов факторного анализа, заставило многих ученых усомниться в существовании такой общей интеллектуальной способности.

Сложность и неоднозначность связей показателей различных интеллектуальных тестов, а также произвольность факторного решения при обработке результатов не позволяли сделать определенного вывода о единстве или множественности интеллектуальной способности. Тем не менее, попытки обобщения разнородных данных, сведения их к одному фактору, по типу спирменовского, не прекращались. И одним из существенных результатов на этом пути можно считать концепцию Д. Векслера, обосновавшего существование двух общих интеллектуальных способностей, названных им вербальным (понятийным, словесным) и невербальным (образным) интеллектом.

В отечественной психологии большинством ученых признается существование общей интеллектуальной (или умственной) способности, однако, поиск ее теоретической сущности идет по совсем другому (психодинамическому) пути.

На принципиальную ограниченность описанных выше тестовых определений способностей указывал С.Л. Рубинштейн. Он писал: «... нельзя определить умственные способности, интеллект человека по одному лишь результату его деятельности, не вскрывая процесса мышления, который к нему приводит. В попытке так подойти к определению интеллекта, т.е. умеренных способностей людей, и заключается коренной дефект обычных тестовых определений интеллекта»(95). В результате теоретического и эмпирического анализа процесса мышления С.Л. Рубинштейн приходит к выводу о существовании «ядра» — общего компонента в любой способности. Таким «ядром», или общим компонентом, различных умственных

способностей, каждая из которых имеет и свои специальные особенности, является свойственным данному человеку качество процессов анализа (а значит, и синтеза) и генерализации (особенно генерализации отношений). Таким образом, в качестве общей интеллектуальной способности выдвигается способность человека к обобщению, генерализации предметных отношений в процессе аналитико-синтетической деятельности. Такой теоретической установки в различных формулировках придерживались и придерживаются многие исследователи.

Обобщая все вышесказанное, можно предположить системное рассмотрение способности человека, включающей как минимум три группы характеристик. Первая группа характеристик — это «родовые» (термин С.Л. Рубинштейна) способности человека — способность видеть, слышать, осуществлять движение и т.п. Вторая группа — это способности к осмысленному восприятию. Эта группа в существенной мере представлена исследованиями когнитивного стиля.

Наконец, третья группа характеристик — это характеристики вербально управляемого аналитико-синтетического познания окружающего мира.

Сформулируем теперь основные закономерности психодинамики пространства познавательных способностей.

1. Динамика перцептивного образа направлена в сторону фигу-рофонового равновесия.

2. Всякий индивидуальный образ отклоняется от состояния равновесия. Причем это отклонение порождает на множестве образов отношения толерантности (сходства), и только затем эквивалентности и порядка.

3. Динамика перцепта может быть представлена фазами: фигу-ро-фонное соотношение – равновесие – осмысленный образ.

4. Прибавляя или отнимая те или иные элементы образа, человек меняет его содержание на всех уровнях организации перцепта.

Таким образом, элементы образа выступают и как способы его структурирования. Описанное пространство отражения есть и пространство способов построения образа. Приведем наиболее распространенное определение способностей в формулировке Д. Г. Ковалева: «Способности можно определить как ансамбль или синтез свойств человеческой личности, отвечающих требованиям действительности и обеспечивающих высокие достижения в ней» (52). В этом определении способности рассматриваются по отношению к личности человека, точнее, с точки зрения личности, ее реальной психодинамики, т.е. субъективно. По отношению же к объекту деятельности, свойства человека выступают как способы деятельности, что зафиксировано во второй части формулировки. То есть, рассмотрение способностей с точки зрения объекта внешнего мира, объективно и приводит к определению способностей как множества способов деятельности, приводящих к требуемому результату. Причем это последнее условие и определяет ограничение на множестве способов, то есть механизм деятельности. Множество механизмов деятельности образует уже обобщенный способ поведения личности, специфика которого определяет тип поведения (например, преступный тип).

Далее, используя формальный аппарат, представленный выше, мы показываем, что способность человека есть модель, а именно некоторая топология способов деятельности. Возникает вопрос, является ли способность моделью только самой себя или же может моделировать другие объекты? Применяя введенные определения, легко видеть, что способности человека являются моделями объектов внешнего мира, т.к. в деятельности человека реализуется инъективное отображение множества способов действия на множество объективных элементов. Таким образом, объекты внешнего мира воспринимаются человеком посредством моделирования их в пространстве, способов деятельности, проще говоря, воспринимаются как способности человека. Действительно, как подчеркивал А. Н. Леонтьев, человек воспринимает не что-то длинное и белое, а ручку, не

параллелепипед, а книгу. В более узком плане преступник видит перед собой не человека, а «лоха» и т.д. Этот феномен мгновенной категоризации человеком воспринимаемых объектов внешнего мира есть эффект их представления в пространстве способностей.

Таким образом, мы вновь пришли к подтверждению предположения, уже сделанного ранее, а именно, что субъективное пространство отражения есть, по существу, пространство способов построения образа (понимаемого здесь уже более широко). Однако если в предыдущем параграфе мы получили это утверждение, рассматривая в качестве способов сами элементы объекта, перцепируемые динамически, то здесь мы пришли к способам отражения, отправляясь от свойств субъекта познавательной деятельности, т.е. к реальной психодинамике познания.

Из сделанных предположений следует, в частности, и то, что при отсутствии или при несформированности соответствующего пространства способов со всеми его внутренними ограничениями (механизмами) восприятие объекта не должно иметь места. Здесь, однако, следует учитывать и многоуровневую организацию способностей, описанную выше. Тогда полного «отключения» восприятия следует, видимо, ожидать при блокировании самого нижнего уровня пространства способов, при отключении же более высокоорганизованных уровней объект воспринимается как бы частично, не во всех своих характеристиках.

В качестве примера базальных, элементарных способов видения можно привести движение глаз. И действительно, из соответствующей литературы хорошо известно, что блокада движений глаз у человека приводит к полному прекращению восприятия объекта, хотя все прочие необходимые условия нормального зрения присутствуют. Далее мы исследуем этот механизм в более общем плане – в структуре индивидуальных стилей познавательной деятельности в целом.

4. Когнитивно-волевой двигатель познания

4.1. Компонентный состав познавательной деятельности

Основы теории познавательной деятельности в отечественной психологии заложены Л.С. Выготским. Структурно познавательную деятельность, с точки зрения Л.С. Выготского, можно было бы представить состоящей из двух компонентов. Первый компонент — собственно познавательный, включающий в себя процесс образования понятий, — направлен вовне, на объект. Второй компонент связан с обеспечением функционирования первого посредством управления течением собственных психических процессов и направлен вовнутрь, на субъект. «Процесс образования понятий предполагает в качестве основной и центральной части овладение течением собственных психических процессов с помощью функционального употребления слова или знака» (29). Развитие процесса образования понятий происходит, по Л.С. Выготскому, в три этапа. Наиболее отчетливо они видны в онтогенезе, т.к. следуют друг за другом. Однако и в актуальном генезе образования понятий эти этапы присутствуют, но в свернутом виде. На первом этапе предмет попадает в поле зрения в «куче» предметов. Ясно, что чем больше эта «куча», тем меньше познавательной информации она несет для субъекта. Вследствие этого развивается второй этап — вычленение предмета из «кучи», основанный на обобщении тех или иных признаков предмета. Этот этап назван Л.С. Выготским «комплексированием». Здесь может быть осуществлен отбор предметов по тому или иному признаку. Естественно, что с каждым новым выбранным предметом информация о данном признаке увеличивается. Таким образом, количество включенных в познавательную деятельность предметов и количество получаемой субъектом информации по-разному (точнее, противоположно) связаны между собой на разных этапах познавательной деятельности. Нам представляется, что в этом и заключена реальная диалектика познавательной деятельности, движущая ее развитием. Хотя Л.С. Выготский и не описывал эти этапы в терминах теории информации, но он достаточно ясно показал их характер. Первый этап метафорически охарактеризован им как «куча», т.е. максимум беспорядка, следовательно —

минимум информации. О втором же этапе Л.С. Выготский писал: «оно (комплексирование – *авт.*) все проникнуто переизбытком и перепроизводством связей» (29).

В дальнейшем мы увидим, что указанные два этапа под самыми разными названиями, но совершенно идентичные с информационной точки зрения, будут встречаться практически у всех авторов, занимающихся познавательной деятельностью.

Третий этап, предполагающий формирование «истинных» понятий, основан на уравнивании информационных тенденций первых двух с помощью функционального употребления слова-знака. «Именно с помощью слова ребенок произвольно направляет внимание на одни признаки, с помощью слова он их синтезирует, с помощью слова он синтезирует абстрактные понятия» (там же).

Таким образом, этапы или компоненты познавательной деятельности можно характеризовать как минимум с двух точек зрения: с формально-информационной точки зрения первый этап познавательной деятельности представляет собой накопление объектов незнания, причем, чем больше эта «куча» объектов, тем меньше информации получает человек; второй этап предполагает развитие субъективной активности по установлению содержательных связей между имеющимися объектами, причем, чем больше объектов остается включенными, тем быстрее нарастает число возможных связей, а следовательно, и количество получаемой информации становится слишком большим; в связи с этим необходим третий этап энерго-информационного уравнивания первых двух. Это уравнивание заключается в отборе ограниченного числа объектов, непосредственно включенных в познавательную деятельность, причем такого, чтобы устанавливаемые связи были максимально содержательны. Далее, этапы или компоненты познавательной деятельности можно рассматривать и исторически, с точки зрения положения познающего в поле социального взаимодействия. Примерно так формируются в зоне «понятия». Обе точки

зрения приводят к одним и тем же этапам (компонентам) познавательной деятельности. Так, например, Л.Б. Ительсон прямо указывает, что то, из каких операций складывается учебная деятельность ученика «принципиально зависит от положения, которое занимает обучаемый в поле педагогических сил и воздействий, т.е. от того, какую функцию он выполняет в педагогической ситуации. Это может быть функция:

- а) пассивного восприятия и освоения преподносимой извне информации;
- б) активного самостоятельного поиска, обнаружения и использования информации;
- в) организуемого извне направленного поиска, обнаружения и использования информации» (47).

Следуя автору, в первом случае учащийся является объектом формирующих воздействий педагога. Во втором случае «учащийся играет роль саморегулирующегося селектора и генератора информации» и является субъектом, формирующимся под воздействием своих влечений. В третьем случае учащийся «играет роль управляемого селектора и настраиваемого генератора информации». Он — объект педагогических воздействий и субъект познавательной деятельности]. Из приводимой цитаты Л.Б. Ительсона уже гораздо отчетливее видно, что указанные этапы познавательной деятельности могут быть выделены не только в структурном и онтогенетическом плане, но и как этапы актуального генеза познавательной деятельности относительно решения той или иной познавательной задачи. Подробно в этом плане динамику познавательной деятельности исследовал П.Я. Гальперин и его сотрудники]. «На первых объектах новой области обучающийся овладевает двумя методами: методом выделения основных единиц конкретных объектов и методом характеристики их сочетания в этих объектах». Таким образом, и в актуальном развитии познавательной деятельности имеет место взаимодействие тенденций к выделению множества познаваемых объектов и к установлению связей между ними. Нам

представляется, однако, что в исследованиях П.Я. Гальперина наблюдается некоторый недоучет субъективного компонента познания. В связи с этим основной акцент этих исследований перенесен на первый компонент познавательной деятельности, который действительно в значительной мере определен объективными условиями познавательной деятельности. В более широком понимании актуальной динамики познавательной деятельности ее основные этапы можно, видимо, обозначить как анализ и синтез, причем их информационная сущность соответствует описанной выше.

Тенденцию к сужению этого поля в форме избирательного к нему отношения (комплексирование) — третий этап познания — описан А.Н. Леонтьевым. Мы имеем в виду механизм сдвига мотива на цель. «Мотивы деятельности, имеющие такое происхождение (т.е. произошедшие в результате сдвига — *авт.*), являются сознательными мотивами. Их осознание осуществляется, однако, не само собой, не автоматически. Оно требует некоторой специальной активности, некоторого специального акта. Это акт отражения отношения мотива данной конкретной деятельности к мотиву деятельности более широкой, осуществляющей более широкое, более общее жизненное отношение, в которое включена данная конкретная деятельность». Если учесть, что по А.Н. Леонтьеву мотив есть, прежде всего, объект, то очевидно, что выше описанный механизм отражения (а в силу активности психического отражения и уравнивания) есть отношения широкой и узкой (избирательной) объектных сфер деятельности.

Таким образом, в отечественной психологической литературе ядром психологической теории познавательной деятельности является механизм уравнивания тенденции к количественному увеличению объема познания и тенденции повышения его информативности за счет структурирования и систематизации. Орудием этого уравнивания в индивидуальном плане является, прежде всего, слово-знак. В структурном плане определенному соотношению компонентов познавательной деятельности соответствует определенное соотношение широкой и узкой

мотивации. Следовательно, механизм сдвига мотива на цель является одновременно и механизмом уравнивания противоречивых информационных тенденций разных компонентов познавательной деятельности.

В индивидуально-возрастном плане соотношение двух описанных компонентов познавательной деятельности было изучено Б.Г. Ананьевым и сотрудниками. Совместно с Е.И. Степановой он показал, что в процессе индивидуального развития этап количественного накопления информации, для которого характерно повышение функционального уровня памяти, закономерно заменяется этапом структурирования накопленного материала, для которого характерно повышение функционального уровня вербального мышления.

Таким образом, рассмотрение познавательной деятельности с разных точек зрения приводило разных авторов к выделению в ее структуре минимум двух компонентов, соответствующих двум этапам в ее динамике. Большинство авторов выделялся и третий этап, на котором происходит уравнивание противоположных информационных тенденций первых двух. Этот последний этап, как мы видели, предполагает уже психодинамическое взаимодействие когнитивных и волевых процессов (мотивов).

4.2. Познавательный интерес – душевное тепло

Точнее было бы сказать, что познавательный *интерес* это характеристика обмена душевным теплом между внешним и внутренним планом психоида – субстанционального деятеля, *Это то количество душевного тепла, которое в данный момент находится на границе внешнего и внутреннего плана. С этой точки зрения интерес минимален в точке катексиса, максимален в точке катарсиса и отрицательно максимален в точке базовой тревоги.* Сама этимология слова интерес говорит об этом (inter-esse – быть между). На интерес как движущую силу познания указывали многие ученые, в частности, А.Г. Ковалев и В.Н. Мясищев пишут:

«Возникает вопрос о движущей силе этой деятельности (познавательной деятельности ученого — *авт.*), эта движущая сила на разных уровнях носит разное название: любознательность, познавательный интерес, жажда знания и идеал знания» (52).

Еще С. Томкинс писал: «Интерес является необходимым фактором не только для нормального течения процесса восприятия, но и для поддержания состояния бодрствования. ...Без интереса развитие мышления и концептуального аппарата было бы серьезно нарушено. ...Нет ни одного навыка, которым можно было бы овладеть без устойчивого интереса». Также Л.И. Божович: «Отсутствие необходимой ступени в развитии познавательных интересов, с одной стороны, и недостаточная подготовленность в развитии абстрактных форм мышления ребенка — с другой, могут привести к формализму в усвоении знаний».

По экспериментальным данным Л.И. Божович и ее сотрудников (18) можно проследить динамику развития интереса в школьном возрасте. Для учащихся первых двух классов характерен глобальный интерес ко всему преподаваемому в школе. К концу младшего школьного возраста развивается устойчивый интерес к тому или иному учебному предмету, т.е. происходит специализация интереса. В этом же возрасте начинает активно формироваться абстрактное мышление. Нам представляется, что имеет место прямое влияние первой специализации интереса на формирование абстрактного мышления, особенно если учесть тот факт, что для разных предметов требуются, вообще говоря, разные типы абстракции. Таким образом, под влиянием устойчивого интереса к тому или иному предмету у ребенка среднего школьного возраста формируется преимущественный тип абстрагирования.

Вполне возможно, что обратной стороной этого процесса является закономерное снижение успеваемости в средних классах школы, впервые замеченное Б.Г. Ананьевым. Следовательно, реальным противоречием этого периода развития ребенка является специализация интереса в области одного

предмета и одновременная необходимость овладевать абстрактным мышлением в области разных предметов. Именно это противоречие, на наш взгляд, приводит к смене специализации интереса в одной области знания на более широкие интересы к самым разным предметам, доступным подростку. Этот факт подробно описан А. Г. Ковалевым как «скачка» интересов у детей младшего подросткового возраста. Это очень напоминает катектический поиск объекта в психодинамических ценностях. В этом смысле, видимо, можно говорить не только о суточном, но и годичном и о жизненном цикле спирали субъективного времени. Этот период, однако, закономерно сменяется следующей специализацией интереса, связанной с необходимостью выбора профессии в старшем школьном возрасте.

Таким образом, в структуре познавательного интереса как ведущего мотива познавательной деятельности можно выделить два динамически взаимосвязанных состояния: глобальной интерес к знаниям и специальный интерес к отдельной области знания. Естественно предположить, что этим двум разнонаправленным мотивам в структуре познавательной деятельности соответствуют два различных компонента или, если рассматривать познавательную деятельность в динамике, этапа ее развития. Описанная структура интереса как ведущего мотива познавательной деятельности хорошо согласуется с информационным и тепловым смыслом этих двух компонентов. Активное накопление знания, характеризуемое быстрым приростом количества объектов, относимых к области познания сменяется переструктурированием, упорядочением и отсевом накопленного знания. Что же происходит собственно в волевой сфере личности, в сфере ее профессионального или (в случае криминального развития) пожизненного определения?

Современные представления о структуре профессиональных интересов и процессе их формирования в студенческом возрасте позволяют более подробно соотнести профессиональные интересы с познавательной деятельностью. Так, С.П. Крягжде на основе исследований

профессиональных интересов студентов предлагает выделять в структуре интересов три основных уровня: «потребителя, деятеля и собственно профессиональный, которые охватывают развитие профессиональных интересов от зарождения до зрелости.... Для первого уровня характерна незначительная активность деятельности, носящая созерцательный характер и возникающая у индивида самостоятельно под влиянием особенностей того или иного рода деятельности.

Главное в уровне деятеля — волевой компонент, который связан с тем, что человек не довольствуется уже интересом, вызванным у него другими, а сам планирует деятельность.

Наконец, профессиональный интерес на высшем уровне своего развития характеризуется уже не только непосредственной мотивацией, но и осознанием значительности своей деятельности для общества именно как деятельности профессиональной».

Отчетливо видно, что уровни формирования профессионального интереса, выделенные по критерию активности деятельности познающего индивида, являются, по существу, уровнями формирования самой познавательной деятельности, как они описаны, например, Л.С. Выготским. Однако С.Л. Крягжде (56) рассматривает процесс формирования познавательной деятельности не с точки зрения ее внутренней структуры, а с точки зрения формирования устойчивого отношения индивида как к самой деятельности, так и к ее объекту. Так на первом уровне вне соответствующего воспитательного контроля такая психодинамика воли и познания является питательной средой для формирования преступной направленности. Несистемность, «расползание» интересов повышает функцию экстремальности и даже может приводить человека в сферы криминального поведения и общения. Это состояние неприкаянности, опасное своей примитивностью и суицидностью. Не случайно, поэтому, и ресоциализация уже состоявшейся криминальной личности начинается вновь с этой начальной фазы психодинамического развития ин-

тереса. «На первом этапе ресоциализации решается задача предупреждения привычных форм преступного поведения осужденных. Достигается это путем максимального *ограничения* видов деятельности, в которые включен осужденный. ... общение сводится к минимуму...» — пишет А.В.Пищелко (83). Далее можно переходить и к исправлению второго уровня организации интересов, «...на втором этапе для него (осужденного — *диссертант*) создается возможность организации своей жизни в ИТУ в соответствии с правовыми нормами. *Расширяется* (курсив — наш) деятельность общения, которая строится на социально-приемлемых нормах. Осужденный включается в социально-трудовую деятельность...».

Наконец, наступает и коррекция третьего этапа развития интересов, когда «осужденный включается в более разнообразные виды трудовой деятельности, для него становится возможной социально-ценная деятельность».

Мы предполагаем, что описанная структура познавательной деятельности реализуется не только в возрастном генезисе, но и в реальной психодинамике познавательной деятельности, направленной на решение конкретной познавательной задачи. Так, Д.П. Баром приводит данные, что испытуемые с выраженным образным компонентом имеют более широкую сферу профессиональных (социально-полезных) интересов, у них выявлен значимо более высокий интерес к социномическим, синомическим и артономическим группам профессий (13). У испытуемых с выраженным вербальным компонентом более высокий (чем у образных) интерес только к сигномической группе профессий. Отсюда следует вывод, что, управляя психодинамикой познавательной деятельности (включая и сферу интересов) мы можем управлять развитием (включая и процессы ресоциализации) всей личности.

4.3. Индивидуальная психодинамика познания

В этом параграфе мы намерены представить структуру индивидуальной психодинамики личностного познания, и исследовать ее

экспериментально. По существу это есть изучение индивидуально-устойчивых особенностей работы когнитивно-волевого двигателя, основной характеристикой которой является индивидуальный стиль познавательной деятельности. Экспериментальное исследование индивидуальной психодинамики личностного познания связано, таким образом, с изучением функциональной роли ИСПД в целостной психодинамике личности. Мы намерены проверить частные гипотезы о том, что ИСПД противостоит энтропийному (деструктивному, социально-опасному...) влиянию на познавательную деятельность внутрииндивидуальной вариативности психических процессов, состояний и свойств, упорядочивает их психодинамику, а также, в силу изначальной социальности как самого процесса познания, так и его результата, противостоит энтропийному влиянию на «коллективную» познавательную деятельность индивидуальных различий. Слово «коллективная» взято нами в кавычки не потому, что это особый вид познавательной деятельности, а потому, что «неколлективной» познавательной деятельности не бывает. Как показано многими ведущими философами и психологами, познание изначально социально (в психологическом плане это отражается в самой структуре значения, которое на высшем этапе своей сформированности представляет собой единство общения и обобщения, как писал Л.С.Выготский).

Сформулируем более четко положение о структуре индивидуальной психодинамике познания и вытекающие из нее задачи экспериментального исследования. Обобщая имеющиеся данные современных исследований, можно сказать, что одним из важнейших критериев определения и различения компонентов познавательной деятельности является направление активности познающего.

Смысл нашей концепции заключается в следующем. В силу единой информационной сущности компонентов познавательной деятельности, на разных уровнях ее организации происходят аналогичные процессы. Имеет место проявляющееся у разных индивидуумов в конкретной познавательной

деятельности устойчивое смещение энергоинформационного равновесия в сторону одной из описанных выше информационных тенденций, характерных для того или иного компонента познавательной деятельности. Это устойчивое преобладание одного компонента над другим мы и называем индивидуальным стилем познавательной деятельности (ИСПД).

Важно заметить, что с информационной точки зрения интерес как ведущий мотив познавательной деятельности в своем развитии характеризуется несовпадением по фазе в смене этапов с аналогичными этапами познавательной деятельности, что видно уже из работ Л.И. Божович (18). Мы предполагаем, что это несовпадение служит постоянным источником энергии познания. Иначе говоря, развившийся интерес никогда не удовлетворяется. Специальный интерес к объекту требует активности, направленной на прием информации и ориентировку в ней. Обобщенный характер поступающей информации приводит к смене специального интереса междисциплинарным (общим). Одновременно происходит переход от пассивного приема информации к ее переструктурированию, т.е. к построению субъективной модели объекта, что вновь возбуждает специальный интерес к самому объекту, как потребность преодолеть разрыв между модельными представлениями об объекте и его объективными характеристиками. Далее цикл повторяется на новом уровне знания.

Обратимся к вопросу функциональной роли ИСПД, в которой стиль выступает как стабилизатор внутрииндивидуальной и межиндивидуальной вариативности.

Соотношение ИСПД и психических процессов, состояний и свойств гипотетически можно определить следующим образом. Так как результативность познавательной деятельности в целом складывается из результативности отдельных интеллектуальных процессов, то относительно этих процессов функция ИСПД должна быть управляющей. Стилль как бы собирает в единое целое изначально рассеченные кусочки отдельных познавательных процессов. Далее, влияние актуального психического

состояния на протекание познавательной деятельности можно охарактеризовать как энтропийное, т.е. в идеале познание не должно зависеть от актуального состояния и не должно отражать его колебания. Можно предположить, что ИСПД и является той подструктурой личности, которая противостоит колебаниям актуального состояния и обеспечивает устойчивость психодинамики познавательной деятельности в заданном режиме и с заданными параметрами. Относительно психических свойств личности можно предположить, что ИСПД является тем интегратором личностных свойств, который обеспечивает соответствие их психодинамики профессиональной ориентации, т.е. под влиянием ИСПД формируются определенные профессионально необходимые специалисту свойства личности и образуются устойчивые психодинамические циклы, которые, собственно, и лежат в их основе. Далее, как уже было сказано, ИСПД противостоит не только внутрииндивидуальной, но и межиндивидуальной вариативности, обеспечивая, таким образом, устойчивость протекания познавательной деятельности не только в индивидуальном, но и в социальном плане. Первое гипотетическое предположение, которое напрашивается в связи с такой постановкой вопроса, это то, что профессиональные группы людей должны отличаться единством ИСПД по его основным проявлениям. Чтобы сделать дальнейшие предположения, необходимо теоретически, хотя бы в плане рабочей гипотезы, соотнести проблему ИСПД с проблемой индивидуальных различий. Последняя проблема, на наш взгляд, может быть поставлена двояко. Как писала А. Анастази, «исследования поведения животных, начиная от одноклеточных и кончая человекоподобными обезьянами, показали существование индивидуальных различий в характере научения, эмоциональных реакциях, мотивации и других аспектах поведения. Эти внутривидовые различия иногда настолько велики, что превосходят межвидовые различия» (7). Такая постановка проблемы индивидуальных различий является наиболее общей, а именно общей как для человека, так и для животных. В данной работе мы

почти не будем ее касаться. Если же говорить о проблеме индивидуальных различий исключительно людей, то легко видеть, что тогда эта проблема ставится фактически как проблема способностей. Б.М. Теплов писал по этому поводу: «... под способностями понимаются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; никто не станет говорить о способностях там, где дело идет о свойствах, в отношении которых все люди равны» (111). Действительно, если достаточно широко трактовать термин «способность», то можно видеть, что даже измерение индивидуальных различий по типологическим свойствам предполагает экспериментальную фиксацию той или иной способности к быстрому восприятию, выработке навыка и т.п. В такой, более широкой трактовке, способность как множество личностных свойств может быть соотнесена со стилем как множеством способов в субъективном пространстве отражения.

С этой точки зрения интересными представляется отсутствие корреляций показателей ИСПД и уровневых оценок интеллекта (по тесту Векслера). Исключение составляют связи выраженности (разности $W1$ и $W2$) ИСПД с оценками по тестам «Сходство» ($-0,494$) и «Шифровка» ($0,553$), значимые на однопроцентном уровне.

Это говорить о том, что пространственные, временные и информационные показатели динамики познавательной деятельности никак не взаимосвязаны с результативностью отдельных интеллектуальных процессов. Субъективное пространство, время и информационное содержание познавательной деятельности определены, как мы видели, индивидуальными особенностями оперирования знаком как орудием. В процессе этого оперирования, по существу, и строится субъективное пространство, время и информационная психодинамическая структура отражающей деятельности, которые являются как бы общим фоном психодинамики отдельных интеллектуальных процессов. Отсюда понятно, что оценка выраженности индивидуальных особенностей оперирования

знаком (выраженность ИСПД) прокоррелировала с оценками по тестам, сущность которых как раз и состоит в оценке индивидуальных особенностей оперирования вербальными и невербальными знаками, а именно: оценками теста «Шифровка» — оперирование невербальными знаками, и оценками теста «Сходство» — оперирование вербальными знаками при решении задачи нахождения соответствующего уровня обобщения двух словесных значений. Это еще раз подтверждает, на наш взгляд, что предлагаемый тест измерения ИСПД вполне соответствует общему замыслу оценки ИСПД по индивидуальным особенностям оперирования знаком как орудием в процессе познавательной деятельности. Если также учесть, что оценка выраженности ИСПД может рассматриваться как мера проникновения слова в образную ткань, то легко будет объяснить, почему корреляция с тестом «Сходство» отрицательна. Данный тест оценивает как раз обратную способность испытуемого — способность к абстракции, т.е. отрыву от наглядно-образного эквивалента понятия.

Таким образом, как это и можно было предположить, показатели ИСПД не связаны с результативностью отдельных интеллектуальных процессов. Связь интегральных показателей ИСПД с оценками результативности отдельных интеллектуальных процессов возникает по мере включения в оценки результативности индивидуальных особенностей оперирования знаком как орудием.

С этой точки зрения интересно было бы проанализировать соотношение ИСПД и отдельных интеллектуальных процессов в профессионально однородных группах, отличающихся некоторым сходством особенностей работы когнитивно-волевого двигателя внутри каждой группы. В экспериментах участвовали студенты СПбГУ исторического факультета и факультета прикладной математики. Для дальнейшего корреляционного анализа мы расчленили интегральные показатели интеллектуальных тестов на несколько парциальных. Так, например, следуя методу Р. Гарднера, в тесте «Сходство» отдельно оценивалось количество функциональных, кон-

цептуальных и конкретных определений при решении тестовой задачи. Например: сходство понятий «яйцо» и «зерно» концептуально определяется как «зародыши жизни», «биологические понятия» и т.п., функционально— «продукты питания», «съедобны», конкретно — «похожи по форме».

В тесте «Запоминание цифр» также отдельно оценивалась продуктивность прямого и обратного запоминания.

Полученные цепочки корреляций характеризуются простотой симметрии и наглядностью. Первый факт, который был получен полностью подтвердил то, что профессиональная ориентация находит свое выражение прежде всего в работе когнитивно-волевого двигателя, а именно в соотношении процессов анализа и синтеза. Подавляющее большинство историков обладают синтетико-аналитическим стилем познавательной деятельности, т.е. выделяют в первой классификации групп меньше, чем во второй. Напротив, большинство математиков выделяют в первой классификации групп больше, чем во второй, а следовательно, обладают аналитико-синтетическим стилем.

Таким образом, функция слова-знака направлена у историков на восстановление исходной пространственной структуры объекта, на возврат к объекту во всей его полноте. Напротив, у математиков применение слова направлено на отвлечение от объекта, на построение его абстрактной модели (меньшее число групп во второй классификации). В соответствии с этим, у математиков количество групп во второй классификации положительно коррелирует с количеством концептуальных определений сходства и отрицательно с количеством конкретных определений.

Историки, как уже говорилось, именно в первой классификации больше привносят от себя, т.е. в своей познавательной деятельности они идут от субъективной модели объекта, как множества общих предваряющих представлений, к восстановлению его объективной структуры во всех деталях. Поэтому именно количество групп в первой классификации

прокоррелировало у историков с теми же самыми показателями. Однако, знаки корреляций в точности противоположны.

Интерпретируя приведенные данные, необходимо ответить на два вопроса. Первый — в чем причина того, что одни и те же показатели развития мыслительного процесса коррелируют в разных профессионально ориентированных группах с разными компонентами познавательной деятельности? И второй — чем объяснить смену знаков корреляций?

Итак, у студентов-математиков наблюдается следующая структура корреляционных связей Конц. + W_2 — Конкр, у студентов-историков — Конц. — W , + Конкр.

У историков познавательная деятельность направлена от субъективных представлений к объекту, у математиков от начальных условий задания объекта к его субъективной модели. Поэтому тот компонент познавательной деятельности, который «сдвинут» к субъекту, естественно, и коррелирует с особенностями индивидуального мышления. Переформулировав вышесказанное, можно сказать, что индивидуальные особенности мышления стабилизированы относительно того компонента познавательной деятельности, который смещен в сторону внутреннего (субъективного) плана психоида. Этот факт может быть понят с двух точек зрения. Во-первых, множество субъективных представлений, предшествующих (у историков) или напротив, предполагающих отражение на себя (у математиков), анализу объекта, фактически является множеством знаний, полученных в процессе обучения, точнее не просто полученных, а именно усвоенных, т.е. превращенных в собственные представления. Отсюда понятно, что индивидуальные особенности мышления стабилизированы относительно этого уже переработанного множества представлений. Однако этот факт может быть проинтерпретирован и с точки зрения противостояния ИСПД межиндивидуальной вариантности. Стабильность функций мышления относительно «субъективного» компонента познавательной деятельности

минимизирует проявление в мышлении того, что условно называют «субъективизмом».

Что касается ответа на второй вопрос, то полученные данные, на наш взгляд, подтверждают основное гипотетическое предположение о различной информационной сущности компонентов познавательной деятельности, а также то, что предлагаемый тест измерения ИСПД достаточно хорошо отражает эту сущность. Действительно, чем более склонен испытуемый мыслить концептуально, тем более привносит он от себя в пространственную структуру образа с целью привязать ее к высоко обобщенным понятиям, и тем меньше, судя по знаку корреляции, он выделяет групп в первой классификации, что и предполагалось гипотетически. Вместе с тем, чем более склонен испытуемый мыслить концептуально, чем больше он привносит от себя в пространственную структуру уже осмысленного образа, тем больше число возможных пространственных форм и отражавших их соматических связей, а следовательно, тем больше групп выделяет испытуемый во второй классификации, что и подтверждает положительная корреляция.

Смещенность второго компонента познавательной деятельности у математиков в сторону субъекта косвенно подтверждается также слабой (0,404 — 5%) корреляционной связью количества групп во второй классификации с продуктивностью запоминания цифр в обратном порядке. По всей видимости, математик стремится как можно более точно вспомнить значения, придуманные им во втором задании теста, в то время как историк при второй классификации может частично придумать и новые значения.

Итак, мы продемонстрировали различные формы энерго-информационного уравнивания работы когнитивно-волевого двигателя в профессионально однородных группах. С общепсихологической точки зрения индивидуальная психодинамика познания отражается здесь, прежде всего, в особенностях операции перцептивного, а затем и смыслового обобщения.

4.4. О соотношении физиологической энергии и душевного тепла

Мы уже говорили о том, что в психоиде имеет место пересечение и одномоментность трех рядов явлений – физического, психического и физиологического. Мы также говорили о том, что в общем и целом в обычном функционировании волевого двигателя наблюдается общая тенденция в энергетических соотношениях. Так красный цвет – цвет горячего огня оказывает энергизирующее влияние и воспринимается как показатель энергичности объекта. Синий – цвет холодной воли – наоборот и т.д. Установление каких-то прямых соотношений душевного тепла и физической и физиологической энергии (пищи, например) дело будущего. Однако, некоторые экспериментальные наблюдения и оценки можно сделать уже сейчас. Для этого мы обратились к изучению психических состояний в их отношении к работе когнитивно-волевого двигателя.

Психическое состояние испытуемых оценивалось по анкете САН, позволяющей получить отдельные оценки самочувствия, активности и настроения испытуемых, и цветовому тесту Люшера.

Все показатели *второй* (вербальной) классификации прокоррелировали с оценками *настроения* испытуемых. Оценки *активности* прокоррелировали только со временем второй классификации, наконец, оценки самочувствия с показателями классификации не связаны с показателями ИСПД. Также не подучено связей оценок состояния испытуемых с выраженностью ИСПД. Следовательно, можно сделать вывод о независимости ИСПД в целом от актуального состояния испытуемых. Эти данные скорее говорят о несвязанности актуального состояния с течением познавательной деятельности, что само по себе весьма важно. Это является подтверждением наличия спирали времени в ее психологическом описании, т.е. в последовательности состояний между эмоциями и познанием встает воля (ЭВП = ПЭВ = ВПЭ – адаптивный тип личности, см. выше). Именно поэтому связь актуального состояния прослеживается только со вторым (завершающим) компонентом познавательной деятельности.

От актуального состояния оказались независимыми величины индивидуального фигуру-фонного соотношения (пространство отражения), шкальные оценки ИСПД и показатели первой классификации, фиксирующие развитие первого компонента познавательной деятельности. Таким образом, существование сформированного ИСПД обеспечивает устойчивость пространства познавательной деятельности, устойчивость смещения информационного равновесия (что необходимо для работы в конкретной области знания) и стабильность развития первого компонента познавательной деятельности.

И все же, согласно нашим данным, актуальное настроение испытуемых существенно влияет на протекание и результативность второго компонента познавательной деятельности. Если следовать принятой нами гипотезе, то выделение большего количества групп при классификации обозначает большую направленность испытуемого на отражение объективной природы объекта (следуя тому положению, что априори сходство между карточками очень мало). Таким образом, более высокие оценки актуального настроения оказываются связанными с большей направленностью испытуемого на отражение заданного объекта, т.к. корреляция положительна. Напротив, плохое настроение, выражающееся в более низких оценках, способствует «отрыву» испытуемого от объекта, направленности его на собственную модель объекта, на некоторый придуманный им критерий классификации. Иначе говоря, испытуемый в плохом настроении стремится все переделать по-своему (напомним, что меньшее количество групп связано с более интенсивными фигуруфонными преобразованиями), напротив, испытуемый в хорошем настроении стремится точнее воспринять предъявленный материал и выполнить задание при минимуме преобразований исходной структуры. Если сопоставить плохое настроение с выраженностью базовой тревоги, то можно сказать, что в первом случае испытуемый находится на пути к точке катексиса (ищет объект, нагревает внешний план психоида), а испытуемый в хорошем настроении близок к точке катарсиса. Он принимает

объект, таким как он есть. Вспомним, что точка катарсиса отличается равенством проекции и интроекции (см. выше).

Полученный факт, очевидно, может быть использован в практике вузовской педагогики как студентами — при организации самостоятельной работы, так и преподавателями — в процессе чтения лекций и ведения семинаров.

Итак, приведенные данные позволяют, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

а) тот факт, что показатели второй классификации прокоррелировали с оценками самочувствия, активности, настроения, а показатели первой — не прокоррелировали, говорит о том, что второй компонент познавательной деятельности больше обусловлен субъективными характеристиками актуального состояния;

б) отсутствие корреляционных связей интегральных показателей ИСПД с оценками актуального состояния говорит о том, что ИСПД в целом противостоит влиянию психического состояния на психодинамику познавательной деятельности.

Остановимся кратко на данных, полученных с помощью теста Люшера, и их совместной факторизации с показателями по методу измерения ИСПД.

Результаты факторного анализа показали, что ранговые места цветов в ряду образуют четыре самостоятельных фактора:

1. Фиолетовый (0,915); в оппозиции — коричневый (-0,834).
2. Зеленый (0,844); в оппозиции — синий (0,605).
3. Желтый (0,870).
4. Черный (0,525); в оппозиции — красный (-0,926).

В пятый фактор вошли оба показателя групп в первой и во второй классификациях (0,897, 0,956 — соответственно), а также со зн«' чимым весом ранговое значение синего цвета (-0,656).

Таким образом, можно видеть, что в целом ранговые места цветов как индикаторы актуального состояния образуют четыре самостоятельные

фактора, ортогональные к фактору индивидуального стиля познавательной деятельности. Следовательно, и здесь проявилась независимость параметров ИСПД от состояния, причем тест Люшера в отличие от САН отражает психическое состояние в гораздо больших интервалах времени (трудно точно указать этот интервал, однако, он измеряется уже днями, в то время как устойчивость показателей САН измеряется, видимо, часами). Логично было бы сопоставить показатели ИСПД с психодинамическими коэффициентами. Но в силу обширности этих исследований мы приводим их в специально посвященной этому книге – «Цветопсиходинамика».

Ранговое место в ряду синего цвета значимо прокорректировало количество групп во второй классификации (0,660). Следовательно, чем ближе к началу смещается синий цвет, тем больше групп выделяет испытуемый во второй классификации. Синий цвет в начале ряда означает, по Люшера, потребность в покое. Таким образом, чем больше у испытуемого потребность в покое (и меньше ее удовлетворенность), тем больше он выделяет групп, т.е. тем больше при классификации он склонен следовать исходной структуре материала ничего не привнося от себя.

Таким образом, пассивное следование исходной структуре материала с точки зрения психического состояния может быть обусловлено разными причинами. Как было показано, и высокая оценка актуального настроения и высокая потребность в покое (усталость) приводят в этом плане к одинаковому эффекту. Возможно, что различия здесь обусловлены активностью восприятия. Испытуемый в хорошем настроении «доверяет» материалу и стремится точнее и скрупулезнее его переработать. Испытуемый с выраженной потребностью в покое старается выполнить инструкцию с меньшими энергетическими затратами. Интересным представляется тот факт, что большое количество групп во второй классификации может быть следствием как больших, так и малых энергетических затрат.

4.5. Некоторые итоговые особенности работы когнитивно-волевого двигателя субстанционального деятеля - личности

В этом параграфе мы завершим анализ индивидуальных, профессиональных и половых особенностей работы волевого двигателя субстанционального деятеля, дополнив ниже приведенные экспериментальные наблюдения новыми фактами связей показателей ИСПД и свойств личности.

Наиболее интересными представляются корреляционные связи интегральных показателей ИСПД с фактором А (общительность) опросника Кеттела и фактором нейротизма опросника Айзенка. Связи значимы на однопроцентном уровне; оба коэффициента отрицательны (-0,623, -0,617 — соответственно). Таким образом, получается, что чем сильнее выраженность ИСПД, тем менее общителен будет испытуемый, и тем меньшее невротизирующее воздействие оказывает на него это общение. На первый взгляд эти факты представляются противоречивыми. Проанализируем их отдельно.

Если рассматривать шкальную оценку ИСПД как индивидуальную меру «оперативности» слова-знака в процессе переработки чувственно-образной ткани сознания, т.е. как меру глубины и психодинамической напряженности проникновения слова-знака в чувственную ткань, то факт отрицательной связи оценки ИСПД с нейротизмом представляется более или менее понятным. Действительно, чем выше оперативность слова-знака, тем более вся поступающая информация подчинена сознательному контролю и управлению, и тем менее, следовательно, должно быть опасение за исход ситуации. Более того, высокие оценки выраженности стиля предполагают уже сформированный ИСПД, а следовательно, должны быть сформированы приемы оперирования словом-знаком как орудием в процессе управления не только познавательной деятельностью, но и общением, т.к. слово-знак выступает в качестве орудия и того и другого. При сформированности

приемов познания и общения, естественно, снижается невротизирующее воздействие ситуаций общения, что и проявляется в тесте Айзенка.

Возникает, однако, вопрос, почему происходит одновременное снижение общительности, т.е. желания общаться. Этот факт нам представляется возможным объяснить следующим образом. Так как слово является диалектическим единством знака и значения, то можно утверждать, что *в общении* на первый план выступает функция слова-знака, направленная на передачу некоторого фиксированного значения. Напротив, *в познании* функция слова-знака направлена на получение нового значения в процессе переработки явственно данного материала. Итак, чем сильнее слово направлено на простую передачу информации, тем очевидно, выше общительность, но тем менее слово направлено на получение новой информации, а следовательно, тем ниже оценка выраженности ИСПД как стиля именно познавательной деятельности. Итак, как и предполагалось, интегральные оценки ИСПД прокоррелировали с наиболее устойчивыми характеристикам психических явлений — с характеристиками психических свойств личности. Как можно видеть, ИСПД как подструктура личности обеспечивает формирование профессионально необходимого вида общения, а следовательно, и общительности как свойства личности. Полученные данные на уровне свойств личности подвели нас к вопросу о половых различиях психодинамической стабилизации.

Дальнейшая обработка результатов проводилась отдельно по данным мужчин и женщин. Наиболее важным фактом различия структуры ИСПД в зависимости от пола является, на наш взгляд, наличие сильной корреляции между показателями количества групп (собственно стиля) и показателями равномерности распределения по группам у женщин. У мужчин эта корреляция отсутствует.

Стремление к равномерности распределения как наиболее важная черта ИСПД женщин подтверждается также корреляциями показателей ИСПД с факторами Кеттела. Фактор Q_3 отрицательно коррелирует с показателем

равномерности распределения материала в первой классификации у женщин и положительно у мужчин.

Таким образом, женщины с высоким уровнем внутреннего контроля (по фактору Q_3) стремятся распределить материал более равномерно, напротив, мужчины с высоким уровнем внутреннего контроля стремятся к более неравномерному распределению материала. Если учесть, что исходный материал (особенно как он предстает перед испытуемым в первой классификации) представляет собой набор совершенно бессмысленных конфигураций, столь же похожих друг на друга сколь и не похожих, то более равномерное распределение, видимо, больше соответствует самому характеру материала. Таким образом, объективные характеристики материала, по всей видимости, лучше отражаются женщинами, чем мужчинами, во всяком случае, женщины гораздо более склонны учитывать эти объективные характеристики в своей деятельности. Мужчины же, видимо, более склонны и в бессмысленном материале искать какой-то скрытый критерий, и когда им кажется, что они нашли его, они склонны строить свою деятельность на основе этого «придуманного» критерия, а не на более точном отражении объективных характеристик материала. Этим же, на наш взгляд, объясняется и отсутствие корреляций между количеством групп в первой и во второй классификациях у мужчин: так как между первой и второй классификацией развивается психодинамика осмысления материала, характер которой испытуемые заранее не знают, то мужчины во второй классификации вынуждены менять уже выбранный критерий. У женщин такого не происходит, и их критерий «вербальной» классификации, по всей видимости, учитывает и характер невербального восприятия материала, и характер его вербализации. Более того, так как вторая (вербальная) классификация по типу задания требует некоторого «придуманного», не заложенного в самом материале критерия, то само это задание фактически не соответствует женскому стилю познавательной деятельности. Этим, как нам кажется, объясняется наличие сильной корреляции между количеством групп

во второй классификации и фактором Н Кеттела (робость — смелость) (0,805). Видимо, для того, чтобы опереться в классификации на «придуманый» критерий, чтобы опять поверить в то, что сама придумала, от женщины требуется некоторая социальная смелость. Это косвенно подтверждается также наличием корреляции между фактором Н и показателем равномерности распределения во второй классификации (0,715). Положительная связь в данном случае означает, что более неравномерное распределение опять требует от женщины проявления смелости. У мужчин такие связи отсутствуют, т.к. смена критерия классификации не представляет для них никакого труда.

Следовательно, можно предположить, что объективность отражения в познавательной деятельности незнакомого и неструктурированного материала достигается у мужчин и женщин по-разному, что и является основным содержанием соответствующих различий их психодинамики познания. Женщины, по всей видимости, более склонны к подробному исследованию особенностей материала, не привнося заранее никаких предположений и гипотез. Мужчины же, напротив, достигают объективности отражения материала не за счет подробного исследования, а за счет частой смены «точек зрения». Мужчины изучают объект как бы издалека. Женщины же скорее «ощупывают» объект, последовательно изучая все его детали.

Обобщая приведенные выше факты, можно сказать, что показатели ИСПД как параметры индивидуально устойчивой динамической системы способов оперирования орудиями познавательной деятельности образуют в целом группу независимых характеристик личности. Факторный анализ полученных данных подтвердил это положение: показатель выраженности ИСПД (шкальная оценка) образует отдельный специфический фактор с весом 0,963. Таким образом, психодинамика личностного познания (по показателям ИСПД) не зависит в своем функционировании от статических свойств, статической структуры личности в целом. Этот факт представляется нам очень

важным, и позже мы подтвердим его не только для психодинамики познания, но психодинамики личности в целом.

Однако, если индивидуальный стиль познавательной деятельности, как динамическая характеристика личностного познания, действительно существует, то он должен, так или иначе, проявляться на всех уровнях личностной организации. Что и было показано в предыдущем параграфе. Эти проявления на разных уровнях качественно различны. На уровне познавательных процессов ИСПД проявляется в той мере, в какой в структуру данного процесса включается оперирование знаковым орудием, что нашло свое выражение в корреляционных связях с соответствующими тестами Векслера. Эти связи указывают на единство стиля познавательной деятельности как индивидуально устойчивой психодинамики способов оперирования знаковым орудием. На уровне психических состояний ИСПД как подструктура личности противостоит энтропийным влияниям на познавательную деятельность актуального состояния. Это положение нашло свое подтверждение, напротив, в отсутствии связей интегральных показателей ИСПД с параметрами состояния. На уровне свойств личности ИСПД выступает в двух качествах. С одной стороны, стиль является регулятором и интегратором формирования некоторых свойств личности, а именно тех, которые могут оказаться профессионально важными для людей. Мы имеем в виду личностную организацию процесса общения. С другой стороны, ИСПД выступает в качестве компенсатора к ряду личностных свойств, формирование которых обусловлено факторами половых различий. Другими словами формирование личностных свойств идет непосредственно в процессе работы когнитивно-волевого двигателя по освоению окружающего мира. С практической точки зрения важен тот факт, что это формирование оказывается сориентированным по спирали субъективного времени. Это позволяет не только лучше разобраться в психологической природе личностных свойств и особенностей, но и управлять их

формированием, меняя режимы работы волевого двигателя в процессе развития личности.

4.6. Ориентация когнитивно-волевого двигателя относительно внешнего и внутреннего плана субстанционального деятеля

Как уже говорилось, оценка ИСПД характеризуется выраженность и знаком (направление познавательной деятельности). Следовательно, средние по каждой из групп студентов оценки выраженности (разности $W1$ и $W2$) ИСПД могут быть рассчитаны как с учетом знака, так и по модулю, т.е. при суммировании без учета знака. Наибольшей средней выраженностью ИСПД отличается группа студентов-историков (7,4), дальше идут математики (4,6), затем психологи (3,9). Расчет средних оценок с учетом знака дал следующие результаты: математики — 3,625, психологи — 0,933, историки — 3,730.

Приводимые данные, как легко видеть, характеризуются довольно жесткой симметрией. Действительно, 80% студентов-математиков обладают аналитико-синтетическим стилем познавательной деятельности (выделяют в первой классификации больше групп, чем во второй). 14% обладают синтетико-аналитическим стилем, у 6% — оценка 0 (т.е. равное количество групп в I и II классификации ИСПД). Напротив, 76% студентов-историков обладает СА-стилем, 14% — АС-стилем и 10% имеют оценку 0. Среди психологов 43% имеют АС-стиль, 34% — СА-стиль и у 23% стиль не выражен. В чем причина таких различий?

Содержательный анализ познавательной деятельности историков и математиков позволяет ответить на этот вопрос. Деятельность математика направлена на построение максимально абстрактной модели объекта, учитывающей лишь важнейшие его характеристики. Для решения этой задачи сам объект, естественно, должен быть существенно преобразован. В первой классификации, таким образом, математики выделяют большее число групп, стремясь достаточно точно воспроизвести начальные условия задачи. Оперирование знаком как орудием направлено у математиков не на

приближение к объективной структуре материала, а на отрыв от нее, на построение абстрактной модели.

Напротив, в деятельности историка ряд представлений об объекте всегда предшествует началу деятельности, в результате же ее историк должен вернуться к объекту и воспроизвести его во всей полноте. Таким образом, у историков оперирование знаковым орудием направлено прежде всего на восстановление объективной структуры материала во всех деталях.

Тот факт, что средняя оценка выраженности ИСПД у студентов-психологов близка к нулю, отражает, на наш взгляд, то положение вещей, что до сих пор достаточно остро стоит вопрос, является ли психология гуманитарной или естественной наукой, что, конечно, отражается и на учебных программах для студентов психологического факультета.

Таким образом, приводимые данные свидетельствуют о том, что разные структуры обучения на разных факультетах формируют у студентов разные стили познавательной деятельности. Различия ИСПД студентов разных факультетов проявляются, однако, не в выраженности стиля, а в направлении познавательной деятельности в субъект-объектном взаимодействии. Об этом свидетельствует тот факт, что различия средних модулей оценок ИСПД не значимы. Напротив, различия средних оценок с учетом знака значимы, а именно различия между математиками и историками значимы по критерию Стьюдента на 1% уровне, между психологами и математиками — на 5%, между психологами и историками различия не значимы. Зависимость различий средних оценок с учетом знака, а также приводимые процентные соотношения стилей на разных факультетах показывают нам, что в профессионально однородных группах студентов формируются с достаточно большой вероятностью одинаковые стили познавательной деятельности по одному из интегральных параметров, а именно по направлению познавательной деятельности. Важно заметить, что оценка стиля с учетом знака не дает никаких корреляций с оценками характеристик личности. В факторном представлении данных эта оценка

образует специфический фактор с весом 0,980. Как было показано, оценка выраженности ИСПД (без учета знака) имеет ряд корреляционных связей с оценками характеристик личности на разных уровнях ее организации, которые были уже проинтерпретированы нами с точки зрения влияния ИСПД на внутрииндивидуальную психодинамику. При этом средние оценки выраженности для разных групп студентов значимо не различаются.

С другой стороны, ИСПД с точки зрения его формирования может быть рассмотрен как эффект конвергенции двух родов факторов: социокультурных и индивидуально-личностных. Очевидно, что оценка с учетом знака отражает влияние социокультурных факторов, а оценка выраженности (без учета знака) отражает влияние факторов индивидуально-личностных. К индивидуально-личностным относится и сама характеристика синтетичности-аналитичности, вычленив которую из структуры ИСПД позволила факторная классификация испытуемых. Использование техники факторного анализа по строкам матрицы позволяет выделять классы испытуемых, «похожих» по ряду свойств, измеряемых в эксперименте. В факторном представлении данных было выделено два фактора. По первому фактору высокие значимые нагрузки имели 12 испытуемых, по второму — 8. При сравнении количества групп, выделяемых испытуемыми в тесте ИСПД оказалось, что испытуемые, вошедшие в первый фактор выделяют как в первой, так и во второй классификациях меньшее число групп, чем испытуемые, вошедшие во второй фактор.

Различия между средним количеством групп, выделяемых испытуемыми, вошедшими в разные факторы, значима на 1% уровне.

Таким образом, группа испытуемых, образовавших большие нагрузки по первому фактору, отличается, в целом, большей синтетичностью в классификации тестового материала, напротив, группа испытуемых, вошедших во второй фактор, отличается большей аналитичностью. Итак, факторная классификация испытуемых позволила выделить две группы схожих между собой испытуемых, первая из которых характеризуется

большой синтетичностью, вторая большей аналитичностью познавательной деятельности. Таким образом, мера общей аналитичности является показателем положения волевого двигателя в поле субъект-объектного взаимодействия – его большей смещенности в сторону субъекта (синтетичность) или большей смещенности в сторону объекта (аналитичность).

Здесь мы подходим к проблеме более общей характеристики индивидуального стиля. Согласно вышеприведенным данным предложенное нами подразделение ИСПД на аналитико-синтетический и синтетико-аналитический стили не отрицает, а напротив, предполагает возможность более общей и более грубой характеристики стиля как аналитического или синтетического; т.е. как АС, так и СА-стиль может развиваться на фоне большей или меньшей синтетичности (аналитичности). При этом АС или СА стиль является динамической характеристикой личностного познания, а общая синтетичность или аналитичность — их статической характеристикой.

4.7. INTER-ESSE

Как уже говорилось, в основе психодинамической концепции личностного познания лежит компонентная модель познавательной деятельности. Функционирование первого компонента обеспечивает накопление количества знаний за счет уменьшения их информативности. Функционирование второго компонента обеспечивает повышение информативности знаний за счет связывания в систему и основанный на этом отбор уже накопленных знаний. Циклическая смена компонентов в процессе познания и обеспечивает его реальную психодинамику. Развитие каждого из компонентов во времени обеспечивается и направляется специфическим отношением (называемым интересом) к объекту познания. Возбуждение специального интереса к объекту обуславливает развитие первого компонента (этапа) познавательной деятельности, направленного на прием информации об объекте. В силу обобщенности поступающей информации

специальный интерес сменяется междисциплинарным, который обуславливает развитие второго компонента познавательной деятельности, направленного на переработку и «сгущение» информации на объекте, что вновь возбуждает специальный интерес. Здесь мы видим противофазные отношения аналитичности синтетичности и общего и специального интереса. Это наталкивает на мысль, что если *аналитичность/синтетичность является показателем информационного обмена внешнего и внутреннего плана психоида, то интерес как раз является показателем обмена душевным теплом*. Действительно, сужение интереса к объекту, развитие специального интереса, предполагает его меньшую информативность и большую знакомость, большую интересность, т.е. большее количество душевного тепла. Напротив, рассмотрение объекта в системе новых связей, его охлаждение внешним миром ведет к расширению интереса, смене его на общий, т.е. с передачей меньшего количества душевного тепла. Абстрактные истины – холодны. При этом в индивидуальном сознании, естественно, существует преобладание того или иного типа интереса, вызванное характером области знания, являющейся предметом профессиональных занятий. Холодные математик – современный Перельман, и полный душевного тепла историк – Радзинский.

Встает, однако, вопрос, как измерить соотношение специального и общего (междисциплинарного) интереса. Методика измерения индивидуального интереса была разработана нами ранее для обследования профессиональных и научных интересов студентов (методика «Структура научных интересов» — СНИ).

Методика «Структура научных интересов» (СНИ). При построении данного метода мы использовали широко распространенную в отечественной литературе классификацию знаний на пять областей: «человек», «техника»; «природа», «образ», «знак». При этом проблемы «образа» выделяются нами в самостоятельную более широкую область знаний, чем это делается обычно — «художественный образ».

Далее, попарно сопоставляя указанные пять областей знания, можно в каждой паре указать междисциплинарную область, предметом которой являются закономерности, общие для двух областей, и две специальные области, предметом которых является более конкретное изучение проблем одной из областей, но в связи с проблемами другой. Например: в диаде «человек-техника» в качестве междисциплинарной области может быть указана кибернетика; область знания, изучающая в этом отношении человека — инженерная психология, а техническая область — теория автоматизированных систем управления. Сами названия областей знания или интересов могут быть любые. Важна логика попарного сопоставления, которая моделирует реальную психодинамику движения интереса от более общего к более специальному и обратно.

Инструкция. В каждой из 25 пар постарайтесь выбрать ту область знания, которая представляется Вам более интересной, независимо от того, насколько глубоки Ваши собственные познания в данной области и насколько часто Вы ею занимаетесь. На предлагаемой шкале зачеркните цифру, которая соответствует степени предпочтения данной области в соответствующей паре. Например:

ЛИТЕРАТУРА -3-2-1 0 1 2 3 ЖИВОПИСЬ, это означает, что если бы Вам пришлось выбирать, то Вы скорее занялись бы литературой, чем живописью. Ставьте нейтральную оценку только в том случае, когда Вы совершенно не знакомы ни с одной из двух областей знания, или Ваш интерес (отсутствие интереса) и обеим областям знания совершенно одинаковы.

Рассмотрим данные, позволяющие судить о соотношении общих и специальных интересов в разных по профессиональной ориентации группах студентов. Из таблицы 10 видно, что процентные соотношения преобладания в группах студентов с большей выраженностью общих интересов и с большей выраженностью специальных интересов одинаковы в разных группах студентов. Таким образом, независимо от профессиональной

направленности для студенческого возраста характерно преобладание общих интересов над специальными. Такая независимость структуры интересов от профессиональной направленности студентов, конечно, не позволяет проследить непосредственную связь между типом интереса и индивидуальным стилем познавательной деятельности. Действительно, эта связь более сложна и опосредована, ее можно, очевидно, обнаружить позже с помощью корреляционного анализа. Однако, если воспользоваться шкалой ИСПД и разбить испытуемых на две группы так, чтобы в одну из них вошли испытуемые с отрицательным знаком выраженности стиля и с оценкой выраженности ноль, а в другую испытуемые с положительным знаком выраженности стиля, то можно видеть, что среди студентов с преобладанием общих интересов почти в четыре раза чаще встречаются испытуемые с выраженным синтетико-аналитическим стилем. Коэффициент четырехклеточной сопряженности значим на 1% уровне.

Обратимся теперь к сравнительно-уровневому анализу синтетико-аналитического и аналитико-синтетического стилей познавательной деятельности в связи со структурой интересов.

Как указывалось в теоретических главах работы, предлагаемый метод диагностики ИСПД позволяет выделить два разных стиля познавательной деятельности, характеризуемых разным направлением познавательной деятельности в поле субъект-объектного взаимодействия. Здесь мы проанализируем уровневые соотношения различных параметров, оценки которых получены на двух выборках испытуемых с разными стилями познавательной деятельности.

Полученные нами данные показали, что для испытуемых с синтетико-аналитическим стилем характерна в среднем меньшая выраженность как суммарного, так и общего интереса, различия специального интереса не значимы. Таким образом, направленность познавательной деятельности на объект на первом этапе ее развития характеризуется и обуславливается большой интенсивностью интереса, которая достигается, прежде всего, за

счет большей выраженности именно общего интереса. Действительно, развитие познавательной деятельности от начальных объективных характеристик предмета познания требует представления этого предмета в системе связей, что и обеспечивается большей выраженностью общего интереса. Поскольку различия специального интереса не обнаружены, то это, на наш взгляд характеризует устойчивость познавательной деятельности в целом относительно своего предмета. Естественно предположить, что одинаковый специальный интерес (к разным знаниям) при различиях общего и суммарного интереса приводит к разным стилям познавательной деятельности.

Как было показано в этом разделе, формирование индивидуальных особенностей разных уровней происходит взаимосвязано, т.е. в системе целостной познавательной деятельности, причем эта системность формирования, а, следовательно, и стабилизация индивидуальных различий, обеспечивается высшим уровнем организации способностей. Эти факты вполне согласуются с тем общим положением, что в творческой, продуктивной деятельности человек творит не только продукт деятельности, но и самого себя.

Стиль деятельности формируется только при наличии определенного, положительного отношения к этой деятельности. Ранее нами было показано, что интерес как форма положительного отношения к познавательной деятельности может иметь различные типы, определяющие течение познавательной деятельности. Таким образом, если высказанное предположение верно, то должно существовать устойчивое соотношение энергетических характеристик деятельности, определяющих ее динамику. Действительно, каким образом интерес влияет на становление ПД человека, на формирование ее стиля, каковы личностные механизмы этого процесса? Для ответа на эти вопросы мы приведем следующие экспериментальные наблюдения.

Показатели теппинг-теста (разности количества точек последующих квадратов с первым) имеют сильную корреляционную связь с суммарной выраженностью интереса, а также с выраженностью специального интереса. Таким образом, интерес не непосредственно формирует стиль ПД. Этот процесс сопровождается глубокими изменениями в энергетике всего организма, психодинамике личностного познания. Эти данные представляются нам чрезвычайно важными как подтверждающие факт совпадения в психоиде физиологического и психологического ряда явлений (теппинг-тест как показатель развития физического усилия, его интенсивности и скорости во времени и показатели ИСПД).

В заключение несколько слов о психодинамическом анализе познавательной деятельности в целом с точки зрения работы когнитивно-волевого двигателя. Полученные данные в целом подтверждают существование трехкомпонентной структуры познавательной деятельности, сами компоненты которой как психические данности не являются статическими свойствами, но психодинамически связанными в циклы результативными процессами личностного знания. Первый компонент в своем индивидуальном развитии отражен в количестве групп первой классификации, его информационная сущность проявилась в корреляционных соотношениях с показателями теста «Сходство». Аналогично второй компонент отражен в количестве групп второй классификации, и его противоположная информационная тенденция проявилась в обратных по знаку корреляциях с тестом «Сходство». Третий (уравновешивающий) компонент представлен оценкой выраженности ИСПД; максимальная социальная обусловленность этого компонента (единство общения и обобщения по Л.С. Выготскому), указываемая почти всеми авторами, проявилась в корреляционных связях с факторами общительности и нейротизма личностных опросников.

Завершая экспериментальную часть книги, хотелось бы кратко подчеркнуть следующие основные моменты. На основе анализа экспериментальных наблюдений мы исследовали динамику движения познавательной активности (душевного тепла) между внутренним и внешним планом субстанционального деятеля. При этом мы зафиксировали аналитичность как ориентацию психоида в сторону внешнего объекта и синтетичность как течение душевного тепла внутрь субъекта. Мы также предложили метод оценки индивидуальных особенностей работы когнитивно-волевого двигателя – метод исследования индивидуального стиля познавательной деятельности. Количеству душевного тепла мы сопоставили познавательный интерес. Его движение между внешним и внутренним планом психоида, очевидно, должно проходить те основные критические точки, которые мы отметили на спирали субъективного времени как точки катексиса и катарсиса. Это точки равенства общего и специального интереса и познавательного взаимопроникновения в объект, единства с объектом, но на разном уровне душевного тепла. Анализируя суточный цикл спирали субъективного времени, мы много говорили о точке катексиса, в нынешних терминах развития специального интереса. Не случайно психофизиологические показатели по теппинг-тесту имеют сильные корреляционные связи именно со специальным интересом. Организм активизируется для направления всей своей энергии на овладение выбранным объектом. Точка дневного (и когнитивного в нынешнем случае) катексиса существенно связана также и с перестройкой и планирование всей дневной деятельности во сне. Как мы также показали выше, точка катарсиса в обычной жизни должна приходиться на состояние бодрствования, если, конечно, всю жизнь не превращать в грезы. Здесь мы осмелимся утверждать, что с психодинамической точки зрения эта точка и есть точка равенства общего и специального интереса на высоком уровне душевного тепла, т.е. овладения объектом. Это точка дневного *удовлетворения совего ведущего когнитивного интереса*. Ни дня без строчки, говаривали многие великие

писатели, ни дня без линии, говорил Ван-Гог, имея в виду тот дневной катарсис, который они достигнут в процессе своего творчества сегодня в точке inter-esse.

Часть 3 Прикладная психодинамика

1. Опросные методы психодинамической диагностики отдельного субстанционального деятеля (психоида)

1.1. Психологическая триада

В психодинамической диагностики личность рассматривается как некое пространство состояний, которые постоянно сменяют друг друга. При этом исследователя интересует не то, насколько выражено состояние, в котором в данный момент времени находится личность (например, состояние гневного раздражения), а то, что последует за этим состоянием (например, гнев сменяется страхом). Далее нас будет интересовать, что последует за этим новым состоянием и т.д. Важнейшим эмпирическим фактом, который лежит в основе психодинамической диагностики является то, что человеку свойственно переживать циклы состояний, причем в обычной ситуации циклы достаточно простые. Это означает, что если за гневом последовал страх, то очень велика вероятность того, что из состояния страха данная личность с именно таким присущим ей циклом опять возвратиться в состояние гнева или раздражения. Такая циклическая смена двух состояний может удерживать личность достаточно долго, и со временем становится ее типичной психодинамикой. Внешние возмущения, вызывающие другие эмоциональные состояния личности удерживают ее в этом состоянии только на время своего действия, как только оно прекращается, личность возвращается в свой типичный цикл.

Итак, психодинамическая диагностика направлена на выявление типичного (фонового) цикла тех или иных состояний личности, который чаще всего состоит из двух состояний. Бывают, конечно, случаи вхождения в цикл большего числа состояний, что свидетельствует, как можно заключить

исходя из опыта работы с предлагаемыми методиками, об усложненном характере развития или жизнедеятельности личности в той или иной сфере.

Перейдем непосредственно к описаниям опросных экспресс-методов психодинамической диагностики. Каждый из этих методов отражает работу некоторого психоида в пределах заданной схемы состояний, которая описывается группой подстановок и содержит ровно 24 комбинации состояний, т.е. 24 возможных пути движения душевного тепла между внутренним и внешним планом психоида. Что является внутренним, а что внешним планом не всегда очевидно. Так, если речь идет о движении душевного тепла внутри субъекта, например, в эмоциональной жизни, то разные эмоции могут занимать разные позиции в ориентации субстанционального деятеля. Так, например, в психоаналитической сессии содержание подсознания становится внешним по отношению к направленному потоку сознания как внутренне регулируемой активности. А осознание ранее неосознаваемого есть результат работы волевого двигателя. В приведенном ниже тесте любая эмоция может принадлежать внешнему или внутреннему плану. Это вопрос содержательного психоаналитического и психодинамического анализа в терапевтической сессии. Сам же экспресс метод дает только типичное описание циклической работы волевого двигателя, отвлекаясь от того, с чего начинается движение – с внешнего или внутреннего стояния. Подобно тому, как мы не задумываемся о начальном состоянии поршня в двигателе автомобиля, включая зажигание.

Тест «Эмоции»

Сначала прочтите весь опросник, затем инструкцию, затем приступайте к выполнению задания.

Вы переживаете...

Г	<i>1. Если Вас охватывает сильное раздражение (гнев), то...</i>	
	1. На смену ему приходит страх из-за того, что Вы сделали или могли бы сделать в этом состоянии.	Г-С
	2. Вам становится грустно, что до этого дошло.	Г-П
	3. Вы почувствовали свою правоту и ощущаете даже	Г-Р

	радостное возбуждение.	
С	II. Если Вы испытали страх, то...	
	1. Вас это сильно раздражает и злит, особенно, когда страх прошел.	С-Г
	2. Вы очень радуетесь, когда начинаете чувствовать, что бояться, в общем-то, нечего.	С-Р
	3. Вам неприятно и грустно, когда страх прошел.	С-П
П	III. Если Вами овладела грусть (печаль), то...	
	1. Вы можете сильно разозлиться, когда грусть не проходит.	П-Г
	2. Любая приятная мелочь легко выводит Вас из этого состояния.	П-Р
	3. Вам вдруг становится очень страшно из-за того, что грусть не проходит.	П-С
Р	IV. Если Вы находитесь в состоянии радостного возбуждения, то...	
	1. Вы вдруг становитесь раздражительны и злитесь из-за того, что радоваться на самом деле нечему.	Р-Г
	2. Вас вдруг охватывает страх перед будущими возможными огорчениями.	Р-С
	3. Вам вдруг становится грустно, а радость кажется пустой и иллюзорной.	Р-П

Инструкция. Вы только что прочитали четыре типа различных эмоциональных переживаний, каждое из которых Вы много раз испытывали в жизни (обозначены римскими цифрами). Мы просим Вас в каждом из четырех случаев выбрать только одно продолжение указанного эмоционального состояния (обозначены арабскими цифрами), а именно то, которое наиболее типично для Вас. Номер (арабская цифра) выбранного варианта обведите кружком. Если Вам понятна инструкция, то напишите свою фамилию и начинайте работать.

ФИО _____

Условные обозначения: Г – гнев, С – страх, П – печаль, Р – радость.

Тест «воля»

Прочтите сначала весь опросник, затем инструкцию, затем приступайте к выполнению задания.

Когда у вас проблемы...

О	I. Бывают такие тяжелые ситуации, когда понимаешь, что выхода нет и уже никто и ничто не поможет, и даже жить не хочется, тогда...	
	1. Я мучительно укоряю себя, что ни о чем не позаботился раньше и допустил до этого.	О-С
	2. Я пытаюсь любыми средствами обо всем забыть и ни о чем не думать.	О-Н
	3. Я говорю себе: «чем хуже, тем лучше», и готовлюсь к наихудшему.	О-У
Н	II. Когда я понимаю, что мог много раз принять меры и не допустить того, что случилось...	
	1. Я очень стыжусь своего легкомыслия и пытаюсь найти себе оправдание.	Н-С
	2. Мне уже совсем не хочется жить.	Н-О
	3. Я без конца мучаю себя вопросами: «Как же это могло случиться?», «Почему такое случается именно со мной?».	Н-У
У	III. Бывает такая полоса неудач, что все не ладится, все не так, и настроение очень плохое, тогда...	
	1. Мне бывает стыдно, что люди видят мои неудачи и сочувствуют мне.	У-С
	2. Я вдруг понимаю, что будет только хуже и хуже.	У-О
	3. Я все бросаю и любым способом пытаюсь развлечься.	У-Н
С	IV. Были случаи, когда я вел себя так, что мне до сих пор стыдно смотреть людям в глаза. Когда я вспоминаю об этом...	
	1. Я готов совсем исчезнуть, чтобы больше никого не видеть, ни с кем не говорить, никогда ни о чем не вспоминать.	С-О
	2. Я говорю себе: «Наплевать на все, как-нибудь выкручусь, с кем не бывает».	С-Н
	3. Я с ужасом думаю, что уже ничего не изменить, что теперь я навсегда останусь в глазах других таким, каким был.	С-У

Инструкция. Вы только что прочитали четыре варианта ситуаций (отмечены римскими цифрами), которые Вам неоднократно приходилось переживать в Вашей жизни. Мы просим Вас для каждой ситуации выбрать один вариант ее наиболее типичного для Вас продолжения (отмечены

арабскими цифрами). Если Вам понятна инструкция, то напишите свою фамилию и начинайте работать.

ФИО _____

Условные обозначения: *О* – отчаяние, *Н* – небрежение, *У* – уныние, *С* – стыд, самоукорение.

Тест «Познание»

Прочтите сначала весь опросник, затем инструкцию, затем приступайте к выполнению задания.

Когда необходимо понимание...

Ав	I.Представьте, что Вам нужно проанализировать ситуацию, разобраться в причинах поведения людей, дать оценки происшедшему, тогда Вы...	
	1.В первую очередь постарались бы определить мотивы поведения людей.	Ав - Св
	2.В первую очередь постарались бы представить максимально полную картину происшедшего, не упустив ни одного эпизода.	Ав - Ан
	3.Постарались бы взглянуть на происшедшее с совершенно иной точки зрения.	Ав - Сн
Св	II.Представьте, что Вам нужно выступать на собрании с объективной характеристикой человека, тогда Вы построили бы выступление на...	
	1.Анализе его биографии, описали бы основные этапы и события его жизни.	Св - Ан
	2.Описании одной-двух самых типичных и ярких ситуаций его поведения.	Св - Сн
	3.Анализе духовного стержня в жизни этого человека и объяснении того, почему это сделало его жизнь такой, какая она есть.	Св - Ав
Ан	III.Представьте, что Вы забыли что-то важное, не помните, о чем был разговор, тогда Вы...	
	1.Начнете про себя проговаривать все, что было сказано, стараясь понять, что Вы упустили.	Ан - Сн
	2.Попытаетесь проанализировать содержание разговора и понять, что же могло быть важным для Вас в этом разговоре.	Ан - Ав
	3.Попытаетесь представить, как бы Вы сейчас повели разговор, чтобы как бы со стороны понаблюдать за собой в этой ситуации.	Ан - Св
Сн	IV.Представьте, что Вы вынуждены заняться совершенно	

	незнакомым Вам делом, выступить в чужой Вам роли (например, в связи с переменой места работы), тогда Вы...	
	1. Не начнете работать на полную, пока не проанализируете всю информацию о Ваших обязанностях, вообще обо всех сотрудниках, о людях, занимающихся аналогичной деятельностью.	Сн - Ав
	2. Вы постараетесь сформулировать главное в этой работе и тогда начнете действовать.	Сн - Св
	3. Прежде всего, со всеми перезнакомитесь, постараетесь сойтись поближе, присмотритесь к ситуации.	Сн - Ан

Инструкция. Вы только что прочитали четыре варианта ситуаций (отмечены римскими цифрами), с которыми Вам неоднократно приходилось сталкиваться в Вашей жизни. В каждом из четырех случаев

мы просим Вас выбрать одно продолжение каждой ситуации из трех возможных (отмечены арабскими цифрами), которое сейчас кажется Вам наиболее подходящим описанием обычного для Вас поведения. Если Вам понятна инструкция, то напишите свою фамилию и начинайте работать.

ФИО _____

Условные обозначения: Ав – анализ вербальный, Ан – анализ невербальный, Св – синтез вербальный, Сн – синтез невербальный.

Следующий тест мы рассматриваем как диагностику организации психоида на уровне понимания, т.е. работы с текстами. Поэтому его следует рассматривать как еще один тест для исследования познания. В общем же, наверное, нет необходимости пояснять, что аналогичных психодинамических тестов для исследования эмоций, воли и познания может быть построено ровно столько, сколько осмысленных исследовательских задач может быть сформулировано в этих областях, а не больше того, чем четырехклеточных комбинаций свойств личности, имеющих в словаре русского языка.

Тест «Чтение»

Прочтите сначала весь опросник, затем инструкцию, затем приступайте к выполнению задания.

Вы читаете и...

Ва	I. Вас интересует данный вопрос, и Вы хотите с помощью данного текста изучить его подробно, тогда Вы в процессе чтения в первую очередь...	
	1. Задаете себе вопрос, кто автор, и какова его авторская позиция в этом вопросе.	Ва - Вc
	2. Постараетесь разбить текст на главные моменты содержания.	Ва - Оа
	3. Вычлените главную мысль автора, и будете следить за ее развитием.	Ва - Oc
Вс	II. Перед Вами стоит вопрос, что главное в содержании текста, о чем он, тогда Вы в процессе чтения в первую очередь...	
	1. Расчленяете смысловое содержание по основным направлениям изложения.	Вс - Оа
	2. Пытаетесь сформулировать авторскую позицию в целом.	Вс - Oc
	3. Спросите себя, каковы основные моменты прочитанного, чтобы сравнить их.	Вс - Ва
Оа	III. Вы восстанавливаете в памяти главные моменты прочитанного, тогда Вы в процессе чтения в первую очередь...	
	1. Рассматриваете их по отношению к авторской позиции.	Оа - Oc
	2. Спросите себя, что еще осталось за пределами Вашего внимания.	Оа - Ва
	3. Спросите себя, что является связующим звеном, объединяющим все содержание текста.	Оа - Вc
Oc	IV. Вы определяете авторскую позицию, для этого Вы в процессе чтения в первую очередь...	
	1. Задаете себе вопрос, какие моменты содержания Вы могли упустить.	Oc - Ва
	2. Задаете себе вопрос, в чем специфика позиции автора, что здесь нового.	Oc - Вc
	3. Обращаетесь к анализу основных направлений изложения материала.	Oc - Оа

Инструкция. Вы только что прочитали описания четырех возможных состояний, которые Вы неоднократно испытывали во время чтения. Мы просим Вас в каждом из четырех состояний (обозначены римскими цифрами) выбрать только одно его продолжение (обозначены арабскими цифрами),

которое представляется Вам наиболее для Вас обычным. Если Вам понятна инструкция, то напишите свою фамилию и приступайте к выполнению задания.

ФИО _____

Условные обозначения: Ва – вопрос аналитический, Вс – вопрос синтетический, Оа – ответ аналитический, Ос – ответ синтетический

Описание методов. Мы предлагаем описание четырех методов психодинамической диагностики личности, основанных на оценках эмоционального, волевого и когнитивного (познавательного) поведения. Четвертый метод направлен на оценку индивидуального характера чтения (метод был разработан при участии Хан Г.Н. и апробирован в ее кандидатской диссертации). Использование нами этого метода как одного из основных в пениitenciарных психологических исследованиях обусловлено общей ориентированностью работы на духовную сферу личности, которая основана на деятельности чтения. Другие разработанные нами методы для анализа частных форм социокультурного поведения мы приведем ниже в отдельном параграфе, т.к. они не использовались в основных экспериментах.

Каждый метод в своей опросной части состоит из четырех тестовых пунктов, описывающих то или иное состояние, в котором может пребывать личность в той или иной ситуации. Если для построения метода исследования эмоций и воли были использованы четыре эмоциональных и эмоционально-страстных состояния, наиболее часто встречающиеся как в бытовой речи и литературной лексике, так и в психологических исследованиях, то для построения методов психодинамической диагностики познания и чтения была использована специальная процедура вычленения элементарных состояний.

Ранее нами было показано (см. выше), что познание направляется психологическими процессами анализа и синтеза, которые могут протекать как на невербальном, так и на вербальном уровне (когда перцептивный процесс направляется словом-знаком, что приводит к формированию более

сложного психического образования — смысла). Таким образом, могут быть определены четыре основных состояния когнитивной сферы личности – Анализ вербальный, анализ невербальный и синтез вербальный и синтез невербальный.

Очевидно, что и в процессе чтения огромную роль играет когнитивная составляющая. Анализ читательского (библиотечного, текстового) поведения человека показывает, что главными состояниями, циклически сменяющимися в процессе чтения друг друга, являются вопрос и ответ.

Также было показано, что существуют устойчивые связи формальных характеристик процесса чтения с аналитико-синтетическим строем познавательных процессов. Таким образом, можно выделить четыре основных состояния процесса чтения по аналогии с тем, как это было сделано для процесса познания – вопрос аналитический, вопрос синтетический и ответ аналитический и ответ синтетический.

Таким образом, для построения методов психодинамической диагностики познания и чтения мы получили четыре элементарных состояния. Далее методы строились по той же комбинаторной схеме, что и тест эмоции или воли, которая описана в теоретической и методической части.

В инструкции испытуемому предлагается в каждом из четырех пунктов (обозначаются всегда римскими цифрами) выбрать подходящее для него *продолжение* данного состояния (обозначаются всегда арабскими цифрами). Таких переходов в каждом тестовом пункте существует только три, а выбрать нужно только один. В тех случаях, когда методы психодинамической диагностики используются не для массовых обследований, а при проведении психологической консультации, предлагаемые опросные листы можно рассматривать как некий план беседы, формулировки могут уточняться и предлагаться испытуемому в более понятной для него форме, но при обязательном сохранении их психологического содержания.

Обработка результатов. Когда испытуемый в каждом из четырех тестовых пунктов выбрал для себя продолжение описанного состояний, можно приступать к обработке результатов. В первую очередь нужно выяснить, какие состояния образовали цикл, а какие примыкают к циклу. Для этого нужно воспользоваться ключами, представленными прямо в опросном листе справа и слева от опросной части. Справа указано, какое состояние в какое переходит. После установления, что, например, гнев переходит в печаль (Г – П) следует в левой колонке найти отмеченное римской цифрой и выделенное состояние печали (П) и посмотреть, куда оно в свою очередь переходит. Пусть, например, в тесте «Эмоции» испытуемый в каждом пункте выбрал состояние под номером 2. В этом случае получаем, что гнев переходит в печаль, печаль в радость, радость в страх, а страх опять в радость. Таким образом, взаимопереходящие друг в друга радость и страх образуют типичный для данного испытуемого цикл, при этом гнев находится на периферии и растворяется в печали, а печаль, по исчезновении причин ее породивших, запускает цикл радость-страх. Аналогично обрабатываются данные по всем психодинамическим опросным методам.

Для записи полученного для каждого конкретного испытуемого результата тестирования используются начальные буквы четырех базовых состояний, пунктиром указываются переходы одних состояний в другие, в скобки заключаются состояния взаимопереходящие друг в друга, т.е. образующие цикл. Например, запись Г—П—(Р С) представляет вышеописанный пример для теста «Эмоции». Не следует забывать, что состояния, входящие в цикл могут записываться в любой последовательности (для чего и; заключаются в скобки). Это означает, что приведенная запись эквивалентна (С Р)—П—Г. Точно также, например, усложненный цикл (ПСР)—Г эквивалентен Г—(РПС). Совершенно аналогично представляются данные по другим трем методикам. Точности ради следует отметить, что вообще говоря парные циклы могут быть правыми и левыми, т.к. к циклу (С Р) и (Р С) приводят разные последовательности ответов в тесте. Но в этой

более теоретической книге мы не будем на этом останавливаться, полагая их равными.

Процедура обследования. Процедура тестового обследования методами психодинамической диагностики имеет некоторые специфические особенности. Так в массовых обследованиях инструкция к выполнению тестового задания предлагается: после прочтения всего опросного листа. Это позволяет испытуемому войти в область исследуемых состояний и актуализировать обычный для него цикл. При выполнении задания у испытуемых часто возникают вопросы типа, «я не знаю, что выбрать... все бывает», или «мне ничего не подходит», в этих случаях может понадобиться разъяснительная беседа экспериментатора в том направлении, что следует выбирать так, как кажется в данный момент, наиболее близкое продолжение: и т.п. Важно объяснить испытуемому, что он не может всегда находиться в одном и том же состоянии (как это ему может показаться), когда то происходит перемена. Какова эта перемена, на что из предложенного более всего похожа. При появлении некоторого опыта работы экспериментатор научается достаточно быстро и просто разъяснять любому, даже самому неговорчивому испытуемому, что от него требуется.

1.2. Опросные методы психодинамической диагностики для исследования некоторых специально определенных субстанциональных деятелей – психоидов

В этом параграфе мы предложим другие варианты психодинамических методов для исследования самых разных форм социокультурного поведения личности. Однако, предварительно следует оговориться, что приведенные ранее методы мы рассматриваем как базовые совсем не по их методическим особенностям или достоинствам, а по предмету, на который они направлены. А именно, эмоции, воля, познание, чтение как одна из (основных) форм высшего личностного синтеза. На практике это означает, что предложенные методики могут быть заменены какими-то параллельными формами с совсем

другим набором вопросных пунктов, по мнению их будущих авторов, также отражающих то или иное поведение. Ясно, что методика, названная, например, «Воля» ни в коем случае не отражает всей волевой сферы человека, но, как мы считаем, относится все-таки именно к этой сфере. С этой точки зрения предлагаемая ниже методика «Конфликт» также может быть отнесена к волевому блоку, а может использоваться и самостоятельно в зависимости от целей исследования. Таким образом, психодинамический подход к исследованию личности позволяет сконструировать единообразный метод для исследования практически любого личностного свойства, имеющего название в человеческом языке. Суть каждой реализации этого метода (конкретной методики) будет заключаться в расщеплении плоского значения того или иного личностного свойства на его движущие противоречивые диалектические составляющие. В итоге мы получаем уже не биполярное свойство, а четыре возможных его состояния, и далее по схеме 24 элемента группы подстановок этих состояний (циклов), из которых шесть являются парными и наиболее устойчивыми (нормальная подгруппа — см. 1 часть). Эти парные циклы представляют собой шесть типов личности по данному (вообще говоря, любому, наперед заданному) свойству. Приведем несколько примеров реализации психодинамического подхода в практике психологических исследований. В приводимых примерах мы оставляем только опросную и описательную часть, без приложенных ключей и детальной обработки результатов. При желании их можно выстроить по приведенным схемам.

Методика «Управленческая деятельность» была нами разработана совместно с Ивановой Л.В. для нужд ее диссертационного исследования, посвященного личности руководителя. Было замечено, что успешность бизнеса существенно зависит от его ориентации на перспективу или нынешнее состояние в процессе принятия решения. В соответствии с этим была построена схема четырех состояний в соответствии с ориентацией во времени.

	зайтаться им в будущем, хорошо обдумав, и после выполнения уже намеченного,	
	3. _____ считаете, что ни к чему усложнять себе жизнь, когда и так ничего не успеваешь.	неРп - неРс

Инструкция: В каждом из четырех пунктов (отмечены римскими цифрами) выберите только одно (из трех возможных) продолжение описанного состояния (отмечено арабскими цифрами), наиболее характерное для Вашего способа поведения в указанной ситуации. Если Вам понятна инструкция, напишите свои ФИО и начинайте работать.

ФИО _____

Мы не приводим здесь никаких результатов по данной методике, т.к. они изложены в отдельных публикациях и в существенной мере посвящены раскрытию другой темы. Коротко охарактеризуем лишь основные типы личности относительно данного вида поведения.

(Рс Рп) — *конструктивист*. Девиз — всему свое время и все успеешь.

(Рс неРс) — *ситуационист 1*. Девиз — всего нельзя успеть.

(Рс неРп) — *ситуационист 2*. Девиз — там видно будет, справиться бы теперь.

(Рп неРс) — *мечтатель*. Девиз — все как-нибудь устроиться (в будущем)

(Рп не Рп) — *авантюрист*. Девиз — выйдет, не выйдет (рискнем).

(неРс неРп) — *бюрократ*. Девиз — где бы не работать, лишь бы не работать.

Следующая методика была разработана нами в рамках исследования конфликтного поведения. Ее идея заключалась в том, что также как и в конструктивном управлении, конфликт может быть ориентирован во времени как затяжной (перспективный), так и краткосрочный (ситуативный).

Тест «Конфликт»

Внимательно прочитайте весь опросник, затем инструкцию, напишите свои ФИО и, если задание понятно, приступайте к работе.

Кс	I. Представьте себе, что у Вас резко обострились с кем-то отношения (имеет место конфликт), тогда...	
	1.Вы уверены, что со временем отыграетесь за все обиды,	Кс - Кп
	2.Вы готовы на все, чтобы ликвидировать конфликт,	Кс - неКс
	3.Вы подождете, пока пройдет время и примирение наступит само собой.	Кс - неКп
Кп	II. Вы знаете, что ситуация складывается так, что конфликт (с кем-либо) неизбежен, тогда...	
	1.Вы постараетесь его приблизить, даже если придется несколько подтолкнуть ситуацию,	Кп - Кс
	2.Вы всеми средствами будете избегать конфликта,	Кп - неКс
	3.Вы будете тщательно обдумывать свое поведение на случай конфликта.	Кп - неКп
неКс	III. Представьте себе, что в данное время у Вас со всеми хорошие отношения, тогда...	
	1.Вы все равно чувствуете чье-то недоброжелательное к себе отношение,	неКс - Кс
	2.Вы знаете, что они скоро испортятся, и думаете о том, как Вам себя тогда вести,	неКс - Кп
	3.Вы всеми средствами стараетесь закрепить и сохранить хорошие отношения.	неКс - неКп
неКп	IV. Вы ожидаете с кем-то из знакомых интересной и лично для Вас важной встречи, тогда...	
	1.Вы в первую очередь думаете о причинах возможного возникновения конфликта между Вами,	неКп - Кс
	2.Вы думаете о том, что будет возможность разобратся во многих старых обидах,	неКп - Кп
	3.Вы уверены в приятном и полезном времяпрепровождении.	неКп - неКс

Инструкция: В каждом из четырех пунктов (отмечены римскими цифрами) выберите только одно (из трех возможных) продолжение описанного состояния (отмечено арабскими цифрами), наиболее характерное для Вашего способа поведения в указанной ситуации. Если Вам понятна инструкция, напишите свои ФИО и начинайте работать.

ФИО _____

Ситуативный		Перспективный
Конфликт	(Кс)	(Кп)
НеКонфликт	(неКс)	(неКп)

(Кс Кп) — *тип мститель*. Девиз — я прав, я отомщу за все.

(Кс неКс) — *неконфликтный, безобидный тип*. Девиз — потерпи: ладком, да мирком.

(Кс неКп) — *тип миротворец*. Девиз — смирись: перемелется, мука будет.

(Кп неКс) — *подозрительно-склочный тип*. Девиз — все равно будет плохо (в будущем)

(Кп неКп) — *мнительно-подозрительный тип*. Девиз — никому не верь, время покажет.

(неКс неКп) — *снисходительно-мечтательный тип*. Девиз — прежде всего добрые отношения. Плохой мир — лучше доброй ссоры.

Следующая методика была нами разработана в рамках совместных исследований социальной адаптации совместно с профессором А.В. Пищелко, и результаты работы с ней опубликованы в нашей совместной монографии ().

Тест «Социальная адаптация»

Внимательно прочитайте весь опросник, затем инструкцию, напишите свои ФИО и, если задание понятно, приступайте к работе.

Ас	1. Вас включили в хорошо сплоченный и успешно работающий коллектив как полноправного члена (совет, комитет, церковная община, творческий коллектив... — по Вашим интересам), тогда...	
	1.Вы лучше всего себя чувствуете в качестве наблюдателя, когда Вас не вовлекают в активные действия, и Вы выполняете свою часть обязанностей «от и до».	Ас – Ад
	2.Вы чувствуете, что Ваша активность в стремлении занять свое место в новом коллективе стоит Вам больших сил и здоровья.	Ас – Дс

	3.Вы чувствуете, что у Вас нет ни сил, ни здоровья осваивать новые виды деятельности, и пойдете на все, чтобы только остаться в тени, ни во что не вникать.	Ас - Дд
Ад	II. По причинам лучшего устройства личной жизни Вы изменили место жительства и (или) работы и оказались среди совершенно незнакомых людей, и Вы не знаете как себя вести, вынуждены нарушать привычные Вам нормы общения и поведения, тогда...	
	1.Вы полны сил и энергии «отвоевать свое место под солнцем», занять активную позицию в коллективе.	Ад – Ас
	2.Вы чувствуете, что Вы еще долго будете в состоянии стресса, пока окончательно займете свое место в коллективе.	Ад – Дс
	3.Вы чувствуете, что у Вас нет ни сил, ни здоровья организовывать свое общение с партнерами, и пойдете на все, что остаться незаметным, ни во что не вовлекаться.	Ад - Дд
Дс	III. Когда болезни, стрессы, погода уже мешают Вам плодотворно работать в хорошо сработавшемся давно знакомом Вам коллективе, то...	
	1.Вам достаточно небольшого отдыха, чтобы снова продуктивно жить и работать, несмотря ни на что.	Дс – Ас
	2.Вы пойдете на все, чтобы только сохранить здоровье и силы.	Дс – Ад
	3.Вы чувствуете, что у Вас не осталось ни сил, ни здоровья и Вы уже не выполняете своих обязательств перед людьми.	Дс - Дд
Дд	IV. Представьте себе или вспомните ситуацию, когда Вы были настолько истощены болезнями и стрессами, что уже не могли выполнять своих обязательств перед людьми (как по работе, так и в сфере личной жизни), вынуждены были лукавить, что-то скрывать, возможно, прятаться от людей, чтобы скрыть свою бездеятельность, тогда...	
	1.Вы найдете (нашли) в себе силы честно признаться в критичности положения, проанализировать его, собраться и преодолеть кризис.	Дд – Ас
	2.Вы пожертвуете нормами общения и отношений с людьми, чтобы сохранить здоровье.	Дд – Ад
	3.Вы ценой любого напряжения сил, даже болезней,	Дд - Дс

	будете стремиться (стремились) исполнить все свои обязательства.	
--	--	--

Инструкция: В каждом из четырех пунктов (отмечены римскими цифрами) выберите только одно (из трех возможных) продолжение описанного состояния (отмечено арабскими цифрами), наиболее характерное для Вашего способа поведения в указанной ситуации. Если Вам понятна инструкция, напишите свои ФИО и начинайте работать.

ФИО _____

	Социализация	Десоциализация
Адаптация	I Ас	II Ад
Деадаптация	III Дс	IV Дд

(АсАд) — *Конъюнктуристик*. Старается быть незаметным, пока его не трогают. Активизирует внутренние резервы хорошей адаптивности, когда чувствует угрозу его социальному положению, социальным связям, положению в обществе. При отсутствии такой угрозы способен к нарушению социальных норм.

(АсДс) — *Ответственный*. Готов к существенному напряжению сил ради социальных обязательств и отношений. Однако, достаточно трезво оценивает ситуацию, и старается отслеживать ситуации деадаптации. Склонен профилактировать свое психическое здоровье.

(АсДд) — *Критический* активизирует резерв здоровья и сил, когда ситуация уже стала критической. В обычных ситуациях плохо адаптируется, пассивен, вплоть до асоциальное™, в критических ситуациях способен развивать большую энергию для восстановления своего социального статуса, даже жертвуя здоровьем.

(АдДс) — *фарисей*. Стремится повысить свой социальный статус ценой «малой крови». Не склонен жертвовать своими нервами, здоровьем, поэтому

в критических ситуациях может пойти на жертву социальными обязательствами и связями, вплоть до асоциального поведения.

(АдДд) — *Астенический*. Готов к любому нарушению социальных связей и обязательств ради душевного спокойствия в своем тесном мирке. Старается заранее от всего отказаться, чтобы не переживать и не доходить до асоциального™. Ненадежен. Безответственен.

(ДсДд) — *мученик*. Болезненный пессимист. Возможно ипохондрик. Очень озабочен своим социальным статусом, поэтому готов жертвовать здоровьем ради социальных связей и обязательств.

Интересной также является методика исследования образа-Я

Тест «Я-сам»

Внимательно прочитайте весь опросник, затем инструкцию, напишите свои ФИО и, если задание понятно, приступайте к работе.

ЯИ	I. Бывают ситуации, когда я чувствую, что со мной что-то то, тогда...	
	1.Я убеждаюсь, что в конечном счете, это вокруг все не так, как будто все сошли с ума.	ЯИ - неЯИ
	2.Я вообще перестаю понимать кто Я.	ЯИ - ЯнеИ
	3.Я тотчас убеждаюсь, что и со мной, и вообще все в порядке.	ЯИ - неЯнеИ
неЯИ	II. Бывает так, что мне кажется, что я единственный нормальный человек, но затем...	
	1.Я думаю, что, наверное, все-таки со мной что-то не в порядке.	неЯИ – ЯИ
	2.Я задумываюсь о том, что это не так, и уже не могу разобраться кто Я.	неЯИ – ЯнеИ
	3.Я еще больше убеждаюсь, что не только со мной все нормально, но и вообще вокруг все в полном порядке.	неЯИ - неЯнеИ
ЯнеИ	III. Бывает так, что я теряю осознание того, кто я, что я делаю, тогда...	
	1.Я стараюсь обрести равновесие в окружающей меня ситуации здесь и теперь.	ЯнеИ – ЯИ
	2.Я думаю, что с миром что-то не так.	ЯнеИ – неЯИ

	3.Я начинаю думать, что вообще-то все нормально, и нет причин для беспокойства.	ЯнеИ - неЯнеИ
неЯнеИ	IV. Случается, что мне говорят, что со мной что-то не так, а я уверен, что и со мной и вокруг все в полном порядке, тогда...	
	1.Я знаю, что всегда разберусь со своим состоянием.	неЯнеИ – ЯИ
	2.Я думаю, что кто-то просто пытается мне навредить, или задеть меня.	неЯнеИ – неЯИ
	3.Я теряюсь и стараюсь не думать об этом.	неЯнеИ - ЯнеИ

Инструкция: В каждом из четырех пунктов (отмечены римскими цифрами) выберите только одно (из трех возможных) продолжение описанного состояния (отмечено арабскими цифрами), наиболее характерное для Вашего способа поведения в указанной ситуации. Если Вам понятна инструкция, напишите свои ФИО и начинайте работать.

ФИО _____

Идентификация Я как проблемной области

	Идентификация	НеИдентификация
Я	ЯИ	ЯнеИ
НеЯ	неЯИ	неЯнеИ

Основные парные циклы:

(ЯИ, НеЯИ) — *проекционист*, идентифицирует свое Я по мере накопления болезненного опыта проекций. Поскольку проекционное поведение является для него обычным, то осознание собственных проблем возникает уже при появлении явно абсурдных проекций.

Пример: бутерброд всегда падает маслом вниз, потому что у меня жена такая. Понимая, что такое утверждение для него уже не шутка проекционист начинает задумываться, что с ним что-то не так.

(ЯИ, ЯнеИ) — *тревожный реалист*, такие люди живут сознанием постоянной опасности утраты собственной идентичности. Они постоянно чувствуют угрозу от меняющегося мира и стараются все время держать себя

в руках, как бы повторяя девиз «и вот доска кончается сейчас Я упаду». Для них, возможно, поет Макаревич: «не надо прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас». Их сознание эсхатологично. Они очень близко принимают к сердцу слова Апостола «трезвитесь и бодрствуйте, ибо не знаете в какой час придет конец (миру)».

(ЯИ, НеЯнеИ) — *вытесняющий*, отрицает проблемы в самой возможностью их возникновения. Считает, что он все понимает, что ему все подконтрольно. Такие люди отличаются узостью сферы Я, ограниченностью интересов. В сложных ситуациях защитное поведение уже даже не является подавлением, а вырождается в простое отрицание.

(НеЯИ, ЯнеИ) — *тревожный фаталист*, охвачен чувством всеобщего сумасшествия, которое поглощает его. Все попытки опереться на свое Я в этом безумном мире обречены на неудачу, однако, он их не оставляет. Такие люди могут быть как подавленными пессимистами, так и веселыми представителями черного юмора.

(НеЯИ, НеЯнеИ) — *уравновешенный эгоцентрик*, считает, что все вокруг постольку нормально, поскольку нормален он сам. Внешнее существует только как угроза его Я, этому внешнему нужно и можно сопротивляться.

(ЯнеИ, НеЯнеИ) — *зависимый меланхолик*, в отличие от эгоцентрика не способен сопротивляться дестабилизирующим воздействием внешнего мира на его Я и реагирует на них отрицанием себя по принципу «нет меня и не надо».

1.3. Методы группового методического тренинга

Дальнейшие наши исследования показали, что чем больше заинтересованных исследователей участвует в создании психодинамической методики для исследования той или иной интересующей всю группу проблемы, тем больше разнообразие вопросов и дифференцирующая и прогностическая сила получаемого в результате экспресс-метода. Это подвигло нас на стандартизацию процедуры групповой разработки экспресс-

методов психодинамической диагностики. Эта процедура включает следующие этапы, которые мы сопоставим с разработкой одной из методик для психодинамической диагностики типов качества жизни, реально проведенной в коллективе исследователей из 5 человек.

- Определение основной задачи исследования. На этом этапе происходит обсуждение понятий, которые определяют интересующий субстанциональный деятель, его внешние и внутренние планы. Так для качества жизни были выбраны из всего оговоренного множества как представляющие первичный интерес социальная устроенность – неустроенность и удовлетворенность – неудовлетворенность жизнью.
- На втором этапе строится четырех клеточная модель волевого двигателя. При обсуждении качества жизни она получилась следующей:

	Удовлетворен Жизнью	Не удовлетворен жизнью
Социально устроен	I Су Уд	II Су $\overline{\text{Уд}}$
Неустроен социально	III $\overline{\text{Су}}$ Уд	IV $\overline{\text{Су}}$ $\overline{\text{Уд}}$

- На третьем этапе в групповой дискуссии с содержательной точки зрения анализируются состояния каждого из четырех квадратов, им присваиваются названия: Основные состояния

I. Су Уд Конформный, «Олигарх» завершенная карьера, престиж, положение в обществе

На данный момент Вы ощущаете себя человеком хорошо социально устроенным и вполне удовлетворены жизнью

II. Су $\overline{\text{Уд}}$ «Золотая клетка», начало карьеры, жена дипломата, принцесса, зицпредседатель, творческий тупик

На данный момент Вы считаете, что обеспечены всеми жизненными благами, необходимыми Вам, но это не приносит чувство удовлетворенности жизнью

III. $\overline{Су}$ $\overline{Уд}$ «рай в шалаше», классический студент, аспирант, свободный художник,

Вы ощущаете себя не связанным никакими социальными (семейными, имущественными, служебными) узами и, хотя Вы понимаете, социально совершенно неустроены, Вы испытываете чувство удовлетворенности жизнью

IV. $\overline{Су}$ $\overline{Уд}$ «изгой», потерянный, обиженный, средний класс при тоталитарном режиме; ниже среднего класса, но выше бедного, скептик, завышенная самооценка, скептик, нет перспектив

Все то, чего Вы достигли, Вы бы назвали «социальная неустроенность» и это не приносит Вам чувство удовлетворенности

- На четвертом этапе изучаются все возможные парные циклы, которых всего 6, взаимопереходы 4-х клеток друг в друга. Приводим здесь записи в том виде, как они были запротоколированы во время групповой дискуссии:

I в II

$\overline{Су}$ $\overline{Уд}$ ↔ $\overline{Су}$ $\overline{Уд}$

Трудоголик, внутренне неудовлетворенный, «шило в заднице»
Ситуационист, подстраивающийся под ситуацию (под данное качество жизни)

I в III

$\overline{Су}$ $\overline{Уд}$ ↔ $\overline{Су}$ $\overline{Уд}$

Прожектор, патологический оптимист, «надо жить умеючи, надо жить играючи, в общем надо жить припеваючи»
Ситуационист- бунтарь (хочет все бросить)

I в IV

$$Су \quad Уд \quad \leftrightarrow \quad \overline{Су} \quad \overline{Уд}$$

«авантюрный», «патологический игрок», нестабильность
Перспективист- широко смотрит на возможность

II в III

$$Су \quad \overline{Уд} \quad \leftrightarrow \quad \overline{Су} \quad Уд$$

«бродяга», тяга к переменам
Перспективист- бунтарь

II в IV

$$Су \quad \overline{Уд} \quad \leftrightarrow \quad \overline{Су} \quad \overline{Уд}$$

«патологический пессимист» «бабка и золотой рыбки»
Реалист- приспособленец

III в IV

$$\overline{Су} \quad Уд \quad \leftrightarrow \quad \overline{Су} \quad \overline{Уд}$$

«Обломов», плыть по течению

- На четвертом этапе формулируются вопросы в опросный лист экспресс-метода.
- На пятом и шестом этапах происходит самотестирование, которое перерастает в одну из форм тренинга личностного роста, когда участники в процессе групповой работы стараются понять, почему они являются представителями именно этого психодинамического типа.

Прочтите сначала весь опросник, затем инструкцию и приступайте к работе.

СуУд	I. Представьте себе, что Вы находитесь в ситуации, в которой ощущаете себя человеком хорошо социально устроенным	
------	---	--

	и вполне удовлетворены жизнью, тогда	
	1. у Вас периодически возникает чувство, что Ваша успешность связывает Вас по рукам и ногам	СуУд - СунеУд
	2. Вам периодически хочется бросит все, уехать, обрести «рай в шалаше»	СуУд – НеСуУд
	3. Вы вдруг понимаете, что можете потерять все	СуУд - неСунеУд
СунеУд	II. Представьте себе, что Вы находитесь в ситуации, в которой Вы ощущаете, что обеспечены всеми жизненными благами, необходимыми Вам, но это не приносит чувство удовлетворенности жизнью, тогда	
	1. Вы пытаетесь посмотреть на себя со стороны и понимаете, что на самом деле у Вас все в порядке	СунеУд - СуУд
	2. у Вас периодически возникает желание освободиться от всех привязанностей и зависимостей и это наверняка принесет Вам удовлетворение	СунеУд - НеСуУд
	3. у Вас иногда возникает желание отказать от всего, и пусть будет еще хуже	СунеУд - неСунеУд
неСуУд	III. Представьте себе, что Вы находитесь в ситуации, в которой ощущаете себя не связанным никакими социальными (семейными, имущественными, служебными) узами. И, хотя, Вы понимаете, что социально совершенно неустроены, Вы испытываете чувство удовлетворенности жизнью. Тогда	
	1. Вы вдруг начинаете понимать, что Вам необходимо обрести достаточный социальный статус (занять достойное положение в обществе)	неСуУд - СуУд
	2. Вам представляется, что Вы готовы переступить через себя (чтобы «пойти на все») ради повышения уровня социальной обеспеченности	неСуУд - СунеУд
	3. Вы понимаете, что эта мнимая свобода Вас не радует, что в дальнейшем будет только хуже	неСуУд - неСунеУд
неСунеУд	IV. Представьте себе, что Вы находитесь в ситуации, в которой Все то, чего Вы	

	достигли, это просто «социальная неустроенность» и это приносит Вам чувство крайней неудовлетворенности жизнью, тогда	
	1. Вы вдруг начинаете чувствовать, что все устроится, все образуется, и Вы в конце концов обретете максимально удовлетворяющий Вас социальный статус	неСунеУд - СуУд
	2. Вы размышляете над возможностью повышения своего социального статуса любым путем (хоть кому-то продаться), но знаете, что это не принесет Вам удовлетворения	неСунеУд - СунеУд
	3. Вы вдруг начинаете чувствовать: «а жизнь то налаживается»	неСунеУд - неСуУд

Инструкция. Вы только что прочитали четыре варианта ситуаций (отмеченные римскими цифрами) с которыми Вам неоднократно приходилось сталкиваться в Вашей жизни. В каждом из четырех случаев мы просим Вас выбрать одно положение каждой ситуации из трех возможных (арабские цифры), которое сейчас кажется Вам наиболее подходящим описанием обычного для Вас поведения. Если инструкция понятна, то приступайте к работе.

Также в процессе групповой работы была построена методика по исследованию процессов социализации в молодежных субкультурах

	КЛЮЧ-ОПРОСНИК: для каждого из четырех предложенных состояний (<i>жирным шрифтом</i>) выберете одно (из трех) близкое Вам продолжение и обведите его КОД в правом столбце:	КОД
К	<i>1. Представьте, что у вас появилась возможность занять место лидера, тогда:</i>	
	1. Вы, в первую очередь убедитесь, что ваше окружение одобряет этот шаг	К-П
	2. Вы говорите себе: «Я подожду и прислушаюсь к себе»	К-Н
	3. Вы говорите себе: «Почему бы не попробовать? Я ведь ничем не рискую»	К-Д
П	<i>2. Представьте, что Вы согласились с большинством,</i>	

	тогда:	
	1. Вы уверены, что ваше личное предложение было лучше	П-К
	2. Вы скажете себе: поглядим, посмотрим - время все рассудит	П-Н
	3. Вы скажете себе: «Хорошо, попробую, если не получится – это их проблемы»	П-Д
Н	III. Представьте себя в ситуации, когда вы с интересом наблюдаете за взаимоотношениями в новом для вас коллективе, тогда :	
	1. Вы уверены, что с Вашей энергией можно многое изменить в лучшую сторону	Н-К
	2. Вы надеетесь, что вас примут в этом коллективе	Н-П
	3. Вы думаете: «Поживем – увидим»	Н-Д
Д	IV. Представьте, что вы переехали, тогда:	
	1. Вы подумаете о том, что сделать, чтобы получить признание на новом месте	Д-К
	2. Вы подумаете о том, как не совершить ошибок на новом месте	Д-П
	3. Вы предпочтете наблюдать и ни во что не вмешиваться	Д-Н

	Индивидуация	Конформность
Социализация	Си: Карьерист	Ск: Партиец
Космополитизм	Ки: Наблюдатель	Кк: Дегустатор

1. (К П) – девиз: «и вашим и нашим», дипломат, политик
2. (К Н) – девиз: «лови момент» оппортунист
3. (К Д) – девиз: «наш пострел везде успел» перебежчик
4. (П Н) – девиз: «ничего не знаю, моя хата с краю» незнайка
5. (П Д) – девиз: «нельзя, но если очень хочется, то можно» Хамелеон
6. (Н Д) – девиз: «на наш век хватит...» Казанова

Завершая этот раздел, посвященный групповой разработке психодинамических экспресс-методов исследования того или иного свойства – субстанционального деятеля – психоида, – мы хотели коротко бы остановиться на двух существенных моментах этой процедуры. *Первый* касается самого объекта исследования, того психоида, для оценки которого будет построена методика. Важным представляется тот факт, что этот объект, это свойство поведения или личности – субстанциональный деятель – по началу неизвестен ни одному участнику этого психодинамического мозгового штурма. *Это неисследованное доселе свойство получает свое определение одновременно с построением метода его исследования и оценки.*

В теоретической психологии много говорилось о взаимодействии прибора измерения с объектом измерения как явления типичного для нашей науки (см. например,), в отличие от физики, где это открытие было революционным, но нам не приходилось встречать систематического учета этой феноменологии на практике. Психодинамика позволяет это сделать. И *второй* – психодинамическая диагностика позволяет сосредоточиться на тех *свойствах личности, которые актуальны для участников группы*, которые участвуют в совокупной психодинамике каждого участника и в целом группового поля. Психодинамика не только не исследует статических свойств, но даже ставит под сомнение их наличие у любого, наперед заданного человеческого индивидуума. Действительно, откуда мне знать, что мне (или моему испытуемому) реально присуще, например, свойство «доминантности – подчиненности» по тесту Кеттела. Я уже давно особенно никому не подчиняюсь и не над кем не доминирую. По крайней мере, сейчас – здесь и теперь – это свойство может быть никак не включено в текущую психодинамику субстанционального деятеля. Однако *статический тест все равно даст ответ не только о наличии у меня этого свойства* (это вопросная предустановка, о чем см. выше в методической части), *но и укажет степень его выраженности.* Вот так и получаются интересные истории из жизни психологов практиков, когда, обследовав осужденного в

зоне и получив его характеристику по тесту в виде компьютерной распечатки, мы узнаем, что он добрый, нежный, отзывчивый, очень тонкий и чувствительный человек, правда, по жизни он убийца 4 (четырёх) человек. Это реальный пример из личного дела с приложенной психологической характеристикой.

В этом параграфе мы привели несколько примеров использования психодинамического подхода для построения практического инструментария исследования личности и ее поведения. В заключение хотелось подвести и теоретическую черту. А именно подчеркнуть то, что под личностью с психодинамической точки зрения мы и понимаем множество (точнее будет сказать пространство) всех возможных циклов состояний, которые могут быть построены относительно всех мыслимых (запечатленных в языке) личностных свойств. Каждая психодинамическая модель того или иного свойства представляет собой как бы сложную молекулу личностного синтеза. Или, применяя компьютерную метафору, можно сказать, что каждая группа подстановок состояний, моделирующая какое-то личностное свойство, представляет из себя стандартное микроплато, из множества которых и собирается личность. Эта метафора полезна тем, что в реальной практике психокоррекции это «собираение» личности из отдельных микроплат может иметь почти конкретный характер.

2.Цветопсиходинамика

Если Психодинамика есть наука и движениями душевного тепла, то цветопсиходинамика есть та область психодинамики, которая изучает потоки душевного тепла не как рабочие компоненты волевого двигателя, а как непосредственно воспринимаемые человеком. Цвета этого мира непосредственно делят объекты на теплые и холодные. Развитое цветовое восприятие дает возможность видеть цвет любого даже самого абстрактного объекта. Такой способностью обладал, в частности, Владимир Набоков. Он

видео цвет не только слова, но и отдельных букв, сам он утверждал, что эта способность унаследована им от матери. Не случайно поэтому в инструкции к тесту Люшера от испытуемого требуют отвлечься от всех реальных цветов объектов и выбирать внутренне предпочитаемы цвет (). Мой цвет мира ().

2.1.Количественный метод системной обработки ряда цветовых предпочтении в восьмицветном тесте Люшера

Попытки построить всеобъемлющий количественный метод обработки результатов применения теста Люшера как к отдельному испытуемому, так и к группе испытуемых предлагались различными исследователями за всю историю использования этого теста неоднократно. При этом направления поиска путей построения количественной оценки предпочтения людьми одного цвета другому (независимо от обстоятельств восприятия цвета, т.е. цвета вообще, а не цвета чего-то) были самыми различными. Идея самого автора метода заключалась в исследовании топологии цветового соседства и степени удаленности цветов в линейном порядке цветового выбора. Собственно такая топологическая количественная оценка легла в основу классической в настоящее время качественной интерпретации цветового выбора по методу разметки цветовых пар и их изменения от первого ко второму и последующим выборам. (69, 103) Предлагались и другие способы оценки. В частности венгерским исследователем Шипошем был предложен метод расчета вегетативного коэффициента по положению четырех цветов на основе построения некой функциональной оценки их ранговых мест в ряду цветовых предпочтений испытуемого. В основу данной оценки была положена идея противопоставить ранговые места основных и неосновных цветов (как их понимал Люшер), а следовательно, сам коэффициент представляет в количественном виде именно это соотношение и по определению является единственным в своем роде. На наш взгляд это разработка была весьма существенным шагом в сторону построения системы

количественных методов обработки цветовых предпочтений. Ограниченность метода Шипоша заключалась лишь в том, что он предложил лишь количественную форму для идеи уже сформулированной автором метода – Люшером.

Если же вернуться к самым истокам феномена цветового выбора (при этом, нисколько не умаляя всех сделанных автором метода и последующими исследователями интерпретаций), то поле поиска новых подходов к построению количественных оценок результатов тестирования может быть существенно расширено. Для целей построения системы психодинамических оценок (называемого нами методом расчета психодинамических коэффициентов по **всему** спектру цветового выбора) мы бы предложили временно абстрагироваться от главной идеи автора теста о существовании основных и дополнительных цветов, т.е. о том, что именно соотношение их ранговых мест лежит в основе интерпретации результатов цветовых предпочтений. Предположим, что положение каждого цвета в ряду предпочтений вызывает системные перемещения других цветов. И именно этот комплекс взаимозависимой динамики занятия ранговых мест всем восемью цветами и может лечь в основу построения системы количественных оценок цветового выбора. Собственно говоря, это последнее положение не было нами придумано, но явилось результатом экспериментальных исследований. Было замечено, что определенные психологические типы по разработанным нами ранее методам психодинамической диагностики эмоций, воли и познавательной сферы предполагают вполне определенное (в среднем) смещение некоторых цветов к началу ряда, а некоторых к концу. Это наблюдение легло в основу разработки первого психодинамического коэффициента – коэффициента дезадаптации. () Люди различных эмоциональных типов (имеется в виду с различными психодинамическими циклами по тесту «Эмоции») показывают устойчивые различия по выбору синего, желтого и черного цветов теста Люшера. Так одни отвергают синий и черный, а желтый, наоборот, ставят в

начала ряда, другие, напротив, отвергают желтый, а синий и черный помещают в начало ряда. Если обратиться к стандартной таблице интерпретаций люшеровских выборов, то относительно первой группы испытуемых можно будет сказать, что эти люди будут «противиться разрядке», «собирать нервы в кулак», (синий в конце ряда), при этом «надеяться на лучшее будущее» (желтый в начале ряда) и бороться с ограничениями (черный в конце ряда). Что же касается второй группы, то эти люди скорее будут «стремиться к покою» (синий в начале ряда), разочаровываться и «терять надежду» (желтый в конце ряда), вплоть до отчаяния и непредсказуемых действий (черный в начале ряда) (подробнее см. Д.В.Сочивко, 2003 - 110).

Анализируя приведенные усредненные люшеровские характеристики личности по указанным трем цветам, логично рассматривать испытуемых первой группы как хорошо адаптированных к экстремальным УЖД, а второй - как плохо адаптированных. Основываясь на этом можно предложить коэффициент дезадаптированности человека как частное от деления **рангового места желтого цвета на сумму ранговых мест синего и черного цвета:**

$$K_{да} = \frac{\text{желтый}}{\text{синий} + \text{черный}}$$

Коэффициент изменяется от 0,07 до 2,67, если умножить коэффициент на 100 и округлить до целого числа, то он будет меняться от 7 до 267. В этой книге могут встречаться как первые, так и вторые числовые значения, представленные в исследованиях проводимых в разные годы по предложенной нами методике расчета. Умножением на 100 стали пользоваться в самые последние годы.

Высокий $K_{да}$ будет, таким образом, свидетельствовать о низкой адаптированности и высокой дезадаптации. Аналогично, сравнивая

люшеровские выборы испытуемых с разными волевыми, когнитивными и читательскими циклами, мы получили и другие психодинамические коэффициенты (пс.д.к.), которые легли в основу разработки метода оценки экстремальности условий жизнедеятельности человека и общей системной оценки психологической проблемности его личности. Далее, было замечено, что в разных группах испытуемых, сходных по своему социальному положению, характеру работы, в целом условиям жизнедеятельности, наблюдаются весьма похожие и хорошо объяснимые усредненные профили разработанных психодинамических коэффициентов (там же). Так, например, по полученным усредненным профилям была определена и проинтерпретирована психодинамика поведения таких групп испытуемых как студенты, работники правоохранительных органов, психически больные, люди различных экстремальных профессий. Эти данные будут приведены ниже, т.к. нам представляется целесообразным предварительно описать все возможное множество расчетных коэффициентов и их системные взаимосвязи, что, собственно, и составляет основу предлагаемого метода **системной количественной обработки ряда цветовых предпочтении в восьмицветном цветовом тесте Люшера.**

Первый вопрос, на который нам следует предварительно ответить, почему именно три цвета входят в расчет каждого отдельного коэффициента (см. выше). Здесь можно высказать два соображения. Во-первых, это простейшая комбинаторная схема соотношения нескольких (не двух) цветов в ряду. Во-вторых, это соответствует нашим эмпирическим наблюдениям. Это не означает, что не может быть построена аналогичная приводимой ниже схема расчета из четырех цветов для каждого коэффициента (и даже пяти), но их будет уже значительно больше, что затруднит работу. Кроме того, непонятны пока эмпирические основания. Выше мы уже говорили о том, что первые десять опубликованных пс.д.к. (отдельно помечены в таблице, интерпретации значений см. ниже) были разработаны по запросам практики для количественной оценки разных направлений психологической

проблемности личности. Приведем наиболее рельефные из этих данных. Однако сначала кратко остановимся на общей табличной формуле расчета пс.д.к.

Итак, согласно несложным комбинаторным вычислениям всего психодинамических коэффициентов описанного выше типа может быть 168. Мы приводим их в таблице в порядке, соответствующем положению того цвета, который находится в числителе.

Таблица 2

Полная таблица психодинамических коэффициентов по возможным сочетаниям цветов (в формулы подставляются ранговые места каждого цвета во втором или последнем выборе испытуемого, восьмой номер соответствует серому, дополнительно помечены ранее опубликованные коэффициенты)

№ коэфф	1	№ коэфф	2	№ коэфф	3	№ коэфф	4
	синий		зеленый		красный		желтый
1	1/2+3	22	2/1+3	43	3/1+2	64	4/1+2
2	1/2+4	23	2/1+4	44	3/1+4	65	4/1+3
3	1/2+5	24	2/1+5	45	3/1+5	66	4/1+5
4	1/2+6	25	2/1+6	46	3/1+6	67	4/1+6
5	1/2+7	26	2/1+7	Какт 47	3/1+7	Кда 68	4/1+7
6	1/2+8	27	2/1+8	48	3/1+8	69	4/1+8
7	1/3+4	28	2/3+4	49	3/2+4	70	4/2+3
8	1/3+5	29	2/3+5	50	3/2+5	71	4/2+5
9	1/3+6	30	2/3+6	51	3/2+6	72	4/2+6
10	1/3+7	31	2/3+7	52	3/2+7	Кмечт 73	4/2+7
11	1/3+8	32	2/3+8	53	3/2+8	74	4/2+8
12	1/4+5	33	2/4+5	54	3/4+5	75	4/3+5
13	1/4+6	Квн 34	2/4+6	55	3/4+6	76	4/3+6
14	1/4+7	35	2/4+7	56	3/4+7	77	4/3+7
15	1/4+8	36	2/4+8	57	3/4+8	78	4/3+8
16	1/5+6	37	2/5+6	58	3/5+6	79	4/5+6
17	1/5+7	38	2/5+7	59	3/5+7	80	4/5+7
18	1/5+8	39	2/5+8	60	3/5+8	81	4/5+8
19	1/6+7	Ксопр 40	2/6+7	61	3/6+7	82	4/6+7
Кдо 20	1/6+8	41	2/6+8	62	3/6+8	83	4/6+8
21	1/7+8	Кизб 42	2/7+8	63	3/7+8	84	4/7+8
№ коэфф	5	№ коэфф	6	№ коэфф	7	№ коэфф	8
	фиолет		коричн		черный		серый
85	5/1+2	106	6/1+2	Ккп 127	7/1+2	148	8/1+2

86	5/1+3	107	6/1+3	128	7/1+3	149	8/1+3
87	5/1+4	108	6/1+4	129	7/1+4	150	8/1+4
88	5/1+6	109	6/1+5	Ккфл130	7/1+5	151	8/1+5
89	5/1+7	110	6/1+7	131	7/1+6	152	8/1+6
90	5/1+8	111	6/1+8	132	7/1+8	153	8/1+7
91	5/2+3	112	6/2+3	133	7/2+3	154	8/2+3
92	5/2+4	113	6/2+4	134	7/2+4	155	8/2+4
93	5/2+6	114	6/2+5	135	7/2+5	156	8/2+5
94	5/2+7	115	6/2+7	136	7/2+6	157	8/2+6
95	5/2+8	116	6/2+8	137	7/2+8	158	8/2+7
96	5/3+4	117	6/3+4	138	7/3+4	159	8/3+4
97	5/3+6	118	6/3+5	139	7/3+5	160	8/3+5
98	5/3+7	119	6/3+7	140	7/3+6	161	8/3+6
99	5/3+8	120	6/3+8	141	7/3+8	162	8/3+7
100	5/4+6	121	6/4+5	142	7/4+5	163	8/4+5
101	5/4+7	122	6/4+7	143	7/4+6	164	8/4+6
Кчэ 102	5/4+8	123	6/4+8	144	7/4+8	165	8/4+7
103	5/6+7	124	6/5+7	145	7/5+6	166	8/5+6
104	5/6+8	125	6/5+8	146	7/5+8	167	8/5+7
105	5/7+8	126	6/7+8	147	7/6+8	168	8/6+7

Как можно видеть, приведенная таблица содержит восемь столбцов, каждый из которых включает 21 коэффициент. Распределение значений каждого психодинамического коэффициента (пс.д.к.) является нормальным на достаточно больших выборках испытуемых, что является достаточно очевидным из общих соображений. Проверки по критерию Колмогорова-Смирнова для конкретных достаточно больших выборок в целом подтверждают этот факт. Хуже всего обстоит дело с черным и серым фактором, т.е. для тех коэффициентов, где в числителе имеются эти цвета. Однако при достаточном количестве в группе испытуемых депрессивных личностей и здесь распределение может быть нормальным. С теоретических психодинамических позиций мы уже говорили о нормальности распределения оценок в параграфе о психодинамических методах. Из этого следует, что данные могут быть подвергнуты факторному анализу.

Пространство цветопредпочтений. Таким образом, в таблице

представлены 168 всех возможных троек цветов, образующих психодинамические коэффициенты в соответствии с предложенным правилом. При увеличении количества цветов (полный тест Люшера содержит 74 цвета) возрастет и количество коэффициентов. Очевидно, что в пределе, увеличивая число оттенков цвета, мы поучим некоторое пространство цветопредпочтений, элементами которого будут являться психодинамические коэффициенты, которое будет пространством толерантности. Каждый коэффициент имеет общие элементы с другими коэффициентами, т.к. каждый цвет входит в несколько (в нашем случае в 63) коэффициентов. С этой точки зрения можно сказать, что пространство цветопредпочтений все целиком реагирует на изменение в любой своей точке. Спектр коэффициентов показывает отдельные моменты этой реакции.

Естественно предположить, что такая реакция пространства цветопредпочтений на изменения в движении душевного тепла между внутренним и внешним планом психоида – субстанционального деятеля, отразится на каком-то множестве коэффициентов больше и на каком-то меньше. Это подсказывает дальнейший методический ход, **выбора** тех пс.д.к., которые в данной группе при данных (экспериментально запланированных или объективно наблюдаемых) изменениях функции экстремальности УЖД имели существенные изменения. Именно эти пс.д.к. являются релевантными для данных УЖД и позволяют содержательно изучать психодинамику человека в этих условиях. Так, например, первые десять коэффициентов были построены и отобраны нами, как среагировавшие на различия УЖД осужденных и сотрудников исправительных учреждений. Оценка «проблемности» личности по спектру предложенных коэффициентов полностью совпадала с оценками воспитательного аппарата за проблемными личностями в течении нескольких лет (указанные нами как дезадаптивные лица состояли на учете в воспитательном отделе и отделе кадров в 100 процентах случаев). К этим результатам мы еще вернемся.

Таким образом, можно предложить три ступени методической работы с предложенной в таблице моделью пространства цветопредпочтений.

- Интерпретация отдельного психодинамического коэффициента представляет интерес в тех случаях, когда исследовательская задача направлена на конкретные проявления личности. Например, в исследованиях процессов адаптации может быть привлечен коэффициент дезадаптации. Также исследовательская задача может касаться различий между теми или иными (по экстремальности) УЖД или теми или иными психодинамическими типами. Значения выбранного пс.д.к. могут дополнительно характеризовать этот тип. А этом случае пс.д.к. используется как обычный тестовый показатель.
- Использование в интерпретациях некоторого множества коэффициентов. Здесь мы уже имеем дело с направленным анализом пространства цветопредпочтений, поэтому это множество должно быть отобрано так, чтобы представлять весь спектр реакций цветопредпочтений на изменение психодинамики субстанционального деятеля. В этом случае могут быть использованы следующие методические приемы, **Первый:** для интерпретации выбираются те коэффициенты, которые существенно изменились в процессе экспериментальных наблюдений. **Второй:** для интерпретации выбираются те коэффициенты, которые показали высокие значения корреляционных связей со статическими тестовыми показателями, привлеченными в исследовании. **Третий:** для интерпретации выбираются те пс.д.к., которые имеют максимальные и минимальные значения для данной группы. **Четвертый:** для интерпретации выбираются те коэффициенты, которые более всего отличаются от нормы Вальнефера, или от

средних значений по группе испытуемы, объединенных одними и теми же (по функции экстремальности) УЖД.

- Интерпретация всей модели пространства предпочтений по 168 пс.д.к. В этом случае проводится факторный анализ матрицы данных из 168 столбцов и n-строк испытуемых, которых не может быть меньше 168, т.к. иначе факторный анализ неприменим. Каждый фактор объединяет обычно коэффициенты какого-то одного цвета, стоящего в числителе. При этом для разных групп характерны разные «разваливающиеся» цвета, которые не собираются в отдельный фактор. Интерпретируется вся факторная структура по последовательности цветовых факторов, по цвету, развалившемуся на несколько других цветовых факторов. Далее интерпретируются спектры различий коэффициентов в соответствии с различиями групп или условий тестирования по каждому фактору. Например, в группах испытуемых террористов и обычных осужденных существенные отличия были получены по зеленому фактору (см. таблицу пс.д.к. рис.), в группах осужденных мужчин и женщин по зеленому и фиолетовому фактору.

2.2. Прикладные исследования цветопсиходинамики осужденных в карантине и содержащихся в больнице с диагнозом психического заболевания

Данное исследование проводилось силами межрегиональной психологической лаборатории ФСИН России (В 2001-03 гг. ГУИН Минюста России) под руководством Чернышковой М.П. Позже данные были предоставлены нам для количественной обработки, результаты которой мы здесь и публикуем. Для заинтересованного читателя отметим также, что

карантин это то место, где осужденные после следственного изолятора проводят первые дни пребывания в колонии, подвергаясь обследованию психологов, врачей и получая информацию о правилах поведения и своих правах от всех служб исправительного учреждения.

Одной из важнейших задач при проведении массовых обследований в учреждениях Федеральной Службы Исполнения Наказаний (ФСИН) России среди спецконтингента является по возможности быстрое определение групп лиц, представляющих особый интерес для психолога. Это лица с усложненной по тем или иным причинам внутренней жизнью, эмоциональными, адаптационными, поведенческими (дисциплинарными) и иными всевозможными психологическими проблемами. В данном исследовании мы должны установить, каково соотношение этих групп лиц с теми, кто страдает психическими заболеваниями.

Одним из наиболее широко распространенных методов, рекомендуемых для использования в ФСИН, является тест Люшера. Этот тест достаточно прост в использовании, но весьма сложен в интерпретации. При этом даже компьютерный вариант обработки (предъявление, по нашему убеждению, допустимо только стандартным набором цветов, изготовленных в соответствии с метрологическими требованиями, например, фирмой Иматон) является достаточно сложным. И по времени (при массовых обследованиях нужно обработать данные на десятки, а иногда и сотни человек), и по сложности и объемности тестовых интерпретаций для каждого человека. Кроме того, сопоставление этих интерпретаций между собой, определение каких то однородных групп лиц (например, проблемных групп риска) становится уже задачей не только чрезвычайно объемной, но и требующей работы группы опытных экспертов, способных осуществить классификацию всех имеющихся интерпретаций. Это связано с тем, что даже компьютерные распечатки обладают большой двусмысленностью и оставляют огромное пространство для произвола исследователя. Полученные данные по тесту Люшера сопоставлялись с опросной методикой

обследования осужденных в карантине, разработанной в межрегиональной психологической лаборатории ГУИН Минюста России по Северо-Западу. Приведем описание пс.д.к., которые использовались при обработке этих данных и показали ряд существенных корреляционных связей с результатами анкетирования.

Коэффициент дезадаптированности уже был описан выше, поэтому здесь напомним только формулу:

$$K_{да} = \frac{\text{желтый}}{\text{синий} + \text{черный}} \times 100$$

$K_{кп}$ - коэффициент конструктивности поведения представляет собой частное от деления рангового места черного цвета на сумму ранговых мест синего и зеленого цветов:

$$K_{кп} = \frac{\text{черный}}{\text{синий} + \text{зеленый}} \times 100$$

Низкие значения коэффициента характерны для людей, переживающих насущную ситуацию как невыносимую, стремящихся уйти от реальности, отрицающих любые компромиссы и конструктивные решения, неспособных к сотрудничеству. **Высокие** значения $K_{кп}$ характеризуют человека, склонного к мирному конструктивному разрешению проблем с помощью осторожных действий, направленного на саморазвитие, стремящегося самостоятельно принимать решения с целью упрочения своего положения.

$K_{вн}$ - коэффициент волевой напряженности вычисляется как частное от деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест желтого и коричневого цветов:

$$\text{зеленый}$$

$$K_{вн} = \frac{\text{желтый} + \text{коричневый}}{\text{желтый} + \text{коричневый}} \times 100$$

Низкие значения коэффициента свидетельствуют о готовности человека к преодолению трудностей, стремлению к самоутверждению, признанию, для него характерна разборчивость в социальных связях.

Высокие значения коэффициента характерны для людей, у которых сила воля и сопротивляемость перегружены, преобладает чувство изнуренности, неспособность принимать решения, возможно появление отчаяния.

Кизб - коэффициент избирательности (или избегания общения) рассчитывается посредством деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест желтого и коричневого цветов:

$$K_{изб} = \frac{\text{зеленый}}{\text{серый} + \text{черный}} \times 100$$

При **высоких** значениях коэффициента человек ощущает себя в безнадежной ситуации, пытается оградить себя от всевозможных проблем и отягощающего его общения, не способен самостоятельно принимать решения. При **низких** значениях человек оказывает мощное сопротивление внешним воздействиям, хочет чувствовать себя «глубоко вовлеченным», его могут находить даже несколько надоедливым и назойливым.

Ксопр - коэффициент сопротивляемости рассчитывается посредством деления рангового места зеленого цвета на сумму ранговых мест коричневого и черного цветов:

$$K_{сопр} = \frac{\text{зеленый}}{\text{коричневый} + \text{черный}} \times 100$$

Низкие значения коэффициента говорят о стремлении к свободному развитию, целеустремленности человека, такие люди не позволяют препятствовать своим намерениям. **Высокие** значения говорят о перегруженности проблемами, стремлении все забыть, восстановить силы в спокойной обстановке. Человек может испытывать отвращение к самому себе, отказывается от всякого сопротивления. Таким образом, интерпретация коэффициента обратна его числовому значению: высокие значения = низкая сопротивляемость.

Кдо - коэффициент дистантности общения вычисляется как частное от деления рангового места синего цвета на сумму ранговых цветов серого и коричневого цветов:

$$\text{Кдо} = \frac{\text{синий}}{\text{серый} + \text{коричневый}} \times 100$$

Низкие значения коэффициента свидетельствуют о готовности к общению, установлению глубоких сердечных связей, в крайних формах человек может забывать о естественной дистанции в общении, неоправданно сокращая ее. **Высокие** оценки Кдо говорят о стремлении человека к уходу от общения, замкнутости, покою.

Кмечт - коэффициент мечтательности вычисляется как частное от деления рангового места желтого цвета на сумму ранговых цветов зеленого и черного:

$$\text{Кмечт} = \frac{\text{желтый}}{\text{зеленый} + \text{черный}} \times 100$$

Низкие оценки характеризуют человека, стремящегося действовать независимо и свободно, надеясь на изменение обстоятельств и лучшее будущее. Однако, ему не хватает целеустремленности. Он больше мечтает и надеется, чем реально пытается устроить свое будущее. **Высокие** оценки свидетельствуют о преобладающем разочаровании, чувстве безнадежности, потери престижа. Такой человек пытается при помощи жесткости и своеволия инсценировать свое превосходство, пытается убедить окружающих в **якобы** присущей ему самостоятельности и независимости.

Таким образом, высокие значения соответствуют не меньшей, а большей мечтательности, упорному стремлению человека представлять себя не таким как он есть, а таким, каким он себе мнится. При высоких значениях мечтательность как бы выходит за рамки внутренних переживаний и переносится в область реального общения, что делает это общение крайне неконструктивным, а иногда и социально опасным. Пример из консультации осужденного: «Почему Вы пошли на это преступление?» – «Вообразил себя Рембо!».

Коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности вычисляется как частное от деления рангового места фиолетового цвета на сумму ранговых мест желтого и серого цветов:

$$K_{чэ} = \frac{\text{фиолетовый}}{\text{Желтый} + \text{серый}} \times 100$$

Низкие оценки характерны для человека склонного к бегству от насущных проблем в иллюзорный мир, в котором отсутствуют разочарования и все устраивается по его желанию. Пускает в ход сильное личное обаяние, считая, что так легче будет достичь своих целей.

Высокие оценки свойственны людям, сопротивляющимся сложившимся условиям, старающимся сформировать критическое отношение к

действительности в крайних случаях до высокомерия и подозрительности относительно искренности и надежности отношений с близкими людьми.

Кконф – коэффициент конфликтности вычисляется как частное от деления рангового места черного цвета на сумму ранговых мест фиолетового и синего цвета:

$$\text{Кконф} = \frac{\text{Черный}}{\text{Фиолетовый} + \text{синий}} \times 100$$

Низкие оценки коэффициента свидетельствуют о недовольстве сложившимися обстоятельствами, склонности во всем винить окружающих, к которым формируется презрительное отношение, все отрицать, надо всем глумиться, не взирая на факты.

Высокие оценки об избегании конфликтов, споров и разногласий, ориентации на личное обаяние во взаимодействиях с людьми, стремлении к покою. Таким образом, этот коэффициент имеет также **обратное своему названию значение: чем ниже оценка, тем выше конфликтность.**

Какт – коэффициент активности, характеризующий степень активности жизненной позиции, способность бороться и преодолевать ограничения и препятствия, вычисляется как частное от деления рангового места красного цвета на сумму ранговых мест черного и синего цветов:

$$\text{Какт} = \frac{\text{Красный}}{\text{Черный} + \text{синий}} \times 100$$

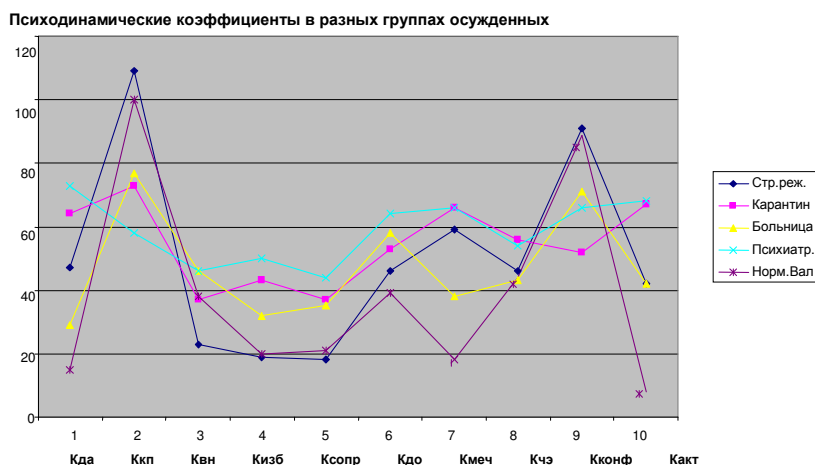
отклонение (Спб)	67	53	34	46	36	37	56	40	43	67
<hr/>										
Осужденные в Больнице:										
Средняя оценка	29	77	46	32	35	58	38	43	71	42
Стандартное отклонение (Спб)	27	54	27	25	28	28	30	32	39	34
<hr/>										
Осужденные, Состоящие на учете У психиатра:										
Средняя оценка	73	58	46	50	44	64	66	54	66	68
Стандартное отклонение (Спб)	76	40	41	44	37	49	45	33	61	70
<hr/>										

(Количество испытуемых: 95 осужденных – г. Псков, 250 осужденных в карантине – Спб, 18 – в больнице, 22 – с психиатрическим диагнозом.

Приведенные в таблице данные интересно сравнить с расчетными данными по коэффициентам для аутогенной нормы Вальнефера (напомним, что данная норма представляет из себя усредненный люшеровский выбор, к которому тяготеют выборы испытуемых, прошедших длительное психотерапевтическое лечение по методу аутогенной тренировки Шульцта, а именно следующую последовательность цветов: красный, желтый, зеленый, фиолетовый, синий, коричневый, серый, черный). Используя описанные выше формулы для расчета коэффициентов, получаем:

Кда	Ккп	Квн	Кизб	Ксопр	Кдо	Кмечт	Кчэ	Кконф	Какт	ВК
15	100	38	20	21	39	18	44	89	8	150

Рисунок 6.

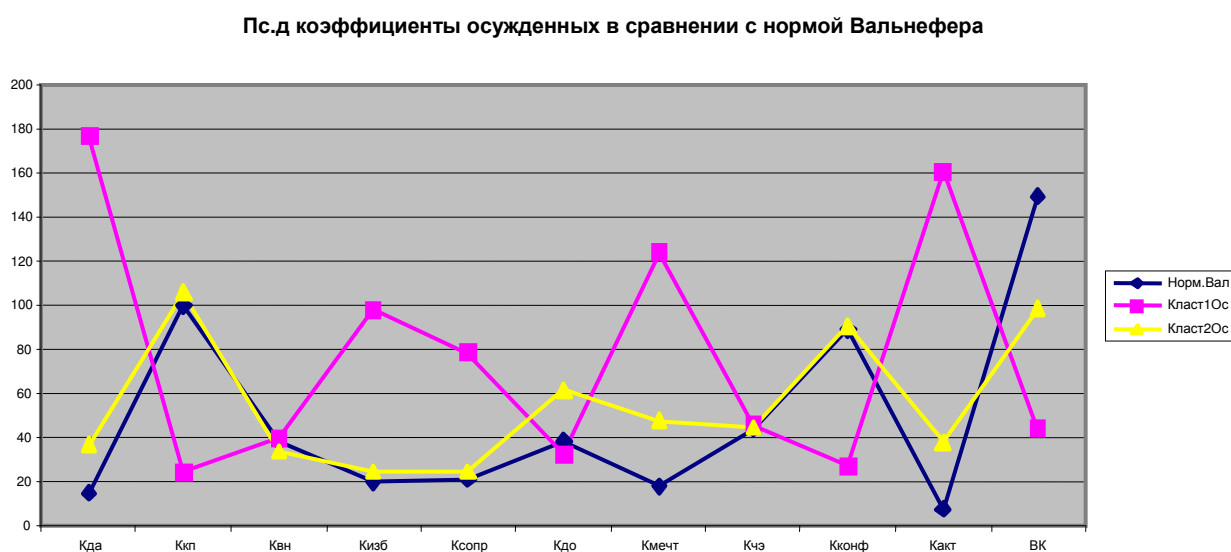

Из рис.6 видно, что наибольшей дезадаптацией и наименьшей конструктивностью поведения обладают именно осужденные, состоящие на учете у психиатра. Эти же осужденные обладают наибольшим показателем избегания и наименьшей сопротивляемостью (коэффициент обратный – см. выше), а также наибольшей дистантностью общения. Таким образом, предложенная методика расчета психодинамических коэффициентов позволяет описывать специфичность группы психически больных осужденных. Однако предстоит еще выяснить, является ли эта специфичность следствием собственно психического заболевания или следствием статусного положения психически больного в местах лишения свободы. Для этого необходимо провести многомерный статистический анализ данных.

Кластерный анализ. Полученная картина была достаточно типична, т.е. один из кластеров объединяет всех проблемных испытуемых из нашей выборки. На рис. 2 (приведены данные по осужденным колонии строгого режима – Псков) такие два кластера показаны в сравнении с нормой Вальнефера. На рис. 2 приведены данные по всем 247 обследованным в Спб осужденным. Хорошо видно, что проблемный кластер отличается высокой дезадаптивностью (низкой адаптацией), напротив низкой конструктивностью поведения, высокой избирательностью общения, низкой сопротивляемостью

(коэффициент обратный), заниженной дистантностью общения, высокой мечтательностью, высокой конфликтностью (коэффициент обратный), низкой активностью (коэффициент обратный). То, что этот кластер проблемный подтверждается также низким вегетативным коэффициентом по Шипошу. «Хороший» кластер обладает противоположными характеристиками и приближается к аутогенной норме (см. рис.7).

Рисунок 7

В неблагополучный кластер вошли испытуемые под номерами 68 человек. Остальные вошли в стабильный кластер. Таким образом, процент нестабильных в карантине составляет 38 %. Для сравнения в колонии строгого режима этот процент составляет всего 12 %.

Зададимся вопросом, связано ли психическое (и даже непсихическое) заболевание с попаданием осужденного в проблемный кластер. Для ответа был проведен анализ процентных составляющих больных в разных кластерах.

Таблица 4

Процентные соотношения различных заболеваний в разных кластерах по результатам статистического анализа психодинамических коэффициентов (по Д.В.Сочивко)

	Проблемный кластер	Стабильный кластер	Вся выборка
Непсихические заболевания	12 %	25 %	21 %
Психические заболевания	32 %	37 %	36 %
Наркология	24 %	20 %	21 %

Из таблицы 4 видно, что в проблемном кластере имеется в два раза меньше больных непсихическими заболеваниями осужденных, также несколько меньше больных психическими заболеваниями, однако, больше состоящих на учете у нарколога. Как это не странно, но больные (в том числе и психическими заболеваниями, хотя и в меньшей мере) лучше адаптируются в условиях лишения свободы даже в самый сложный период нахождения в карантине. При этом адаптация понимается здесь в указанном выше смысле (см. описания психодинамических коэффициентов). Наркология же не укладывается в это правило, видимо, потому, что причиной наркомании является собственное поведение человека, его волевая установка. Это также подтверждается данными, приведенными в таблице 5.

Таблица 5

Процентное соотношение осужденных, состоящих на учете нарколога и врача психиатра в разных психодинамических кластерах

	Проблемный кластер	Стабильный кластер
Наркология	73 %	53 %

Психиатрия	27 %	47 %
------------	------	------

Из таблицы 5 легко видеть, что в проблемном кластере те лица, которые состоят на учете у психиатра в 73 % случаях имеют отклонения, связанные со злоупотреблением наркотиками, среди психологически стабильных соотношение злоупотреблявших наркотиками и имеющими психические заболевания приблизительно одинаково. Таким образом, полученные данные позволяют сделать следующий вывод. Психологическая нестабильность никак не связана с психическими заболеваниями. И в стабильном, и в нестабильном кластере их приблизительно одинаковое, не на много отличающееся от среднего процента по всей выборке, количество. На фоне этого общего вывода можно сделать и более частный, об имеющейся тенденции большего присутствия психических заболеваний среди психологически стабильных осужденных, а также дивергентного поведения (типа наркомании) – среди психологически нестабильных. Это, однако, не противоречит данным, приведенным ранее о том, что уже имеющий психическое заболевание осужденный отличается иной (в целом более дезадаптивной) структурой психодинамики поведения. Смысл здесь заключается в том, что кластерный анализ в качестве математического центра кластера выставляет крайние формы стабильности или нестабильности. Таких крайних форм нестабильности меньше среди больных. Общая же тенденция средних показателей психодинамических коэффициентов свидетельствует о тенденции к большей нестабильности среди осужденных, состоящих на учете у психиатра.

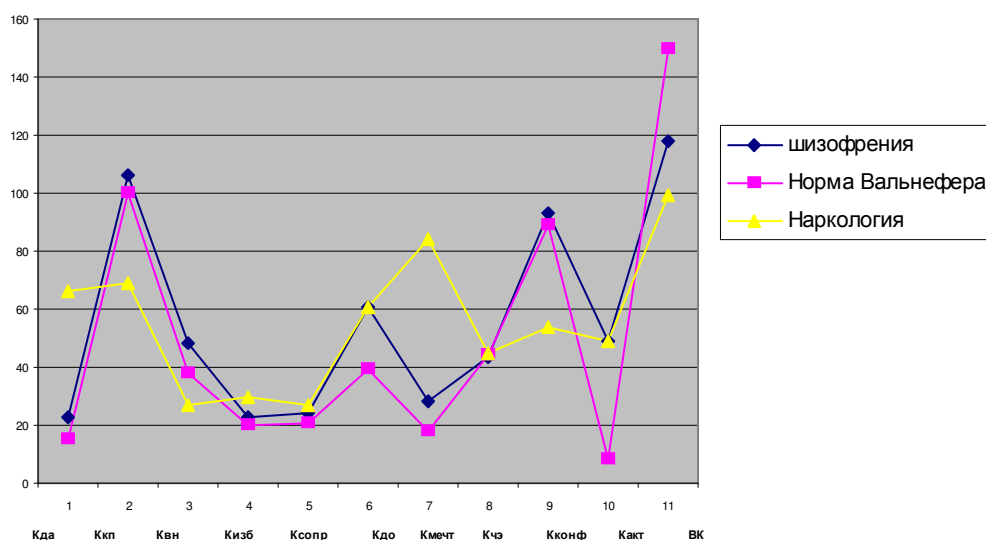
Однако разные заболевания имеют разную психодинамическую картину. Для иллюстрации этого факта приведем данные по психодинамическим коэффициентам у осужденных, больных шизофренией и состоящих на учете у нарколога. Это означает, что психологическая нестабильность требует одинакового внимания психолога в плане оказания психологической помощи, как среди здоровых, так и психически больных

осужденных. При этом психически больных осужденных следует в обязательном порядке подвергать психологическому обследованию в силу их большей склонности к психодинамической нестабильности.

Из приведенных данных можно видеть (рис.8), что шизофреники имеют картину наиболее близкую к норме Вальнефера, в то время как наркоманы отличаются наиболее существенно лишь по коэффициенту мечтательности, что, впрочем, вполне соответствует характеру их занятий. В этих случаях психологическая помощь может оказать и не востребованной, а необходимо лишь психиатрическое лечение, если, конечно, нет иных серьезных оснований для вмешательства психолога.

Рисунок 8

Шизофрения, наркология в сравнении с нормой Вальнефера (пс.д. коэффициенты)

Факторный анализ данных. Совместная факторизация всего массива данных позволила выявить тот факт, что психодинамические коэффициенты образуют устойчивую структуру, обычную для корреляционной матрицы психодинамических коэффициентов. Ни один из коэффициентов не вошел в факторы, образованные пунктами анкеты. Это позволило нам отдельно провести отдельно факторизацию данных анкеты по отобранным пунктам и отдельно факторизацию психодинамических коэффициентов. Так как последняя практически не отличалась от обычной (), то опишем ее первой.

Обычная факторная структура состоит из трех факторов. В **первый фактор** с высокими положительными весами входят коэффициент дезадаптации, коэффициент мечтательности и коэффициент активности. Таким образом, полюса этого фактора представляют людей дезадаптированных (другой полюс - хорошо адаптирующихся), мечтательных, т.е. мнящих о себе того, чего нет на самом деле. Во **второй фактор** во всех выборках входят с высокими весами коэффициенты **волевой напряженности, избирательности (избегания) и сопротивляемости, с более низким (отрицательным) весом – коэффициент конструктивности поведения.** Высокая конструктивность поведения, очевидно, связана с более низким напряжением, высокой сопротивляемостью, высокой вовлеченностью в происходящее. Другой полюс фактора представляет противоположную картину. В **третий фактор** во всех выборках входит **коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности, коэффициент дистантности общения и коэффициент конфликтности.** Коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности играет в этом факторе особую роль. Это единственный коэффициент, который практически не имеет корреляционных связей с другими коэффициентами. Однако, при интерпретации данных по более широкому набору тестов, именно он тесно связан со статическими

личностными свойствами. В частности, имеется сильная корреляционная связь Кчэ с фактором лжи по ММРІ, также с фактором коррекции. Чувственно эстетическое отношение к действительности, таким образом, предполагает формирование целостного образа мира, включающего и новый образ себя. Третий фактор можно рассматривать, исходя из вышеизложенного, как фактор “подачи” человеком самого себя, своей личности в местах лишения свободы. Или как фактор образа себя. Такова общая для всех выборок факторная структура психодинамики поведения в местах лишения свободы, а также в целом в экстремальных условиях жизнедеятельности. Те ее изменения, которые можно наблюдать в конкретных исследованиях, свидетельствуют о специфичности обследуемой группы испытуемых.

Таблица 5

Факторные нагрузки психодинамических коэффициентов в трехфакторной
пространстве.

	1-й неспец-й фактор	2-й специф-й фактор	3-й фактор «подачи себя»
Кда	0,344584	0,887499	-0,024977
Ккп	-0,414762	-0,302683	-0,622193
Квн	0,789856	-0,421487	0,124665
Кизб	0,805153	0,195039	0,293862
Ксопр	0,916190	0,159929	0,178451
К до	0,066224	-0,460435	0,609452
Кмеч	-0,111181	0,844501	0,146185
Кчэ	0,151162	-0,252325	0,623657
Кконф	-0,177867	-0,434188	-0,767881
Какт	0,366984	0,818166	0,024300

ВК 0,232498 **-0,795650** 0,188782

Для обследуемой выборки осужденных в карантине характерно изменение порядка факторов по степени объясняемой дисперсии. На первое место выходит специфический фактор волевого напряжения, что, в общем, понятно, учитывая тот факт, что обследованию подвергались лица, находящиеся в карантине, т.е. еще не адаптировавшиеся к условиям отбывания наказания. Этим же, видимо, можно объяснить и тот факт, что коэффициент конструктивности поведения переходит в третий фактор «подачи себя» с отрицательным весом (жирным выделены значимые веса). В целом по результатам факторного анализа осужденный в карантине предстает (по первому фактору) как напряженный, избегающий общения, однако, с низкой сопротивляемостью внешним воздействиям (коэффициент обратный), по второму фактору – как дезадаптивный, склонный к фантазиям и воображающий о себе всякую чепуху, а также с низкой активностью (коэффициент обратный), и наконец (по третьему фактору) неконструктивным в поведении, с большой дистантностью общения, склонным к высокомерию и подозрительности, конфликтным (коэффициент обратный). Противоположные полюса факторов представляют адаптивных осужденных. Сравним общую для карантина факторную структуру личностной психодинамики с факторной структурой личности осужденных, состоящих на учете у психиатра.

Таблица 6

Факторная структура психодинамики личности осужденных, состоящих на учете у психиатра и находящихся в карантине

1-й	2-й	3-й
спец-й	фактор	неспециф-й
фактор	«подачи	фактор

		себя»	
Кда	0,830791	0,455937	0,235135
Ккп	-0,327307	0,012753	-0,855797
Квн	0,270971	-0,914436	-0,102095
Кизб	0,901846	-0,119524	0,260339
Ксопр	0,898228	-0,245745	0,127272
Кдо	-0,047013	-0,854058	0,129033
Кмеч	0,414548	0,582809	0,506912
Кчэ	0,096017	-0,775972	0,385628
Кконф	-0,186152	0,155579	-0,918588
К акт	0,737361	0,334187	0,460668
ВК	-0,321104	-0,869323	-0,128971

Из таблицы 6 видно, что осужденные, состоящие на учете у психиатра имеют совершенно иную факторную структуру личностной психодинамики. По первому фактору, они дезадаптированы, не вовлекаются в общение, у них низкая сопротивляемость и низкая активность (коэффициенты обратные). По второму фактору они склонны «подавать себя» с минимумом волевого напряжения, нарушать дистанцию общения, пребывая в иллюзорном мире (отрицательные веса коэффициентов). По третьему фактору неконструктивность поведения сочетается у них с аконфликтностью (отрицательные веса коэффициентов). Реакцией на дзадаптацию является не волевое напряжение, а, напротив, расслабление с подачей себя, мол, принимайте, как есть. Этот психодинамический портрет личности осужденного, состоящего на учете у психиатра, для психолога практика означает необходимость соотнести свои наблюдения в момент обследования в карантине с результатом обследования врачом психиатром, а, при необходимости, и затребовать таковое. Дело в том, что подобное поведение осужденного может быть и симулятивным. Приведем теперь факторную структуру личности психически больных осужденных, уже находящихся в больнице.

Таблица 7

Факторная структура психодинамики личности осужденных,
находящихся в больнице с психиатрическим диагнозом

	1-й Спец-й Фактор	2-й Неспец-й Фактор	3-й фактор «подачи себя»
Кда	0,135136	0,909381	0,278791
Ккп	-0,918808	0,126192	-0,240322
Квн	0,260960	-0,629132	0,667389
Кизб	0,573481	0,154372	0,749226
Ксопр	0,550118	0,190641	0,741101
Кдо	0,436105	-0,052434	0,178551
Кмеч	0,282229	0,919549	-0,174901
Кчэ	0,220069	0,072825	0,722739
Кконф	-0,859045	-0,210122	-0,264629
Какт	-0,122105	0,826245	0,456056
ВК	0,537598	-0,738671	0,119282

Из таблицы 7 видно, что психически больные осужденные (по первому фактору) не конструктивны в поведении, при этом аконфликтны. Высокая дезадаптация (по второму фактору) сочетается у них отсутствием волевой напряженности и готовностью к встрече жизненных трудностей на фоне низкой активности (будь, что будет). Наконец именно необходимость как-то себя подавать (держат лицо) вызывает у них максимум волевого напряжения, ведет к избеганию общения. И снижению сопротивляемости (коэффициент обратный). Возможно, что сравнение этих двух портретов может помочь психологу практику отличить истинное заболевание от симуляции. Прежде всего, по фактору «подачи себя». Действительно больным это уже трудно делать. Не находящиеся в больнице делают это без всякого напряжения.

Обратимся к факторному анализу данных анкеты, разработанной в МПЛ ФСИН России по Северо-Западу. В результате первичного анализа собранных данных из 291 пункта пригодными для факторизации были признаны 63.

Остальные либо не дают достаточной вариативности, либо требуют качественного анализа. Было выделено 24 фактора:

- 1) п. 105 – наблюдался у невропатолога
п. 106 – наблюдался у психиатра
- 2) п. 226 – поддерживает отношения с родственниками
п. 227 – поддерживает отношения с друзьями
п. 228 – поддерживает отношения со знакомыми
- 3) п. 46 – испытывал недостаток в питании
п. 48 – испытывал недостаток в сладостях
- 4) п. 52 – испытывал недостаток в острых ощущениях
п. 53 – испытывал недостаток в новых впечатлениях
- 5) п. 34 – в воспитании наибольшее участие принимала бабушка
п. 35 – в воспитании наибольшее участие принимал дедушка
- 6) п. 110 – лечение в туб.диспансере (с отрицательным весом)
п. 143 – имеется инфекционный туберкулез
- 7) п. 272 – нуждается в помощи психолога
п. 273 – нуждается в помощи психиатра
- 8) п. 107 – наблюдался у нарколога
п. 109 – лечился в наркологическом диспансере
- 9) п. 119 – эпизодически употреблял алкоголь
- 10) п. 82 – имеет судимых родственников (с отрицательным весом)
- 11) п. 26 – в воспитании наибольшее участие принимала мать
- 12) п. 146 – болен гепатитом
- 13) п. 229 – считает себя верующим человеком
- 14) п. 113 – имел опыт употребления токсических веществ
- 15) п. 111 – лечился в кожно-венерологическом диспансере
- 16) п. 239 – совершил преступление в состоянии наркотического опьянения
- 17) п. 59 – был принужден к насильственному вступлению в половую связь
- 18) п. 1 – воспитывался без отца
п. 21 – пережил развод родителей

- 19)п. 223 – поддерживает отношения с женой
 п. 224 – поддерживает отношения с детьми
- 20)п. 240 – совершил преступление в состоянии токсического опьянения
- 21)п. 54 – в детстве испытывал нужду в друзьях и товарищах
- 22)п. 194 – имел приводы в милицию
- 23)п. 50 – в детстве имел нужду в книгах.

Полученная факторная структура, очевидно, представляет основные направления анализа личности осужденного в карантине. Характерно, что первый по значимости фактор – это наблюдался ли осужденный у невропатолога и психиатра. Этот фактор выбирает наибольшую дисперсию. Правильная оценка психического состояния поступившего в карантин является, таким образом, ведущей. О том, как она может происходить, мы говорили выше.

Последний вопрос, который следует освятить, это, как биографические данные осужденных, отраженные в анкете, связаны с их нынешней психодинамической структурой личности, отраженной в спектре психодинамических коэффициентов. Такой анализ был проведен посредством расчета коэффициента корреляции Kendal-Tau. Данные приведены в таблице 8.

Таблица 8.

Корреляционные связи психодинамических коэффициентов с пунктами анкеты обследования осужденных в карантине

Психодинамические коэффициенты	Пункты анкеты / знак корреляции (знак «плюс» не отмечается)
Кда	13, 81(-), 207(-), 240, 273
Ккп	26, 53(-), 105(-), 111, 144, 191, 194(-)
Квн	47(-), 50(-), 61, 80, 105, 106, 109, 145, 172, 191, 194, 206, 207, 223
Кизб	47(-), 105, 106, 109, 111(-), 172, 191, 194, 207, 223, 243(-), 273

Ксопр	81, 105, 106, 109, 111(-), 172, 191, 194, 207, 223, 243, 251
Кдо	26(-), 61, 81, 82(-), 98(-), 107(-), 109(-), 119, 142(-), 194, 207, 223, 243, 251
Кмечт	26, 81(-), 95(-), 145, 172, 242
Кчэ	26(-), 72(-), 82(-), 95, 119, 191, 207
Кконф	26, 81(-), 109, 111, 119, 191, 194
Какт	13, 51, 112, 142, 207, 242, 273

Из таблицы легко видеть, что большинство связей набирают психодинамические коэффициенты, входящие в фактор специфической реакции на экстремальность условий жизнедеятельности, а именно, Квн, Кизб, Ксопр, и Кдо. Из этого следует, что способность противостоять жизненным сложностям формируется под воздействием гораздо большего числа биографических факторов. Качественный анализ полученных корреляционных связей свидетельствует о валидности используемых психодинамических коэффициентов. Вопросы анкеты, прокоррелировавшие с психодинамическими коэффициентами в целом совпадают со списком вопросов, представленным факторным анализом. Таким образом, можно считать, что в результате проведенных исследований выявлены основные направления проведения стандартизированного интервью с осужденным в карантине.

Итак, опыт использования всего лишь десяти из возможных 168 пс.д.к. позволил сделать ряд существенных выводов в исследовании проблемы роли психического заболевания в структуре преступления и дальнейшего отбывания наказания личности человека, переступившего закон.

1. Психодинамическая стабильность или нестабильность, определяемая по спектру психодинамических коэффициентов и отражающая, в первую очередь, адаптивность личности осужденных в карантине непосредственно не связана с наличием или отсутствием у них психического заболевания.

2. Непсихические заболевания в целом связаны с большей психодинамической стабильностью и адаптивностью. Исключения составляют язвенная болезнь и болезни сердца в период обострения.
3. Психически больные имеют различную психодинамическую стабильность и адаптивность в зависимости от типа заболевания.
4. В целом для психических больных свойственна большая нестабильность по специфическому фактору психодинамической структуры личности (сопротивляемость, волевое напряжение - см. выше).
5. Биографический анализ личности осужденного в карантине связан множеством корреляционных связей с его психодинамическим состоянием (по результатам расчета пс.д.к.). Таким образом, психолог практик, опираясь на сравнение индивидуального спектра психодинамических коэффициентов с нормой Вальнефера и со средними для осужденных в карантине может направлять беседу в интересующем его направлении (см. табл. 8).

Приведем теперь данные сравнительных исследований по вышеописанному первичному набору 10 пс.д.к. для других групп испытуемых, объединенных экстремальными условиями жизнедеятельности (ЭУЖД). Одной из таких групп в наших исследованиях является группа осужденных за террористическую деятельность.

2.3.Цветопсиходинамика терроризма.

Прежде чем приведем некоторые экспериментальные факты кратко осветим сам объект этой серии прикладных исследований с психодинамической точки зрения.

2.3.1. Личность осужденного за террористическую деятельность

Мы приведем результаты экспериментальных исследований личности осужденного за террористическую деятельность и их теоретические обобщения по двум направлениям:

- экспериментальное исследование защитной сферы осужденных за террористическую деятельность (ТД) и
- экспериментальные исследования личностных профилей осужденных за ТД

Мы начнем с общего описания личности осужденного за ТД, затем опишем полученные экспериментальные данные, подтверждающие сделанные теоретические предположения и закончим предложением некоторых типологий личности террориста, основанных на полученных результатах

Начнем с определения некоторых базовых, наиболее значимых, на наш взгляд, отличий личности террориста. Здесь мы будем основываться на самых различных источниках информации, начиная с теоретического анализа проблемы терроризма, анализа бесед и интервью с лицами, осужденными за ТД, сотрудниками исправительных учреждений, где они содержатся, анализом экспериментальных данных. Эти базовые черты должны одновременно выступить и направлениями нашего дальнейшего конкретно психологического анализа результатов психодиагностических исследований лиц, осужденных за ТД.

Первое, на что, как нам представляется, следует указать, это **крайняя внутренняя противоречивость** личности террориста, которая проявляется буквально во всем. Это человек, который внутренне никогда не находится в мире с самим собой и окружением. Если он гордится своей

национальностью, то одновременно находится в войне с собственным народом. Пытаясь объяснить свое поведение религиозной догматикой, он самым грубым и греховным образом нарушает самые ее основы. Если он считает себя борцом за социальную справедливость, то одновременно позиционирует себя против общества. Все это могло бы показаться достаточно банальным, но в контексте этой работы смысл данных утверждений в том, что нам удалось экспериментально продемонстрировать, как это противоречивость определяет весь социально психологический облик террориста. Уже не таким тривиальным является факт, что террорист в среднем лучше образован, чем обычный преступник, но при этом категорически не хочет повышать уровень своего образования. Точно также имея специальность и возможность трудиться, он также категорически отказывается это делать. Причем в отличие от так называемых «блатных» осужденных, террорист делает это не «по понятиям», а из **внутриличностных** побуждений. В своей массе осужденным за террористическую деятельность блатной авторитет на зоне не доступен. Таким образом, отказываясь (хотя и имея возможность и способности) от труда, общественной жизни, участия в самодеятельных организациях, продолжения обучения осужденный террорист сам максимально усложняет себе отбывание срока наказания, т.к. отрицает все возможности занять время. Нам могли бы возразить, что блатной авторитет делает тоже самое и чувствует себя в зоне как рыба в воде. Но в том то все и дело, что террорист и относительно окружающих осужденных тоже держит (вынужден держать) максимальную дистанцию. И в этом вновь проявляется внутренняя его противоречивость. Получается интересная вещь. Нам нигде, никогда не приходилось слышать о каких бы то ни было гласных или негласных запретах на включение террориста в случае попадания в тюрьму на участие в тех или иных формах общения и деятельности внутри колонии. Тем более, нет каких бы то ни было религиозных или моральных запретов. Тем не менее, это является наиболее характерной чертой осужденного террориста,

возможно и не только осужденного. Когда человек не знает о запретах, но строго их выполняет, такая форма управления поведением называется зомбированием. Мы не настаиваем на этом слишком сильном термине и поэтому следующую существенную черту личности террориста назовем более развернуто. Как понимать эту черту личности с вышеизложенных психодинамических позиций. Нам представляется, что речь здесь должна идти об очень узком коридоре обмена душевным теплом с внешним миром. Отсюда и низкий уровень этого тепла. Тогда мы и говорим о террористе как холодном, жестоком человеке, имея в виду узость коридора обмена в волевом двигателе. Но внутри этого коридора температура душевного взаимодействия очень высока, опять же за счет узости самого коридора. И тогда мы говорим о фанатизме террора, его горячей приверженности своим маниакальным ценностям. Так выглядит психодинамический механизм этой противоречивости.

Вторая обобщенная черта личности террориста – это **внутренний запрет на социально ожидаемые формы общения и деятельности**, который представляет как бы оборотную сторону **внутренней противоречивости личности**.

Гипотеза нашего дальнейшего исследования и будет состоять в том, что существует сложный неосознаваемый личностный структурный механизм **сохранения** этих двух составляющих. Мы экспериментально покажем, что личность террориста, по крайней мере по комплексу оцененных и измеренных ее свойств, так устроена, что вся ее **подсознательная психодинамика строится на поддержании внутренней противоречивости и психосоциальной изолированности**. Исходя из вышесказанного необходимо подчеркнуть также и следующее.

Третья обобщенная черта личности террориста это его, если можно так выразиться, **«принципиальная десоциализированность»**. Если обычный преступник десоциализирован в обществе, то тюрьма ему «дом родной» или даже что-то вроде «университета» преступной жизни.

Террорист десоциализирован везде. Как мы уже показали выше, он **не** проходит свою преступную подготовку на зоне. его готовят на воле. В тюрьму он попадает сложившейся личностью, прекрасно понимая, что он совершил. Выходя на волю, террорист попадает в ту среду, где он и сложился как личность. Если обычного осужденного воля влечет как возможность другой жизни (хотя бы какое-то время), то террориста воля влечет, как возможность продолжить преступную террористическую деятельность. Одна десоциализация сменяется другой. Следует, однако, оговориться. Мы не утверждаем, что указанные три комплекса личностных черт не могут быть присущи другим осужденным. Могут. Но, во-первых, это для них нетипично. Во-вторых, эти черты могут встречаться по отдельности. Террористов отличает, по нашему мнению, высокая вероятность сочетания всех трех перечисленных особенностей с высокой степенью выраженности. Для них это типичный комплекс черт. Обратимся к анализу некоторых экспериментальных наблюдений.

Метод анализа психологических защит осужденных террористов по методике «Индекс жизненного стиля» (Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х.Р. Конта) позволяет определить девиации и нормы проявления типов психологических защит обследуемых.

Одна из основных гипотез нашего исследования и состояла в том, что поведение террориста носит защитный характер. Выявив наиболее часто используемые механизмы защиты из предлагаемого списка (отрицание, подавление, регрессия, компенсация, проекция, замещение, рационализация, реактивные образования), мы можем ожидать более эффективных результатов психокоррекционной работы с данным индивидом. Проанализируем здесь результаты факторного анализа данных, полученных в психодиагностическом обследовании осужденных за ТД (104 человека).

Таблица 9

Двухфакторная структура психологических защит у осужденных за ТД (жирным шрифтом выделены значимые нагрузки факторов)

	1 фактор	2 фактор
Отрицание	0,038521	0,586627
Подавление	0,499918	0,412783
Регрессия	0,878058	0,075768
Компенсация	0,746362	0,038458
Проекция	0,595041	0,468215
Замещение	0,883738	-0,070574
Рационализация	0,012704	0,761730
Реактивные образования	0,084092	0,691060

В первый фактор кроме регрессии с большими весам входят также замещение и компенсация. Учитывая тот факт, что компенсация – это та форма защиты, которая в существенной мере осуществляется **сознательно**, то можно сказать, что в этом факторе представлена защитная внутриличностная организация, основанная на **связи** сознания и подсознания. Эта связь динамична, а, следовательно, личность может развиваться и стать доступной внешним воздействиям.

Второй фактор представляет нам гораздо более простой механизм защиты. Здесь отрицание и подавление (отказ видеть, слышать, понимать) связан с рационализацией и реактивными образованиями. Этот состав и представляет работу проекции. Рационализация в коротком определении – это нахождение рациональных объяснений своим иррациональным или аморальным (преступным) действиям: я ворую, потому что все воруют, я убивал, но только плохих людей. Реактивное же образование – это уже превращение этих объяснений в жизненные позиции, мини-концепции: надо так делать. Таким образом, смысл этого защитного поведения прост: не я – другие – виноваты (проекция), знать ничего не знаю (отрицание), сделал

потому что... (рационализация), так и надо делать потому что... (реактивные образования), и слышать ничего не хочу (вновь отрицание). Цикл замкнулся. Такая защита очень устойчива, и ее трудно преодолеть, чтобы открылись какие-то возможности изменения (исправления) личности. Такой жесткости нет в первом случае (первый фактор), т.к. и регрессия и компенсация допускают разнообразные и гибкие пути личностных изменений. Отсюда и принципиально разные стратегии психокоррекционной и психотерапевтической работы с людьми этих двух типов. Очевидно, что тип защит представленный первым фактором более характерен для типичных террористов, а представленный вторым фактором (зацикленный) – террористам с более ярко выраженным социально-психологическим портретом. Тогда мы можем представить данную выше типологию и формы психокоррекционной работы с людьми разных типов более развернуто, предварительно предложив еще одну частную типологию защит:

- отрицающе-реактивный тип
- регрессионно-компенсаторный тип

Анализ индивидуальных профилей личностных расстройств по всей обследованной выборке осужденных за ТД позволил выделить две различных группы, внутри которых испытуемые имеют схожие профили. Для определения «схожести» мы пользовались так называемой трех-пиковой интерпретацией. Предполагается, что испытуемые имеют схожие профили, если у них на графике, отражающем личностный профиль, имеются пики (наиболее высокие значения) по одним и тем же шкалам. Так были выявлены схожие профили с пиками по шкалам **ипохондрии истерии и паранойяльности** у 75% обследованных осужденных за ТД.

Если обратиться к стандартной интерпретации такого профиля, то можно видеть, что его описание целиком подтверждает наше теоретическое описание личности террориста, сделанное в начале статьи. Мы видим

проявления глубокой *противоречивости личности*, ее *психосоциальной изолированности*, и *десоциализации*. Более того, здесь они выражены даже более рельефно, как бы доведены до предела. В результате чего прослеживаются и явные различия. Большая напряженность, большая захваченность сверхидеями, большая агрессивность и т.д., исчезает исполнительность, избегание ответственности. Возможно это портрет террористического лидера, но утверждать это мы сейчас не можем, т.к. если это и так, то осужденные тщательно это скрывают.

Итак, в результате изучения индивидуальных профилей мы можем предложить обобщенную типологию личности, осужденного за ТД.

- «Типичный участник террористической деятельности». У этого типа хорошо выражен социально-психологический портрет по всем трем группам. Таких людей большинство (75%). Наиболее существенными отличительными их особенностями являются исполнительность, наличие сверхценных идей, непосредственно запускающих механизм агрессии, избегание ответственности. Возможно это тип обычного исполнителя.
- «Ярко выраженный тип участника террористической деятельности». У этого типа личности все черты социально-психологического портрета выражены почти предельным образом. Наиболее существенными отличительными особенностями являются агрессивность, усиление сверхценных идей, осторожность, не склонен избегать ответственности. Таких представителей 12%. Возможно, этот тип характерен для террористических лидеров не самых высших звеньев.
- «Аморфный тип». К этому типу относятся все лица с самыми разными психологическими свойствами (13%). Возможно, это люди случайно примкнувшие к террористической деятельности.

2.3.2. Анализ личности осужденного за ТД по спектру психодинамических коэффициентов

В таблице 9 приведены результаты расчета вышеописанных пс.д.к. Напомним, что аутогенная норма Вальнефера представляет собой усредненный цветовой выбор, к которому тяготеют выборы испытуемых, прошедших длительное психотерапевтическое лечение по методу аутогенной тренировки Шульцга, а именно следующую последовательность цветов: красный, желтый, зеленый, фиолетовый, синий, коричневый, серый, черный.

Таблица 10

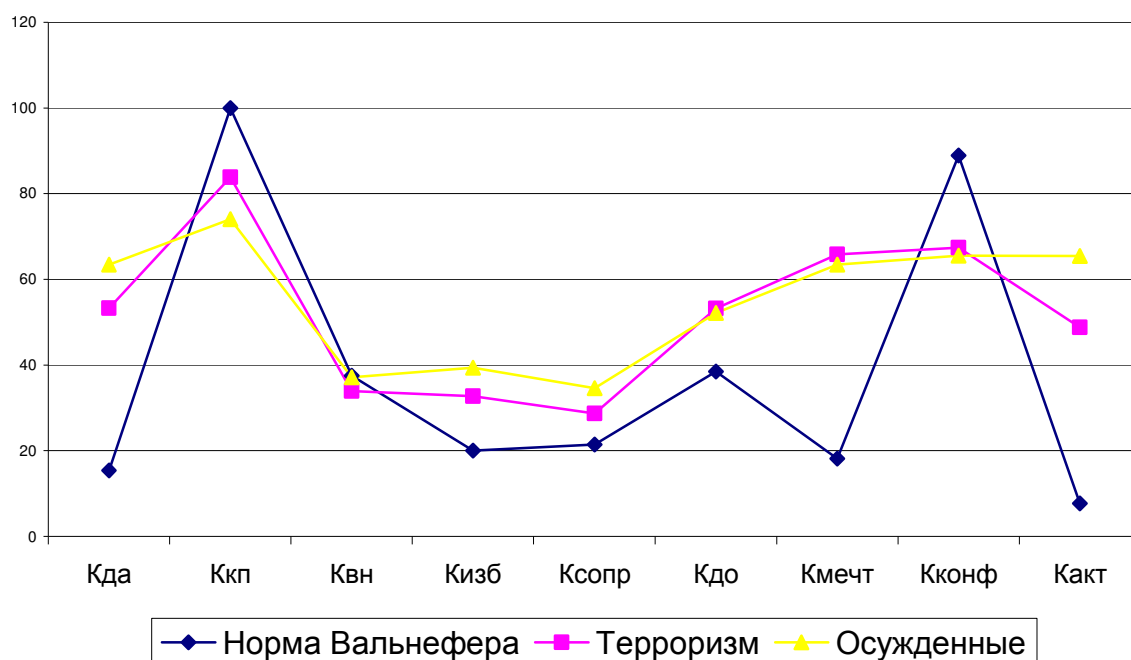
Средние значения пс.д.к. по выборке осужденных за ТД в сравнении с нормой Вальнефера и осужденными за разные преступления в разных регионах России (356 чел)

Коэффициенты	Норма Вальнефера	Терроризм	Осужденные
Кда	15,38462	53,2754	63,42350
Ккп	100	83,8217	74,02057
Квн	37,5	33,9397	37,13178
Кизб	20	32,7528	39,36697
Ксопр	21,42857	28,6671	34,56987
Кдо	38,46154	53,1975	52,19097
Кмечт	18,18182	65,8493	63,45909
Кконф	88,88889	67,3921	65,55597
Какт	7,692308	48,7784	65,48172

На рисунке 5 можно видеть, что для осужденных характерны определенные отличия от нормы Вальнефера, так их характеризует большая дезадаптивность и меньшая активность, что легко объяснимо условиями отбывания наказания.

Рисунок 9

Средние значения по пс.д.к. по выборке террористов и других осужденных в сравнении с нормой Вальнефера

Однако, на этом фоне видно, что осужденные террористы гораздо менее дезадаптивны и гораздо более активны. Также у них наблюдается снижение коэффициентов зеленой (по числителю – см. табл. 1) группы пс.д.к., что говорит о большей волевой собранности и готовности к действию. Этот факт заинтересовал нас особо. По своей основной интерпретации зеленый цвет – «это цвет эластичной (упругой) напряженности выявляет упорство, целеустремленность, сопротивляемость изменениям, постоянство воззрений. Они (предпочитающие зеленый цвет) регидны, упорны, настойчивы. Обладание рассматривается как вариант самоутверждения» (определение Люшера в изложении Л.Н.Собчик, см. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. М. Речь.2001, с.12). Это описание напомнило нам некоторые черты террориста, описанные нами выше. Чтобы проверить этот факт мы обратились к результатам корреляционного анализа с целью выявления тех коэффициентов (из всех 168 возможных), которые входят в корреляционные плеяды с показателями психодиагностических тестов, направленных на изучение межличностного общения, структуры психологических защит, агрессивности (подробнее см. Подсознание террориста. М. 2006.) Результаты подтвердили наши ожидания. Действительно, коэффициенты зеленой группы (зеленый цвет

в числителе) более всего коррелировали с показателями других тестов. Мы отобрали те из них, которые имели наибольшее число корреляционных связей, т.е. являлись центрами корреляционных плеяд. Это оказались следующие коэффициенты (см. выше табл. 1 в соответствии с указанными ниже номерами)

- **24) 2/1+5, зеленый/ синий+фиолетовый – коэффициент беспокойной неудовлетворённости – нешаблонного мышления**
- **27) 2/1+8, зеленый / синий + серый – коэффициент потребности эмоционального комфорта (покоя)**
- **37) 2/5+6, зеленый / фиолетовый+коричневый – коэффициент индивидуального своеобразия**
- **38) 2/5+7, зеленый/ фиолетовый+черный – коэффициент лидерства**
- **39) 2/5+8, зеленый/ фиолетовый+серый – коэффициент (непонятой) доверчивости – пассивного сопротивления**

Следует заметить, что интерпретации, которые мы здесь предлагаем, существенно связаны с целями исследования именно таких испытуемых, как осужденные за террористическую деятельность.¹ В других исследованиях названия пс.д.к. могут быть уточнены в зависимости от научных и интерпретационных целей исследователя и даже изменены, если это не противоречит общей концепции метода расчета психодинамических коээффициентов, излагаемой в этой книге. Вернемся, однако, к интерпретации полученных результатов.

Следует обратить внимание на то, что в приведенном выше новом списке коэффициентов **низкие** значения всех коэффициентов соответствуют **высоким** проявлениям указанных качеств, в случае парных интерпретаций низкие значения соответствуют левому полюсу.

¹ Интерпретации коэффициентов подготовлены в рамках проводимого под нашим руководством диссертационного исследования Г.И.Белокурова (подробнее см.Подсознание террориста М. 2006 -)

Соотнесем рассчитанные по группе осужденных за террористическую деятельность (ТД) пс.д.к. с нормой Вальнефера и других групп осужденных (см. табл. 10).

Таблица 10

Средние значения пс.д.к. по выборке осужденных за ТД в сравнении с нормой Вальнефера и др. осужденными

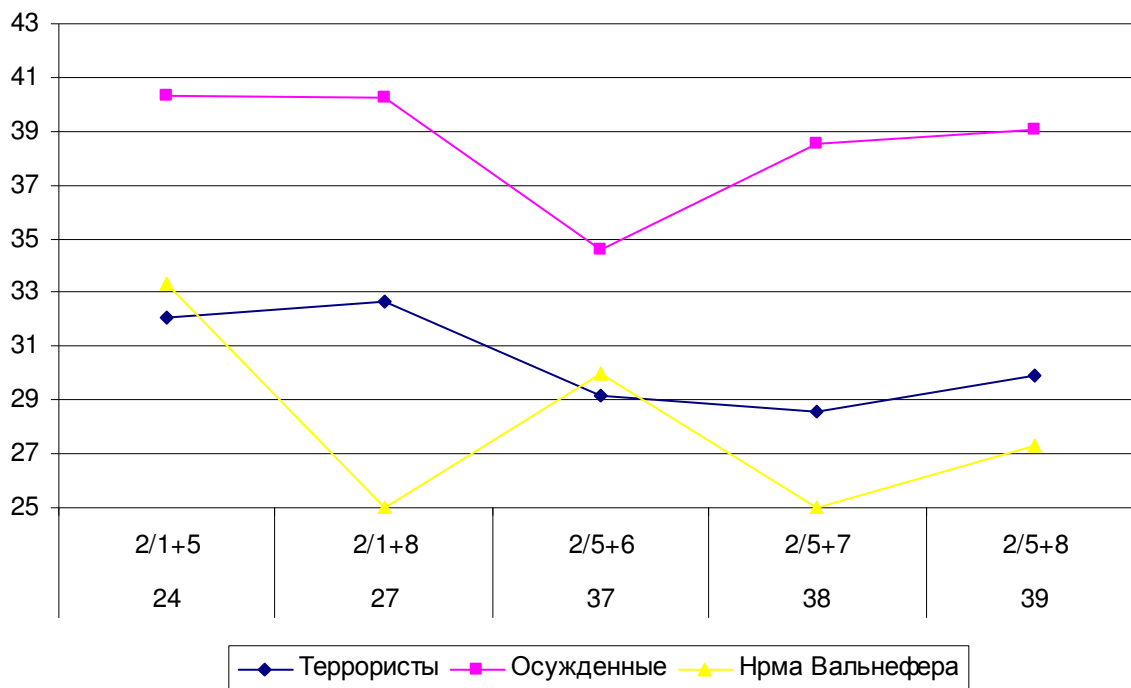
	Норма Вальнефера	Террористы	Осужденные
2/1+5	33,33	32,0635	40,31650
2/1+8	25	32,6723	40,21533
2/5+6	30	29,1631	34,62921
2/5+7	25	28,5574	38,51574
2/5+8	27,27	29,9048	39,08288

Из приведенных данных видно, что осужденных террористов отличает от обычных осужденных явные предпочтения зеленого цвета. Они сохраняют свою напористость, устойчивость воззрений, стремление к самоутверждению через обладание другими. Их профиль гораздо ближе к профилю нормы Вальнефера, что говорит о том, что и в заключении они чувствуют себя гораздо более комфортно, чем другие осужденные (см. рис.9). Речь, конечно, идет в первую очередь о психологическом комфорте.

Согласно данным, опубликованным нами ранее (подробнее см. Подсознание личности террориста), у данной категории осужденных наблюдаются проблемы в установлении межличностных связей, в специфичности типа психологической защиты. Наблюдаются отклонения в развитии личности, проблемы в адаптации, они самостоятельны и очень осторожны, стараются избегать конфликтов, но при этом считают окружающих виновниками всех своих неудач. У них проявляются моменты агрессивного отношения к обществу, они стараются игнорировать негативную информацию, но очень слабо защищены от нервного срыва.

Рисунок 9

Средние показатели пс.д.к. осужденных за ТД в сравнении с другими осужденными и нормой Вальнефера

Отдельные испытуемые более подвержены самобичеванию, отчаянию, безнадёжности, что легко может порождать асоциальные и аутоагрессивные установки в поведении.

В то же время другим осуждённым менее чем первым свойственны проявления слабости характера, они менее податливы влиянию окружающих, менее внушаемы, стараются до конца довести начатое дело, внешне спокойно переносят одиночество, не нуждаются в утешении, не ищут новых впечатлений. Они самостоятельны и очень осторожны, стараются избегать конфликтов, но при этом считают окружающих виновниками всех своих неудач, у них проявляются моменты агрессивного отношения к обществу.

В основном испытуемые не способны создавать энергетического заполнения вокруг травмированных элементов психики. Также они часто стремятся перекладывать вину за совершенные деяния на других людей, при

этом пытаются вытеснить у себя тревожные состояния и стараются по возможности избегать ответственности.

В современной психологии одним из основных направлений, как в практическом, так и в теоретическом плане является психология поведения человека.

Психодинамика поведения человека, в её современном понимании открывает широкий доступ экспериментального научно-психологического метода в область тех или иных проявлений человека, одним из которых является такое сложное явление как преступление и преступный образ жизни в целом.

Человек может попытаться изменить ситуацию, понимая, что больше так вести себя не сможет. Конструктивность или неконструктивность производимых изменений будет определяться индивидуальной психодинамикой поведения человека.

Для более детального анализа поставленной экспериментальной задачи мы провели сравнительный анализ особенностей поведения осуждённых-террористов с другими осуждёнными.

Анализируя психодинамику поведения по спектру психодинамических коэффициентов, мы можем сделать следующие выводы. Люди, попадая, в различные по экстремальности условия жизнедеятельности, коими в данном случае выступают факты лишения свободы, мобилизуют все свои внутренние ресурсы, направляя их на то, чтобы максимально быстро адаптироваться к новому для них положению в обществе, положению людей, лишённых свободы.

Опираясь на мнение самих осуждённых можно говорить о том, что лишение свободы, несомненно, является стрессом для человека, и даже для того, кто проходит через ворота исправительной колонии далеко не впервые. В связи с этим интересен тот факт, что в большинстве своём в процессе лишения свободы, человек не становится внешне агрессивным, а приспосабливается, стремится избегать конфликтов, всевозможных споров и

разногласий. Во взаимодействиях с людьми ориентируется на личностные качества.

Обратимся теперь к интерпретации значений построенных коэффициентов у осужденных за ТД.

Странное на первый взгляд сходство террористов и вольных граждан подтверждает **коэффициент лидерства**.

При **высоких** значениях указанного коэффициента, то есть при отвержении зелёного цвета и постановке в начало ряда фиолетового и чёрного цветов, человек напряжён из-за отстаивания собственной независимости, избирателен в межличностных контактах, категоричен в принятии самостоятельных решений, стремится к независимости.

При **низких** значениях этого коэффициента, то есть при расположении зелёного цвета в начале ряда и отвержении фиолетового и чёрного, человек ориентируется на своё собственное мнение, предъявляет очень высокие требования к окружающим его людям, рассуждает несколько своеобразно, могут проявляться признаки социальной дезадаптации.

Итак, наибольшее количество связей в корреляционном анализе имеют пс.д.к. зеленой группы. Говорит это, пожалуй, о том, что при отвержении зелёного цвета и постановке в начало ряда других групп цветов, человек отстаивает свои собственные установки, проявляет упорство, противодействует обстоятельствам. При этом с изрядным чувством соперничества, опираясь на свой жизненный опыт, пропагандирует окружающим свою собственную социальную позицию.

При расположении зелёного цвета в начале ряда и отвержении других групп цветов, человек может быть угнетён в отстаивании своей позиции. Может быть недовольным своим социальным статусом. При этом ввиду ослабления волевых качеств, не предпринимает для изменения ситуации ни каких действий.

Так как нас интересует в первую очередь террорист, то попробуем проинтерпретировать особенности его поведения, опираясь на полученные данные.

Террорист, где бы он ни был, в колонии или на свободе, живёт своей обычной жизнью. Он, пусть даже подсознательно, участник мощного террористического движения, он «избранный». За его спиной стоит некая сила, которая морально поддерживает его в трудную минуту. Колония входит в его намеченный жизненный план, и поэтому террорист, как и обычный вольный гражданин, психологически не отбывает наказание. Он уверен, что выйдет на свободу и продолжит своё дело.

Обычный осуждённый, при всех за и против, готов к исправительному воздействию, а террорист нет. Обычные осуждённые, с той или иной степенью открытости, ждут приближения дня освобождения. Надеются изменить свою жизнь по выходу на свободу. Террористу же, психологически не отбывающему наказание, это не нужно. А так как, он не наказан, и тюрьма это часть его жизни, он и не поддаётся исправлению.

В связи с этим необходимо заставить террориста понять, что он наказан. Необходима выработка иных мер воспитательного, психологического, исправительного воздействия на него. Которые видимо должны отличаться от мер воздействия на обычных осуждённых, ввиду разной духовности указанных групп (подробнее см. Сочинко Д.В., Белокуров Г.И. - 106).

Однако для более детального понимания поставленной проблемы нам представляется необходимым и реальным создание определённой психодинамической типологии осуждённых-террористов, с целью определения мер психолого-педагогического воздействия, прогноза адаптации к условиям содержания, исправления криминального поведения и их ресоциализации.

С этой целью, всю матрицу первичных данных мы подвергли кластерному анализу.

При интерпретации данных необходимо учитывать тот факт, что осуждённые уравниваются в условиях отбывания наказания, и различия в спектре психодинамических коэффициентов могут рассматриваться как сугубо внутриличностные причины. Обработка данных методом кластерного анализа показывает, что психодинамическая структура реакций на различные события, обусловленные соблюдением тех или иных норм, не зависит от качественного определения этих реакций. Таким образом, и выделяются два типичных кластера с некоторыми специфическими отклонениями.

Так к первому кластеру отнесено 42 человека, ко второму 83 человека. Наблюдаются ярко противоположные значения показателей двух кластеров.

Достаточно удалены друг от друга данные зелёной группы психодинамических коэффициентов.

При чём наиболее удалённые по своим значениям данные приходятся опять же на коэффициент №1, уже описанный выше. Таким образом, мы возьмём на себя смелость предположить, что из всего, если можно так сказать, многообразия террористов уже реально выделяются два типа. **Это:**

- **беспомощный террорист** (ждущий помощи извне и надеющийся таким образом разрешить свои внутренние проблемы);
- **зависимый террорист** (обвиняющий во всех своих бедах, окружающую действительность).

Анализируя далее, выбранные нами психодинамические коэффициенты, мы видим, как уже говорилось, что наибольшее количество выборов выпадает на зелёный цветовой фактор.

И здесь, продолжая формировать типологию, мы обозначим испытуемых следующими определениями:

- **террорист-фанатик** (не смотря, ни на что, отстаивает свою позицию);
- **слабовольный террорист** (угнетён и недоволен своим социальным статусом).

Помимо, уже названного нами коэффициента лидерства, относящегося к упомянутой цветовой группе, для наглядности обозначим ещё три,

наиболее часто встречающихся, психодинамических коэффициента, которые, на наш взгляд разбивают интерпретацию зелёной группы факторов, на более детальные моменты.

Следующий психодинамический коэффициент представляет собой частное от деления рангового места зелёного цвета на сумму ранговых мест синего и фиолетового цветов. Мы назвали его коэффициентом **беспокойной неудовлетворённости – нешаблонного мышления**.

При **высоких** значениях указанного коэффициента, то есть при отвергании зелёного цвета и постановке в начало ряда синего и фиолетового цветов, человек неудовлетворён сложившимися взаимоотношениями, проявляет нетерпение, излишнюю раздражительность, чрезмерно напряжён.

При **низких** значениях этого коэффициента, то есть при расположении зелёного цвета в начале ряда и отвержении синего и фиолетового, человек испытывает трудности в социальной адаптации, склонен к оригинальному мышлению, высоко чувствителен к внешним раздражителям.

Следующий психодинамический коэффициент представляет из себя частное от деления рангового места зелёного цвета на сумму ранговых мест синего и серого цветов. Назвали мы его **коэффициентом эмоционального комфорта (покоя)**.

При **высоких** значениях коэффициента, то есть при отвергании зелёного цвета и постановке в начало ряда синего и серого цветов, человек стремится избежать ответственности, отказывается расслабиться, но проявляет зависимость от значимых для него лиц, при не реализованной потребности в понимании.

При **низких** значениях коэффициента, то есть при расположении зелёного цвета в начале ряда и отвержении синего и серого, человек испытывает потребность в прочной привязанности, в покое, склонен к ограничению контактов, избеганию конфликтных ситуаций.

Следующий психодинамический коэффициент, представляющий из себя частное от деления рангового места зелёного цвета на сумму ранговых

мест фиолетового и коричневого цветов, мы назвали **коэффициентом индивидуального своеобразия**.

При **высоких** значениях указанного коэффициента, то есть при отвержении зелёного цвета и постановке в начало ряда фиолетового и коричневого цветов, человек в силу достаточно высокого уровня притязаний испытывает трудности в межличностных контактах.

При **низких** значениях этого коэффициента, то есть при расположении зелёного цвета в начале ряда и отвержении фиолетового и коричневого, человек испытывает потребность в особых условиях, у него обострена чувствительность к средовым воздействиям, ему присуща повышенная мнительность.

Самый часто встречающийся в нашей выборке коэффициент представляет из себя частное от деления рангового места зелёного цвета на сумму ранговых мест фиолетового и серого цветов. Назовём его **коэффициентом доверчивости – пассивного сопротивления**.

При **высоких** значениях указанного коэффициента, то есть при отвержении зелёного цвета и постановке в начало ряда фиолетового и серого цветов, человек нетерпелив и напряжён. Он чувствует, что не находит должного понимания со стороны окружающих. Чрезмерно доверчив и как проявление защитного механизма, предъявляет повышенные требования к окружающим.

При **низких** значениях этого коэффициента, то есть при расположении зелёного цвета в начале ряда и отвержении фиолетового и серого, человек возможно испытывает трудности в социальной адаптации. При этом оторван от реальной жизни, пребывает в мире иллюзий. Вероятно, излишне раним, в поведении в основном занимает пассивно-созерцательную позицию.

Итак, мы видим, что представленная схема расчета психодинамических коэффициентов цветового выбора достаточно чутко реагирует на специфические условия жизнедеятельности личности. В данном случае это была выборка осужденных за террористическую деятельность в сравнении с

другими осужденными по разным статьям. Рассмотрим теперь для сравнения другие группы испытуемых, объединенные одинаковыми по экстремальности условиями жизнедеятельности.

2.4. Анализ спектра психодинамических коэффициентов по различным группам испытуемых, связанных одинаковыми по экстремальности условиями жизнедеятельности

Попробуем сравнить средние оценки пс.д.к. в группах осужденных и лиц, обеспечивающих режим отбывания наказания, т.е. сотрудников исправительных учреждений ФСИН России.

Первичные статистики по всем коэффициентам для обследованных групп испытуемых приведены в таблицах 11.

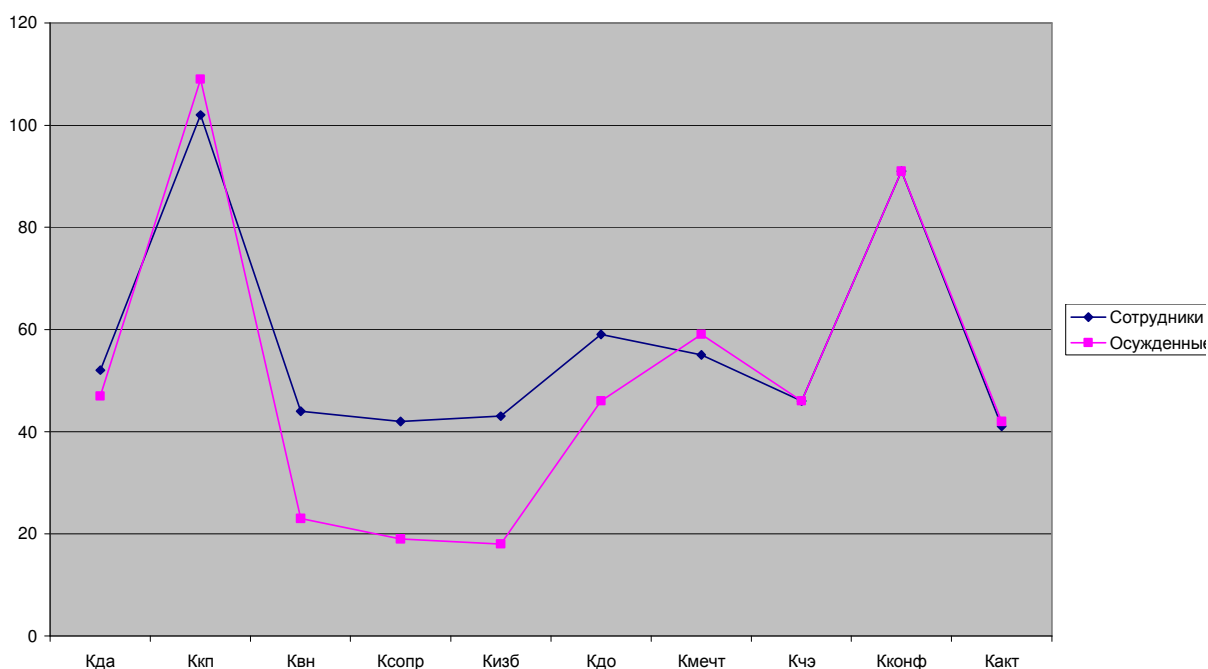
Таблица 11.

Средние оценки и стандартные отклонения психодинамических коэффициентов по группам испытуемых

	ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ									
	Кда	Ккп	Квн	Кизб	Ксопр	Кдо	Кмечт	Кчэ	Кконф	Какт
Сотрудники колонии:										
Средняя оценка	52	102	44	42	43	59	55	46	91	41
стандартное отклонение	51	37	36	40	42	44	49	46	41	42
Осужденные колонии строгого режима:										
Средняя оценка	47	109	23	19	18	46	59	46	91	42
Стандартное отклонение	41	52	19	15	14	25	50	46	39	34

Рисунок 10

Средние оценки пс.д.к. по группам осужденных и сотрудников исправительных учреждений

Из табл. 11 и рис. 10 можно видеть, что наибольшие различия между осужденными и сотрудниками наблюдаются по коэффициентам опять же зеленого фактора, а именно волевой напряженности, сопротивляемости, избирательности общения. Этот факт, на наш взгляд, достаточно легко объясним. В отличие от осужденных сотрудники несут службу, т.е. ответственность. Осужденные же отбывают срок наказания. Учитывая зарплаты сотрудников и современную гуманизацию отбывания наказания осужденными, последние чувствуют себя более спокойно и расслабленно. Речь, конечно, идет о средних показателях. И это очень хороший эффект реформирования пенитенциарной системы в России, т.к. только в состоянии относительного покоя человек может прийти к истинному покаянию, и его исправление будет более эффективным.

С этой точки зрения интересными представляются корреляции таких личностных свойств сотрудников спец-подразделений перед отправлением в «горячие точки» как «сверхконтроль», «эго-напряженность» и «тревожность», которые в этот период в существенной мере определяют цветопсиходинамику их личности, которая как мы указывали выше есть

отражение мира в категориях душевного тепла, т.е. его максимальное восприятие как потока тепла извне.

- 1 шкала «сверхконтроль» по СМИЛ до командировки обнаружила значимую положительную корреляцию по фактору Q 4 16-факторного опросника Кеттелла «эго-напряженность» после командировки и образовала связь по фиолетовому фактору «тревожность» психодинамических коэффициентов (88, 89, 90, 94);

- 2 шкала «пессимистичности», 7 «тревожности» по СМИЛ до командировки отрицательно прокоррелировала по 1 шкале «сверхконтроль», по фактору В «интеллект» 16 факторного опросника Кеттелла после зоны ЧС. Здесь также образовалась связь, но уже по двум факторам психодинамических коэффициентов по черному и серому (109, 130, 151) (Подробнее см. Сочивко Д.В., Красикова Ю.Ю. - 107)

Характерно появление здесь как доминирующих в личностной сфере черно-серофиолетовых тонов. Подробнее вопросам цветопсиходинамики мы займемся в другой книге с одноименным названием.

3. Психодинамика волевых, эмоциональных и когнитивных состояний личности в различных по экстремальности условиях жизнедеятельности

3.1. Психодинамика волевых состояний в экстремальных условиях жизнедеятельности

Экспериментальное исследование волевых состояний проводилось по методике, описанной выше в главе, посвященной психодинамическим методам диагностики. В качестве испытуемых выступали военнослужащие и осужденные колонии строгого режима. Как уже говорилось выше эти две выборки состоят из людей существенно различающихся по экстремальности условий жизнедеятельности.

Тест «Воля» предполагает наличие четырех базовых состояний человека, представляющих сферу его желаний. Это состояния отчаяния (О), уныния (У), небрежения (Н) и самоукорения (С).

Отчаяние — это состояние, характеризующее отношение к перспективе настоящее — будущее время жизни, при этом не только отношение к настоящему совершенно негативно, но и в будущем отрицается всякая возможная перспектива улучшения жизни.

Уныние — это состояние, связывающее негативным образом прошлое и настоящее. В прошлом видятся одни ошибки и неудачи, поэтому и настоящее положение предстает в мрачном свете.

Самоукорение — это состояние переживания себя как главной причины неудач.

Небрежение — это состояние переживания, снятия с себя всякой ответственности за происходящее, стремление отвлечься, забыться, уйти от проблем. Небрежение не является перенесением локуса контроля на других людей, как это исследуется в соответствующей методике оценки локуса контроля. Оно является неким более аморфным, а, следовательно, первичным состоянием, не предполагающим еще анализа причин неудач, определения понятия вины и приурочивания ее к себе или другим. Небрежение есть лишь первичное, «инстинктивное» бегство от проблем, также как самоукорение — это первичная основа конструктивного поведения, переживание себя как стоящего перед лицом сложной ситуации, как включенным в нее, как причины сложностей.

В результате применения методики «Воля» указанные состояния могут образовывать шесть парных циклов:

- уныние — небрежение,
- самоукорение — небрежение,
- самоукорение — уныние,
- отчаяние самоукорение,
- отчаяние — уныние,

- отчаяние — небрежение.

Интерпретация парных волевых циклов основана на образовании волевой установки поведения, ориентированной во времени. Из четырех элементарных, волевых состояний уныние, отчаяние, самоукорение (стыд), небрежение — последние два связаны с пространственной направленностью волевого действия, а именно самоукорение направлено на себя как на центр и причину действования, а небрежение стремится вообще исключить причину из ситуации («пусть будет, что будет»), первые же два ориентируют волевую установку во времени. Так отчаяние связано с неприятием будущего, а уныние с отрицательными переживаниями случившегося в прошлом. В результате образования циклов рождаются разные формы надежды как более сложного чувства, более сложной волевой установки.

(УН) — *надежда: все изменится, я не такой плохой.* Для этого цикла характерно психологическое убегание от себя, прошлого, стремление к тому, чтобы пережить и забыть случившееся.

(СН) — *надежда: все изменится, с кем не бывает.* Для этого типа характерна смена состояний признания причины неудач в себе и отказа от этого признания. В результате, как показывает практика, происходит своеобразный перенос проблем с себя на других, а именно установка «с кем не бывает» оборачивается как бы своей обратной стороной «виноваты другие». Это ведет к небрежению уже интересами и чувствами окружающих, самоукорение же превращается лишь в формальность: я как все, не хуже и не лучше.

(СУ) — *надежда: я изменюсь.* Для этого типа характерно сосредоточение на самокритике с естественной ориентацией возможных изменений себя.

(ОС) — *безнадежность: самобичевание.* Для этого типа характерно выраженное неприятие будущего (отчаяние). В сочетании с самоукорением такой страх или даже безбоязненная уверенность в ухудшении ситуации в

будущем данный цикл может порождать аутоагрессивные установки, асоциальное поведение, пьянство и т.п. По ре-

зультатам наших исследований все сотрудники этого типа оказались уже отнесенными отделом кадров в группу риска за многочисленные нарушения служебной дисциплины.

(ОУ) *надежда: надо потерпеть*. Смена неприятия прошлого и будущего приводит человека в некоторое парадоксальное состояние. Надежда рождается просто потому, что все плохо и будет еще хуже. Но не может же быть так всегда. Установка на терпение как бы ставит человека вне реального прошлого и прогнозируемого будущего.

(ОН) — *безнадежность апатия*. Для этого типа характерно бегство от будущего, чувство, что «опускаются руки».

В разных группах испытуемых частота встречаемости различных циклов различна. Сравнительные данные встречаемости (в процентах) в группах военнослужащих колонии и осужденных приведены в табл. 17 а также на рис. 1 Приложения. Легко видеть, что ведущим типом волевой установки в обеих группах является цикл (УН), характеризующийся сменой состояний уныния и небрежения. Также в обеих группах одинаково редко встречаются циклы, содержащие отчаяние. По всей видимости, такие циклы характерны для людей в крайне тяжелом психологическом состоянии. Наши наблюдения подтверждают это. Так, например, наиболее многочисленную группу военнослужащих среди циклов, содержащих отчаяние, представляет собой цикл (ОС). Анализ характеристик этих людей и их поведения на службе показал, что за исключением единственной женщины все представители этой подгруппы характеризуются неустойчивым поведением, имеют взыскания, были замечены в злоупотреблении алкоголем на службе, имеют семейные и иные психологические проблемы. Различия по частоте встречаемости циклов в указанных группах наблюдаются среди испытуемых, характеризующихся циклами (СП) и (СУ). Оба эти цикла содержат самоукорение и отличаются подключением в цикл разных парных элементов.

Цикл (СН) крайне редко встречается у осужденных и, напротив, является одним из преобладающих у сотрудников (см. рис. 1 Приложения) Наоборот, (СУ) преобладает у осужденных и реже встречается у сотрудников, но здесь различия меньше.

Таблица 12

Частота встречаемости парных циклов волевых состояний в группах осужденных и военных сотрудников колонии строгого режима, в %

Группы испытуемых	(УН)	(СН)	(СУ)	(ОС)	(ОУ)	(ОН)
Военные сотрудники	33	30	12	6	4	1
Осужденные	33	6	25	14	6	1

Как можно предположить из приведенных данных самоукорение у осужденных играет гораздо более сложную роль, чем у сотрудников. Оно, по всей видимости, не может быть поверхностным и не может быть явным. В общем, и целом осужденным не свойственно укорять себя, считать себя виноватыми. Социально принятая среди спец контингента норма это «попался — не попался», а не «виноват — не виноват». В первую очередь это, конечно, относится к нарушениям в колонии, но и к преступлению преобладает отношения самооправдания, а не самоукорения. Следовательно, появления состояния самоукорения у осужденного, а тем более включение его в характерный для личности цикл волевой установки, говорит о том, что такой человек очень серьезно относится к анализу своих поступков, своей личности, готов к личностному росту. Такого рода состояние чаще встречается у людей, тяготеющих к колонийской православной церкви, т.е. имеющих практику покаяния. Именно поэтому, на наш взгляд, сочетание самоукорения с небрежением встречается у осужденных крайне редко. Те, кто всерьез укоряют себя не небрегут своим покаянием, а те, кто избегает всякой ответственности, с небрежением относятся к сложившейся ситуации, не укоряют себя.

Обратная картина наблюдается у сотрудников колонии Цикл (СН) является у них одним из наиболее часто встречающихся наряду с (УЩ). Очевидно, что для этих людей самоукорение является делом гораздо более обычным. Они осознают свои ошибки, понимают, что сами стали причиной сложившейся ситуации. Однако для многих это становится лишь побудителем к снятию с себя ответственности, стремлению убежать от проблем. Самоукорение в данном случае не ведет к серьезному анализу сложившейся ситуации, изменению личности, а соединяется с небрежением, выраженном чаще всего в стремлении отвлечься, успокаивая себя тем, что, мол, с, кем не бывает.

Подобными причинами можно очевидно объяснить и большее число осужденных попадающих в цикл (СУ) и меньшее число таковых среди сотрудников.

Наиболее содержательные интерпретации соотношения волевых циклов с психодинамическими коэффициентами были получены по трем из них: коэффициент дезадаптированности ($K_{да}$ = желтый / синий+черный), коэффициент конструктивности поведения ($K_{кп}$ = черный / синий + зеленый) и коэффициент волевой напряженности ($K_{вн}$ = зеленый / желтый + коричневый).

Напомним, что как в числителе, так и в знаменателе проставляются ранговые места цветов во втором индивидуальном выборе теста Люшера.

Коэффициент конструктивности поведения в области малых значений характерен для людей, переживающих насущную ситуацию как невыносимую, стремящихся уйти от реальности, отрицающих любые

компромиссы и конструктивные решения, неспособных к сотрудничеству. Высокие значения коэффициента характеризуют человека, склонного к мирному, конструктивному решению проблем с помощью осторожных действий, направленного на саморазвитие, стремящегося самостоятельно принимать решения, всячески упрочивать свое положение. В целом коэффициент, видимо, характеризует степень принятия человеком проблем

(при низких значениях убегания от проблем) и способности их конструктивного разрешения. Не случайно в циклах, содержащих состояние небрежение, в обеих группах испытуемых K_{kp} ниже средних оценок (см. рис. 3 Приложения).

Коэффициент волевой напряженности оценивает степень усилий, необходимых человеку для выживания в сложившихся УЖД. Низкие значения коэффициента свидетельствуют о готовности человека к преодолению трудностей, стремлению к самоутверждению, признанию со стороны других, для него характерна разборчивость в социальных связях и отношениях. Все это свидетельствует об отсутствии волевого перенапряжения, способности к действию. Напротив высокие оценки коэффициента характерны для людей, у которых сила воли и сопротивляемость перегружены, преобладает чувство изнуренности, неспособность принимать решения, возможно появления отчаяния, ощущения тупиковости ситуации. Таким образом, степень волевой напряженности, оцениваемая данным коэффициентом, понимается скорее как степень волевой перегруженности человека.

Начнем, однако, наш анализ с наиболее важного с точки зрения экстремальности УЖД коэффициента дезадаптации. На рис. 2 Приложения можно видеть, что $K_{да}$ у осужденных и сотрудников изменяется в зависимости от волевого цикла практически одинаково. Так наиболее часто встречающимся типам (УН), (СН), (СУ) соответствуют в целом более высокие значения $K_{да}$, чем редко встречающимся типам волевых циклов, содержащих состояние отчаяния. Забегая вперед скажем, что тенденция изменения $K_{да}$ в зависимости от частоты встречаемости цикла противоположна той, что была выявлена относительно эмоциональных циклов. А именно здесь среди часто встречающихся циклов, большая дезадаптированность соответствует не наиболее часто встречающемуся, а менее часто встречающемуся типу. Таким образом, в области циклов волевых установок более адаптирован оказывается тот, у кого волевые

установки совпадают с таковыми большей части группы, в которой происходит процесс адаптации. Это и понятно — волевые одинаковые установки порождают взаимопонимание и сплоченность, что, несомненно, является мощным фактором социальной адаптации. Напротив, эмоциональные переживания человека являются частью сокровенного, их похожесть на других, стремление приспособить свою эмоциональную жизнь к принятым стандартам, ведет к ее выхолащиванию, отказу человека от признания реальности собственных переживаний, подавлению своего «Я», что, в конечном счете, является причиной невроза (о чем подробнее в следующем параграфе).

Интересным также представляется следующий вопрос. В чем причина того, что волевые циклы, содержащие состояние отчаяния имеют в целом более низкий Кда, т.е. более адаптированы к УЖД? По всей видимости, ответ надо искать в природе самого состояния отчаяния. Как видно из приведенных данных, человек впадает в отчаяние не по причине дезадаптированности (по крайней мере, в том смысле, в котором мы используем этот термин, см. выше). Отчаяние имеет гораздо более глубокие причины в душевной жизни человека, непосредственно связанные с личной верой, мировоззрением, пониманием смысла прожитой жизни. Само включение в цикл волевых установок состояния отчаяния может, видимо, вести к более адаптивному поведению. Такого человека уже перестают задевать «мелочи жизни», он перестает переживать упреки, замечания, негативные реакции окружающих на его поведение. Так, например, выше уже было сказано о том, что группу (ОС) в нашем исследовании целиком составили лица, имеющие нарушение по службе, и чье поведение дает основание зачислить их в группу риска. Таким образом, адаптация этих людей к существующим УЖД является как бы ложной. Действительно, они хорошо чувствуют себя в коллективе. Они могут больше себе позволить, чем другие члены группы. Некоторые даже могут занимать положение неформального лидера. Однако внутреннее нестроение существует и может

приводить не только к нарушениям дисциплины с последующим увольнением, но и к более тяжелым последствиям с совершением асоциальных действий и суицида. Показателем такого состояния души с точки зрения ее волевой организации могут служить, видимо, существенно низкие относительно средней оценки значения $K_{да}$. Однако, для окончательных выводов психологу, конечно, необходима углубленная психотерапевтическая беседа. Дополнительную информацию о существовании ложной адаптированности могут, на наш взгляд, давать одновременно высокие значения коэффициента конструктивности поведения. Действительно, как видно из рис. циклам, содержащим отчаяние, соответствуют в целом более высокие показатели $K_{кп}$. Особенно это выражено у сотрудников. Показательными также являются значения разности коэффициентов $K_{кп}$ и $K_{да}$, $= K_{кп} - K_{да}$. Как можно видеть для обеих групп испытуемых циклами, содержащим отчаяние, соответствуют более высокие значения разности коэффициентов. По всей видимости, разность коэффициентов, имеющая значение по модулю в пределах от 0,5 до 0,7 может служить сигналом для консультанта к более глубокому анализу таблиц теста Люшера, возможно привлечению дополнительных методов психодиагностики, а главное организации направленной психотерапевтической беседы. В целом же в индивидуальном плане показатель разности (как и низкие значения $K_{да}$) следует использовать с большей осторожностью.

Для массовых же исследований эти показатели могут служить основанием для предположения о преобладании в группе испытуемых ложной адаптированности. При этом необходимо заметить, что возрастание разности коэффициентов более 0,7 уже не позволяет делать выводов только о наличии ложной адаптивности, но требует более детального анализа поведения испытуемых. Так, например, выбор в тесте Люшера, где синий, зеленый и желтый цвета будут занимать первые три позиции, а черный последнюю,

даст максимальное значение разности коэффициентов, однако, вряд ли может говорить о дезадаптированном поведении.

Говоря о коэффициенте конструктивности поведения в целом для обеих групп испытуемых, следует отметить, что Ккп по всем волевым циклам у осужденных выше, чем у сотрудников. Таким образом, конструктивность поведения осужденных в целом выше, чем сотрудников в смысле, сформулированном выше, при описании Ккп. Этот факт, несмотря на его кажущееся неблагоприятное для военнослужащих значение, имеет достаточно простое объяснение. В колонии строгого режима в основной массе содержатся осужденные, судимые не в первый (а чаще всего и не во второй и не в третий раз). По первому сроку в колонии находятся лица, совершившие особо тяжкие преступления. Таким образом, это люди уже хорошо изучившие воровской закон, давно научившиеся себя вести в местах лишения свободы. Это с одной стороны, с другой стороны, нарушение норм поведения, принятых среди осужденных, довольно сурово карается самими осужденными, что иногда является страшнее, чем применение административных взысканий. В тюремных условиях человек волей неволей учится вести себя более конструктивно. Этот факт имеет большое значение для пенитенциарных психологов. Иногда поведение осужденного на приеме кажется весьма неконструктивным. Чаще всего это попытка обмана, представления себя в некотором ином более выгодном в данный момент свете. Обычно осужденный очень хорошо знает, чего он хочет, он давно просчитал все возможные приемы достижения своих целей, в том числе продумал, как использовать психолога. Осужденные очень редко приходят на прием, тщательно не подготовившись. Напротив, нетипичным является именно неконструктивное (в указанном смысле) поведение. Растерянность, действительное (а не изображаемое) непонимание, что ему делать, отказ от выгодных для себя действий. Такое поведение может скорее служить сигналом каких-то личностных нарушений, возможно развития психических отклонений.

Противоположная картина имеет место у сотрудников. Для них (особенно для молодых) характерно отсутствие предварительного плана беседы с тем или иным осужденным, решения часто могут приниматься импульсивно, на основе сиюминутных побуждений. Возникновение сложной ситуации чаще вызывает реакцию избегания. Возникают ситуации, когда трудно собрать силы для написания обычного рапорта, принятия решения по несложному текущему вопросу. Это необходимо учитывать психологам, практикующим в учреждениях УИС. Очень часто обычная помощь по составлению бумаги, просто участие в разговоре с руководством совместно с тем или иным сотрудником оказывается наилучшей психотерапией. В то время как использование какой-нибудь из техник (например, сеанса НЛП) приводит лишь к большему утомлению и дальнейшему снижению конструктивности поведения.

Об этом же говорят и данные распределения значений коэффициента волевой напряженности у сотрудников и осужденных. На рис. 4 Приложения можно видеть, что по всем циклам волевых установок $K_{вн}$ сотрудников выше, чем у осужденных. Следовательно, они более перегружены, всякое действие, всякое решение дается им большей ценой, большими волевыми усилиями. При этом различия особенно велики для преобладающего в обеих группах цикла (УН). Опять же, обращает на себя внимание снижение $K_{вн}$ для циклов, содержащих отчаяние у сотрудников. В то время как у осужденных здесь наблюдается наиболее высокое значение. Эти данные хорошо согласуются с ложной адаптированностью у сотрудников с волевым циклом, содержащим отчаяние. Они уже не тратят лишних волевых усилий, не пытаются что-то улучшить, привыкли к неудачам и нареканиям. Однако в зоне замкнуться в своем отчаянии гораздо сложнее. Такое состояние могут заметить, т.к. человек все время находится на виду, и использовать его против человека в форме различных издевательств, насмешек. Поэтому приходится тратить усилия на то, чтобы скрыть свое состояние.

Таким образом, высокие экстремальные условия УЖД по сравнению с максимально экстремальными требуют от человека, в них находящегося больших усилий по организации своего поведения, адекватного ситуации. Учитывая тот факт, что не все оказываются способны развивать соответствующие волевые усилия, конструктивность поведения следует предполагать более низкой в УЖД с более высокой экстремальностью, что и нашло подтверждение в экспериментальных данных, приведенных в этом параграфе. Практический выход из существующей ситуации заключается, видимо, в том, что подготовка людей к службе или вообще пребыванию в условиях большей экстремальности жизнедеятельности должно быть более глубокой с более развернутой психологической частью. Графическую иллюстрацию данных таблицы 18 можно видеть на рисунках 2,3,4 Приложения.

3.2. Психодинамика эмоциональных состояний личности в экстремальных условиях жизнедеятельности

В данном параграфе мы приводим описание экспериментальных результатов, полученных по тесту «Эмоции». В таблице представлены данные частот встречаемости различных эмоциональных циклов в группах сотрудников и осужденных.

Количество прочих типов составило 21 и 25 процентов соответственно.

Таблица 13

Частота встречаемости разных эмоциональных циклов в группах сотрудников и осужденных (в процентах)

Группы испытуемых	(РП)	(РС)	(ПС)	(РГ)	(ГП)	(ГС)
Сотрудники	36	26	1	6	6	4
Осужденные	39	24	5	3	3	1

На основе консультативных и психотерапевтических бесед с нашими испытуемыми мы предложили следующие условные названия эмоциональных типов, имеющих в своей основе тот или иной эмоциональный цикл.

(РП) — *флегматически уравновешенный*. Для этого типа характерно уравновешенное поведение со сменой состояний радости и грусти (печали). Такие люди обычно ведут себя несколько отстраненно, не склонны поддаваться единому групповому порыву, более рассудительны.

(РС) — *холерически авантюрный*. Для этого типа характерно живое, подвижное поведение, склонность ко всякого рода развлечениям. Такие люди легко увлекаются, они вызывают скорее эмоциональное, чем уважительное отношение.

(ПС) — *депрессивный*. Для этого типа характерно состояние подавленности. В обычных обстоятельствах такие люди склонны к меланхолии, в осложненных — к депрессии. Среди сотрудников этот тип встречается крайне редко, что является, очевидно, следствием профессионального отбора на службу. Однако, такие люди, видимо, лучше всего адаптируются в экстремальных условиях УЖД (см. рис.), скорее всего по правилу «хуже не будет».

(РГ) — *садистски возбудимый*. Для этого типа характерно возбудимо гневливое поведение, которое, однако, не вызывает никакого огорчения. Напротив, гнев сменяется радостью, удовольствием, чувством собственной правоты. В этих случаях гнев может носить защитный характер поддержания завышенной самооценки. Особенно ярко такое поведение проявляется в семье или в отношениях начальник-подчиненный.

(ГП) — *мазохистски возбудимый*. Для этого типа характерны глубокие переживания своего гнева, раскаяние, печаль. Однако, это состояние вновь приводит его в озлобление.

(ГС) — *озлобленно-скрытный*. Для таких людей характерен страх за последствия своей гневливой возбудимости. Он особенно раздражается среди людей, которые не могут оказывать сопротивление, однако, потом все равно боится последствий.

Если обратиться к данным распределения значений коэффициента дезадаптации в группах с различными эмоциональными циклами, то можно видеть, что для обеих групп испытуемых наблюдается повышение коэффициента дезадаптации (см. рис.6 Приложения), однако, у осужденных этот рост неравномерный, имеется пик для цикла (РГ). Этот эмоциональный тип, названный нами «садистски возбудимым», является наиболее дезадаптированным среди осужденных. Гнев как эмоциональное состояние не поощряется в зоне, и возможность порадоваться собственному гневу практически отсутствует. Среди осужденных несправедливо нанесенная обида согласно зональному закону сурово наказывается. Для сотрудников такое поведение, не выходя за рамки дозволенного может, напротив, служить как бы проявлением «твердости характера» в общении с подчиненными или в семье. Такие люди чувствуют себя достаточно хорошо адаптированными, что является в существенной мере ложным чувством. При некотором повышении экстремальности ситуации (неожиданных событий и др.) человек оказывается уже неспособным вести себя адекватно, его дезадаптированность резко возрастает, что мы и видим в группе осужденных (см. рис.6 Приложения).

Противоположные различия имеются для цикла (ГС), который мы назвали «озлобленно скрытный». Таких людей не любят на воле, из-за чего они чувствуют себя более дезадаптированными, напротив, в зоне к ним относятся с пониманием, т.к. считается, что виной всему не «плохой характер», а те обстоятельства, которые привели человека в тюрьму.

Здесь, как и для других циклов, речь, конечно, идет о проявлениях в острых ситуациях, когда эмоции выходят наружу. В обычных же ситуациях циклы составляют лишь фон деятельности и прямо не проявляются в поведении, однако, могут иметь существенное опосредованное влияние. Эмоциональное звено психологической триады является наиболее существенным в процессе адаптации человека к экстремальным УЖД. С целью изучения эмоциональных механизмов адаптации обратимся к сравнительным данным по подгруппам случайной выборки граждан и сотрудников колонии, не работающих непосредственно в зоне, осужденных.

При этом различать условия жизнедеятельности (УЖД) мы будем по степени их экстремальности для человека. Мы обследовали три группы испытуемых, первая из которых представляла собой случайным образом подобранных граждан и может рассматриваться как группа испытуемых, находящихся в обычных УЖД. Вторая группа состояла из сотрудников колонии строгого режима, не работающих непосредственно в зоне. Эта группа объединяет испытуемых, находящихся в УЖД повышенной экстремальности, однако, отстоящей дальше от осужденных, чем в предыдущем исследовании. Этим объясняются и различия в распределениях частот встречаемости эмоциональных циклов. Третья группа состояла из осужденных, находящихся в той же колонии, и может рассматриваться как группа испытуемых, проживающих в максимально экстремальных условиях по сравнению с двумя другими.

В практической деятельности психолога следует рассматривать не только те эмоции, которые составляют циклический тип, но и все остальные переходы, каждый из которых может сигнализировать консультанту о возможных направлениях психотерапевтической беседы. Однако главное внимание, конечно, обращается на те эмоциональные состояния, которые вошли в цикл. Цикл представляет собой реальную психодинамическую составляющую всей жизнедеятельности человека, в то время как

примкнувшие эмоции, по всей видимости, возникают ситуационно и, угасая, переходят в то или иное состояние, входящее в цикл.

Причины того, что преобладающими эмоциональными типами являются (РС) и (РП), пока установить не удалось. Возможно, они носят социокультурный характер, т.е. преобладают исключительно на выборке русских людей, возможно, что обследованные нами категории граждан имеют что-то общее в условиях жизнедеятельности (УЖД). Так или иначе во всех обследованных нами группах от 60 до 70% испытуемых принадлежали к одному из двух указанных типов, т.е. их эмоциональный фон составляла либо циклическая смена радости и печали, либо циклическая смена радости и страха. Другие эмоциональные циклы (иногда состоящие из большого числа эмоциональных составляющих, т.е. трех и четырех) встречались различно у различных испытуемых, так что редко два или три человека имели сходный эмоциональный тип, если только это не был (РП) или (РС). Однако соотношение типов в разных группах было различным.

Из таблицы хорошо видно, что если у случайных граждан преобладающим типом является (РС), то у осужденных преобладающим типом становится (РП). Интересно сравнить соотношение эмоциональных типов у сотрудников и осужденных колонии. Из приведенных данных видно, что тип, преобладающий у сотрудников, напротив оказывается в меньшинстве у осужденных, и наоборот, тип преобладающий у осужденных оказывается в меньшинстве у сотрудников. Соотношение типов у случайных граждан является как бы средним, в то время как в двух указанных группах оно является полярным. Из этого следует, что само соотношение эмоциональных типов в группах с разными УЖД отражает какие-то существенные особенности этих УЖД.

Если сравнить процентное соотношение типов группы руководителей промышленных предприятий, студентов Ленинградского педагогического института и осужденных то у руководителей таковое аналогично соотношению у осужденных с большим преобладанием типа (РП). У

студентов же соотношение типов практически совпадает с таковым у случайных граждан.

Из приведенных данных становится ясным, что соотношения эмоциональных типов в тех или иных группах испытуемых отражают, очевидно, не личностные или поведенческие особенности, а условия жизнедеятельности, точнее экстремальность УЖД. Соотношение типов у случайных граждан, проживающих в разных условиях, по всей видимости, является характерным для групп с меньшей экстремальностью УЖД. Наиболее близким к нему является распределение типов у студентов.

Экстремальность УЖД руководителей в период кризиса промышленного производства в России (1990 год) вполне могла даже превышать таковую у осужденных колонии строгого режима. Что же касается соотношения эмоциональных типов у военных сотрудников, то такое, наверное, характерно для групп со средней экстремальностью УЖД. Итак, результаты сравнения различных групп испытуемых свидетельствуют о том, что соотношение эмоциональных типов в той или иной группе, связанной определенными УЖД, отражает экстремальность этих УЖД. Чтобы еще нагляднее продемонстрировать это, вернемся к трем группам, непосредственно принявшим участие в данном исследовании, а именно случайным вольным гражданам, военным сотрудникам колонии строгого режима и осужденным, отбывающим срок в той же колонии.

Усредненный $K_{да}$ (т.е. независимо от эмоционального типа) приблизительно одинаков во всех трех группах и колеблется вокруг 0,4. Эта цифра, по всей видимости, может рассматриваться как среднее значение $K_{да}$, значения ниже которого мы можем рассматривать как зону адаптированности, а выше — зону низкой адаптированности (высокой дезадаптированности). Для сравнения, $K_{да}$, рассчитанный по усредненному выбору нормы Вальнефера, равен 0.15 (см. ниже). Однако, если мы обратимся к рассмотрению K отдельно в каждом эмоциональном типе, мы

увидим резкие расхождения значений в различных по экстремальности УЖД группах.

Эмоциональный тип радость/страх, который у осужденных встречается достаточно редко, имеет очень низкий коэффициент дезадаптированности, т.е. эти осужденные, по всей видимости, хорошо адаптируются к условиям зоны.

Напротив, у сотрудников, у которых тип радость/страх встречается чаще всех других, его коэффициент дезадаптированности очень высокий, т.е. сотрудники данного эмоционального типа хуже других адаптируются к условиям службы.

Относительно эмоционального типа радость/печаль мы видим в точности противоположную картину. Сотрудники этого типа, у которых он встречается редко, имеют невысокий коэффициент дезадаптированности, т.е. хорошо адаптируются к экстремальным УЖД. Что же касается осужденных, у которых тип радость/печаль встречается чаще всех других, его $K_{да}$ весьма высок, что говорит о том, что осужденные этого типа плохо адаптируются к условиям зоны.

Итак, можно сделать вывод: эмоциональный тип, который чаще другого встречается в группе испытуемых, объединенных определенными УЖД, хуже адаптируется к этим УЖД, чем противоположный эмоциональный тип, который в данной группе встречается реже. Это означает, что к УЖД повышенной экстремальности легче адаптироваться тому человеку, **эмоциональная жизнь которого не похожа на ту, которой придерживается большинство окружающих его соратников.** Проще говоря, если хочешь лучше адаптироваться в условиях повышенной экстремальности, внимай себе и не будь как все.

На первый взгляд этот вывод кажется парадоксальным и противоречащим самому смыслу термина социальная адаптация. Однако следует заметить, что в наших исследованиях мы пользуемся достаточно узким пониманием адаптированности-дезадаптированности. Под

адаптированностью (согласно предложенному коэффициенту) понимается способность в нужный момент взять себя в руки, не расслабляться, пребывая в надежде на лучшее будущее. Напротив, де-адаптированность — это постоянное стремление к покою, разочарование, возможность непредсказуемого и асоциального поведения в сложных ситуациях (см. выше). Именно поэтому $K_{да}$ практически не различается у разных эмоциональных типов среди случайных граждан. Различия возникают только тогда, когда повышается экстремальность УЖД.

С этой точки зрения становится понятным, что хорошо адаптируются к экстремальным условиям именно меньшинство, а большинство адаптируется хуже. Важным также представляется то, что это меньшинство и большинство представлено разными эмоциональными типами, и не просто разными, а у одних хорошо адаптирован именно тот тип, который у других адаптирован плохо и наоборот. Эмоциональный тип радость/страх хуже адаптируется к условиям средней экстремальности и хорошо адаптируется в условиях повышенной экстремальности. Напротив, эмоциональный тип радость/печаль лучше адаптируется в условиях средней экстремальности (на уровне средней нормы) и плохо адаптируется в УЖД повышенной экстремальности. В целом же действует правило, которое мы назвали «закон не будь как все»: тот эмоциональный тип, который преобладает в исследуемой группе адаптируется хуже, чем тот который пребывает в меньшинстве. Этот парадоксальный «закон» работает именно в сфере эмоциональной жизни. В области волевых процессов, как было показано выше, ситуация противоположная: лучше адаптируется тот эмоциональный тип, который преобладает в группе.

3.3. Психодинамика когнитивных состояний личности в экстремальных условиях жизнедеятельности

Как следует из описания метода психодинамической диагностики познавательной сферы личности, приведенного в предыдущей главе, может бы выделено шесть основных парных когнитивных цикла:

- 1) анализ вербальный, анализ невербальный (Ав Ан);
- 2) анализ невербальный, синтез невербальный (Ан Сн);
- 3) анализ вербальный, синтез вербальный (Ав Св);
- 4) анализ невербальный, синтез вербальный (Ав Св);
- 5) анализ вербальный, синтез невербальный (Ав Сн);
- 6) синтез вербальный, синтез невербальный (Св Сн). Можно

следующим образом охарактеризовать эти типы.

(Ав Ан) — *номинатор*, характеризуется сменой вербального и невербального анализа информации. Для человека такого познавательного типа характерна детализированность невербальных представлений об интересующей его ситуации, он тщательно заботится о том, чтобы все виденное и слышанное им нашло место в системе его представлений (невербальный анализ), и чтобы затем было определено, названо, заняло свое место (вербальный анализ). Циклическая смена этих состояний обеспечивает поступательное развитие познавательного процесса, который сводится в данном случае как бы к «раскладыванию по полочкам», каталогизации.

(Ан Сн) — *генерализатор*, характеризуется сменой детализации представлений, собиранию всего виденного и слышанного, конструированием целостной картины ситуации. Для этого типа характерно взаимопроникновение деталей и целостного невербального образа происходящего (о включении и роли вербальных компонентов следует в каждом конкретном индивидуальном случае судить по тому, как присоединяются к циклу оставшиеся два состояния вербального анализа и синтеза).

(АвСв) — *теоретик*, характеризуется четким иерархизированным вербальным представлением ситуации. Он вычленяет главное содержание (вербальный синтез) и стремится проследить отражение главного во всех деталях, которые он может назвать (вербальный анализ). Циклическая смена

указанных состояний обеспечивает поступательное развитие познавательного процесса, который обеспечивает в результате иерархически представленную систему причин и следствий.

(Ан Св) — *иллюстратор*, характеризуется сменой состояния сбора невербальной информации, ее детализации, состоянием синтетического обобщения, проговаривания собственной точки зрения на ситуацию. Невербальный аналитический компонент как бы собирает и перерабатывает информацию, работающую на синтезирование общей точки зрения.

(Ав Сн) — *концептуалист*, характеризуется сменой вербального проговаривания, названия и определения всех деталей и моментов некоторым отстранением и синтетическим представлением ситуации в целом как бы со стороны. Затем вновь происходит возврат к вербальному анализу тех или иных отдельных частей. Примерно так художник продумывает концепцию картины, когда целое синтезируется невербально, а детали (отдельные позы, цвет, лица) анализируются вербально.

(СнСв) — *типизатор*, характеризуется сменой вербализации главного содержания ее невербальным синтетическим представлением. Во всякой возникшей ситуации такой человек сначала невербально вычленяет главные моменты, а затем вербально синтезирует общую картину. Дальнейшее развитие идет уже с поиском невербальных моментов подтверждающих вербализованное представление. Вербальный синтез здесь определяет типы, а невербальный идет от их проявления в окружающей действительности.

На рис. 7 Приложения приведены процентные соотношения частоты встречаемости в группах испытуемых (осужденных и сотрудников) указанных типов когнитивных установок поведения, легко видеть, что частоты встречаемости разных циклов когнитивных состояний практически одинаковы для разных циклов в группах осужденных и сотрудников. Очевидно, частота встречаемости той или иной когнитивной установки не зависит от экстремальности УЖД. Что является отличием от волевых установок и сходным с распределением частот эмоциональных циклов. По

всей видимости, это связано с тем, что и эмоции, и познание, как это было показано во второй части диссертации, гораздо более тесно связаны с индивидуальными, психофизиологическими характеристиками человека, обладающими большой временной устойчивостью в жизни человека. Эмоциональные и когнитивные характеристики, видимо, обладают большей интериндивидуальной изменчивостью, а волевые интраиндивидуальной. Большая зависимость волевых установок от экстремальности УЖД соответствует и логическому смыслу волевых процессов, обеспечивающих ориентацию, целеполагание и принятие решений в различных ситуациях. Соответственно независимость эмоциональной и когнитивной психодинамики от УЖД позволяет человеку сохранить верность себе, сохранить внутреннюю целостность организма в поведении.

Перейдем к анализу численных значений коэффициентов для групп с разными циклами когнитивных установок. На рис. 8 Приложения можно видеть, что значения $K_{да}$ в среднем выше для реже встречающихся циклов, чем для часто встречающихся. Если посчитать средние значения $K_{да}$ для первых трех когнитивных циклов и для других трех то получим для группы сотрудников 0,30 и 0,35, а для осужденных 0,35 и 0,53 соответственно. У осужденных, таким образом, разница средних значений для часто встречающихся и редко встречающихся циклов больше, чем у сотрудников. Также и в целом дезадаптация осужденных выше, чем у сотрудников, особенно для редко встречающихся циклов. Тенденция здесь, следовательно, такая же, как и для волевых циклов, а именно, более дезадаптированы люди с редко встречающимися в группе циклами, т.е. непохожие на всех. В познании, как и в волевой сфере лучше адаптируются люди, которые мыслят как большинство (не в смысле содержания, а в смысле способов мышления, т.е. типа когнитивного цикла). Однако представляется интересным с этой точки зрения резкий спад значения $K_{да}$ для цикла «Концептуалист» (АвСв). Эти люди в обеих группах обладают одним из наименьших значений дезадаптированности. По всей видимости, большая адаптированность таких

людей связана с их сконцентрированностью на собственной концепции поведения и понимания окружающей ситуации, на подчеркивании того, что собственная точка зрения является именно иной (см. бланк вопросов теста), а аналитический вербальный компонент выполняет лишь функцию обеспечения информацией. Здесь, таким образом, мы видим сходство с эмоциональными циклами, встречаемость которых тем меньше, чем ниже дезадаптированность, т.е. вновь проявляется закон адаптации «не будь как все». Однако, картина гораздо более сложная. Очевидно, что в реальной ситуации адаптация человека требует от него и принятия общих способов и средств познания, воли и эмоциональных проявлений. Постоянное противопоставления себя другим, как не такого как все, в конечном счете, приводит к существенной дезадаптации. Однако, выступая вместе со всеми, таким же как все в своих действиях, пониманиях и переживаниях, действительно адаптированным человек становится только тогда, когда вмонтирует в это поведение свою непохожесть, отличность от других, т.е. свою индивидуальность,, На этом, видимо, процесс адаптации и заканчивается, т.к. человек обретает опору на самого себя (см. рис.8 Приложения).

Коэффициент конструктивности поведения по-разному проявляет себя в группах осужденных и сотрудников в зависимости от частот встречаемости когнитивного цикла. Так у сотрудников, чем реже встречается цикл, тем выше конструктивность поведения. У осужденных в целом наблюдается противоположная картина (см. рис. 9 Приложения), если исключить пик Ккп для цикла «Иллюстратор» (Ан Св). Однако, нам представляется, что этот пик имеет, по всей видимости, несколько иные причины. Если обратиться к тексту опросника теста «Познание», то получится, что деятельность людей, принадлежащих к этому циклу, связана (по данному опроснику) с выступлениями на собрании, анализом биографии человека. Такая деятельность в зоне характерна для тех, кто участвует в общественной и рабочей жизни колонии, сотрудничает с администрацией. Естественно, что указанные осужденные вынуждены вести себя предельно конструктивно,

чтобы угодить и осужденным и администрации. И несомненно положительным моментом является то, что коэффициент чувствителен к такого рода моментам. Таким образом, если рассматривать пик Ккп для цикла (АнСв) как артефакт, можно сказать, что тенденции изменения Ккп противоположны в группах осужденных и сотрудников в зависимости от частоты встречаемости когнитивного цикла. Объяснение этого факта следует, видимо, искать в особенностях тех или иных когнитивных циклов. Так можно заметить, что по мере продвижения вправо по порядку представления циклов на рисунках по оси абсцисс (см. рис. 8-14 Приложения) очевидно нарастание выраженности синтетического компонента на фоне сбалансированного вербального и не вербального представления информации. Такого типа познание уже как бы ближе к результативной его фазе. Все три последних типа как бы больше связаны с представлением познанного в сознании, в то время как первые три скорее связаны с поиском информации, ее первичным обобщением, и еще не принятым личностно. Первые три цикла как бы ближе к объекту познания, а вторые три — к субъекту познания, т.е. характерны для личностного познания. Естественно, что последнее достаточно редко встречается в обеих обследованных группах, учитывая уровень образования, характер труда и условия жизнедеятельности. Однако, у сотрудников конструктивность поведения нарастает по мере усложнения психодинамики познания, у осужденных же наоборот. В зоне более конструктивно ведут себя те, кто ограничивается достаточно простыми когнитивными схемами, не выходящими за рамки «раскладывания по полочкам» и невербального обобщения представлений, т.е. накоплением первичного чувственного опыта. Такие люди не вступают в споры, чужды конфликтного поведения, не превозносятся над другими, но умеют постоять на своем, упрочить свое положение. Это почти идеал для поведения в зоне. Личностное знание гораздо более опасно. Оно неизбежно влечет за собой оценки поведения других, и, не соединенное со сформированными моральными установками,

может быть источником конфликтов при такой скупенности людей разных характеров как это имеет место в местах лишения свободы.

Сходная картина значений коэффициентов волевой напряженности, избегания и сопротивляемости в зависимости от когнитивного цикла наблюдается как в группе осужденных, так и сотрудников. Среди осужденных по всем трем коэффициентам вообще наблюдается достаточно низкие их значения, что ведет к отсутствию различий коэффициентов для разных когнитивных циклов (см. рис. 10,11,12 Приложения). Для сотрудников характерно повышение среднего значения указанных коэффициентов и появление различий. Так на всех графиках выделяется два пика. Для цикла «Номинатор» (Ав Ан) и цикла «Иллюстратор» (Ан Св). Коэффициент избегания также имеет высокое значение для цикла «Теоретик» (Ав Св). Сам факт, что у сотрудников больше волевая напряженность, ниже сопротивляемость и больше выражено избегание сложных ситуаций, видимо достаточно понятен, т.к. в отличие от осужденных сотрудники имеют еще и служебные обязанности, выполнение которых является дополнительным стрессогенным фактором. Это, однако, не означает, что их УЖД следует рассматривать как более экстремальные по отношению к таковым осужденных. Экстремальность определяется количеством накладываемых на поведение внешних ограничений, как это было показано выше. Выявленные же факты скорее свидетельствуют о недостаточности подготовки сотрудников к службе в тех условиях экстремальности, в которых они находятся. Что же касается пиков снижения сопротивляемости, волевой напряженности и избегания для циклов «Номинатор» и «Иллюстратор» в группе сотрудников, то здесь, видимо, следует обратить внимание на то общее, что объединяет эти познавательные типы. Очевидно, что как тот, так и другой предъявляют повышенные требования к объемным характеристикам памяти и внимания. Но именно эти функции в настоящее время перегружены у сотрудников любой исправительной колонии, т.к. число осужденных, приходящихся на одного сотрудника,

обычно завышено в два в три раза (по нормам в отряде должно содержаться не более пятидесяти осужденных, реально содержится от 110 до 150). Ясно, что в этой ситуации люди, склонные к невербальному анализу, т.е. собиранию многих деталей, являются особенно перегружены.

Коэффициент дистантности общения в среднем выше у сотрудников, чем у осужденных (см. рис. 13 Приложения), что объясняется, видимо, характером службы: осужденные вынуждены быть более дружественны, а сотрудников к большей дистантности обязывают приказы и положения о службе. Наиболее низкая дистантность в обеих группах наблюдается для цикла «Иллюстратор», что объясняется, видимо, стремлением этих людей не только детально проанализировать (Ан), но и понять ситуацию и другого человека (Св). Напротив, дистантность общения наиболее высока для циклов «Концептуалист» и «Типизатор». Для этих людей характерна сосредоточенность на собственной концепции, на собственном представлении, что может мешать пониманию другим «концептуалистом», и сосредоточенность на поиске типичного, что опять же наносит ущерб живому общению у «Типизатора». Для цикла «Генерализатор (Ан Сн)» характерно наличие существенной разницы между значениями Кдо у осужденных и сотрудников. У сотрудников этот Кдо один из наибольших, у осужденных — один из наименьших. Мы обращаем на это внимание, т.к. только для этого цикла направление изменений коэффициента различно (см. рис. 13 Приложения), в остальном графики параллельны. Аналогичная картина наблюдается и для коэффициента мечтательности и коэффициента дезадаптации (см. рис. 8, 14 Приложения). Таким образом, у осужденных «генерализаторов» наблюдается повышение дистантности общения, повышение мечтательности, повышение дезадаптации. У сотрудников наоборот (см. рис. 13 Приложения) особую роль здесь, наверное, играет невербальный характер анализа и синтеза, входящих в цикл. Остается ответить на вопрос, почему склонные к невербальной генерализации представлений люди в разных по экстремальности УЖД ведут себя

противоположным образом. По всей видимости, между указанными моментами поведения следует предположить некоторую причинную связь. А именно, низкая дистантность общения, большая дружелюбность, возможно, приводит к большей мечтательности, которая просто является следствием лести (неизбежно возникающей при неоправданно сокращенной дистанции общения), что в свою очередь ведет к повышению дезадаптивности. Напротив, более высокая дистантность общения сотрудников (что само по себе объясняется их профессиональными особенностями, о чем было сказано выше) ведет к более низкой мечтательности, т.е. более ясным представлением о своих возможностях, а следовательно, и к большей адаптивности. Тот факт, что эти различия проявляются для цикла, характеризующегося именно преобладанием невербального познания, очевидно связан с тем, что невербальное общение, по определению предполагает сокращение дистанции между общающимися. Сотрудники, однако, в силу своих профессиональных обязанностей вынуждены противодействовать характерному для них когнитивному типу, осужденные же, наоборот, используют все его возможности для организации более дружелюбного общения. Если эти предположения верны, то изменение дистантности общения (например, целенаправленно в сеансе психотерапии) может стать механизмом управления процессом адаптации для людей определенного когнитивного типа. В нашей практике уже встречались такие случаи, когда установление адекватной дистанции общения вело к повышению адаптированности осужденного.

Коэффициент мечтательности в среднем выше у осужденных, чем у сотрудников. Причем разница больше для когнитивных циклов с выраженным синтетическим компонентом (редко встречающихся). Здесь мы видим явное действие условий экстремальности жизнедеятельности: большое количество ограничений, наложенных на поведение человека, очевидно, вынуждает его больше мечтать о себе, о том, чего он делать не может. Аналогично люди в условиях сенсорной депривации начинают

галлюцинировать. Наш опыт психологического консультирования подтверждает, что осужденных отличает существенная неадекватность представлений о себе и о своих возможностях.

Интересным представляется спад Кмечт в обеих группах для цикла «Концептуалист» (Ав Сн). Это, видимо, связано с тем, что развернутая, вербально проработанная и невербально синтетически спаянная концепция происходящего и собственной роли позволяет человеку более реально оценивать свои возможности, спуститься «с небес на землю».

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что когнитивный цикл в существенной мере определяет поведение человека в разных по экстремальности УЖД. Характерно, что различий между значениями для разных циклов предложенных коэффициентов более всего наблюдается именно в области познания.

4. Психологическая триада в психодинамике

В этой главе мы предполагаем, рассмотреть субстанционального деятеля на уровне понимания и работы с текстами. Но предварительно скажем несколько слов об устойчивости психодинамических типов во времени.

Устойчивость психодинамических типов во времени проверялась посредством двух ретестов через 6 месяцев и через 2 года. Было установлено, что через пол-года психодинамический волевой тип сохраняется в среднем у 78% испытуемых, эмоциональный — у 82%, когнитивный — у 64% (различия по группам не существенны). Однако через два года корреляция по большинству циклов отсутствует, что говорит о смене психодинамического типа на промежутках времени больше года. На этом промежутке времени устойчивыми оказались среди волевых циклов. На больших промежутках времени оказались устойчивыми только *садистски-возбудимый* эмоциональный цикл (радость/гнев) и волевые циклы «*надежда: все изменится, с кем не бывает*» (самоукорение/ небрежение) и «*надежда, я*

изменяюсь» (самоукорение/уныние). Гнев, таким образом, однажды вошедши в ведущий цикл глубоко поражает человеческую душу, однако, такая же устойчивость состояния самоукорения (основы покаяния) вселяет надежду на победу над ним.

4.1. Совместные экспериментальные наблюдения психодинамики эмоциональных, волевых и когнитивных процессов

В этом параграфе мы попытаемся совместно проанализировать психодинамические коэффициенты для трех основных сфер поведения, эмоций, воли и познания личности.

Первым информативным показателем была в предыдущих параграфах частота встречаемости того или иного поведенческого цикла. Для каждой сферы поведения существуют часто встречающиеся и редко встречающиеся циклы. Так для эмоций редко встречающимися являются все гнев-содержащие циклы, а также цикл (ПС). Для воли реже встречающимися являются циклы содержащие отчаяние. Для познания редко встречающимися являются циклы с более выраженным синтетическим компонентом на фоне сбалансированного вербально-невербального представления информации. Напрашивается предположение о том, что отчаяние, гнев и синтетичность познания как-то связаны между собой. Однако, статистическая проверка показала, что никакой связи между циклами разных сфер поведения не существует. Мы просчитали коэффициенты сопряженности между встречаемостью циклов в трех сферах поведения, все они оказались практически равны нулю. Человек может предаваться отчаянию и при этом иметь любой эмоциональный и когнитивный цикл. Также гневливый может иметь любой познавательный или волевой цикл. Психодинамика в эмоциональной, волевой и когнитивной сферах совершенно независимы одна от другой. Указанные три области поведенческих характеристик являются совершенно несвязанными между собой модусами личностного поведения. Впрочем, представления ученых о психологической триаде с древности были именно таковы, так что наше утверждение не является новым.

Меньшая или большая частота встречаемости психодинамических циклов объясняется, по всей видимости, некоторыми надличностными причинами. Важно, однако, заметить, что собственно экстремальность УЖД не влияет на частоту встречаемости циклов ни в одной сфере (некоторые различия имеются в области воли, но они имеют более простое и частное объяснение, см. соответствующий параграф). Проще говоря, и в тюрьме и на воле циклы содержащие отчаяние, гнев, с развернутым синтезом в познании одинаково встречаются редко. Наиболее простым объяснением этого является то, что первые два состояния носят непосредственно разрушительный характер для личности человека, что же касается третьего (синтетичности познания), то оно, очевидно, требует больших энергетических затрат, что тоже при отсутствии необходимой организации умственного труда является разрушительным для психики человека. Косвенно это подтверждается значениями коэффициента дезадаптации для осужденных и сотрудников. У первых (большая экстремальность УЖД) для некоторых циклов познания дезадаптация выше (см. рис. 11, 12, 13, 14 Приложения). В более сложных условиях жизнедеятельности развернутое мышление дается большими усилиями и, видимо, ведет к большей дезадаптации.

В целом по коэффициенту дезадаптации наибольшие различия имеются в сфере эмоций, наименьшие в сфере воли. (Характер этих различий проанализирован выше). Это и понятно, изменение экстремальности УЖД мы прежде всего воспринимаем эмоционально. И это может существенно сказываться на конструктивности поведения.

Так у сотрудников коэффициент конструктивности поведения весьма низок именно для часто встречающихся циклов и даже выше для гнев-содержащих циклов (здесь, однако, характерен спад Ккп для садистски-возбуждаемого типа РГ). У осужденных ситуация более обычная, конструктивность поведения выше для часто встречающихся эмоциональных циклов и ниже для гнев-содержащих. Таким образом, высокие, но не

максимальные условия жизнедеятельности могут, при отсутствии соответствующей подготовки, которой в области психологии сотрудникам явно не хватает, приводить к существенному снижению конструктивности поведения. Напротив, максимальные по экстремальности УЖД даже без всякой подготовки, только за счет времени пребывания в данных условиях, ведут к стабилизации высокого Ккп для часто встречающихся эмоциональных типов. В области познания мы видим вполне естественное повышение Ккп у сотрудников для развернутого синтетического мышления и противоположную тенденцию у осужденных, что тоже объяснимо, т.к. инструктивный тип мышления наиболее соответствует условиям лишения свободы и соответственно ведет к повышению Ккп. В области воли интересными представляются существенные различия Ккп для цикла (самоукоренение — уныние). Снижение здесь Ккп у сотрудников говорит о неприемлимости такого типа волевых установок в их среде, а соответственно и сложностях, которые испытывает человек с таким циклом. Высокая конструктивность поведения этого цикла у осужденных говорит о роли раскаивания в поведении осужденных, (см. рис. 3 Приложения).

Следующие три коэффициента, как легко видеть, достаточно близки между собой по смыслу и их можно объединить в одну группу коэффициентов «выживания» в ЭУЖД (речь идет о коэффициенте избегания, коэффициенте сопротивляемости, для которого низкие значения соответствуют большей сопротивляемости, и коэффициенте волевой напряженности). Значения этих коэффициентов в области познания и воли распределяются идентично и свидетельствуют о том, что осужденным свойственна большая сопротивляемость, меньшее избегание сложных ситуаций, причем все это достигается меньшими волевыми усилиями, меньшей волевой напряженностью. Здесь опять же можно сделать вывод о необходимости более развернутой специальной подготовки людей к службе в экстремальных условиях. Здесь же возникает и ответ на возникшее

противоречие. Сотрудники несут ответственность за осужденных, тогда как те нет.

Что же касается эмоциональной сферы, здесь все гораздо интереснее. Графики распределения значений коэффициентов переплетены таким образом, что тот цикл, который лучше выживает в менее экстремальных условиях (на воле) хуже выживает в более экстремальных условиях (в зоне) и наоборот. Причем тот тип, который для сотрудников обладает наиболее высокими показателями по коэффициентам выживания, у осужденных, наоборот, обладает наиболее низкими (см. рис.16, 17,18 Приложения), таким образом, если волевые и когнитивные циклы все одинаково реагируют на изменение экстремальности (имеются лишь внутрискруктурные различия), то эмоциональные циклы реагируют по разному. Из рис. 16, 17, 18 Приложения легко видеть, что у осужденных наилучшими показателями выживания обладают циклы: флегматически уравновешенный (РП) и садистски возбудимый (РГ). Общим для обоих этих циклов является состояние радости. У сотрудников наилучшие показатели имеют место для цикла (ПС) — депрессивный и (ГП) — мазохистски возбудимый, общим состоянием для этих циклов является печаль. В зоне сохранение способности радоваться является, видимо, одним из самых мощных факторов выживания. Сотрудникам же есть о чем печалиться. Важно, однако, что это является не мешающим, а помогающим фактором выживания. Это важно для ведения практической воспитательной и психокоррекционной работы, как с осужденными, так и с сотрудниками. Последних не всегда следует лишать естественной грусти и печали. А с первыми следует строить психокоррекцию не на одной радости, формировать естественную печаль (может быть даже нравственное сокрушение) о прожитой жизни, которая станет основой их выживания на воле. В принципе похожую картину мы наблюдаем и по коэффициенту дистантности общения. И здесь он может быть также отнесен к вышеописанной группе коэффициентов. Следующим в списке анализируемых коэффициентов является коэффициент мечтательности. Как

уже указывалось, высокая мечтательность соответствует высокой неадекватности представлений человека о себе и окружающей ситуации. Чем выше коэффициент, тем больше вероятность того, что человек начнет действовать, исходя из своих неадекватных представлений, т.е. его уже не будут удовлетворять только грезы, он попытается и в жизни увидеть себя тем, кем он не является. С этой точки зрения становится понятным, почему пики Кмечт (см. рис.20 Приложения) имеется для тех циклов, которые не только редко встречаются, но и более всего не соответствуют той ситуации УЖД, в которой находится человек. Таковыми для эмоций является цикл (РГ) у осужденных, цикл (СН) у осужденных, цикл (СУ) у сотрудников (см. рис. 22 Приложения) и цикл (СнСв) в обеих подгруппах (см. рис. 14 Приложения). Причины неприятия людей с указанными психодинамическими циклами уже анализировались ранее, укажем их здесь кратко в сопоставлении со значениями Кмечт. Садистски возбудимый тип (РГ) не приемлется среди осужденных, т.к. является особо опасным при большой скученности людей и максимуме ограниченной свободы. Таких людей называют психами, их могут сторониться, могут и воздействовать на них силой.

Тем более возрастает мечтательность таких людей, т.е. все, что они не могут совершить со всею присущею им страстью, они совершают в своих мечтах и активно ищут ситуацию реализовать их в жизни.

Цикл самоукорение-небрежение неприемлем среди осужденных, т.к. предполагает ложное раскаяние (самоукорение). Над этим смеются, тем более возрастает мечтательность такого человека. Такие люди теперь часто оказываются в первых рядах среди различных сектантов (в сектантских миссиях посещающих зону теперь нет недостатка, православие же пугает таких людей своей церковной дисциплиной и трезвостью оценок поведения).

Цикл самоукорение-уныние, напротив, неприемлем среди сотрудников, т.к. побуждает к раскаянию (а не бегству от него — (СН)), что в бытовом

мышлении предстает как слабость. Соответственно возрастает и мечтательность.

Что же касается синтетического вербально-невербально сбалансированного мышления, то такое не приемлется ни в зоне, ни среди сотрудников. «Шибко умный» говорят о таком человеке (при этом заметим, что сам цикл вовсе не определяет его умственных достижений и возможностей, просто это человек со сформированным мышлением для решения глобальных вопросов).

4.2. Психоидный уровень понимания – психодинамика чтения

С практической точки зрения трудно переоценить роль чтения для формирования личности человека. Контроль над тем, что человек читает, во все времена считался фактическим контролем над всеми его душевными проявлениями. Это хорошо подтверждает история любого тоталитарного режима. Однако возможен и другой подход. Можно исследовать не то, что человек читает (в демократичном обществе такие запреты хотя и существуют — порнография, пропаганда войны и т.п. — но сведены к разумному минимуму), а как он читает. Остановимся кратко на тех теоретических основаниях, которые побуждают нас рассматривать процесс чтения как ведущий в психодинамическом синтезе поведения. Человеку изначально свойственно строить упорядоченные ряды представлений, что собственно и является чтением в широком смысле. Феномены Пиаже, описывающие синкретизм детского интеллекта, с позиции человека читающего могут быть представлены совсем в другом свете. Правила предпочтения ситуации у ребенка другие, чем у взрослого. Но дело даже не в этом. Те правила интеллектуального *прочтения* окружающего мира являются в достаточной мере искусственными, а именно правила только прочтения так называемой научной картины мира. В остальном же (бытовом, повседневном) поведении правила чтения окружающего мира у взрослых остаются такими же, как и у детей. Это было, экспериментально доказано в исследовании Н.А. Подгорецкой. А именно, вне сферы профессиональной деятельности

взрослым свойственны все те же самые феномены, которые Ж. Пиаже связывал с детским, еще не развитым интеллектом (81). Таким образом, понятие *читательское поведение* является гораздо более широким, чем только чтение книг, или пользование библиотеками. Оно охватывает обучение в целом, как частые случаи компьютерное поведение, просмотр телевизора, кинозрительское поведение. Здесь мы ограничимся только исследованием процесса чтения в его узком понимании, т.е. как читательского поведения по отношению к книге. Полагая *человека читающего* главным структурным компонентом всей психодинамики человеческого поведения, в этой главе мы хотели бы представить способы экспериментального исследования этой сферы высшего личностного синтеза. Для того чтобы построить методику психодинамического исследования процесса чтения (см. раздел «психодинамические методы») необходимо было первоначально определиться с исходными состояниями, которые будут образовывать циклы поведения *человека читающего*.

Приведем описания шести основных парных циклов, которые могут быть определены по методы психодинамической диагностики «Чтение»:

(BaOa) — *пассивно-инструктивное чтение*. Для этого типа характерно детализированное, аналитическое отношение к ситуации. Общая картина не представляет интереса. Так читают инструкции, стараясь ничего не упустить, но и не заботясь о том, где, как, кем и для чего была составлена эта инструкция.

(BcOa) — *активно инструктивное*. Для этого типа характерно стремление понять прочитанное в некой более целостной системе представлений.

(BaOc) — *инструктивно-личностное*. Для этого типа характерно формирование целостной картины прочитанного на основе своего личного отношения. Такой человек формирует ответы на возникшие вопросы на основе синтеза понятого. Собственно синтетическое отношение и

предполагает включение личностного, активного начала, анализ же предполагает следование за материалом.

(BcOc) — *сугубо личностное*. Для этого типа характерно преобладание синтетического компонента, личного отношения.

(BaBc) — *концептуально личностное*. Для этого типа характера направленность на диалог с автором, исходя из собственного понимания, собственной концепции прочитанного.

(OaOc) — *дискриптивно-личностное*. Этому типу свойственно опи-

Таблица 14

Распределение частот встречаемости циклов читательского поведения для групп осужденных и сотрудников, в %

Испытуемые (BaOa)	(BcOa)	(BaOc)	(BcOc)	(BaBc)	(OaOc)	
Сотрудники	9	15	9	14	3	6
Осужденные	16	5	21	12	5	5

В таблице и на рис. 25 Приложения представлены распределения частот встречаемости циклов читательского поведения. Можно видеть, что картина здесь более сложная, чем для эмоционального, волевого и когнитивного поведения. В разных по экстремальности УЖД преобладают разные циклы читательского поведения. Так если у сотрудников наиболее часто встречаются циклы (BcOa) — активно инструктивное, и (BcOc) — сугубо-личностное чтение, то у осужденных наиболее часто встречаются циклы (BaOa) — пассивно-инструктивное, и (BaOc) — инструктивно-личностное чтение. Для первых трех циклов и инструктивного чтения, как это можно видеть на рис. 25 приложения, частота встречаемости читательских циклов для групп осужденных и сотрудников находится как бы в противофазе: то, что чаще встречается у сотрудников, реже встречается у осужденных и наоборот (см. также таблицу).

Для личностного чтения (последние три цикла) по частоте встречаемости нет различий. Таким образом, личностное чтение оказывается как

бы над ситуацией также как и воля, познание и эмоции, характерный для человека цикл читательского поведения не обусловлен внешней средой, а формируется, видимо, лишь под влиянием факторов внутриличностного развития. Напротив, человек с инструктивным типом чтения испытывает влияние УЖД относительно того, какой цикл станет для него ведущим. Сравнительный анализ циклов читательского поведения (по вышеописанной методике) позволил построить коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности ($K_{чэ} = \text{фиолетовый} / \text{желтый} + \text{серый}$).

Характерно, что анализ распределения значений этого коэффициента сходен с тем, который имеет место при анализе распределения значений коэффициента мечтательности (см. рис.32 Приложения). Здесь для циклов инструктивного чтения величины значений коэффициента также находятся как бы в противофазе, а именно более редко встречающиеся циклы обладают большей мечтательностью (см. рис. 32 Приложения), более часто встречаемые – меньшей мечтательностью. Объяснить этот факт нам представляется возможным исходя из понимания «человека читающего» как первоосновы духовного строя человека в смысле разъясненным выше. «Человек читающий» — это тот программный блок личность, где формируется (хотя бы и в кодовом, символическом, «программном» виде) вся психодинамика поведения. Соответственно и человек с более «обычным» (часто встречающимся) для окружающих сотоварищей типом чтения обладает и меньшей мечтательностью, т.к. программы его деятельности более знакомы, лучше принимаются. Такой человек не мнит о себе того, чего нет на самом деле, тем более он не склонен, в своих действиях, опираться на мечтания и фантазии. Напротив, человек с редко встречающимся в его подгруппе циклом читательского поведения может испытывать трудности в совместной деятельности т.к. его прочтение ситуации несколько, иное, его программы действий не совсем такие, как у всех. Это приводит к возрастанию мечтательности, которая в этом случае выполняет как бы компенсаторную функцию, по всей видимости, как для часто, так и редко

встречающихся в данной группе инструктивных циклов читательского поведения мечтательность выполняет функцию компенсации недостающего личностного компонента. Все, в чем человек ограничен в своих действиях переносится в область мнимого, в область мечтаний. При этом низкая мечтательность, как уже говорилось выше, предполагает лишь внутреннее, не переходящее на действия и поведение, мнение о себе. Высокая мечтательность чревата возможностью осуществления внешних действий (относительно окружающего социума), основанных на мнимом образе себя, не соответствующим действительности, не совпадающим с мнениями этого социума. Косвенным подтверждением высказанного предположения может так же являться и то, что цикл (BaBc) среди циклов личностного чтения имеет в группе осужденных также высокий показатель коэффициента мечтательности (см. рис.32 Приложения). Очевидно, что человек находящийся в том состоянии читательского поведения, когда анализ и синтез в своем циклическом взаимодействии опирается лишь на вопросное множество, то отсутствующие ответы образуются исключительно в области мечтаний и фантазий.

Что же происходит в области собственно личностного чтения? Здесь похожие явления мы наблюдаем для значений коэффициента дезадаптации (см. рис.26 Приложения). Для всех трех циклов значения коэффициента дезадаптации находятся как бы в противофазе. Читательский тип (BaBc) лучше адаптируется в экстремальных условиях службы на воле (у сотрудников), и хуже адаптируется в зоне. Напротив, циклы (BcOc) и (OaOc) лучше адаптируются в зоне, чем на воле. Это представляется понятным для данных групп испытуемых. Указанные два цикла с выраженным синтетическим личностным компонентом (Oc) лучше адаптируются в зоне, т.к. окружающие признают у них сильную личность. На службе же эти циклы могут приводить (в качестве программных для будущей деятельности и общения) к столкновению с мнением других членов коллектива, в том числе руководства.

Наиболее важным из полученных фактов представляется, видимо, различие в частотах встречаемости циклов инструктивного чтения у сотрудников и осужденных. Это может быть использовано в практике составления инструктивных документов (приказов, распоряжений, инструкций) для лиц, находящихся в разных условиях жизнедеятельности

4.4. Общая психодинамическая оценка поведения по спектру психодинамических коэффициентов

Проведение факторного анализа данных на больших по объему выборках испытуемых, куда входили люди, находящиеся в существенно различных по экстремальности УЖД, например, студенты, случайные граждане, представители разных служб работников колонии (имеющих и не имеющих оружия, работающих в зоне или в штабе и т.п.), работники таможни, малолетние осужденные, осужденные как на облегченных, так и на обычных условиях содержания в колонии строгого режима (в одной выборке), осужденные колонии общего режима, показало, что в таких выборках факторная структура корреляционной матрицы психодинамических коэффициентов устойчиво состоит из трех факторов, а именно, фактор названный нами специфическим распадается на два. С небольшими вариациями в величине факторных нагрузок во всех перечисленных выборках была получена следующая факторная структура. В **первый фактор** во всех выборках с высокими положительными весами входят коэффициент дезадаптации, коэффициент мечтательности и коэффициент активности (обратный коэффициент, который точнее было бы назвать коэффициентом дезактивации, но этот термин уже занят наукой химией). Таким образом, полюса этого фактора представляют людей дезадаптированных (другой полюс — хорошо адаптирующихся), мечтательных, т.е. мнящих о себе того, чего нет на самом деле (другой полюс — стремящихся к самостоятельным и свободным действиям в реальной ситуации), и неспособных к борьбе, отстаиванию своих позиций (другой

полюс — активных, способных к напряженной деятельности). Во **второй фактор** во всех выборках входят с высокими весами коэффициенты **волевой напряженности, избирательности (избегания) и сопротивляемости, с более низким (отрицательным) весом — коэффициент конструктивности поведения**. Высокая конструктивность поведения, очевидно, связана с более низким напряжением, высокой сопротивляемостью, высокой вовлеченностью в происходящее. Другой полюс фактора представляет противоположную картину. **В третий фактор** во всех выборках входит **коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности, коэффициент дистантности общения и иногда коэффициент конфликтности**. При этом низкая дистантность общения соответствует низкой конфликтности (высоким значениям коэффициента, который правильнее было бы называть коэффициентом «аконфликтности») и наоборот. Коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности играет в этом факторе особую роль. Это единственный коэффициент, который практически не имеет корреляционных связей с другими коэффициентами. Однако, как будет показано ниже, тесно связан со статическими личностными свойствами. В частности, имеется сильная корреляционная связь Кчэ с фактором лжи по ММРІ, также с фактором коррекции. Чувственно эстетическое отношение к действительности, таким образом, предполагает формирование целостного образа мира, включающего и новый образ себя. Третий фактор можно рассматривать, исходя из вышеизложенного, как фактор «подачи» человеком самого себя, своей личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. Или как фактор образа себя. Такова общая для всех выборок факторная структура психодинамики поведения. Различия наблюдаются по таким коэффициентам, как Ккп и Кчэ. Так коэффициент конструктивности поведения во всех группах входит в два фактора второй и третий, имея больший вес то в одном, то в другом факторе в зависимости от выборки испытуемых. Очевидно, конструктивность поведения человека имеет более сложную

(двухфакторную) латентную структуру, при этом больший вес в том или ином факторе отражает специфику УЖД той или иной выборки. Так, например, у сотрудников колонии строгого режима факторный вес Ккп выше во втором факторе, что говорит, видимо, о том, что конструктивность поведения в данном случае регулируется в большей степени волевыми свойствами личности. У осужденных, напротив, по второму фактору Ккп имеет меньший (однако значимый) вес, но входит с гораздо большим весом в третий фактор, что говорит о большей эмоциональной регуляции конструктивности поведения, обусловленной формой «подачи» себя, меньшей дистантностью общения, меньшей конфликтностью. Такая же картина имеет место и у работников таможни, что говорит о том, что в их поведении также большую роль играют эмоциональные факторы общения, регулируемые созданным образом «Я».

То, что коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности в разных выборках с большим (отрицательным) весом входит в третий фактор может означать и то, что в этих группах наблюдается склонность к бегству в иллюзорный чувственный мир (низкий Кчэ). Эти люди склонны к более низкой дистантности общения и меньшей конфликтности. Напротив, формирование более критического отношения к реальной действительности (высокий Кчэ) связано с увеличением дистантности общения и повышением конфликтности. Хотя эти связи и не слишком устойчивы.

Итак, основными направлениями психодинамических поведенческих реакций являются познавательные, волевые и эмоциональные модусы поведения, что подтверждается не только теоретически, но и экспериментально. Так в факторной структуре психодинамических коэффициентов первый фактор явно тяготеет к когнитивной ориентации в ситуации, второй к волевому поведению и третий к эмоциональному. Однако, связывать модусы поведения с определенными факторами можно

лишь по преимуществу, имея в виду неразрывность всех трех компонентов в каждом поведенческом акте.

Все матрицы психодинамических коэффициентов по разным подразделениям были подвергнуты также кластерному анализу. В каждом из подразделений при выделении двух кластеров, один из них отличался высоким Кда, низким Ккп, высокими Квн, Кизб, Ксопр, также высокими Кмечти Кчэ. Коэффициент дистантности общения обычно совпадает в разных кластерах.

При проведении интервью с кадровой службой выяснилось, что в описанный кластер практически со 100%-й вероятностью попадают люди, состоящие на учете в отделе кадров в группе риска, т.е. нарушители дисциплины, склонные к злоупотреблению спиртным и т.п. Этот факт свидетельствует о том, что предложенный психодинамический подход позволяет с достаточно высокой точностью выявлять людей, у которых внутренний показатель экстремальности УЖД близок к критическому, и они явно нуждаются в психологической помощи. Своеобразие методики состоит в том, что она позволяет определять как критическое состояние отдельного человека по люшеровскому выбору, так и выявлять целые группы людей в больших коллективах, нуждающихся в психологической помощи.

4.5. Психодинамика переживания ответственности за преступления в местах лишения свободы

Рассмотрение внутреннего переживания ответственности за совершенное преступление предполагает сравнительное исследование разных групп осужденных при сопоставлении данных с контрольной группой граждан, не совершивших уголовно наказуемые деяния. В качестве контрольной группы нами были выбраны сотрудники того же исправительного учреждения по причинам повышенной ответственности, связанной исключительно с характером службы и не обусловленной отягченной совестью. В качестве сравниваемой группы граждан были

выбраны осужденные по тяжелым статьям, предполагающими насилие с нанесением тяжелых телесных повреждений, иногда не совместимых с жизнью. Две группы осужденных можно рассматривать как уравненные в условиях содержания в колонии. Таким образом, различия в спектре психодинамических коэффициентов, приведенные в таблице могут рассматриваться как имеющие сугубо внутри личностные причины.

Статистически значимые различия (<0.01) были выявлены между группами осужденных по всем коэффициентам кроме Кмечт и Кчэ. Таким образом, коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности, смыслообразующий третий фактор «подачи себя», не дает существенных различий. Также и коэффициент мечтательности, отражающий, видимо, общую особенность людей в условиях ограничения свободы жить больше мечтами и иллюзиями, чем реальностью. Между группой сотрудников и группой осужденных за тяжелые преступления имеются значимые различия по Кда, Кмечт, Какт (первый фактор), по Ккп, Кизб и Ксопр (второй фактор). По коэффициентам, входящим в третий фактор различий не выявлено. Это можно объяснить тем, что формы подачи себя в экстремальных УЖД, видимо, не зависят от переживания ответственности, как и от степени экстремальности УЖД. Они являются как бы некоторой «маской», за которой человек может спрятать свое внутреннее состояние. Только в крайних экстремальных случаях «маска» оказывается уже негодной, и человек начинает вести себя измененным образом (не всегда адекватным).

Это состояние существенно влияет на оба фактора реакции на экстремальность как в специфической, так и в неспецифической части. У осужденных за тяжелые преступления низкая адаптивность, неадекватная мечтательность, низкая активность. Также низкой является конструктивность поведения, сопротивляемость стрессогенным воздействиям, повышается напряженность.

Для исследования специфики психодинамики личности осужденных по тяжелым статьям было проведено тестовое обследование личности группы осужденных (40 человек) по методам ММРІ (71 вопрос), ситуативной и личностной тревожности Спилбергера — Ханина, САН (самочувствие, активность, настроение) и тесту Люшера. Для исследования проявления выявленных особенностей в поведении был использован прожективный тест рисования несуществующего животного.

Проведение факторного анализа данных обследования в целом подтверждает гипотезу о глубинных изменениях в психике осужденных за тяжелые преступления. Первым фактором в структуре личности становится фактор «подачи себя» или «маски». В этот фактор с высокими весами входят коэффициент чувственно-эстетического отношения к действительности (0.725), самочувствия (-0.863), настроения (-0.859), с более низкими весами личностные свойства — ситуативная тревожность (0.539), первая (0.538), вторая (0.588), третья (0.637) шкалы ММРІ, а также шкала коррекции (0.541). Факторы неспецифической (Кда — 0.779, Кмечт — 0.839, вегетативный коэффициент Шипоша — 0.733) и специфической реакции на экстремальность (Ккп — 0.857, Кизб — 0.749, Ксопр — 0.860, Кконф — 0.754, Квн — 0.490) не содержат, как и следовало предполагать, личностных свойств. Всего выделено пять факторов. Два оставшихся объединяют с разными весами не вошедшие в уже описанную структуру шкалы ММРІ.

Тот факт, что на первое место по объему объясняемой дисперсии выходит третий фактор «маски», очевидно, означает особую роль этого фактора в структуре личности данной группы осужденных. У лиц, совершивших нетяжелые преступления, на первое место обычно выходит фактор неспецифической реакции на экстремальность. В то время как у сотрудников ИК первым фактором выступает специфическая реакция на экстремальность. Этот последний случай, видимо, и следует считать нормой, что достаточно просто объяснимо. Так если у сотрудников реакция на экстремальность в первую очередь связана с повышением волевого

напряжения, обеспечением конструктивности поведения, что обусловлено повышенной ответственностью несения службы, то у осужденных в среднем ведущую роль играет адаптация (дезадаптация), мечтательность (самооценка) У осужденных по тяжелым статьям ответственность за содеянное приобретает искаженную форму, а именно требует «маски», скрывающей истинное лицо преступника. Таким людям необходимо, прежде всего, как-то себя подать, т.к. они естественно боятся, что 'с ними вообще никто не захочет общаться, хотя и тщательно скрывают это. Этим же, видимо, объясняется и существенное снижение показателя активности в тесте САН. Такие люди просто боятся делать что-либо, как-то себя проявлять. Это подтверждается и характером рисунков в тесте «несуществующее животное». Изображения в большинстве случаев располагаются в небольшой части листа, чаще в углу, изобилуют различными средствами самозащиты, как то зубы когти, острые бивни и т.п. Для дальнейшей проверки того положения, что груз ответственности за содеянное выражается у совершивших тяжкие преступления в большей невротизации, тревожности снижении активности (а затем, как будет показано ниже, и самочувствия, и настроения), был проведен кластерный анализ данных. Мы предположили, что распределение испытуемых на кластеры выделит более тяжкие и более легкие статьи, а следовательно можно будет проследить и динамику психологических изменений личности В целом это предположение подтвердилось.

Анализ психодинамических коэффициентов показал, что в целом по всей группе осужденных наблюдается обычная картина кластеризации испытуемых, которые распались (на уже описанном выше фоне) на две группы. Одна объединяет лиц с высокой дезадаптивностью, низкой конструктивностью поведения, высокой напряженностью, высокой мечтательностью и низкой активностью (1 кластер). Другая группа объединяет лиц с противоположными качествами (2 кластер).

При этом первый кластер характеризовался также и такими признаками, как высокие оценки по шкалам ипохондрии, депрессии и истерии, а также повышенной тревожностью. Именно в эту группу вошли лица, совершившие более тяжелые преступления с элементами особой жестокости. Второй кластер объединил людей, для которых при совершении преступления была характерна так называемая инструментальная агрессия, т.е. необходимая для завершения грабежа. Здесь профиль ММРІ сглажен. Наблюдается существенное повышение настроения и самочувствия. Таким образом, ответственность за совершенные (прежде всего тяжелые) преступления с психодинамической точки предстает перед нами как непосредственная расплата человека за содеянное своей собственной личностью. Нормальная психодинамическая структура разрушается. Защитный третий фактор «подачи себя» выходит на первое место, что приводит к изменению многих личностных свойств. Человек превращается в маску. Депрессивность, подавленность, тревожность, искаженное видение мира (рисуночный тест, из нашей психотерапевтической практики в зоне можно добавить ночные кошмары, мании преследования...) — человек в прямом смысле слова сходит с ума. При этом, чтобы выжить в условиях лишения свободы, все эти переживания нужно тщательно скрывать. Исследуя психодинамику личности, мы получаем возможность управлять изменением психических состояний, превращая переживание ответственности в покаяние и обретение новой личности с нормальной психодинамической структурой.

В заключение этой третьей прикладной части отметим несколько моментов, которые могут быть полезны психологу практику, воспользовавшемуся представленным выше психодинамическим подходом в своей практической работе

1. Предметом прикладной психодинамики является индивидуальная психодинамика личности в различных сферах социокультурного поведения,

прежде всего базовых сфер эмоционального, волевого и когнитивного поведения.

2. Индивидуальная психодинамика представляет из себя ансамбль (пространство) психодинамических циклов состояний. Индивидуальная психодинамика всех базовых сфер личности (воля, эмоции, познание) существенно различна в различных условиях жизнедеятельности.

3. Индивидуальная психодинамика в каждой из сфер личности формирует характерный тип поведения, который может быть адаптивным или неадаптивным в тех или иных условиях жизнедеятельности, в смысле соотнесения его со спиралью субъективного времени.

Заключение

В заключение мы хотели бы расставить некоторые теоретические акценты по всему изложению.

Мы понимаем психическую деятельность как форму существования человека – личности – субстанционального деятеля – психоида. Элементарный психоид есть далее неделимый интуитивно-деятельностный элемент. Дальнейшая делимость-неделимость психоида на составляющие зависит от уровня обобщения и постановки задач исследования. Таким образом, в каких то рассматриваниях элементарными психоидами могут выступать довольно сложные субстанциональные деятели. Именно таков уровень личностных свойств, которые с психодинамической точки зрения выступают как отдельные субстанциональные деятели – психоиды. Множество психоидов с отношением толерантности заданным над ним, которое формирует все множество связей психоидов друг с другом в единой голографической структуре субстанционального деятеля, есть субъективное пространство отражения.

Психоид не противостоит объекту и не отражает его, а включает его в себя как свой внешний план. Внутри психоида, между внешним и внутренним планом происходит постоянный обмен душевным теплом.

Учитывая связность психоидов в толерантной структуре субстанционального деятеля – личности, легко построить от любого обмена душевным теплом внутри отдельного психоида между его внешним и внутренним планом целостный обмен душевным теплом личности и среды и человека и внешнего мира. На этом уровне субстанционального деятеля Н.О.Лосский предполагал полное единство человека и мира, которое является, на наш взгляд идеальной точкой равенства душевного тепла, вообще существующего в Мире и Личности, недостижимой отдельным субстанциональным деятелем, но являющейся ее предельной целью. К этой цели существуют тепловые ступени. Это катарсические точки ежедневных достижений. И тот уровень душевного тепла, на котором достигается катарсическое равенство (см. *interesse* и дневной цикл волевого двигателя), есть уровень духовных достижений человека.

Работа волевого двигателя может быть изучена экспериментально, что мы показали в соответствующей части книги, а также использоваться в практической деятельности в психологической помощи и работе.

Весьма сложным является вопрос об измерении душевного тепла, и пока оно возможно только по косвенным показателям. Впрочем, и физическая температура тоже измеряется по косвенным показателям. Например, по длине ртутного столбика.

Предложенная концепция предполагает некоторое смещение акцентов и в диагностике психических свойств и в их экспериментальных исследованиях. Так большое внимание уделяется тому, что в классической экспериментальной психологии являлось артефактом. Если подойти к этому с другой стороны, то легко видеть, что экспериментальные массивы статической психологии содержат огромное количество оставленных без внимания (арте)фактов, которые при психодинамическом их рассмотрении могут заложить прочный эмпирический фундамент экспериментальной психодинамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Личностная регуляция времени // Психология личности. М., 2000.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1960.
3. Ананьев Б. Г. Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Вып. 2. Л., 1967.
4. Ананьев Б.Г. Нормирование одаренности // Склонности и способности. Л., 1962.
5. Ананьев Б.Г., Дворяшина М.Д., Кудрявцева Н.А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., 1968.
6. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
7. АнастасиА. Психологическое тестирование. М., 1980.
8. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
9. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991.
10. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.
11. Ассаджиоли Р. Психология Психосинтеза: семь основных типов личности. Духовное развития и нервные расстройства. М., 1995.
12. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М. Прогресс. 1974. 392 с.
13. Баром Д.П. Учебные и профессиональные интересы восьмиклассников с различными особенностями познавательных интересов // Вопросы психологии. 1964. № 2
14. Берков В.Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972.
15. Берковиц Л. Агрессия. Причины, последствия и контроль. М., 2001.

16. Белнап Н., Стил Т. Логика вопросов и ответов. М., 1981.
17. Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
18. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
19. В.В.Бойко Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других – М.: Информационно-издательский дом «Филинь». 1996 – 472 с.
20. Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
21. Бурлачук Л. Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т.23. № 1. Бэр Г. Техническая термодинамика. М. 1973
22. Бэр Г. Техническая термодинамика. М. 1973
23. Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал, 1995. Т. 16. №3.
24. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М. и-во «Смысл». 1998 54.
25. Вернон Вульф ХОЛОДИНАМИКА. Как развивать и управлять своей внутренней личностной силой. М.
26. Винер Н. Кибернетика. М., 1983.
27. Воеводин В.В. Линейная алгебра. М., 1980.
28. Вудворте Р. Экспериментальная психология. М.: Изд-во ин. литературы, 1950.
29. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1983.
30. Гальперин П.Я. Основные результаты исследований по проблеме «Нормирование умственных действий и понятий». М., 1965.
31. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
32. Гегель Г. Наука логики. Собрание сочинений: В 2 т. М., 1971.
33. Гингер С. Гештальт: искусство контакта. М., 2002.

34. Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
35. Горбов Ф.Д., Лебедев В.И. Психоневрологические аспекты труда операторов. М., 1975
36. Гроф С. и др. Внутреннее пространство. М., 1996.
37. Дриш Г. Витализм. Его история и система. М., "Наука", 1995
38. Джек Даунинг, Роберт Марморштейн Сны и кошмары. Истории из практики гештальттерапевта. М.2001.
39. Дружинин В.Н. Психология общих способностей Спб., 1999.
40. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. Учебник. Спб., 2000.
41. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986.
42. Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986.
43. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. №3. С. 104-114.
44. Зоммерфельд А. Термодинамика и статистическая физика. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 480 с.
45. Зорич В.А. Математический анализ. М., 1984.
46. Изард К.Е. Эмоции человека. М., 1960.
47. Ительсон Л.В. Лекции по современным проблемам психологии обучения. Владимир, 1972
48. Карен Хорни Самоанализ М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002
49. Кирильченко А.А. Ядра и классы видимости в задачах информационного обеспечения мобильных роботов //М.: Ин-т прикл. матем. им. М.В.Келдыша АН СССР, 1988, N 181, 24 с.
50. Кликс Ф. Проблемы психофизики восприятия пространства М 1965

51. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань 1969
52. Ковалев А.Г., Мясищев В.Н. Психические особенности человека: В 2 т. Л., 1957-1960.
53. Коул М. Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997.
54. Кошелев М.И. Социальный экстремум. М., 2000.
55. Кроник А.А., Головаха Е.И. Психологический возраст личности // Психологический журнал, 1983. Т.4. №5. С. 57-65.
56. Крягжде СП. Психология формирования профессиональных интересов. Вильнюс, 1981.
57. Кулюткин Ю.Н., Сухобская Г. С. Индивидуальные различия в мыслительной деятельности взрослых. М., 1971.
58. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. М., 1997.
59. Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М., 1989.
60. Лебедева Н.М. Иванова Е.А. Путешествие в гештальт. Спб. Речь. 2005
61. Леонтьев А.Н. Избранные произведения: В 2 т. М., 1983.
62. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1993.
63. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
64. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1998.
65. Лосский Н. О. Современный витализм. — Диалог. Карнавал. Хронотоп. — Витебск, 1993. — № 2–3. — С. 142.
66. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. М., 1998.
67. Лосский Н.О. Чувственная интеллигенция и мистическая интуиция. Спб 1938

68. Люшер Макс Сигналы личности: ролевые игры и их мотивы. Воронеж: НПО „МОДЭК“, 1995. — 176 с.
69. Люшер Макс Цветовой тест Люшера. Спб 2006. с.190
70. Мерлин В.С. Вопросы теории темперамента. Пермь, 1974.
71. Мерлин В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Пермь, 1971.
72. Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва-Воронеж, 1995.
73. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
74. Найссер У. Познание и реальность. М., 1981.
75. Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.
76. Нэнси Мак Вильямс Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М. и-во Независимая фирма Класс. 2001. 480 с.
77. Осипов А.И. Самоорганизация и хаос. М.: Знание, 1986. 64 с.
78. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. М., 1952.
79. Палей А. И. Модальностная структура эмоциональности и когнитивный стиль // Вопросы психологии. 1982. №2.
80. Петренко В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). Смоленск, 1997.
81. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969.
82. Ф.Перлз «Практика гештальт-терапии» М. 2004.
83. Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и Ресоциализация. М. Пер Сэ. 2004.
84. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.
85. Подсознание террориста. Под. ред. Д.В.Сочивко М. Пер Сэ. 2006.

86. «Психоаналитические термины и понятия» под ред. Б. Мура и Б. Фаина. М.
87. Принцип системности в психологических исследованиях. М., 1990.
88. Пригожин И. От существующего к возникающему. М., Мир, 1985
89. Пригожин И. Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.
90. Протоиерей Михаил Дронов. Талант общения. Дейл Карнеги или АвваДорофей. М., 1998.
91. Подгорецкая И.А. Изучение приемов логического мышления у взрослых. М., 1980.
92. Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962.
93. Романов В.В. Юридическая психология. М.1998.
94. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М., 1929.
95. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1989.
96. Русалов В.М. Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности // Психология личности. Хрестоматия. М., 2000.
97. В.Райх Анализ личности М.: «КСП+»; СПб.: «ЮВЕНТА», 1999
98. Самарин Ю.А. Очерки психологии ума. Особенности умственной деятельности школьников. М., 1962.
99. Сачков В.Н. Введение в комбинаторные методы дискретной математики. М., 1982.
100. Симонов П.В. Потребностноинформационная теория эмоций // Вопросы психологии. 1982, №6, с.44-56
101. Серов Н.В. Цвет культуры Спб 2004. с.672
102. Сеченов И.М. Избранные произведения: В 2 т. М., 1952-1956.

103. Л.Н.Собчик Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. МЦВ – метод цветowych выборов. Спб. Речь. 2001
104. Солсо Р. Когнитивная психология М., 1996.
105. Сочивко Д.В. Психодинамическая диагностика личности в разных по экстремальности условиях жизнедеятельности //Прикладная психология. 2001. № 2.
106. Сочивко Д.В.Белокуров Г.И. Психодинамика личности осужденного за террористическую деятельность //Психодинамика личности в правовом поле уголовно-исполнительной системы. Психодинамические исследования. Вып. 1.Под.ред А.Я.Гришко, Д.В.Сочивко. с. 224-243
107. Сочивко Д.В., Красикова Ю.Ю. Психодинамика поведенческих изменений личности сотрудников спецподразделений в период выполнения служебно-боевых задач //Психодинамика личности в правовом поле уголовно-исполнительной системы. Психодинамические исследования. Вып. 1.Под.ред А.Я.Гришко, Д.В.Сочивко. с. 244-250
108. Сочивко Д. В., Якунин В.А. Математические модели в психолого-педагогических исследованиях. Л., 1988.
109. Сочивко Д.В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. М., 2002.
110. Сочивко Д.В. Психодинамика. М. Пер Сэ. 2003.
111. Теплов Б.М. Избранные труды: в 2-х т. М., 1998.
112. Трансцендентальная антропология и логика. Калининград, 2000.
113. Фрейд Зигмунд Толкование сновидений. М.
114. Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М., 1966.
115. Холодная М.А. Психология интеллекта. М., 1996.

116. Холодная М.А. Когнитивные стили. Психология индивидуального ума. М., 2002.
117. Холодный Ю. И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // «Вестник криминалистики», 2005. № 2(14). с. 47-57
118. Шадриков В.Д. Духовные способности. Спб., 1997.
119. Шарден П. Феномен человека. М., Прогресс, 1987
120. Шредингер Э. Что такое жизнь с точки зрения физики. М., Наука, 1972
121. Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971.
122. Этнорелигиозный терроризм. Под. Ред. Ю.М.Антояна. М. 2006.
123. Юнг К. Душа и миф. Шесть типов. М., 1997.
124. Юнг К. Ответ Иову. М., 1995.
125. Юнг К. Психология и алхимия. М., 1997.
126. Brown, J. Freud and the Postfreudians. London: Penguin, 1961.
127. Fraisse P. Visual perceptive simultaneity and masking of letters successively presented// Perception and Psychophysics. 1966. Vol. 1. P. 285-287.
128. Fraiss P. Parameters of visual simultaneity and a metacontrast and paracontrast of successively presented letters // Perception and Psycho-physics. 1971. Vol. 10. P. 185-188.
129. Fraisse P. The Psychology of time. London, 1964.
130. Gardner R. W., Holzman P.S., Klein G.S., Linton H.B., Spence D.P. Cognitive control: a study of individual consistencies in cognitive behavior // Psychol. Issues. 1959. Vol. 1. № 4. P. 1-117.
131. Gardner R.W.. LongR.I. Cognitive controls of attention and inhibition. A study of individual consistencies // British J. Psychol. 1962. Vol. 53. P. 381-388.

132. Gardner R. W., Schoen R.A. Differentiation and abstraction in concept formation // Psychol. Monographs. 1962. Vol. 76. № 41.
133. Godwin M. Reliability, validity and utility of extant serial murderer classifications // The Criminologist, 1998. Vol. 23
134. Gudjonsson G.H., Howard L.R.C. Forensic Psychology. A guide to practice. London; New York: Routledge, 1998.
135. Hare R. Psychopaths and their nature: Implications for the mental health and criminal justice systems//T. Millon, E. Simonsen, M. Birket-Smith, R. Davis (Eds.). Psychopathy: Antisocial, criminal, and violent. New York: Guilford. Behaviour, 1998. P. 188-214.
136. Jackson J.L., Bekerian D.A. Offender profiling: theory, research and practice. New York: John Wiley & Sons, 1997.
137. Kagan J., Moss HA., Sigel I.E. Psychological significance of styles of conceptualization. // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1963. Vol. P. 73-112.
138. Knight R.A., Warren I.J., Reboussin R., Soley B.U. Predicting rapist type from crime scene variables // Criminal Justice and Behavior. 1999. Vol. 25(1). P. 46-80.
139. Lamontagne J. Presentation de divers models theoriques // Diagnostic et prognostic differentiels de l'etat dangereux et traitement de la delinquance juvenile/Montreal, 1974.
140. Lichtenstein M. Phenomenal simultaneity with irregular timing of components of the visual stimulus // Perceptual and motor skills. 1961. Vol. 12. P. 47-66.
141. Gibon J., Rutschman R. Temporal order judgement and reaction time // Science. 1969. Vol. 165. P. 413-415.
142. Kristofferson A.B. A quantal step function in duration discrimination. // Perception and psychophysics. 1980. Vol. 27. № 4.

143. Magnusson D. A psychology of situations // Toward a psychology of situations. An interactional perspective. Erlbaum, 1981.
144. Ornstein R.E. On the experience of time. N.Y., 1969.
145. Wells G.L., Small M., Penrod S., Malpass R.S., Fulero S.M, Brimacombe C.A.E. Eyewitness identification procedures: Recommendations for lineups and photospreads // Law and Human behavior. 1998. Vol. 22. P. 603-647.
146. Wilson P., Lincoln R. and Kocsis R. Validity, utility and ethics of profiling for serial violent and sexual offenders // Journal of Psychiatry, Psychology and Law. 1997. Vol. 4. P. 1-12.
147. Witkin H.A., Lewis H. B. et al. Personality differentiation. Studies of development. N.Y., 1974
148. Witkin H.A., Goodenough D.R. Cognitive styles: ... Field dependence and field independence. N.Y., 1982.